

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (91)

Гуманитарные науки

2015

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 1/87 от 18.11.2013 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор А.В. РОГАЧЁВ, д-р хим.
наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук,
проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 1/87 dated 18.11.2013)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief A.V. Rogachev, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2015, № 4 (91) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бабков А.М. Деятельность Главэваказапа в Беларуси по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой и польско-советской войн летом–осенью 1920 г.	5
Бахир Ю.Н. Деятельность Общества Красного Креста БССР по улучшению санитарного состояния населённых пунктов республики в конце 1943–1991 гг.	11
Бойко Н.А. Влияние белорусской колонизации на топонимику Черниговщины в исследованиях Ю.С. Виноградского	15
Ворон В.П. Развитие внешкольного сельскохозяйственного просвещения на территории Украины во второй половине XIX – начале XX ст.	21
Воронец А.А. Политика кабинетов М. Тэтчер в сфере школьного образования.....	26
Ганчар У.А. Эвалюцыя практыкі варажбы ў знахарстве Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст.	32
Елизаров С.А. Система организации власти и управления Гомельской губернии в 1919–1921 гг.....	37
Корень Е.В. Инновационные и консервативные тенденции в умонастроениях русской интеллигенции в исторической ретроспективе.....	42
Лебедев А.Д. Советские органы власти и старообрядческое население Гомельщины (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.).....	49
Надольская В.В. Создание и деятельность Евро-Азиатского регионального отделения Международного совета архивов	53
Попель Р.І. Сеч, Вільня і Кракаў: ранні этап узаемаадносін украінскага казацтва і дзяржаўнай улады.....	58
Савченко Н.М. Конституционные реформы в Итальянской Республике	62
Самонова М.Н. Полоцк в русско-скандинавских связях IX–XIII вв.(по материалам древнескандинавских источников)	69
Страленя А.А. Историкография изучения деятельности земских начальников на территории Беларуси в конце XIX – начале XX вв.	76
Ярковая С.В. Историкография вопроса возникновения и становления женского движения... ..	82
Ященко О.Г. Интерьеры жилья горожан Беларуси конца XIX – начала XX вв.....	89

ФИЛОЛОГИЯ

Афанасьев И.Н. <i>Парадигмы Юрия Борева (к 90-летию со дня рождения теоретика культуры)</i>	95
Гречаникова Е.Л. <i>Военная проза 1980-х гг. в условиях новой социокультурной ситуации: к вопросу о цензуре в советской литературе (на примере двух вариантов повести В. Астафьева «Пастух и пастушка»)</i>	99
Лисова А.Б. <i>Сочетаемость интенсификаторов с оценочными лексемами в разных типах диалогического дискурса</i>	106
Навасельцава Г.В. <i>Мастацкае ўвасабленне гісторыі ў творчасці пісьменнікаў 1920–1950-х гг.</i>	110
Николаенко С.В. <i>Ценности в социокультурных исследованиях</i>	115
Савеленко Л.Н. <i>Эстетика творчества украинской поэтессы Оксаны Забужко</i>	119
Сивакова Н.А. <i>Метод устной истории и литературные эксперименты</i>	123
Трофимова А.С., Борисенко Т.И., Неврева М.Н. <i>Правомерность введения текстов формул изобретений (патентов) в юридический дискурс</i>	128
Хазанава К.Л. <i>Жывёльны свет і асабістае жыццё чалавека ў прыкметах і павер'ях каляндарнай абраднасці беларусаў</i>	133
Хорсун І.А. <i>Юрка Гаўрук – перакладчык санетаў Шэкспіра</i>	137
Храбан Т.Е. <i>Влияние степени абстракции на выбор методологической основы изучения концепта</i>	141
Цімашэнка Н.П. <i>Беларускія парэміі са структурай складаназалежнага сказа</i>	145
Цыбакова С.Б. <i>Дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек» у аповесці А. Бароўскага «Замалі мой грэх»</i>	149
Чалова О.Н. <i>Инвариантные и переменные характеристики научной дискуссии</i>	153

ФИЛОСОФИЯ

Одиноченко В.А. <i>Беларусь с точки зрения теории локальных цивилизаций: интерпретация современной Русской православной церкви</i>	158
Сиротко Н.О. <i>Концепция устойчивого развития в контексте историософии</i>	163
Степанюк В.К. <i>Политическая культура современного общества и инновационное развитие</i>	167

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel state university

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year

Published since 1999

• 2015, № 4 (91) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

A.M. Babkov. <i>Activities of Western main evacuation office in Belarus according to the return of refugees and the prisoners of the First World War and Polish-Soviet war during summer and autumn of 1920</i>	5
Y.N. Bahir. <i>Activities of the Red Cross Society of BSSR to improve the sanitary condition of settlements in the period from 1943 to 1991 and the elimination of the consequences of the Chernobyl accident</i>	11
N.A. Boyko. <i>The impact of the Belarusian colonization on the toponymy of Chernigov region in the studies of Y.S. Vinogradsky</i>	15
V.P. Voron. <i>The development of out-of-school forms of agricultural enlightenment on the territory of Ukraine in the second half of the 19th century – the first half of the 20th century</i>	21
A.A. Voronets. <i>Policy of the Cabinet of Margaret Thatcher in the field of school education</i> ...	26
V.A. Gonchar. <i>The evolution of practices of divination in witch-doctorship of Belarusian Polesie in the twentieth century – the beginning of the twenty – first century</i>	32
S.A. Yelizarau. <i>The system of organization of power and control in the Gomel province in 1919–1921</i>	37
E.V. Koren. <i>Innovative and conservative trends in the mentality of the Russian intelligentsia in historical retrospective</i>	42
A.D. Lebedev. <i>Soviet authorities and the Old Believers population of Gomel (the second half of the 1940s–1960s.)</i>	49
V.V. Nadolskaya. <i>Establishment and operation of the Euro-Asian Regional Branch of the International Council on Archives</i>	53
R.I. Popel. <i>Sich, Vilna and Krakow: early stage of mutual relations of Ukrainian Cossacks and the state power</i>	58
N.M. Savchenko. <i>Constitutional Reforms in the Republic of Italy</i>	62
M.N. Samonova. <i>Polotsk in the Russian-Nordic relations of the IX–XIII centuries (based on the Norse sources)</i>	69
A.A. Stralenya. <i>The historiography of the study of the activities of rural chiefs in Belarus at the end of XIX – early XX centuries</i>	76
S.V. Yarkovaya. <i>The historiography of the issue of occurrence and formation of the women's movement</i>	82
O.G. Yashchenko. <i>The interiors of dwelling of townspeople of Belarus at the end of the XIX – at the beginning of the XX century</i>	89

PHILOLOGY

I.N. Afanasyev. <i>Paradigms of Yuri Borev (on the 90th anniversary of cultural theorist)</i>	95
E.L. Grechanikova. <i>Military prose of the 1980s in the new socio-cultural situation: the issue of censorship in the Soviet literature (on the example of two versions of the story by V. Astafyev «Shepherd and Shepherdess»)</i>	99
A.B. Lisava. <i>Compatibility of intensifiers with evaluative words in different types of dialogical discourse</i>	106
G.V. Navaseltsava. <i>Artistic expression of the history in the works of writers in 1920–1950</i>	110
S.V. Nikolaenko. <i>Values in socio-cultural studies</i>	115
L.N. Savelenko. <i>Aesthetics of the creativity of the Ukrainian poetess Oksana Zabuzhko</i>	119
N.A. Sivakova. <i>The method of oral history and literary experiments</i>	123
A.S. Trofimova, T.I. Borisenko, M.N. Nevreva. <i>The legitimacy of the introduction of the texts of the Claims invention (patents) in legal discourse</i>	128
K.L. Hazanova. <i>Fauna and privacy rights in signs and beliefs of calendar rituals of Belarusians</i>	133
I.A. Horsun. <i>Yurka Gauruk as translator of Shakespeare’s sonnets</i>	137
T.E. Hraban. <i>Effect of the degree of abstraction in the range of methodological foundations for the study of the concept</i>	141
N.P. Timoshenko. <i>Belarusian paremias with the structure of the complex sentence</i>	145
S.B. Tsybakova. <i>The dichotomy of «Old Man – New Man» in the novel by Alexander Borovsky «Pray for my sin»</i>	149
O.N. Chalova. <i>Invariable and changeable characteristics of scientific discussions</i>	153

PHILOSOPHY

V.A. Odinochenko. <i>Belarus from the point of view of the theory of local civilizations: interpretation of modern Russian Orthodox Church</i>	158
N.O. Sirotko. <i>The concept of sustainable development in the context of the historiosophy</i>	163
V.K. Stepanyuk. <i>The political culture of modern society and innovative development</i>	167

История

УДК 94(476):314.151–054.73"192"

Деятельность Главэвакзапа в Беларуси по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой и польско-советской войн летом–осенью 1920 г.

А.М. БАБКОВ

Главэвакзап являлся региональным исполнительно-распорядительным органом Центроэвака НКВД РСФСР на территории Беларуси. Он осуществлял руководство деятельностью эвакуов в Минске, Борисове, Молодечно, Барановичах и других пунктах. В сложных прифронтовых условиях эвакуационные органы советской Беларуси оказали жилищную, продовольственную, медико-санитарную помощь беженцам, военнопленным Первой мировой и польско-советской войн, другим категориям пострадавшего населения. Основная их масса была реэвакуирована в Западную Беларусь, Литву и Латвию.

Ключевые слова: беженцы, военнопленные, реэвакуация, Главэвакзап, уездные эвакуы, Беларусь, Прибалтийские страны.

Glavevakzap was a regional executive and administrative body of Central evacuation office of the People's Committee of Internal Affairs of the RSFSR on the territory of Belarus. This organization provided leadership of the evacuation office activity in Minsk, Borisov, Molodechno, Baranovichi and other settlements. In difficult front-line conditions, the evacuation authorities of Soviet Belarus rendered support in housing, food and health care to refugees, prisoners of World War I and the Polish-Soviet war and the other categories of the affected population. Most of these people were re-evacuated to Western Belarus, Lithuania and Latvia.

Keywords: refugees, prisoners of war, re-evacuation, Western main evacuation office, regional evacuation office, Belarus, Baltic countries.

В результате наступления Красной Армии на Западном фронте в июле 1920 г. от польских войск была освобождена территория Беларуси. 31 июля 1920 г. в Минске произошло второе провозглашение ССРБ, повсеместно создавались ревкомы. В сентябре в состав ССРБ входило 18 уездов. Причем, свои властные полномочия Ревком ССРБ распространял также на Гродненский, Лидский и Ошмянский уезды, отошедшие к Литве по мирному договору с РСФСР от 12 июля 1920 г.

В Беларусь устремилась стихийная масса беженцев и военнопленных Первой мировой, польско-советской войн и другие категории населения, которые стремились быстрее возвратиться на места своего довоенного проживания. Основная их масса направлялась в Западную Беларусь, Польшу, Прибалтийские республики. В связи с расширением территории перемещения беженцев и военнопленных, а также увеличением контингентов обслуживаемого населения в западной полосе Центроэваком НКВД РСФСР по согласованию с советскими органами Беларуси их реэвакуация возлагалась на управление Главноуполномоченного в Западной области (Главэвакзап) во главе с Л.И. Розенгаузом. Последний отмечал, что «продвижение Красной Армии и постепенное очищение от польской армии территории Белоруссии вызвали необходимость распространить деятельность Главэвака на ее территорию» [1, л. 88]. Сосредоточение работы всего дела по реэвакуации беженцев и военнопленных в руках Центроэвака НКВД РСФСР явилось следствием оформления военно-экономического союза между РСФСР и другими советскими республиками, а также финансово-экономических и транспортных трудностей.

Для осуществления организационной работы по возобновлению деятельности эвакуов, прекративших функционирование и открытию на освобожденной территории новых эвакуов, в середине июля 1920 г. управление Главэвакуапереехало из Орши в Минск, где оно временно находилось в связи с оккупацией польскими войсками города. По согласованию с жилотделом губисполкома, учреждения Главэвакуаперее совместно с Минским губэвакуо разместились в прежнем здании по ул. Захарьевской, дом 16. Отдельный этаж помещения был отведен для комиссии штаба Западного фронта, медсанотдела губэвакуа и культурно-просветительной комиссии. В связи с претензиями военных властей на дополнительные площади в данном помещении и требованиями «уплотнения» учреждений Главэвакуаперее, Главноуполномоченный Цукерман обратился в жилотдел с просьбой сохранить за эвакуационными органами все отведенные им помещения. Он ссылался на положение Центроэвакуа «о неотчуждаемости помещений, занятых под учреждения Главэвакуаперее», а также «на налаженную совместно аппаратами Главэвакуаперее и Минского губэвакуа эвакуационную работу». Главноуполномоченный рассматривал размещение в одном здании регионального и губернского эвакуационных органов совместно с фронтовой комиссией «в высшей степени плодотворной, т. к. данные учреждения выполняют задания военного характера... по переброске людских контингентов, организации изоляционно-пропускных пунктов для Красной Армии, медицинскому обслуживанию военнопленных и беженцев Первой мировой войны, больных и раненных красноармейцев, помощи населению, пострадавшему от контрреволюции» [1, л. 136].

Для оказания помощи в организации управлений по эвакуации населения Главэвакуаперее были командированы на места опытные работники. 11 июля 1920 г. управление Главэвакуаперее циркуляром предписало Витебскому, Полоцкому, Гомельскому, Жлобинскому и Оршанскому эвакуо направить своих сотрудников в Молодечно, Минск, Бобруйск. По прибытии на места назначения им поручалось «закрепить за эвакуо все помещения, принадлежащие Центроэвакуаперее, и при необходимости принять меры для их ремонта и оборудования». Для работы в создаваемых эвакуо привлекались специалисты, имевшие опыт эвакуационной работы в данной местности, причем в штаты зачислялись в первую очередь партийные работники, а при их нехватке, с согласия ревкомов, и беспартийные специалисты. В условиях дефицита продовольствия и трудностей его поставок из базы Главэвакуаперее, находившейся на 401-й версте Александровской железной дороги, эвакуо поручалось добиваться «передачи в их распоряжение продовольственных запасов организаций Красного Креста и национальных комитетов помощи беженцам, функционировавших перед польской оккупацией» [2, л. 72].

Деятельность эвакуационных комиссий на освобожденной территории Беларуси проходила в сложных прифронтовых условиях и требовала от них слаженности и оперативности в работе. 13 июля 1920 г. приказом по управлению Главэвакуаперее «подведомственные ему эвакуо переводились на чрезвычайное положение». Им предписывалось осуществлять «срочную, не терпящую отлагательств работу, не считаясь со временем». Устанавливалась строгая трудовая дисциплина для сотрудников эвакукомиссий, не допускались прогулы и опоздания на работу, временно отменялись отпуска. За нарушение трудовой дисциплины сотрудники привлекались к «ответственности по всей строгости военного времени» и увольнялись с работы [3, л. 87]. Главэвакуаперее направлял на места своих сотрудников для проверки состояния трудовой дисциплины в эвакуо и исполнения их работниками служебных обязанностей. В частности, такие комиссии работали в Борисовском и Новозыбковском уездэвакуо.

21 июля 1920 г. постановлением СНК РСФСР на органы Центроэвакуа возлагалась обязанность по «обслуживанию пострадавших граждан в районах, очищаемых от польских войск». Согласно решению советского правительства, в этих областях практическая работа по обеспечению продовольствием, оказанию медико-санитарной и жилищной помощи гражданскому населению поручалась «учреждениям Главэвакуаперее, подчиняющимся в отношении политического и морального контроля соответствующим ревкомам по месту нахождения учреждений, в остальных отношениях уполномоченным при армиях и Главэвакуаперее по принадлежности» [4, с. 254].

Для закрепления за эвакукомиссиями Западной области квалифицированных работников СТО РСФСР своим постановлением 1 сентября 1920 г. «предоставил отсрочку от призыва в Красную Армию... сотрудникам Центральной комиссии по эвакуации населения, находящихся-

ся в очищаемых от польских войск районах», запретив им временно до «передачи функций ныне возложенных на Центроэвак в указанном районе органам нормальной местной власти, но не далее 1 ноября 1921 г., оставлять службу в органах Центроэвака. В отношении довольствия они приравнивались к обеспечению красноармейцев действовавших частей» [5, с. 299–300].

Правовую основу проведения реэвакуации беженцев и военнопленных в Прибалтийские государства составляли договоры РСФСР с Латвией от 12 июня 1920 г. и Литвой от 30 июня 1920 г. При заключении договоров стороны руководствовались стремлением «быстрее ликвидировать бедствия мировой войны, дать возможность беженцам обеих сторон, вынужденным покинуть свои домашние очаги, немедленно вернуться в свое отечество, не дожидаясь заключения мира» [6, с. 569]. Стороны сами определяли кого можно считать беженцами или пленным и на основании каких критериев. Под понятие «беженец» попадали «лица, ранее проживавшие на территории одной из договаривающихся сторон и находящиеся на территории другой, оставившие во время мировой войны 1914–1918 гг. или во время Гражданской войны занятые ими угрожаемые неприятелем районы, либо выселенные распоряжением российских военных или гражданских властей из района военных действий». Причем российско-литовский договор исключал из состава беженцев «лиц не литовского происхождения, состоявших в Литве на службе царского правительства по военному и гражданскому ведомству» [7, л. 2]. К беженцам приравнивались также пленные Первой мировой войны. Согласно договоров, реэвакуация беженцев должна была «начинаться с районов наиболее неблагоприятных в продовольственном, жилищном и других отношениях». Беженцы, проживавшие на оккупированной польскими войсками территории Литвы, «подлежали возвращению на родину после освобождения этой территории от оккупации» [7, л. 2 об]. В договорах РСФСР с Латвией и Литвой были установлены требования для провоза беженцами своего имущества, «общий вес которого, сверх ручного багажа, не должен превышать 8 пудов для главы семьи и одиноких, 5 пудов для каждого члена семьи и 2 пудов для детей, моложе 10 лет». Беженцам, возвращавшимся домой самостоятельно гужевым транспортом, разрешалось вывозить домашний скот, птицу, телеги в том же количестве, которое было вывезено ими при реэвакуации. В условиях дефицита продуктов питания вводились строгие ограничения на их вывоз – до 20 фунтов на человека в Латвию и 30 фунтов на человека в Литву. Беженцам запрещалось вывозить оружие, драгоценные металлы и ограничивался вывоз золотых вещей и иностранной валюты.

Одним из первых в начале июля 1920 г. был восстановлен эвакуационный пункт в Борисове, который временно находился в Крупках. Как отмечал Главноуполномоченный, «взятие Борисова положило начало организации работ органов эвака на белорусской территории». Главэвакзапом было дано распоряжение Борисовскому эваку «вернуться в Борисов и развернуть деятельность в уездном масштабе» [1, л. 88]. 14 июля 1920 г. на совещании при Борисовском уездэваке под председательством начальника управления Б. Сыркина с участием уполномоченного Главэвакзапа Шаевича были открыты регистрационно-эвакуационный, финансовый и снабженческий отделы. На Борисовский эвак возлагались не только «прямые функции по эвакуации беженцев и военнопленных, а также и оказание помощи пострадавшим при обстреле жителям Борисова, численность которых превышала 5 тыс. человек» [1, л. 88]. Только с установлением в Борисовском уезде органов советской власти «попечение о пострадавших жителях было передано местному собесу». 28 июля 1920 г. на заседании Борисовского уездэвака с участием зам. начальника управления Аврутина, зав. медотделом доктора Шульмана, коменданта пункта Духана и представителя Главэвакзапа доктора Ситермана было принято решение открыть на станции Борисов изоляционно-пропускной пункт для Красной Армии и оборудовать при нем амбулаторию, изолятор, а также питпункт вместимостью на 1 тыс. беженцев [8, л. 138].

Вслед за Борисовским уездэваком 16 июля 1920 г. возобновило свою деятельность губернское управление по эвакуации населения (губэвак) в Минске во главе с Шифмановичем, которого впоследствии заменил И.А. Эпштейн. В структуру Минского губэвака входили регистрационно-эвакуационный, счетно-финансовый, врачебно-санитарный, снабженческий и общий отделы. При губэваке функционировал изоляционно-пропускной пункт для Красной Армии под руководством доктора Е. Мерлиса и госпиталь во главе с доктором М. Израэлем. В ведении Минского губэвака находился также Козыревский лагерь для военнопленных [9, л. 1].

По данным Минского губэвака, с июля по октябрь 1920 г. через эвакуопункт прошло 6 тыс. 436 беженцев, 750 военнопленных Первой мировой войны и 6 тыс. 900 военнопленных польской армии, среди которых было выявлено 700 больных. Главэвакзеп выдал на финансово-материальное обеспечение Минского губэвака кредит на сумму в 29 млн 112 тыс. рублей. Для обеспечения беженцев и военнопленных продовольствием губэваком было израсходовано 2 тыс. 767 пудов ржаной муки, 1 тыс. 442 пшеничной муки, 1 тыс. 325 пудов пшеничной крупы. Им было выдано 3 тыс. 289 пудов хлеба, 747 пудов сельдей, 729 пудов сахарного песка, 53 пуда сахара-рафинада и 44,5 пуда соли [10, с. 121].

Почти одновременно с Минским губэваком 20 июля 1920 г. было открыто районное управление по эвакуации населения в Молодечно, начальником которого стал М.А. Брамсон. Главэвакзепом ему передавались полуразрушенные бараки в т.н. санитарном городке, располагавшемся около железнодорожной станции. В течение месяца эваком был произведен ремонт барачных корпусов. Два из них были оборудованы под приемник для беженцев общей вместимостью на 700 человек с питательным пунктом и кухней. В день питпункт мог обеспечить питанием до 6 тыс. человек. При эвакуации работала хлебопекарня, выпекавшая 75 пудов хлеба в день. Для медико-санитарного обслуживания беженцев и других контингентов населения при эвакуации была открыта амбулатория и изолятор на 35 мест, а также баня с пропускной способностью до 3 тыс. человек в день. При бане была оборудована дезинфекционная камера [11, л. 1].

На Молодеченский эвакуационный пункт возлагались также обязанности по обслуживанию возвращавшихся на родину красноармейцев. С этой целью 30 июля в Молодечно был открыт изоляционно-пропускной пункт, а в здании железнодорожного вокзала – чайная для красноармейцев с пропускной способностью до 800 человек в день.

С увеличением в августе-сентябре притока беженцев и пленных в Молодечно военными властями был развернут 182-й эвакуационный пункт, которому передавались большая часть отремонтированных эваком барачных корпусов, за исключением двух помещений, сохранившихся в ведении эвака для размещения беженцев. В ведении эвака оставались питпункт, хлебопекарня и склады [11, л. 1].

В район деятельности Молодеченского эвака входили также эвакуационные пункты в Лиде и Солах. Согласно телеграфному сообщению командования 15-й Армии о скоплении в Лиде многочисленных беженцев и необходимости разгрузки города от них, Молодеченский эвакуационный пункт представителя управления для обследования сложившегося положения на месте. По его итогам 14 сентября начальник Молодеченского эвака Абрамсон сообщил в управление Главэвакзеп, что в Лиде скопилось до 1 тыс. беженцев и просил оказать содействие в поставках продовольствия для них, часть беженцев переводилась в Молодечно. Для обслуживания военнопленных в Лиде был открыт ночлежный дом [12, л. 8].

После отступления Красной Армии во второй половине августа 1920 г. из Западной Беларуси польско-советский фронт приблизился к линии Молодечно – Сола. В середине сентября на пограничном пункте Сола состоялось совещание по вопросу о пропуске военнопленных и беженцев через демаркационную линию. На нем присутствовали начальник погранично-контрольного пункта Райс, представитель особого отдела 15-ой Армии Вандер, начальник пограничного Молодеченского райуправэвака Абрамсон и заведующий пограничным пунктом эвака на ст. Сола Ронисон. Заручившись согласием начальника погранично-контрольного пункта, совещание приняло решение об организации в Солах пропускного пункта по отправке беженцев и военнопленных на родину [12, л. 8].

Было также определено направление эвакуации контингентов населения, согласно которому в Молодечно составлялись списки литовских беженцев, после чего они направлялись в Сола и далее по согласованию с литовскими властями – в Литву. Совещание определило порядок закупок продовольствия, разрешив его приобретение по рыночным ценам с согласия местного ревкома и погранично-контрольного пункта.

При согласовании представителями РСФСР и Литвы возможностей перевозок беженцев и военнопленных возник вопрос об установлении однотипных железнодорожных путей в приграничном районе, т. к. в период оккупации немцы перевели железные дороги Литвы на узкую европейскую колею. В ответ на запрос из Ковно полномочного представителя РСФСР в Литве Аксельрода «о перешивке» европейской колеи до станции Молодечно начальник

Главэвакуацпа Цукерман падтрымаў яго прапанову і ў сваю чаргу абратіўся к члену РВС Западнага фронту Смілге з абаснаваннем цэлесообразнасці даннай меры для паскарэння абмену бежанцамі і военнопленными. Ён адзначыў, што «ст. Солаў цэльна прыстасавана для абслужвання большых эвакуіраваных контынгентаў насельняч., а ў Молодечна існуе цэльна абсталяваны прыёмны пункт. Вяду таго, што працягненне еўрапейскай колей да Молодечна з'яўляецца для арганізацыі прыёмнага пункта вельмі важным просім не адказаць інфармаваць нас аб завяршэнні работ па пераафармленні шляху» [1, л. 161].

Па даным упраўлення Молодечнскага эвакуацпа, з чэрвеня па кастрычнік 1920 г. было зарэгістравана, абслужана і адправлена ў Літву 7 тыс. 959 бежанцаў і 336 военнопленных Першай сусветнай вайны, а таксама 457 бежанцаў грамадзянскай вайны. На пункт прызначана было выдадзена прадольства 8 тыс. 829 чалавек, з іх 5 тыс. 549 бежанцам, 40 пленных і 240 чырвоных арміяцаў. Амбулаторнае лячэнне атрымалі 4 тыс. 155 хворых, з іх 3 тыс. 449 статычнае, адбылося 17 смертных выпадкаў. Усяго Молодечнскім эвакуацпам было выкарыстана на абслужванне бежанцаў і іншых катэгорыяў насельняч. вышэй 3 млн. 509 руб. [11, л. 1–2].

Крупным эвакуацпунктам з'яўляліся Баранавічы, дзе 29 чэрвеня 1920 г. было створана Баранавіцкае раённае упраўленне па эвакуацыі насельняч. ў галаву з Шэфманавічам. У раён яго дзейнасці ўваходзілі эвакуацпункты ў Замяр'е, Волкавіск, Слоніме і Столбцах.

У Баранавіцкім раённым упраўленні функцыянавалі рэгістрацыйна-эвакуацыйны аддзел, пункт прызначана і ізапрадукт. У Замяр'е працаваў лекава-пажыўны пункт, у Волкавіску – рэгістрацыйна-эвакуацыйны аддзел і чайная, у Слоніме – амбулаторыя і чайная. Агульная колькасць супрацоўнікаў Баранавіцкага раённага упраўлення па эвакуацыі складала 124 чалавек [13, л. 1]. Дзейнасць райэвакуацпа, размяшчанага амаль на самай лініі фронту, ажыццяўлялася ў вельмі напружанай абстаноўцы. Ён атрымліваў прадольства, абмундыванне і інвентар з базы 401 версты Александровскай жалезнай дарогі, частка прадуктаў – ад уездпрадукта, якія затым са складоў райуправэвакуацыі размяшчаліся паміж пунктамі. Са староны ўстановаў райуправэвакуацыі часта адбываліся парушэнні пры закупцы прадольства і асабліва пры яго выкарыстанні. Яны былі выяўлены ліквідацыйнай камісіяй Главэвакуацпа ў час расфарміравання складоў эвакуацпа. 6 чэрвеня на саветанні пры Главэвакуацпам з удзелам прадстаўніка рабоча-сялянскай інспекцыі быў разгледзены пытанне аб выяўленай на складах эвакуацпа недастатку прадуктаў і іншых матэрыяльных каштоўнасцяў, у асаблівасці ў Волкавіскім пункце. Улічваючы спешнасць эвакуацыі эвакуацпунктаў, якая «адбылася цэльна неадчакана, калі за некалькі гадзін перад гэтым мясцовыя ўлады заяўлялі аб неабходнасці заставацца на месцы, а загад аб адыходзе пасляваў неадчакана», саветанні прызнала, што найбольш каштоўнае імясцтва эвакуацпа было вывезена і сагласна са спісваць выяўленую недастатку [13, л. 1 аб].

Сагласна дакладу аб дзейнасці Баранавіцкага райуправэвакуацыі за час яго працы з чэрвеня па сярэдзіну кастрычніка было зарэгістравана 3 тыс. 205 бежанцаў і 213 пленных Першай сусветнай вайны, а таксама 2 тыс. 259 бежанцаў і 450 пленных польска-савецкай вайны. На прадольствіі пунктаў прызначана было 8 тыс. 771 чалавек, у т.ч. 5 тыс. 464 бежанца, 664 военнопленных і 2 тыс. 643 чырвоных арміяцаў. Ім было выдадзена 12 тыс. 472 порцыяў гарачае ежы і 53 тыс. 658 сухіх паёкаў. На ізаляцыйна-прапускным пункце амбулаторнае лячэнне атрымалі 4 тыс. 454 хворых і 276 чалавек знаходзіліся на статычнам лячэнні. На ўсе віды дапамогі абслужываемым контынгентам насельняч. райэвакуацпам было выкарыстана амаль 3 млн. 830 тыс. руб. [13, л. 1].

У агульным, па даным Главэвакуацпа, з вызвалення Чырвонай Арміяй Беларусі ў чэрвені 1920 г. і да ўсталявання ў кастрычніку савецка-польскага перамяр'я праз Молодечна – Солаў было прапушчана 7 тыс. 959 літоўскіх бежанцаў, праз Баранавічы – Волкавіск – 5 тыс. 464 чалавек, праз Лунінец – 10 тыс. 410 чалавек, праз Вільню – Ліда – 2 тыс. чалавек [14, л. 65]. У гэты час Молодечна прыняла 336 военнопленных Першай сусветнай вайны, Мінск – 2890, Баранавічы – 684, Лунінец – 394 [14, л. 73]. Сяда адзначыць, што сведчання, прадстаўленыя уезднымі эвакуацпамі ў Главэвакуацпам, з'яўляюцца нецэльнымі ў сувязі з адначасовым іх існаваннем і спешнай эвакуацыяй.

После отступления Красной Армии из Западной Беларуси пограничные эвакуы на линии польско-советского фронта прекращали свою деятельность. 1 октября 1920 г. закрылся Молодеченский уездэвак, а его имущество, складские запасы, часть специалистов были вывезены в Полоцк [15, л. 29]. Еще раньше был ликвидирован Лидский эвакуопункт. 13 октября Главэвакзап расформировал Барановичский райуправэвак, а его начальник Шифманович переводился в Себеж, который стал главным пограничным пунктом по отправке беженцев из Беларуси в Прибалтийские страны [16, л. 68]. Временно прекратил свою работу Минский губэвак. Главэвакзап эвакуировался в Оршу [15, л. 29].

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 163.
2. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1375. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ГАГО. – Ф. 191. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1978. – Т. IX. – 460 с.
5. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1980. – Т. X. – 412 с.
6. Документы внешней политики СССР. – М., Политиздат, 1958. – Т. II. – 803 с.
7. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 318.
8. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Ф. 1487. – Оп. 1. – Д. 8.
9. НАРБ. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 77.
10. Бабков, А.М. Деятельность Минского губэвака по реэвакуации беженцев и военнопленных Первой мировой войны в 1920 г. / А.М. Бабков // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны. Зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 3. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2014. – С. 120–124.
11. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 194.
12. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 120.
13. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 195.
14. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 155.
15. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 112.
16. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 444.

УДК 94(476) "1943/1991":355.58:614.8

Деятельность Общества Красного Креста БССР по улучшению санитарного состояния населённых пунктов республики в конце 1943–1991 гг.

Ю.Н. БАХИР

На основе архивных материалов рассмотрены основные мероприятия Общества Красного Креста БССР по улучшению санитарного состояния населённых пунктов в конце 1943–1991 гг. и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Большое внимание уделено взаимодействию с органами власти и здравоохранения по проведению санитарно-оздоровительных кампаний, пропаганде санитарных знаний, необходимых для улучшения здоровья граждан, отмечены успехи и проблемы в профилактической работе.

Ключевые слова: Общество Красного Креста БССР, противоэпидемические мероприятия, санитарный актив, благоустройство, пропаганда, авария на Чернобыльской АЭС.

The main activities of the Red Cross of BSSR to improve the health of human settlements in the period from 1943 to 1991 and the elimination of the consequences of the Chernobyl accident are reflected on the example of archival materials. Much attention is paid to cooperation with authorities and health service on carrying out of sanitary and health campaigns, promotion of health knowledge needed to improve the health of citizens. Successes and challenges in prevention work are marked.

Keywords: Red Cross of BSSR, anti-epidemic actions, sanitary active, improvement of public services, promotion, Chernobyl accident.

Современное белорусское государство постоянно стремится повысить уровень жизни своего населения, что невозможно без выполнения различных социальных стандартов, в том числе и по охране здоровья. Решить подобные задачи позволяет использование опыта Общества Красного Креста (ОКК) БССР, во многом успешно проводившего медико-санитарные мероприятия по профилактике и снижению заболеваемости, ликвидации условий для вспышек различных эпидемий, предотвращению распространения радиоактивного заражения после аварии на ЧАЭС.

Среди проводившихся в нашей республике диссертационных исследований, касавшихся участия общественных организаций в решении задач социального порядка, можно отметить работы Н.А. Иващенко [1] и Ф.А. Шумского [2], но у них в центре внимания находились профсоюзы, а деятельность выполнявшего важную медико-социальную роль ОКК БССР не рассматривалась. А в диссертации А.Ф. Петровой по истории краснокрестного движения [3] не могло содержаться информации о мероприятиях, проводившихся после Чернобыльской аварии.

Для достижения поставленной цели в нашей работе широко использованы материалы Национального, областных и зональных архивов Республики Беларусь, а также архивов Российской Федерации, издания Исполкома Советского общества Красного креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП).

Сразу после освобождения первых районов республики ОКК БССР активно занималось ликвидацией медико-социальных последствий Великой Отечественной войны, чего нельзя было сделать без улучшения санитарного состояния населённых пунктов. С конца 1943 г. особое внимание уделялось организации массового участия граждан в очистке и благоустройстве сёл и городов, санитарной охране источников водоснабжения. Были созданы сандружины и санпосты, которые оказывали помощь органам здравоохранения и созданным в апреле 1944 г. санэпидемотрядам по ликвидации очагов заболеваний. Изначально Исполком СОКК и КП организовал 30 отрядов, 8 из которых работали в БССР [4, л. 119]. В целях ликвидации медико-санитарных последствий оккупации в 1945 г. работало 15 таких отрядов [5, л. 19], [6, л. 7]. Для противодействия паразитарным тифам и чесотке проводились лекции и беседы, обследовались колодцы и состояние дворов [5, л. 21], [7, л. 7].

В Витебской области за 1947–50 г. активом ОКК БССР было проведено обследование 32875 различных объектов и в 10633 случаях были приняты меры по устранению отмеченных недостатков. Только за 1949 г. в Бешенковичском районе в 160 колхозах было очищено

8000 дворов, вывезли 87 тонн мусора, на очищенных территориях высадили тысячи плодовых-ягодных деревьев [8, л. 40], [9, л. 54]. В сельских местностях массово строили новые бани, ремонтировали колодцы, хлорировали воду [10, л. 85, 86], [11, л. 75].

Актуальными были вопросы улучшения здоровья населения и поддержания чистоты в населенных пунктах, что являлось взаимозависимым [12, л. 95]. Распространялся опыт г. Тулы по улучшению медицинского обслуживания населения и общему подъему санитарной культуры [13, лл. 13, 14, 78]. Пример в нашей республике подал г. Борисов, который в 1955 г. начал массовое движение по очистке населённых пунктов вслед за Азербайджанской ССР [14, с. 153]. Велась работа по использованию санактива в целях выполнения постановления ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 1956 г. по благоустройству населенных пунктов и развитию санитарной культуре [16, лл. 55–65], [17, л. 37]. Были проведены конкурсы на лучший поселок, дом, колхоз и ферму.

Общественные начала в здравоохранении активно стали развиваться после XXII съезда КПСС, когда создавались кабинеты и Дома санитарного просвещения в тех районах и городах, где не было штатных учреждений [14, с. 191]. Важным мобилизующим фактором борьбы за оздоровление внешней среды и населения с 1964 г. рассматривали День здоровья [16, л. 44]. Чаще стали проводить воскресники и месячники по благоустройству, смотры-конкурсы на лучшие предприятия и учреждения.

Для успеха в работе было важно, что в 1960 г. Исполком КК и КП СССР утвердил программы по подготовке санактива для проведения санитарно-профилактических мероприятий [14, с. 185–188]. В 1962 г. Министерство здравоохранения СССР создало институт общественных санитарных уполномоченных. По положению 1964 г. уполномоченные выделялись из числа начальников санпостов, сандружинниц и активистов [14, с. 152]. Директивами XXIII съезда КПСС в 1966 г. было предложено шире привлекать организации и активистов к проведению профилактических и оздоровительных мероприятий. Пленум СОКК и КП СССР в 1967 г. признал одной из основных задач участие в массовом движении за повышение санитарной культуры городов и сел, работе Народных университетов и школ здоровья [14, с. 174].

Отдельным разделом в работе ОКК БССР было оказание помощи органам здравоохранения в санитарно-гигиеническом воспитании учащейся молодежи. Санпосты, сандружины и юные санинспекторы школ следили за санитарным состоянием классов, корпусов, общежитий и прилегавших территорий. Популярными в 1960-е гг. стали «Школы здоровья», соревнования санпостов и сандружин, слеты активов, смотры, «Дни здоровья», «Костры здоровья», «Праздники чистоты» и викторины. Традиционным стало участие санитарных постов в военно-спортивной игре «Зарница» [18, л. 34]. Работа со школьниками имела важное значение, так как именно в детском возрасте необходимо было усвоить санитарно-гигиенические нормы и правила.

По вопросам работы на селе 27 октября 1965 г. был проведен Пленум ЦК ОКК БССР и двухдневный республиканский семинар с председателями райкомов. В результате свою деятельность активизировали 956 сельских участковых комитетов Общества, 60 тыс. санитарных инспекторов выполняли задания врачей по осуществлению саннадзора [14, с. 170], [19, л. 2]. В кружках «Готов к санитарной обороне» получали элементарные сведения о личной и общественной гигиене, инфекционных заболеваниях и мерах их предупреждения. С 1963 г. по 1968 г. кружки прошли 684 тыс. учащихся [20, с. 4]. Пропагандировалась важность санитарно-гигиенических правил в СМИ. В передачах устного журнала «Здоровье» отмечалась роль ответственности в охране здоровья. Совместно с комитетами радиовещания были созданы специальные комитеты по вопросам здоровья и народного движения за санитарную культуру [21, л. 23].

В связи с выходом постановления Совета Министров СССР от 11 августа 1970 г. и письмом Исполкома СОКК и КП СССР был разработан новый план, санактивисты были закреплены за поликлиниками, санитарно-эпидемическими станциями [18, лл. 38–42]. Одной из эффективных форм работ стала организация по месту жительства «Комнат здоровья» как своеобразных народных профилактических учреждений. Такие комнаты создавались краснокрестными организациями ЖЭК совместно с лечебно-профилактическими учреждениями [14, с. 171]. К такой работе активно привлекались и студенческие отряды [15, л. 5].

В «Комнатах здоровья» организовывали «Народные университеты здоровья и культуры», проводили лекции, вечера вопросов и ответов. Считалось, что «комнаты» значительно подняли авторитет ОКК БССР среди неработающего населения, что привело к росту организаций в жилом секторе. В 1975 г. по БССР было 303 народных университета здоровья с 502 филиалами и с охватом более 71 тыс. слушателей [16, лл. 49, 50].

В начале 1980-х гг. курс на улучшение санитарного состояния городов и сел был продолжен, но после аварии на Чернобыльской АЭС в ряде районов возникла сложная ситуация. В ликвидации последствий аварии свою роль сыграло и ОКК БССР, которое в 1986 г. отличалось массовостью и насчитывало уже 5,5 млн. членов [22, л. 28а]. Так, Гомельский обком ОКК БССР с первых дней работал в контакте с областным отделом здравоохранения и штабом гражданской обороны, был установлен контакт со всеми комитетами [23, л. 7]. В ЦК ОКК БССР в 1986 г. был создан оперативный штаб для руководства [24], в пораженных районах активно действовали дружинницы и санпостовцы, в Хойникском, Брагинском и Наровлянском до 20 часов в сутки [23, л. 1], [25, л. 1]. Активисты участвовали в эвакуации, проводили подворные обходы, проводили дезактивацию одежды, обуви, помещений, автотранспорта, помогали санитарной службе в заборе проб воды и почвы [22, л. 37], [23, лл. 1, 2, 3]. Санактив привлекался к оборудованию и подготовке помещений, уборке территорий. Вместе с медицинскими работниками санитарные инспекторы дежурили на постах дозиметрического контроля на дорогах и хозяйственных объектах [25, л. 1], [23, лл. 2, 3]. Отмеченные усилия противодействовали расширению зоны радиоактивного заражения.

Однако все острее вставал вопрос координации деятельности по Чернобылю, руководящие органы БССР высказывали озабоченность слабой информированностью общественных организаций [25, л. 12]. Так, не был конкретно известен уровень радиоактивного загрязнения в сельских населенных пунктах, не было в достаточном количестве дозиметрической аппаратуры. Необходимо было улучшить обеспечение населения пострадавших районов чистыми продуктами питания и, в первую очередь, детскими витаминизированными продуктами. Для решения подобных вопросов 31 августа 1989 г. Президиумом ЦК ОКК БССР была утверждена Программа по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС [22, лл. 3, 8]. Основные задачи программы заключались в том, чтобы путем привлечения общественности, актива ОКК содействовать органам здравоохранения в обеспечении сохранности здоровья населения.

В Справке о деятельности СОКК и КП СССР по оказанию помощи населению отмечалось, что, несмотря на радиационную стабилизацию ситуации, экологическая обстановка в пострадавшем регионе оставалась напряженной и отрицательно влияла на здоровье людей. С целью снижения напряженности в БССР был организован вневедомственный радиационный контроль на передвижной дозиметрической лаборатории. Пункты дозиметрического контроля создавались на базе центров, «Комнат милосердия» [25, лл. 1, 3].

Таким образом, одним из важных направлений деятельности ОКК БССР было улучшение санитарного состояния населённых пунктов и их благоустройство. Работа на территориях городов и сёл, предприятий и учреждений позволяла ликвидировать возможные очаги распространения опасных инфекционных заболеваний, повышая тем самым уровень здоровья населения и одновременно его работоспособность. Мероприятия по повышению санитарного состояния населённых пунктов БССР, их жилого сектора, учебных заведений улучшали условия жизни населения и его благосостояние. Всё это стало особенно актуальным после аварии на ЧАЭС, когда усилия ОКК БССР позволили уменьшить масштаб распространения радиационного загрязнения, выведя тем самым из-под угрозы облучения и онкологических заболеваний большое число жителей.

Литература

1. Иващенко, Н.А. Деятельность профсоюзов Беларуси (1981–1995 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.А. Иващенко ; БГПУ. – Мн., 2001. – 23 с.
2. Шумский, Ф.А. Участие профсоюзов Белоруссии в охране здоровья трудящихся (1976–1985 гг.) : автореф. дис. .... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ф.А. Шумский ; БГУ. – Мн., 1994. – 21 с.

3. Петрова, А.Ф. История развития общества Красного Креста в Белоруссии (1872–1965 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Ф. Петрова ; Минский гос. мед. ин-т. – Мн., 1969. – 541 с.
4. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР : ист. очерк. – М. : Медгиз, 1955. – 156 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 254 – Оп. 3. – Д. 4. Отчетный доклад Центрального Комитета о работе общества Красного Креста БССР за период 1944–1947 гг.
6. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 605. Справка ЦК общества об истории образования и развития Советского Красного Креста в Белоруссии (сентябрь 1971 г.).
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 2881. – Оп. 1. – Д. 1. Протоколы заседания оргбюро Областного комитета ОКК г. Гомеля (27 января 1944 – 26 марта 1945 г.).
8. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2889. – Оп. 1. – Д. 104. – л. 40. Сводные, годовые, статистические и текстовые отчеты Витебского обкома за 1949 г.
9. ГАВО. – Ф. 2889. – Оп. 1. – Д. 19а. Протоколы заседаний Президиума и пленума обкома и 2-й Витебской областной конференции Общества Красного Креста, г. Витебск, 1951 г.
10. ГАВО. – Ф. 2889. – Оп. 1. – Д. 94. – лл. 85, 86. Годовые и квартальные статистические и текстовые отчеты Витебского областного, городских и районных комитетов Красного Креста за 1948 г.
11. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Ф. 892. – Оп. 1. – Д. 103. Отчеты городских, районных и областного Комитета Красного Креста (26 января 1957 – 30 декабря 1957 г.).
12. Зональный государственный архив в г. Мозыре. – Ф. 505. – Оп. 1. – Д. 54. Распоряжения, директивы и постановления Центрального Комитета Общества Красного Креста БССР (5 января–15 декабря 1950 г.).
13. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). – Ф. 1314. – Оп. 1. – Д. 20. Протоколы партийных собраний парторганизации Смоленского обкома Красного Креста 23.01.1959 г. – 27.12.1961 г.
14. Сто (100) лет Красного Креста в нашей стране / Испол. ком. Союза о-в Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М. : Медицина, 1967. – 298 с.
15. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 1181. – Оп. 2. – Д. 355а. Отчет о работе Гродненского обкома Общества Красного Креста со студенческими строительными отрядами в 1976 г.
16. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 322. Объяснительная записка к сводному статистическому отчету о работе ЦК ОКК БССР за второе полугодие 1959 г.
17. Зональный Государственный архив г. Барановичи. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 7. Протоколы заседаний 2-й конференции и 2-го Пленума комитета с приложениями (26 декабря 1951 г. – 22 октября 1952 г.)
18. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 595. Сводный статистический отчет ЦК Общества о работе за 1970 год и объяснительная записка к нему.
19. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 495. Справка ЦК Общества «Об итогах работы Центрального и низовых комитетов Общества Красного Креста БССР», 1965 г.
20. Материалы III пленума ЦК Общества Красного Креста БССР. – Мн., 1968. – 21 с.
21. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 678. Объяснительная записка к сводному статистическому отчету ЦК ОКК БССР о работе за 1976 г.
22. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 861. Протокол 15 съезда Центрального комитета Общества Красного Креста БССР от 17 апреля 1991 г. об утверждении отчета ЦК ОКК БССР о текущем моменте и задачах Общества на современном этапе, утверждении нового устава ОКК БССР и документы к нему.
23. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 825. Документы о работе ОКК БССР по оказанию помощи населению, пострадавшему в аварии на Чернобыльской АЭС (постановления, программа, информации за 1986–1991 гг.).
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9501. – Оп. 16. – Д. 296. Материалы о борьбе с пьянством и алкоголизмом (справки, информация, переписка). – Т.3 (1987–1988 гг.).
25. ГАРФ. – Ф. 9501. – Оп. 16. – Д. 1132. Справки управления об участии Советского Красного Креста в проведении оздоровительной работы в зонах экологического бедствия, работы по профилактике СПИДа (11 февраля 1991 г. – 22 октября 1991 г.).

УДК 325.54 – 042.3 : [81'373.21(477.51)] (093.3)

Влияние белорусской колонизации на топонимику Черниговщины в исследованиях Ю.С. Виноградского

Н.А. Бойко

Исследуются научные работы Ю.С. Виноградского – известного украинского языковеда, диалектолога, архивиста, основателя Сосницкого краеведческого музея. Важное место в его научных трудах занимает историческая топонимика. В статье рассмотрено патронимические названия населенных пунктов на Черниговщине, часть которых, по мнению Ю.С. Виноградского, была основана белорусскими колонистами в XV–XVI вв.

Ключевые слова: Ю.С. Виноградский, краеведение, топонимика, колонизация, колонизационные волны, патронимические названия.

The scientific studies of Yu. Vynohradsky, who was a famous Ukrainian linguist, dialectologist, archivist and founder of Sosnytsia Museum of Regional Ethnography, are investigated. Historic toponymy took an important place in his scientific works. The names of the settlements with patronomic names in Sosnytsia region, some of which have been founded by the Belarus colonists in the fifteenth and sixteenth centuries are studied.

Keywords: Yu. Vynohradsky, regional ethnography, toponymy, colonization, colonization waves, patronymic names.

Юрий Степанович Виноградский – известный украинский краевед, языковед, диалектолог, археолог, архивист, основатель Сосницкого краеведческого музея, который в настоящее время носит его имя.

Ю.С. Виноградским сделан весомый вклад в становление музейного дела и охраны памятников старины на Черниговщине, всестороннее историко-археологическое изучение региона. Большинство современных исследований, связанных с историей, археологией, этнографией и топонимикой Сосницы и Черниговщины в целом базируются на трудах Ю.С. Виноградского [1]–[9]. Его работы сохраняют значительный научный потенциал, что обуславливает необходимость их дальнейшего углубленного изучения.

Цель статьи – на основании анализа исследований Ю.С. Виноградского по исторической топонимике проследить влияние белорусских колонизационных движений на образование населенных пунктов на Черниговщине.

Личность Ю.С. Виноградского и его научный потенциал неоднократно привлекали внимание исследователей. Первые публикации, посвященные Ю.С. Виноградскому, появились еще во время его жизни. Их авторами, в частности, были В. Дрозд, И. Едомаха, Д. Лавыюк, В. Петров, О. Проценко, Н. Решедько, И. Сорока и другие [10]–[15]. В большинстве из них речь шла об основных этапах жизненного пути Ю.С. Виноградского и краеведческой деятельности, связанной прежде всего с Сосницким музеем.

В независимой Украине личность Ю.С. Виноградского привлекает внимание многих ученых. Он упоминается в работах энциклопедического характера о Сосниччине и о краеведах в целом. Жизненный путь и научные исследования Ю.С. Виноградского изучали О.Б. Коваленко, В.В. Ткаченко, Л. В. Ясновская, В.М. Пригоровский [16]–[22]. К его археологическим работам обращаются современные археологи Е.М. Веремейчик, В.П. Коваленко, Л.В. Ясновская [20], [23]–[25]. Интересные данные о Ю.С. Виноградском находятся в работах И.Ф. Дьяченко и Н.П. Адаменко, которые были с ним лично знакомы [26], [27].

Ю.С. Виноградский родился 5 мая (23 апреля по старому стилю) 1873 г. в Соснице – уездном городке Черниговской губернии в семье священников. После окончания Сосницкого приходского училища учился в Черниговской мужской гимназии. Высшее образование будущий краевед получал в Киевском университете св. Владимира в течение 1892–1896 гг. Впоследствии работал в судебных учреждениях Варшавы. В годы Первой мировой войны Ю.С. Виноградский вместе с семьей был эвакуирован в Чернигов. В 1915–1920 гг. он принимал активное участие в охране памятников старины и искусства, способствовал развитию

современной сети музейных учреждений на Черниговщине [28, с. 298–300]. Так, Ю.С. Виноградский был одним из основателей, а позже и председателем общественного Комитета охраны памятников искусства и старины, который действовал на Черниговщине в 1917–1918 гг. С конца 1917 г. Ю.С. Виноградский принимал активное участие в работе первого на Черниговщине украинского издательства «Сиверянська думка». 21 марта 1919 г. краевед стал первым председателем Черниговского губернского комитета охраны памятников искусства и старины. Весной 1920 г. Ю.С. Виноградский возглавил экскурсионное бюро. В 1920 г. он был председателем восстановленной Черниговской губернской ученой архивной комиссии, после чего продолжил деятельность в родной Соснице [29, с. 44–47].

1 июля 1920 г. благодаря усилиям Ю.С. Виноградского был открыт один из первых в Украине историко-археологический и этнографический музей [30]. 20 июля 1920 г. краевед был официально назначен его заведующим [31, л. 1 об.]. С тех пор вся дальнейшая деятельность исследователя была связана с созданным им музеем и заключалась во всестороннем изучении родного края. Результатом этого стали многочисленные работы, значительная часть которых была опубликована в научных сборниках и в местной периодической прессе [32]–[39].

Научные интересы исследователя были разносторонними: они охватывали археологию, этнологию, краеведение, топонимику, ономастику и др. Ю.С. Виноградский ориентировал поисковую деятельность Сосницкого краеведческого музея прежде всего на малоизученные археологические памятники. Научно-исследовательская работа музея осуществлялась в форме рекогносцировок и разведок на плоскогорном участке Сосниччины (так называемом Сосницком Степке) и на Сосницком Полесье (севернее Степка), а также вдоль побережья рек Десны, Убеди и Сейма [39, с. 86]. С 1920 г. краевед начал ежегодные археологические разведки и полевые исследования [41, л. 2]. Впоследствии он привлекался к работе археологических экспедиций, организованных Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР [30].

По мнению В.П. Петрова, Ю.С. Виноградский после Д.Я. Самоквасова и П.В. Голубовского начал следующий этап археологического изучения Черниговщины [12, с. 116], выявил и изучил на Сосниччине многочисленное количество первобытных стоянок, а также древнерусских городищ [12 с. 116]. В целом, ему удалось исследовать 50 ранее неизвестных науке стоянок эпохи неолита и бронзы, 9 городищ [42, л. 2].

В многочисленных публикациях в местной прессе Ю.С. Виноградский освещал отдельные аспекты истории Задесенья [21 с. 25]. В работах исследователя проанализированы основные исторические события, произошедшие на Сосниччине, от древнейших времен и до современной автору эпохи [43]–[46].

Важное место в научных трудах Ю.С. Виноградского занимает историческая топонимика [47]. Исследователь отмечал, что изучение истории возникновения названий поселений, рек, гор, урочищ является важным, поскольку «объяснения требует само существо человека, и поэтому население прибегает к рассуждениям и догадкам, чтобы выяснить происхождение определенных названий. В подобных догадках часто, но не всегда, можно найти зерно истины» [48, л. 1].

Краевед подготовил описания населенных пунктов Черниговщины, содержащие информацию о времени их возникновения, а также сведения об их названиях [49]. По предложению Черниговского исторического музея (сейчас – Черниговский исторический музей имени В.В. Тарновского) он принимал активное участие в сборе материалов к «Истории городов и сел Украины»: обработал топонимические данные 1610 населенных пунктов и более 100 названий рек и урочищ [12, с. 117]. Собранные материалы были систематизированы в обобщающих трудах [50]–[52].

Ведущее место в научном наследии Ю.С. Виноградского занимает труд «К истории колонизации Средней Черниговщины» [51]–[52], который имеет интегративный характер, сочетая сведения по археологии, истории, этнологии, языкознанию. Исследователь проанализировал колонизационные процессы на Сосниччине, учитывая значительные информативные возможности топонимических данных. Краевед, в частности, исследовал появление в этом регионе так называемых патронимических названий, присущих белорусскому языку и объяснил их возникновение белорусской колонизацией Среднего Подесенья, которая началась в литовский период.

Ю.С. Виноградский обратил внимание, что окончание -ичи (или -ов-ичи) – патронимический признак, который указывает на происхождение по отцовской линии определенного круга родственников [54, с. 33]. С разрастанием определенного рода, например, Иакова, Ефрема или Тихона, появлялись дворы его потомков. Образовывались деревни, в которых имя родоначальника не исчезало: Яковичи, Охромиевичи, Тихоновичи (современные села Сосницкого и Корюковского районов Черниговской области). Однако названия с окончаниями на -ичи лишь номинально объединяли широкие круги родственников, потому что род разлагался на большие семьи, каждая из которых находилась в отдельном доме, имела отдельное хозяйство; только пастбища и леса были в общем пользовании всех жителей хутора или деревни. Хутор, состоящий из небольшого числа более или менее родственных дворов, разрастался за счет людей чужих родов. Но в отдельных местах люди между собой «роднились», особенно во время праздников и исполнения обрядов и обычаев.

По мнению исследователя, села с патронимическими названиями, характерные для белорусского языка, возникли на Сосниччине в результате колонизационных процессов, которые начались после включения Чернигово-Северщины в состав Великого княжества Литовского.

Ю.С. Виноградский отмечал, что князья литовской династии Гедиминовичей, которые княжили на Чернигово-Северской земле: Дмитрий-Корибут Ольгердович, Федор Любартович, Свидригайло имели тесные контакты с Беларусью [53, с. 127–129], а великокняжеские наместники, которые управляли Чернигово-Северщиной позже, происходили из белорусско-украинской части Литвы. Поэтому на этой территории возросло количество выходцев из Литвы, а также белоруссов и волянян [53, с. 127–129]. Это обусловило появление на Черниговщине целого ряда населенных пунктов, названия которых имеют белорусское происхождение.

На основании «Записей земельных дач короля Казимира» XV ст. Ю.С. Виноградский исследовал земельные пожалования на Черниговщине служащим великого князя. Так, Домысл получил с. Речицю (сейчас – Гомельская область Республики Беларусь), Ходкевичу досталось с. Гореск (сейчас – с. Горск Щорского района Черниговской области), князь Масальский получил с. Бодку (Бодынки), Харевский – с. Слабин (сейчас – с. Черниговского района Черниговской области), Сулдешов – с. Колчов (сейчас – с. Ковчин Куликовского района Черниговской области), Глинский владел с. Хоробор (сейчас – с. Макошино Менского района Черниговской области). Краевед пришел к выводу, что все эти фамилии, кроме Глинского, имели литовско-белорусское происхождение. По мнению исследователя, это способствовало увеличению белорусского присутствия на Черниговщине [53, с. 129].

Исследователь отмечал, что во время литовского периода существовало два основных пути создания населенных пунктов: заимка и осаднения. Заимку осуществляли «свободные прохожие», а осаднение происходило под руководством феодалов. Поэтому для заимки оставались земли хуже, в основном лесные. Ю.С. Виноградский пришел к выводу, что переселенцев привлекали главным образом более плодородные земли южной и средней Сосниччины.

Села с патронимическими названиями располагались в основном на правом берегу Десны. На основании этого Ю.С. Виноградский определил, что за литовский период колонизационные волны белорусов шли с северо-запада на северо-восток по линии Гомель – Сосница. Их сдерживало не только местное население, но и другие колонизационные волны: с северо-запада на северо-восток от берегов р. Сумы на Короп, а также с Воляни [53, с. 133].

Ю.С. Виноградский исследовал топонимы «Реестра Черниговских границ» 1527 г. (он датировал его 1526 г.) [55, с. 193–197], [53, с. 128]. Краевед обратил внимание, что, хотя на момент составления источника Сосниччина официально входила в состав Московского государства, однако указанные в нем данные касались XV ст. В документе, в частности, речь шла о таких населенных пунктах: Боровичи, Домыслин, Волянчо, Новый Городок, Козличи, Блистовичи, Хоробор, Шиловичи, Ситниковичи, Шостовичи, Авдеевичи и др. (часть из этих сел существует в наше время и входит в состав Корюковского, Сосницкого, Менского, Ичнянского районов Черниговской области). Ю.С. Виноградский заметил, что эти села были пограничными с Новгород-Северщиной и Стародубщиной. По мнению краеведа, граница проходила от с. Боровичи (современного Щорского района Черниговской области) над р. Снов до с. Козлянички (современного Сосницкого района Черниговской области) над р. Убедью.

Среди топонимов, упомянутых в «Реестре ...» 1527 г., Домыслин (сейчас – с. Домашлин Корюковского района Черниговской области), по мнению Ю.С. Виноградского, образовался от имени Домысла – одного из великокняжеских чиновников, который появился на Северщине во время литовского периода [53, с. 128].

В целом, значительная часть указанных в «Реестре ...» 1527 г. сел имеет патронимические названия, что подтверждает точку зрения Ю.С. Виноградского об усилении белорусского присутствия на южной и средней Сосниччине в литовский период.

Ю.С. Виноградский предполагал, что названия населенных пунктов Якличи (современного Сосницкого района Черниговской области) и Куковичи (современного Менского района Черниговской области) могли иметь белорусское происхождение от разрастания одного «очка-двора». Так, название Якличи могло образоваться от рода Иакова (Яковлевич, Яковличи), а Куковичи – от саркастического прозвища Кука [53, с. 130].

В северной части Сосницкого Полесья расположены еще два села с патронимическими названиями: Охрамиевичи (сейчас – с. Охрамиевичи Корюковского района Черниговской области) и Тихоновичи (сейчас – Щорского района Черниговской области). В письменных источниках о них содержались сведения только с XVIII в. Однако Ю.С. Виноградский не исключал возможности их образования еще в литовский период, во время первой волны белорусской колонизации, поскольку в XVIII ст. возникновение сел происходило уже не путем разрастания одного рода, а осаждением сразу целых слобод выходцами из разных местностей. Действительно, установлено, что датой основания села Охрамиевичи является 1525 г., поэтому предположение Ю.С. Виноградского, основанное на исследовании топонима, нашло документальное подтверждение [3, с. 396].

Исследователь отмечал, что, хотя в XVI в. немало населенных пунктов, расположенных на Сосниччине вдоль Десны, имели на первый взгляд белорусские окончания -ичи, -очи, однако не все они были патронимического происхождения – разрастания села от одного рода [53, с. 130]. Так, села Козличи (сейчас – с. Козлянич Сосницкого района Черниговской области) и Чернотичи (сейчас – Сосницкого района Черниговской области) происходили от названий рек Козлик и Чернотичи (ранее произносилось «Чорнотечи»). Блистовичи (сейчас – с. Блистова Менского района Черниговской области) существовало еще в древнерусскую эпоху под названием Блестовит (или Блестово), происходившем от реки Блистова. Довольно спорным Ю.С. Виноградскому казалось патронимическое происхождение названия села Купчичи, поскольку оно могло брать начало не только от фамилии, но и от характера местности – «кучки» или от «купи» (буды).

К тому же, исследователь проанализировал лингвистические и этнографические особенности сел Купчичи, Чернотичи и Козличи и отметил, что у них не наблюдалось «аканье», присущее белорусскому языку. По наблюдениям Ю. С. Виноградского, в быту и языке жителей этих населенных пунктов преобладали сугубо украинские черты. Краевед пришел к выводу, что в данном случае речь шла о чисто внешнем наложении белорусских элементов, а колонизационные влияния в этих населенных пунктах были «стерты стихией северско-украинской» [53, с. 128–130].

Таким образом, исторические исследования Ю.С. Виноградского представляют собой комплексное изучение истории Чернигово-Северщины, поскольку они включают сведения по истории, археологии, этнографии, языкознанию. Важное место его в трудах занимает историческая топонимика. Анализ исторических источников и названий населенных пунктов Сосниччины дал основания Ю.С. Виноградскому сделать вывод о белорусской колонизации Среднего Подесенья, которая активно происходила в литовский период.

Литература

1. Чернігівщина: Путівник [упор. А. Левенко та ін.] – К. : Облвидав, 1962. – 289 с.
2. Чернігівщина: Путівник-довідник [ред. С. Г. Назаренко]. – К. : Політвидав України, 1967. – 208 с.
3. Історія міст і сіл Української РСР. Чернігівська область. – К. : УРЕ, 1972. – 780 с.
4. История городов и сел Украинской ССР. Черниговская область / Редкол. В.М.Половец [и др.]. – К. : Главная редакция УСЭ, 1983. – 816 с.

5. Бойко, В.М. Сосниця – європейське місто / В.М. Бойко, В.М. Пригоровський ; ред. кол. С.В. Леп'явко (голова ред.) [та ін.]. – Чернігів : Видавець Лозовий В.М., 2010. – 64 с.
6. Кондратьєв, І.В. Під Литвою, Москвою та Польщею / І.В. Кондратьєв. – Чернігів : КП «Чернігівські обереги», 2005. – 152 с.
7. Кулаковський, П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648) / П. Кулаковський. – К. : Темпора, 2006. – 496 с.
8. Сосницький край у серці України / М.П. Адаменко, Ф.Ф. Іваненко, О.І. Сластьон [та ін.]. – Харків : Прапор, 2005. – 264 с.
9. Сосниця і Сосниччина на хвилях віків / М.П. Адаменко [та ін.]. – К. : Український центр духовної культури, 2005. – 236 с.
10. Лав'юк, Д. Сосницькому краєзнавчому музею 35 років / Д. Лав'юк // Червоний прапор. – 1955. – 30 червня. – С. 2.
11. Лав'юк, Д. Краєзнавчому музею – сорок років. / Д. Лав'юк // Деснянська правда. – 1960. – 6 липня. – С. 2.
12. Петров, В.П. Краєзнавець Ю.С. Виноградський / В.П. Петров // Український історичний журнал. – 1966. – № 1. – С. 116–117.
13. Проценко, О. Людина невичерпних знань і енергії / О. Проценко // Червоний прапор. – 1959. – 4 листопада.
14. Решедько, Н. Життя присвячене народу / Н. Решедько // Колгоспна правда. – 1963. – 24 грудня.
15. Сорока, І.Л. Слово про ентузіаста-краєзнавця / І.Л. Сорока // Народна творчість та етнографія. – 1964. – № 3. – С. 58–60.
16. Коваленко, О.Б. Виноградський Юрій Степанович / О.Б. Коваленко // Енциклопедія сучасної України. – К. : Національна академія наук України. Наукове товариство ім. Шевченка., Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2005. – Т. IV. – С. 428.
17. Коваленко, О.Б. Виноградський Юрій Степанович / О.Б. Коваленко, В.В. Ткаченко, Л.В. Ясновська. // Репресоване краєзнавство (20–30-ті роки). – К. : Рідний край, 1991. – С. 335–336.
18. Ткаченко, В.В. Ю.С. Виноградський про археологічні роботи Сосницького історико-краєзнавчого музею (1920–1955рр.) / В.В. Ткаченко, Л.В. Ясновська // Минуле Сосниці та її околиць [Редкол. О. Б. Коваленко (відп. ред.)] [та ін.]. – Чернігів, 1990. – С. 14–15.
19. Ткаченко, В.В. Історичне краєзнавство: Чернігово-Сіверщина у перше повоєнне двадцятиріччя / В.В. Ткаченко. – К. : Знання, 2007. – 215 с.
20. Ясновська, Л.В. Ю.С. Виноградський – дослідник давньоруських старожитностей Чернігівщини / Л.В. Ясновська // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. – Чернігів, 2012. – С. 364–367.
21. Пригоровський, В. Народознавчі дослідження Юрія Виноградського / В. Пригоровський // Народна творчість та етнографія. – 1993. – № 4. – С. 23 – 31.
22. Пригоровський, В. Залюблений у землю Сіверську (Ю. С. Виноградський): історико-краєзнавчий нарис / В. Пригоровський. – Чернігів, 2004. – 56 с.
23. Веремейчик, О. Розвідувальна експедиція І.І. Ляпушкіна 1947 р. на Чернігівщині / О. Веремейчик // Сіверянський літопис. – 2008. – № 6. – С. 40–47.
24. Коваленко, В.П. Давньоруська зброя в фондах Сосницького краєзнавчого музею / В.П. Коваленко // Минуле Сосниці та її околиць. – Чернігів, 1990. – С. 39–47.
25. Ясновська, Л. Старожитності IX–XIII ст. Мізинської округи / Л. Ясновська // Сіверянський літопис. – 2008. – № 6. – С. 30–34.
26. Адаменко, М.П. Володар казкових скарбів (слідами Ю.С. Виноградського) / М.П. Адаменко. – Ніжин : «Аспект-Поліграф», 2013. – 288 с.
27. Дяченко, І. Творець відкритої книги / І. Дяченко // Радянський патріот. – 1990. – 19 червня. – С. 2; 26 червня. – С. 3; 5 липня. – С. 3; 12 липня. – С. 3; 19 липня. – С. 3.
28. Бойко, Н. Основні етапи життєвого шляху Ю. С. Виноградського / Н. Бойко // Сіверянський літопис. – 2014. – № 6. – С. 298–308.
29. Бойко Н. Громадська діяльність Ю. С. Виноградського у 1917 р. – на початку 1920-х рр. на Чернігівщині / Н. Бойко // М. Коцюбинський: погляд з ХХІ століття: збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції, присвяченої 150-річчю від дня народження Михайла Коцюбинського. – Чернігів : Видавець Лозовий В.М., 2014. – С. 42–51.
30. Кравченко, М. Ходив і в сусідні повіти... / М. Кравченко // Радянський патріот. – 1993. – 24 квітня. – С. 4.
31. Виноградський, Ю.С. К истории Сосницкого музея // Сосницкий краеведческий музей им. Ю. С. Виноградского (далее – СКМ). – 4 л.

32. Дорошенко, Д. Тихий закуток. Гетьманський монастир (підготовка до друку і передмова О. Коваленка) / Д. Дорошенко // Сіверянський літопис. – 1998. – № 1. – С. 152–153.
33. Кравченко, М. Ненадруковані розвідки Ю. Виноградського / М. Кравченко // Сіверянський літопис. – 1995. – № 4. – С. 136–138.
34. Пригоровський, В. Дещо з архівної спадщини Ю.С. Виноградського / В. Пригоровський // Літературний Чернігів. – 2013. – № 1. – С. 126–130.
35. Коваленко, О. Неопублікована студія Юрія Виноградського про давньоруські старожитності Чернігова / О. Коваленко, Л. Ясновська // Скарбниця української культури : збірник наукових праць ; редкол. О.Б. Коваленко [та ін.]. – Чернігів. – 2006. – Вип. 7. – С. 167–171.
36. Виноградський, Ю. Марія Дорошиха // Історико-географічний вісник. – 1927. – Т. I. – С. 32–39.
37. Виноградський, Ю.С. Про деякі фонетичні особливості менських і сосницьких говірок на Чернігівщині в пам'ятках XVII–XVIII ст. / Ю.С. Виноградський // Українська діалектологія і ономастика. – К. : Наукова думка, 1964. – Т. 1. – С. 46–49.
38. Виноградський, Ю.С. Сосниця та її околиці / Ю.С. Виноградський // Чернігів і Північне Лівобережжя. – К., 1928. – С. 147–168.
39. Виноградский, Ю.С. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея / Ю.С. Виноградский // Краткие сообщения института археологии АН УССР. – 1955. – Вып. 5. – С. 86–93.
40. Виноградський, Ю. Сосницький Степок / Ю. Виноградський // Червоний прапор. – 1961. – 14 березня.
41. СКМ. – Инв. № 860. – 3 л.
42. СКМ. – Инв. № 861. – 3 л.
43. Виноградський, Ю.С. Сосниця та її околиці / Ю.С. Виноградський // Чернігів і Північне Лівобережжя. – 1928. – С. 147–168.
44. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины НАН Украины им. В.И. Вернадского. – Ф. 103. – Д. 2. – 30 л.
45. СКМ. – Инв. № 2718. – 29 л.
46. Виноградский, Ю. Справка об архивных сокровищах Польши, относящихся к истории Черниговщины (1955) // СКМ. – 2 л.
47. Виноградський, Ю.С. Географічні назви Чернігівщини. Топонімічні нариси в зв'язку з відомостями історичними. Тези // СКМ. – 4 л.
48. Виноградський, Ю. Проспект роботи Ю. С. Виноградського під заголовком «Географічні назви Чернігівщини» (Топографічні нариси в зв'язку з відомостями історичними) // СКМ. – 4 л.
49. СКМ. – Инв. № 2719.
50. Черниговский государственный исторический музей им. В.В. Тарновского. – Ф. 196/2054. – Д. 22. – 45 л.
51. Виноградський, Ю.С. До історії колонізації Середньої Чернігівщини / Ю. С. Виноградський // Історико-географічний збірник. – К., 1929. – Т. III, ч. I. – С. 209–219.
52. Виноградський, Ю.С. До історії колонізації Середньої Чернігівщини / Ю.С. Виноградський // Історико-географічний збірник. – К., 1931. – Ч. II, IV. – С. 109–143.
53. Виноградський, Ю.С. До історії колонізації Середньої Чернігівщини. / Ю.С. Виноградський // Історико-географічний збірник. – К., 1931. – Ч. III. – С. 100–150.
54. Виноградський, Ю.С. Назви міст, сіл та річок Чернігівщини / Ю.С. Виноградський // Мовознавство. – 1957. – Т. XIV. – С. 29–39.
55. Русина, О. Из спостережень над «Реєстром Чернігівських границь» з 20-х років XVI століття / О. Русина // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Т. ССХХV. Праці історико-філософської секції. – Львів : Наукове товариство імені Шевченка у Львові, 1993. – С. 293–306.

Учебно-научный институт истории,
этнологии и правоведения
им. А.М. Лазаревского Черниговского
национального педагогического
университета им. Т.Г. Шевченко

Поступила в редакцию 23.04.2015

Развитие внешкольного сельскохозяйственного просвещения на территории Украины во второй половине XIX – начале XX ст.

В.П. ВОРОН

Раскрываются основные тенденции развития наиболее известных форм внешкольного аграрного просвещения на территории Украины во второй половине XIX – начале XX вв. Источниковедческой базой исследования послужили материалы Национального исторического архива Беларуси, законодательство Российской империи в области просвещения, а так же опубликованные отчеты по ведомству министерства земледелия. Сопоставляется роль государственных структур и общественных организаций в совершенствовании распространения агротехнических знаний, дан анализ их конкретной просветительской деятельности. Сделана оценка общего потенциала съездов, чтений и выставок в процессах хозяйственной рационализации.

Ключевые слова: Украина, аграрное просвещение, съезды, чтения, выставки.

The main trends of the development of out-of-school forms of agricultural enlightenment on the territory of Ukraine in the second half of the 19th century – the first half of the 20th century are described, especially such forms as agricultural lectures, congresses and exhibitions. The materials of the National Historical Record Office, the reports of the Agricultural Ministry and the legislation of Russian Empire in the sphere of enlightenment are analyzed.

Keywords: Ukraine, agricultural enlightenment, congresses, lectures, exhibitions.

Понимание особенностей развития аграрного просвещения на Украине во второй половине XIX – начале XX вв., является необходимым звеном для разработок современных педагогических технологий в области распространения передовых сельскохозяйственных инноваций. Избранные территориально-хронологические рамки исследования объясняются тем, что Украина, во второй половине XIX – начале XX вв., представляла собой один из наиболее развитых в агрокультурном отношении регионов Российской империи. Несмотря на актуальность темы, специальные исследования по данному вопросу не проводились. Однако первые шаги в изучении проблем становления сельскохозяйственного просвещения на Украине во второй половине XIX – начале XX вв. были предприняты А.Я. Антоновичем, представителем дореволюционной историографии, который проанализировал ряд правительственных постановлений 1860–1880-х гг. в отношении сельскохозяйственных съездов и выставок [1]. В советский период Е.Н. Медынский на основе статистических данных по организации народных чтений Харьковским обществом грамотности выявил специфику их проведения и уровень эффективности [2]. Работы современных историков также затрагивают ряд частных вопросов в области сельскохозяйственного просвещения. О.В. Волос исследует особенности агротехнической просветительской деятельности земских учреждений Херсонской губернии последней четверти XIX – начала XX вв. [3], [4]. В.П. Даниловым в рамках изучения аграрных реформ современной России охарактеризована роль Киевского сельскохозяйственного съезда 1913 г. в качестве типового образца аграрной просветительской работы [5]. Н.П. Коваленко установлен механизм функционирования сельскохозяйственных съездов на Украине во второй половине XIX – начале XX вв. [6].

Таким образом, важность проблемы, заключающейся в определении ключевых факторов, определяющих развитие основных форм популяризации сельскохозяйственных знаний на Украине в исследуемый период времени, а также отсутствие по указанной теме специальных работ обусловила необходимость ее изучения. Вторая половина XIX ст. стала временем быстрого роста системы сельскохозяйственного образования Украины. В конце первого десятилетия XX ст. в девяти украинских губерниях насчитывалось 6 вузов, 10 средних и 57 низших школ, занимающихся подготовкой агрономического персонала разной квалификации. Так, в конце XIX – начале XX вв. со стороны кооперативных и земских организаций усилилась культурно-просветительская сельскохозяйственная работа среди крестьянства [7]. Кроме того, осуществление столыпинской аграрной реформы вызвало

необходимость проведения землеустроительных работ [8]. Еще в середине XIX в. оно в основной своей массе рассматривало стремление правительства к распространению передовых сельскохозяйственных технологий и знаний как «барскую забаву» [9, с. 102]. Тем не менее, не смотря на запрос со стороны сельского хозяйства, еще в начале 1914 г. на 23 млн. крестьян Украины приходилось около 2 тыс. агрономов [10].

Во второй половине XIX – начале XX ст. значительное место в распространении аграрных знаний занимала такая их форма, как сельскохозяйственные чтения, рассчитанные на крестьянскую аудиторию [9, с. 102]. О масштабе охвата ими населения свидетельствуют следующие данные. В четырех повітах Херсонской губернии в 1911 г. было проведено 152 чтения, на некоторых из них число присутствовавших доходило до 200 человек [3, с. 157]. На чтениях, проводимых Харьковским обществом грамотности в 1886–1890 гг., общее количество посетителей выросло с 3146 до 7433 т. е. более чем в два раза, при довольно ограниченном росте числа самих мероприятий (с 30 до 37) [2, с. 122]. Причина такой популярности заключалась как в доступности чтений, обеспечивавшейся активным применением наглядных методов обучения (картин, плакатов), так и практической направленности объясняемого материала. Темами для занятий служили вопросы, вызывающие непосредственный интерес у крестьян, а именно: технологии растениеводства, обработка грунта, способы борьбы с вредителями и проблемы животноводства [4]. Вместе с тем, проведение агрономических чтений было практически полностью возложено на земства, сельскохозяйственные общества, научные и просветительские товарищества [11, с. 32]. Ситуацию лишь несколько улучшило вышедшее 15 февраля 1903 г. «Положение о порядке производства народных чтений по сельскому хозяйству», согласно которому Министерству Земледелия и Государственных Имуществ (МЗиГИ) предоставлялось право оказывать некоторую финансовую помощь организациям для проведения чтений [12]. Не менее важной являлась и проблема правительственного запрета, исходя из политических мотивов, народных чтений по естествознанию, сельскому хозяйству, истории и географии в самой деревне, что препятствовало их дальнейшему распространению в крестьянской среде [2, с. 123]. Поэтому в сложившихся условиях и на Украине, и в целом по империи, чтения стали прерогативой узкого круга общественных организаций, таких как Елисаветградское земство и Николаевское общество любителей природы (Херсонская губ.), Харьковское общество грамотности, Роменское общество сельских хозяев (Полтавская губерния) и др. [3, с. 156], [13].

Во второй половине XIX в. важная роль в распространении агрономических знаний принадлежала и сельскохозяйственным съездам. Просветительское значение большинства съездов определялось поиском оптимальных путей преодоления аграрных проблем отдельных губерний. На такой основе состоялось проведение съезда сельских хозяев в Харькове в 1874 г., на котором наиболее важной темой обсуждения стал вопрос агрокультурного освоения южных степей [14]. Киевский съезд 1872 г. был посвящен проблемам внедрения в аграрный сектор губернии технологических инноваций, разработанных сельскохозяйственными исследовательскими учреждениями Киевского учебного округа [15].

Особого внимания заслуживает организация на Украине более масштабных по своему характеру всероссийских сельскохозяйственных съездов. Наиболее известное мероприятие такого рода имело место в Киеве в 1913 г. Согласно положению о его проведении, съезд был разделен на 7 секций по отраслям сельского хозяйства и направлениям агрономии, в которых суммарное количество вопросов общероссийского значения, выдвигавшихся на обсуждение, составляло более 160 [16, лл. 376, 377, 378, 379]. В последней четверти XIX – начале XX вв. правительством предпринимались определенные меры по реформированию основных принципов функционирования сельскохозяйственных съездов. В частности, согласно утвержденным 30 мая 1880 г. правилам, спорадический характер их организации заменялся ежегодным регулярным проведением в городах губерний в порядке очередности. Не менее важно и то, что правилами не предусматривалось оказание государством какой-либо материальной или финансовой помощи [17]. По этим причинам разработанное законодательство оказалось крайне нерациональным и уже в 1881 г. было отменено [1, с. 42]. В подобных

обстоятельствах возникла необходимость создания юридической базы. В определенной мере этому соответствовали правительственные постановления от 19 апреля 1904 г. «Об изменении порядка решения некоторых дел, направленных на усмотрение императора и высших государственных учреждений» и от 6 декабря 1904 г. «О предоставлении войсковым атаманам права разрешения открытия сельскохозяйственных съездов в областях Войска Донского, Кубанской и Теркской». Принятые законы предоставляли право разрешать съезды главам администрации губерний и указанных областей и тем самым способствовали децентрализации их деятельности [18]. Также не был решен вопрос государственного финансирования этих мероприятий. Киевскому областному съезду сельских хозяев, состоявшемуся в 1890 г. Министерством было выделено 400 руб. [19, с. 67]. Однако существовали достаточно серьезные ограничения подобного рода господдержки. Так, в соответствии с законом от 6 декабря 1904 г. она абсолютно не допускалась в Области войска донского [20].

Среди различных форм агрономического просвещения на Украине следует выделить сельскохозяйственные выставки. Именно они стали объектом особого государственного покровительства. Несмотря на то, что в соответствии с «Правилами для выставок сельских произведений» от 21 мая 1869 г., определялась лишь возможность выделения со стороны Министерства Государственных Имуществ (МГИ) денежных средств на проведение выставок, их финансирование отличалось значительностью предоставляемых сумм и носило сравнительно регулярный характер [1, с. 44]. К примеру, на проведение лишь одной общей Киевской сельскохозяйственной выставки в 1897 г. министерством было ассигновано 15 тыс. руб. [21, с. 137]. За период с 1898 по 1900 гг. МЗиГИ оказало финансовую поддержку Мелитопольской (Таврическая губ.) Прилукской, Роменской (Полтавская губ.), Нежинской (Черниговская губ.) общим сельскохозяйственным выставкам, а так же специальным, т. е. устраиваемым по отдельным отраслям сельского хозяйства: Ставропольской (Таврическая губ.) и Житомирской выставкам садоводства (Волинская губ.), Одесской выставке плодоводства и садоводства (Херсонская губ.) [22, с. 150], [23, с. 123]. В сложившихся обстоятельствах непосредственные организаторы выставочных мероприятий располагали значительными возможностями по привлечению к участию в работе выставок и их посещению крестьянами [24, с. 6, 9, 11]. В частности, решением распорядительного комитета Полтавской общей сельскохозяйственной выставки 1893 г. предусматривалось обеспечение экспонентов льготными железнодорожными билетами, бесплатными либо с 50 % скидкой в зависимости от уровня доходов хозяев [25]. Кроме того, для самих посетителей была установлена незначительная цена за вход не превышающая 20 коп. в рабочие и 10 коп. праздничные дни [26, с. 7]. Не менее важным являлось соответствие просветительского потенциала выставок массовым крестьянским запросам. Например, для этого учредители Черниговской выставки коневодства, фабрично-заводской и кустарной промышленности 1883 г. предпринимали меры по ее дополнительному обеспечению агрономическими изданиями, описаниями, каталогами, рисунками, картами, коллекциями семян и т. д. [27]. Особенностью Всероссийской Киевской сельскохозяйственной выставки 1913 г. являлись массовые экскурсии для крестьян за половину стоимости от обычных посещений и меньшими ограничениями времени пребывания на выставке, что и позволило привлечь внимание более чем 1 млн. человек [16, л. 362], [28]. Крестьяне принимали достаточно активное участие в работе выставок. О чем свидетельствуют следующие данные по Херсонской губернии: в 1881 г. на Елисаветградской сельскохозяйственно-промышленной выставке в составе 91 экспонента было 25 землевладельцев, 26 крестьян и 40 представителей промышленного сословия. Еще больший прогресс отмечался на Херсонской сельскохозяйственно-промышленной выставке 1891 г., на которой из 142 экспонатов отдела кустарных промыслов, крестьянам принадлежало 99, из 77 экспонатов отдела земледелия, соответственно 35 [29, сс. 2, 9].

В целом, аграрное просвещение хотя и содействовало росту производительности сельского хозяйства, однако не привело к радикальному повышению его эффективности. В

особенности, даже в сравнительно благоприятных для земледелия условиях Полтавской губернии, в крестьянских хозяйствах урожайность зерновых выросла лишь с 7,37 центнеров с гектара в 1886–1894 гг. до 9,33 в 1904–1912 гг. [30, с. 99]. Это связано с тем, что уровень внедрения передовой техники земледелия оставался крайне низок: в 1907–1914 гг. современная система полеводства использовалась лишь в 18,6 % чересполосных хозяйств Украины, составляющих 84 % всех крестьянских [31, с. 5].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX ст. сельскохозяйственные чтения, съезды и выставки в условиях ограниченных возможностей системы аграрного образования Украины, стали вспомогательным, но крайне необходимым механизмом распространения передовых агротехнических знаний. Имела место определенная нескоординированность правительственной политики в вопросах организационного устройства и финансирования чтений и съездов. Однако опыт популяризации сельскохозяйственных знаний на Украине в рассматриваемый период не утратил сегодня своей актуальности и представляет как научный, так и практический интерес.

Содержащиеся данные и сделанные в статье выводы могут быть использованы соответствующими образовательными структурами Республики Беларусь для модернизации существующей системы подготовки специалистов-аграриев, а также проведения профориентационной работы в школе.

Литература

1. Антонович, А.Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права): в 2 т. / А.Я. Антонович. – Киев : Типогр. К.И. Завидзкого, 1890. – Т. 2. – 754 с.
2. Медынский, Е.Н. Внешкольное образование и его значение, организация и техника / Е.Н. Медынский. – Москва : Наука, 1918. – 292 с.
3. Волос, О.В. Сільськогосподарська просвітницька діяльність земств Херсонщини (кінець XIX – початок XX ст.) / О.В. Волос // Державна етнічнонаціональна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України: збірник наук. праць V Всеукраїнськ. науково-практичн. конф., Запоріжжя, 2–3 жовт. 2003 р. / Ін-т політ. і етніонац. дослідж. НАН України ; редкол. : В.О. Котигоренко [та інш.]. – Сімферополь, 2003. – С. 155–158.
4. Пропаганда сільськогосподарських знань земськими установами на Херсонщині (80-ті роки XIX – початок XX ст.) [Електронний ресурс] / О.В. Волос. – Режим доступу : <http://bibl.kma.mk.ua/pdf/naukpraci/history/2000/5-1-10.pdf>. – Дата доступу : 14.02.2010.
5. Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка) [Электронный ресурс] / В.П. Данилов. – Режим доступу : <http://ecsocman.edu.ru/data/015/645/1219/028.DANILOV.pdf>. – Дата доступу : 26.11.2010.
6. Коваленко, Н.П. Сільськогосподарські з'їзди та їхня роль у поширенні знань про сівозміни в землеробстві України (друга половина XIX – початок XX століття) / Н.П. Коваленко // Збірник наук. праць, Київськ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – Київ, 2014. – Вип. 42 : Етнічна історія народів Європи. – С. 106–112.
7. Роль кооперації в суспільно-політичному і культурному житті Півдня України [Електронний ресурс] / А.И. Дудник. – 2011. – Режим доступу : http://www.Rusnauka.com/7_NMIW_2011/Istoria/2_81012.doc.htm. – Дата доступу : 20.08.2014.
8. Первый этап столыпинской аграрной реформы: институциональный аспект [Электронный ресурс] / Н.Л. Роголина. – 2012. – Режим доступу : <http://knigilib.net/book/397-gumanitarnye-nauki-v-sibiri-vestnik-2-2012/4-pervyj-yetapnbsp-stolypinskojnbsp-agrarnoj-reformy-institucionalnyj-aspekt.html>. – Дата доступу : 21.08.2014.
9. Терлецька, У.І. Поширення сільськогосподарських знань за допомогою читань і бесід у Чернігівській губернії наприкінці XIX – на початку XX століття / У.І. Терлецька // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – 2013. – Вип. 110. Педагогічні науки. – С. 102–104.
10. Агрономія суспільна й державна [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://horyzont.narod.ru/encyklopedia/en_1_agronom_susp.htm. – Дата доступу : 30.08.2010.
11. Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия и Лесному Департаменту. – СПб. : Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1908. – 837 с.

12. Положение о порядке производства отдельными лицами, обществами и общественными учреждениями народных чтений по сельскому хозяйству и относящимся к нему отраслям знаний, 15 февраля 1903 г., № 22532 // Полн. собр. зак. Рос. имп. – 1903. – Т. 23. – Ст. 5.
13. Миколаївське товариство аматорів природи: організація та напрямки діяльності (1908–1917) роки [Электронный ресурс] / Н.Д. Колосовська. – Режим доступа : <http://bibl.kma.mk.ua/index.php?m=10&s=1&t=4>. – Дата доступа : 12.11.2010.
14. Здесь русского населения почти совсем нет [Электронный ресурс] / В. Сергийчук. – Режим доступа : <http://ukrlife.org/main/prosvita/uakrim4.htm>. – Дата доступа : 21.11.2010.
15. Історія становлення географічної думки у Київському університеті [Электронный ресурс] / С. Іщук, О. Гладкий. – 2003. – Режим доступа : <http://ukr-tur.narod.ru/istoukrgeo/allpubl/scholl/iststangeodum.htm>. – Дата доступа : 21.11.2010.
16. Прошения разных лиц о высылке программ вступительных экзаменов и правил приема в училище; о приеме в училище; о предоставлении учащимся казенных стипендий; о выдаче характеристик на учащихся; о высылке саженцев плодовых деревьев; программа и бюллетень всероссийского съезда в Киеве 1913 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 280.
17. Правила об окружных сельскохозяйственных съездах по губерниям и общем сельскохозяйственном съезде при Министерстве Государственных Имуществ, 30 мая 1880 г., № 61014 // Полн. собр. зак. Рос. имп. – 1881. – Т. 55. – Ст. 3, 5.
18. Об изменении порядка решения некоторых дел, восходящих ныне на усмотрение государя императора, а так же разрешаемых в центральных и высших правительственных установлениях, 19 апреля 1904 г., № 24381 // Полн. собр. зак. Рос. имп. – 1904. – Т. 24. – 364 с.
19. Обзор деятельности Министерства Земледелия и Государственных Имуществ в царствование императора Александра III (1881–1894 гг.). – СПб : Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1901. – 295 с.
20. О предоставлении войсковым наказным атаманам права разрешать открытие сельскохозяйственных съездов в областях войска Донского, Кубанской и Теркской, 6 декабря 1904 г., № 25480 // Полн. собр. зак. Рос. имп. – 1904. – Т. 24. – Ст. 1, 2.
21. Обзор деятельности Министерства Земледелия и Государственных Имуществ за 4-й год его существования (30 марта 1897 г.–30 марта 1898 г.). – СПб : Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1898. – 300 с.
22. Обзор деятельности Министерства Земледелия и Государственных Имуществ за 5-й год его существования (30 марта 1898 г.–30 марта 1899 гг.). – СПб : Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1899. – 325 с.
23. Обзор деятельности Министерства Земледелия и Государственных Имуществ за 6-й год его существования (30 марта 1899 г.–30 марта 1900 гг.). – СПб : Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1900. – 321 с.
24. Сельскохозяйственные выставки 1907 года. – СПб : Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1907. – 41 с.
25. НИАБ. – Фонд 2260. – Оп. 1. – Д. 378. – Л. 3. Дело об открытии сельскохозяйственной выставки в Киеве в 1897 г.
26. Положение о сельскохозяйственной и промышленной выставке, устраиваемой Киевским обществом сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в Киеве в 1897 г. – Киев, 1895. – 8 с.
27. Правила о сельскохозяйственных выставках в Тамбове, Киеве и Чернигове // НИАБ. – Фонд 2260. – Оп. 1. – Д. 259. – Л. 15.
28. Ура, Киев на полгода стал столицей Российской империи [Электронный ресурс] / В. Дружбинский. – 2003. – Режим доступа : <http://miresperanto.narod.ru/kiononi/skribas/kiev-1913.htm>. – Дата доступа : 2.10.2010.
29. Описание Херсонской земской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1890 года в связи с состоянием главных отраслей хозяйства в Херсонской губернии. – Херсон : Типогр. О.Д. Ходушиной, 1901. – 266 с.
30. Макарець, С.В. Технологія вирощування зернових культур у козацько-селянських господарствах Полтавщини на рубежі XIX–XX ст. / С.В. Макарець // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – 2010. – Вип. 28. – С. 98–101.
31. Соціально-економічне становище селянства України на початку XX ст. / В.В. Бочаров // Наука, релігія, суспільство. – 2009. – № 2. – С. 3–6.

Политика кабинетов М. Тэтчер в сфере школьного образования

А.А. ВОРОНЕЦ

Рассмотрены основные мероприятия британских правительств в сфере школьного образования в 80-е гг. XX в. Проанализирована деятельность премьер-министра и министров образования данного периода (М. Тэтчер, К. Джозефа, К. Бейкера) по формированию образовательной политики и её реализации на практике. Автор уделил особое внимание анализу реформы образования 1988 г., осуществившей всестороннюю перестройку британской средней школы, и проследил реакцию общества на политику кабинетов М. Тэтчер в данной сфере.

Ключевые слова: Великобритания, Консервативная партия, образование, образовательная политика, объединенная школа

The principal actions of British governments in the field of school education in the period of 1980s are considered in the article. Activity of the prime minister and ministers of education (M. Thatcher, K. Joseph, K. Baker) on formation of educational policy and its realisation in practice is analysed. Particular attention is paid to the analysis of educational reform in 1988, which carried out a comprehensive restructuring of the British secondary school. The public reaction to the policy of the Cabinet of Margaret Thatcher in the field is considered.

Keywords: Great Britain, Conservative party, education, educational policy, comprehensive school.

Введение. Система образования Республики Беларусь на протяжении 1990–2000-х гг. переживала период перманентных изменений. Министерство образования стремилось приблизить отечественную образовательную сферу к европейским и мировым стандартам, сохранив все лучшее из советской системы. Вместе с тем, позитивные и негативные тенденции в развитии национальной средней школы обусловили необходимость анализа и осмысления пути, пройденного образовательными системами других стран, определения наиболее успешных шагов в образовательной политике наиболее развитых стран мира. Политика в сфере образования в любом государстве напрямую зависит от традиций, ценностей и потребностей, принятых в данном обществе. В связи с этим, вместе со стремлением перенести на нашу почву европейские стандарты, необходимо не забывать о достоинствах и недостатках зарубежной школы, реформах, которые она пережила и которые могут быть полезны белорусской коллеге. В этом отношении опыт реформ, проведенных британскими правительствами, интересен и актуален. Современная британская школа построена на принципах, заложенных в 1980-х гг. кабинетами М. Тэтчер. Консервативная партия под её руководством победила в 1979 г. на парламентских выборах. Она находилась у власти более десятилетия и за этот период провела ряд реформ, значительно изменивших жизнь британского общества. Первостепенное внимание правительство М. Тэтчер уделяло британской экономике, вместе с тем изменения коснулись и социальных сфер, одной из которых и являлась система образования. Реформы среднего образования, осуществленные консерваторами, вызвали неоднозначную реакцию британского общества. Вместе с тем, последующие премьер-министры – Дж. Мейджор и Т. Блэр, поддержали шаги М. Тэтчер в данной области.

Политика правительств М. Тэтчер продолжает оставаться в центре внимания исследователей разных школ и направлений. В английской историографии присутствует четкое разграничение чисто биографических работ, посвящённых личности премьер-министра, и работ, анализирующих политику партии. При этом образовательная политика 80-х гг. XX в. является в большей степени объектом изучения для британских педагогов, а не историков, так как последние систему образования рассматривают вместе со здравоохранением и социальным обеспечением как часть комплексной правительственной программы социального реформирования. Среди значительных работ можно отметить исследования К. Джонса [1], Д. Гилларда [2], Б. Саймона [3]. В российской историографии важное место занимают работы А.А. Громыко [4], С.П. Перегудова [5], Е.С. Хесина и С.П. Мадзоевского [6]. Однако в них также сделан акцент на партийную борьбу и экономические реформы консервативных правительств. В отечествен-

ной историографии образовательная политика британских властей и вопрос развития школ рассматривались в обзорах, подготовленных Национальным институтом образования [18]. В них в сжатой форме отмечены основные проблемы британского среднего образования во второй половине XX в. Вместе с тем, анализ причин возникновения данных проблем, пути их решения, влияние партийной принадлежности правительств и консервативной или лейбористской идеологии на формирование образовательной политики в них не рассмотрены.

В связи с этим, целью данной работы являлось выявление и анализ основных особенностей политики консервативных кабинетов М. Тэтчер в сфере среднего образования.

Основная часть. В предвыборном манифесте консерваторов не было щедрых обещаний или волшебной формулы для лёгкой и прекрасной жизни англичан. Запланированные правящей партией реформы по сути были основаны на здравом смысле [7]. Сфере образования была посвящена лишь небольшая часть данного документа. Здесь в первую очередь критиковалась политика лейбористов по созданию единой общеобразовательной школы. В отношении собственной программы по реформированию сферы образования разработчики манифеста ограничились лишь указанием направлений, по которым будет двигаться будущее консервативное правительство: отмена Закона об образовании 1976 г., принятого лейбористским правительством, и приостановка объединения трех типов британских школ в один; введение национальных стандартов качества образования и усиление контроля за их исполнением; расширение прав родителей относительно деятельности школ; стимулирование развития технических специальностей [7].

Политика нового правительства и его лидера М. Тэтчер строилась на ряде общих принципов и положений: приватизация национализированных предприятий и отраслей, сокращение государственных трат, расширение конкуренции, свобода выбора и др. Следует заметить, что многие из них шли вразрез с принятыми в послевоенной сфере образования канонами, такими как доступность, равенство, бесплатность, ликвидация привилегированности. Однако правительство М. Тэтчер не намерено было менять свой курс и отступать ни в экономической, ни в социальной сферах.

Область образования и её проблемы были хорошо знакомы М. Тэтчер. В 1970–1973 гг. она занимала пост госсекретаря по вопросам образования и науки в правительстве Э. Хита. На данном поприще она запомнилась рядом неоднозначных действий и, прежде всего, отменой решения лейбористского правительства о переходе к единой школе. На посту премьер-министра при формировании образовательной политики М. Тэтчер помимо собственных взглядов и опыта руководствовалась так называемыми «Черными книгами», популярными у консервативно настроенной части английского общества. Данные издания выходили с 1969 г. по 1977 г. и критиковали идею всеобщности системы образования и попытки лейбористского правительства заменить трехступенчатую модель среднего образования единой школой. Первая из указанных книг была написана и опубликована преподавателями английского языка Брайаном Коксом и Энтони Дайсоном, затем к ним присоединились другие педагоги, в том числе и директора школ. По их мнению, распространение программы грамматических школ на всех учеников, отмена тестирования знаний учащихся в возрасте 11 лет снизили качество образования, поскольку «конкуренция уступила место самовыражению» [8]. М. Тэтчер лично была знакома с авторами «Черных книг», а один из них – доктор Р. Бойсон – в 1979 г. был назначен заместителем министра образования. Он напрямую участвовал в разработке учебной программы и был автором многих идей (введение школьных ваучеров и др.).

Первым госсекретарем по вопросам образования и науки в правительстве М. Тэтчер стал Марк Карлайл. Он был довольно прагматичным политиком, имевшим весьма поверхностные данные о государственном секторе образования, поскольку в своей жизни никогда не соприкасался с данной сферой. Ряд исследователей отмечали, что во время своего первого пребывания на Даунин-стрит М. Тэтчер гораздо больше интересовали проблемы безработицы, рост инфляции и отношения с профсоюзами. Именно на них были направлены все усилия премьер – министра. Образование вместе с другими социальными службами осталось на периферии правительственной политики. Поэтому М. Карлайл в период своей министерской деятельности (1979–1981 гг.) радикальных изменений не провел.

Основным действием департамента образования и науки на данном этапе стало принятие Закона об образовании 1979 г. Сутью данного документа стало аннулирование норм Закона 1976 г., в котором был прописан полный переход к единой средней школе [9]. В 1980 г. и 1981 г. были приняты более детальные законопроекты, касающиеся роли родителей в работе средней школы. В частности здесь закрепились положения, по которому в состав управляющего органа школы должны были входить не менее двух представителей родительского комитета. Родители также получили право выбора школы для ребенка. На местные власти возлагалась полная ответственность за удовлетворение подобного желания. Вместе с тем обозначались случаи, в которых родителям могло быть отказано в их выборе. Кроме того, прописывался порядок открытия и закрытия школ, детских садов, разграничивались полномочия местных и центральных властей в данном вопросе [10]. Закон об образовании 1981 г. был своеобразным ответом на доклад Мэри Уорнок, подготовленный в период работы в Комитете по изучению проблем образования детей с физическими ограничениями. Данный Комитет был сформирован в 1973 г. при непосредственном участии госсекретаря по вопросам образования М. Тэтчер. В течение пятилетнего срока деятельности Комитета его члены регулярно посещали школы, колледжи и больницы Англии, Шотландии и Уэльса, а в период командировок учебные заведения США, Канады и Германии. В результате этого в 1978 г. был опубликован доклад, всесторонне рассмотревший проблемы данной категории детей [11]. Правительству были даны более 220 рекомендаций по организации учебного процесса для учащихся с ограниченными возможностями, медицинскому сопровождению, упорядочению обязанностей местных властей и администрации школ, правам родителей и т. д. [11, р. 338] Данные положения легли в основу Закона 1981 г., предоставившего родителям детей с ограниченными возможностями больше прав и свобод, оформившего порядок их обучения в обычных классах. Ещё одним направлением, по которому работал департамент образования в рассматриваемый период, стала школьная программа. Напрямую здесь не указывалось, какие предметы и в каком объеме следует преподавать. Однако уже в марте 1981 г. валлийское бюро департамента образования издало рекомендации по составлению школьной программы («School Curriculum»). Данная разработка департамента образования хоть и носила рекомендательный характер, однако должна была обязательно учитываться администрацией школ и местными властями [12, р. 5]. В октябре того же 1981 г. был издан официальный Циркуляр 6/81, в котором местные власти обязывались пересмотреть положение в подвластных им школах и внести изменения согласно ранее отмеченным принципам [13].

В 1981 г. новым госсекретарем по вопросам образования стал Кит Джозеф, который имел принципиально иные взгляды на развитие данной сферы. Он являлся давним сторонником сводного рынка и конкуренции в образовании и был одним из основателей правого Центра политических исследований, отстаивавшего идею автономии школ при минимальном вмешательстве государства [14]. Высказывание К. Джозефа «рыночные силы вместо планирования, частные деньги вместо общественных» по сути стало основным принципом социальной политики кабинетов М. Тэтчер [15, с. 101]. С назначением нового госсекретаря начался новый этап в образовательной политике консерваторов. Хотя за пять лет пребывания К. Джозефа в должности и не было принято радикальных законов, изменивших сложившуюся систему образования, однако госсекретарь весьма активно пропагандировал свои взгляды и политику правительства по предоставлению большей свободы школам, переходу всей сферы образования на рыночные начала. Именно при К. Джозефе в департаменте и в обществе активно обсуждалась идея по введению школьного ваучера. Предполагалось выплатить родителям сумму на обучение ребенка в школе в виде чека (ваучера). В силу этого родители могли сами выбирать, где будет обучаться их ребенок. Между школами возникала бы естественная конкуренция. Идея на практике не была реализована.

В период министерской деятельности К. Джозефа была продолжена работа по формированию общего учебного плана школ. Как отмечалось в «Школьной программе» 1981 г. («School Curriculum»), качество образования зависит от трех фактов: учебной программы, качества преподавания и имеющихся ресурсов. В связи с этим департамент образования особое внимание обратил на деятельность преподавателей. В 1984 г. был создан Совет по аккре-

дитации подготовки учителей (Council for the Accreditation of Teacher Education). В то же время муниципальном уровне был упразднен школьный совет, где педагоги играли значительную роль. Его обязанности были разделены между правительственными институтами (Совет по школьным экзаменам и Совет по развитию учебной программы), под эгиду которых попадали все соответствующие вопросы. Тем самым учителя были отстранены от разработки этих мероприятий.

В период работы К. Джозефа и его преемника К. Бейкера (занимал пост госсекретаря по вопросам образования с 1986 г.) были разработаны и приведены в действие практические меры по внедрению рыночных элементов в образование. В 1986 г. был принят закон об образовании, который предусматривал повышение стандартов обучения, реорганизацию управления школами и собственно процесса обучения [16]. В составе школьных советов расширялось представительство родителей и сферы бизнеса, они получали более широкие полномочия по контролю над преподаванием. Также предусматривались четко регламентированная система оценки деятельности учителей и более эффективные методы их переподготовки.

Наиболее радикальная реформа образования была проведена правительством М. Тэтчер в 1988 г. Преобразования коснулись всех сфер деятельности школы. В частности обновилось содержание образования, изменились формы управления школами, расширилось представительство бизнеса в процессе обучения. Данная реформа представляла собой попытку улучшить качество школьного образования за счет создания системы, согласно которой предоставление услуг высокого качества должно было получить финансовое вознаграждение. Закон об образовании 1988 г. предусматривал:

- введение единого национального учебного плана и установление повозрастных стандартов знаний учащихся;
- свободу выбора родителями школы для своих детей (при наличии свободных мест);
- расширение участия родителей в управлении школами, усиление их контроля за финансированием обучения и содержанием учебной программы;
- передачу финансового управления руководящим органам школ, что ограничило бы возможности местных органов образования вмешиваться в их текущую деятельность;
- введение конкурентной системы школьного финансирования, уровень которого зависел бы от числа учащихся при условии их свободного набора в учебные заведения. Эта своеобразная ваучерная форма финансирования позволяла ограничивать контроль местных органов образования в распределении финансовых ресурсов между школами;
- предоставление школам возможности выйти из-под контроля местных органов образования и зарегистрироваться в качестве так называемых «независимых школ», прямо финансируемых департаментом образования [17].

В Законе 1988 г. четко оговаривалось, что контроль над содержанием образования будет осуществлять госсекретарь по вопросам образования, а местные органы должны следить за внедрением нового содержания образования в школах. Большая роль возлагалась на инспекторов местных отделов образования, которые считались советниками школ. По новому закону, должна была активизироваться роль родителей в деятельности учебных заведений. Они могли знакомиться с опубликованными докладами о результатах работы школы, а свое одобрение или недовольство высказать в личных беседах с учителями и на родительских собраниях. Родители получали право выбрать любую школу для обучения своих детей. Ограничение в приеме могло быть оправдано лишь отсутствием в школе достаточного количества учебных помещений. Школы, пользующиеся большей популярностью, в случае необходимости могли ставить перед местными органами или департаментом образования вопрос о расширении.

Согласно Закону 1988 г., учебные заведения, число учащихся в которых увеличивалось по сравнению с предыдущим годом, автоматически получали больше средств и, следовательно, могли увеличить штат учителей. Соответственно школам, которые теряли учащихся, выделялось меньше средств. Такие меры, по мнению правительства, должны были повысить качество образования и стимулировать школы к повышению эффективности своей работы.

Меры правительств М. Тэтчер по реформированию школы и в частности закон об образовании 1988 г. вызвали много негативных откликов в педагогической среде. Критике подвергался принцип приоритета экономических целей, при котором игнорировался такой важ-

ный факт, как глубокое понимание социальных процессов; включение в перечень обязательных дисциплин, не подкрепленных научными разработками, что не способствовало формированию у детей целостного восприятия мира [18, с. 84].

Так, известный английский педагог Брайан Саймон критиковал деятельность правительства в области образования ещё в начале 1980-х гг., когда консерваторы отменили распоряжение лейбористов по объединению грамматических и современных школ в одну – единую общедоступную школу. По его мнению, среднее образование, которое воплощала в себе объединенная школа, по своей форме и структуре потенциально обладало гораздо большим потенциалом, чем возможности узкофункциональной школы. Для подтверждения своей точки зрения он приводил данные по результатам выпускных экзаменов, сравнивая 1970/71 и 1981/82 учебные годы: процент учащихся, получивших пять или более высоких итоговых оценок на выпускных экзаменах соответственно возрос более чем на 30 %; процент учеников, получивших от одной до четырех хороших оценок вырос более чем на 50 %, а процент учащихся не получивших удовлетворительные оценки, значительно снизился – с 44 до 12,9 % [3, с. 184]. Педагогам не нравились меры по централизации системы образования, по установлению правительственного контроля за учебной программой, экзаменами, системой оценивания.

Критика закона 1988 г. педагогами, нехватка учителей по ряду предметов, традиции страны, заключающиеся в большой самостоятельности школ и в высокой степени дифференциации обучения, привели к ослаблению жесткого курса правительства. В связи с нарастанием критики образовательной политики госсекретарь по вопросам образования в правительстве консерваторов Дж. Мак-Грегор отмечал в 1990 г. необходимость предоставления школам права более гибкого планирования обучения основным предметам и сбалансированного набора предметов по выбору [18, с. 85]. За школами было оставлена возможность составлять учебные планы, распределять время на обязательные предметы по своему усмотрению. Программы стали разрабатываться с учетом достижений учащихся, допускались дифференцированные темпы и глубина усвоения материала в соответствии с тем или иным уровнем обучения. В то же время дифференциация обучения осталась высокой, фактически у каждого старшеклассника был индивидуальный учебный план.

Заключение. Характерной чертой политики консервативной партии в сфере среднего образования было её преобразование в духе принципов свободной конкуренции. Придя к власти в 1979 г., консерваторы стали популяризировать идею рыночного способа предоставления социальных услуг. В этой связи акцент делался на необходимость создания рынка и в сфере образования, где покупателями выступали не только родители учеников, но и владельцы фирм и предприятий, на работу к которым приходили будущие специалисты. Вместо эгалитарного образования, которое формировалась правительствами в послевоенный период, новая политика предлагала дать всем гражданам возможность выбирать по своему вкусу образовательные услуги у конкурировавших на рынке «фирм»-школ. Как показал анализ официальных документов, детальная политическая программа реформирования британской школы была полностью сформирована лишь к третьему сроку премьерства М. Тэтчер к концу 1980-х гг. Особую роль в этом процессе сыграл госсекретарь по вопросам образования и один из сподвижников М.Тэтчер – Кит Джозеф. Вместе с тем, автор пришел к выводу, что при проведении реформ не было проанализировано и принято во внимание реакция общественности и педагогической среды на стремление правительства ввести рыночные элементы в систему школьного образования. В результате чего последующее консервативное правительство было поставлено перед фактом падения популярности образовательной политики партии и необходимости внесения в неё изменений.

Литература

1. Jones, K. Education in Britain: 1944 to the present / K. Jones. – Cambridge : Polity Press, 2003. – 202 p.
2. Gillard, D. Education in England: a brief history [Electronic resource] / D. Gillard. – 2011. – Mode of access : <http://www.educationengland.org.uk/history/index.html>. – Date of access : 11.10.2014.
3. Саймон, Б. Общество и образование / Б. Саймон. – М. : Прогресс, 1989. – 197 с.

4. Громыко, А.А. Политический реформизм в Великобритании (1970–1990 гг.) / А.А. Громыко. – М. : Изд. Дом «XXI в. – Согласие», 2001. – 267 с.
5. Перегудов, С.П. Тэтчер и тэтчеризм / С.П. Перегудов. – М. : Наука, 1996. – 298 с.
6. Великобритания / С.П. Мадзоевский [и др.] ; под общ. ред. С.П. Мадзоевского и Е.С. Хесина. – М. : Мысль, 1981. – 429 с.
7. Foreword. Conservative Party General Election Manifesto 1979 [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access : <http://www.conservative-party.net/manifestos/1979/1979-conservative-manifesto.shtml>. – Date of access : 10.05.2014.
8. Linden, D. The Black Papers and the debate about standards [Electronic resource] / D. Linden. – Mode of access : <http://conservativehistory2.blogspot.com/2011/09/black-papers-and-debate-about-standards.html>. – Date of access : 12.05.2014.
9. Education Act 1979 [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/49/section/1/enacted>. – Date of access : 12.05.2014.
10. Education Act 1980 [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1980/20/contents/enacted>. – Date of access: 10.05.2014.
11. The Warnock Report (1978). Special Educational Needs [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access : <http://www.educationengland.org.uk/documents/warnock/warnock1978.html> – Date of access : 14.05.2014.
12. The School Curriculum. [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access : <http://www.educationengland.org.uk/documents/des/schoolcurric.html>. – Date of access: 14.05.2014.
13. Circular 6/81 (1981) [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access : <http://www.educationengland.org.uk/documents/des/circular6-81.html>. – Date of access : 14.05.2014.
14. Gillard, D Preparing the ground [Electronic resource] / D. Gillard. – 2011. – Mode of access : <http://www.educationengland.org.uk/history/chapter08.html>. – Date of access : 11.05.2014.
15. Государство и образование: опыт стран Запада: сб. обзоров / отв. ред. С.Л. Зарецкая. – М. : ИНИОН, 1992. – 141 с.
16. Education Act 1986 [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/40/contents/enacted>. – Date of access : 15.05.2014.
17. Education Reform Act 1988 [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/40/contents/enacted>. – Date of access : 15.05.2014
18. Сравнительная педагогика: школьное образование за рубежом / Нац. ин-т образования ; ред. В.И. Андреев. – Минск : НИО, 1999. – 119 с.

УДК 94:39:614.26:133.3(476.2)"19/20"

Эвалюцыя практыкі варажбы ў знахарстве Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст.

У.А. ГАНЧАР

Разглядаецца варажба ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст., раскрываюцца прычыны і сутнасць зменаў у гэтым кірунку знахарскай дзейнасці, якія сталі вынікам эвалюцыі знахарства ў 1930-я гг. – пачатку XXI ст., а таксама паказваецца стан захаванасці варажбы ў канцы XX – пачатку XXI ст. Аўтарам робіцца выснова аб важнасці дадзенай функцыі ў знахарскай практыцы рэгіёну і яе выкарыстанне да нашага часу.

Ключавыя словы: знахарства, традыцыйная культура, Беларускае Палессе, варажба.

The divination in witch-doctors' practice in Belarusian Polesie in the XX – early XXI century is investigated. The causes and nature of changes in this direction witch-doctors' activities, which were the result of the evolution of witch-doctorship in the 1930s – the beginning of XXI century are revealed. The state of conservation of divination in the end of XX – beginning of XXI century is shown. The importance of this function in witch-doctors' practice in the region and its use up to our time is underlined.

Keywords: witch-doctorship, traditional culture, Belarusian Polesie, divination.

У знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў большасці выпадкаў патрабавалася прагназаванне будучыні ці прадастаўленне адказу на пытанні, вырашыць якія звычайнаму чалавеку ўяўлялася немагчымым па прычыне адсутнасці ў яго неабходнай інфармацыі і доступу да яе. Таму ў такой сітуацыі і звярталіся менавіта да знахароў як людзей, спецыфічныя здольнасці якіх, па агульным ўяўленні, паходзілі ад падтрымання імі кантакту са звышнатуральнымі істотамі, якія і павінны былі дапамагчы вырашыць пэўную праблему. У такіх выпадках знахарамі звычайна выкарыстоўвалася варажба як рытуал, накіраваны на ўсталяванне кантакту са звышнатуральнымі сіламі. Важнасць варажбы як знахарскай функцыі падцвярджаецца тым, што яна захавалася да нашага часу, нягледзячы на знікненне многіх знахарскіх функцый на працягу XX ст.

Мэта работы – прасочванне эвалюцыі варажбы ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст. У навуковай літаратуры дадзеная тэма спецыяльна не разглядалася. Крыніцамі для напісання работы паслужылі матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў, якія праводзіліся аўтарам на тэрыторыі Беларускага Палесся ў 2004–2011 гг., а таксама апублікаваныя матэрыялы фальклорна-этнаграфічных даследаванняў Беларускага Палесся ў другой палове XIX – пачатку XXI ст.

Перш чым перайсці непасрэдна да вывучэння тэмы, неабходна адзначыць, што на тэрыторыі Беларускага Палесся ў першай трэці XX ст. вылучаліся два асноўныя тыпы «знаючых»: «шаптуны» і «знахары». «Шаптунамі» называлі знахароў, якія нібыта ўспрынялі магічныя здольнасці ад Бога ці хрысціянскіх святых. Іх асноўная функцыя – папярэджанне і лячэнне хвароб людзей і жывёлы, якія мелі натуральныя прычыны ці былі вынікам ненаўмыснага чаравання. Крыніцай магічных ведаў «знахароў» лічылі нячыстую сілу. Апошняя нібыта надавала такім людзям звышнатуральныя здольнасці, якія маглі выкарыстоўвацца як у станоўчым, так і ў адмоўным кірунках. Слова «знахар» было найбольш агульным для другога тыпу «знаючых». Адначасова дадзеная назва мела нейтральна-станоўчы сэнс і абазначала носьбітаў знахарскіх ведаў гэтага тыпу, дзейнасць якіх была накіравана пераважна на дапамогу людзям. Слова «вядзьмар», «чараўнік», «чарнакніжнік» мелі негатыўны сэнс і абазначалі «знахароў», дзейнасць якіх мела пераважна адмоўны характар. Назва «варажбіт» характарызавала спецыялізацыю «знахароў» у адной з іх асноўных функцый – варажбе [1], [2]. У сваёй дзейнасці абодва тыпы «знаючых» практыкавалі варажбу, якая магла быць як самастойным кірункам знахарскай дзейнасці, так і складовай часткай іншага рытуалу. Пры гэтым спосабы варажбы «шаптуноў» і «знахароў» адрозніваліся.

Спосабы варажбы, якімі карысталіся «шаптуны», не патрабавалі прамога кантакту са звышнатуральнымі сіламі. У большасці выпадкаў іх варажба мела на мэце пастаноўку дыягназу пры лячэнні на аснове маніпуляцый з рознымі прадметамі, самаадчування і паводзін «шаптуна» і яго пацыента пры лячэнні, сноў і т. п. Таму варажба гэтага тыпу «знаючых» у асноўным складалася з дыягназу і вызначэння прычын хвароб. Напрыклад, Драцэвіч Марыя Фамінічна (1928 г.н., в. Баландзічы Іванаўскага раёна) прывяла наступны спосаб выяўлення «суракаў» у чалавека: «*На воду шчэ кыдаюць, это ўродзе, кубок змеш воды, а жэр там у пэчы, чы ў грубэ, чы шчо. Да трэба зноў, это од урокаў, это ўродзе помыслы такіе. То трэба кыдаты чы там ложкою, чы ножыком дзеўяць жарынок такых, о у воду там, у кубок чы ў шчо. Кыдаеш у воду, то кажучь, як потонуць, то ныхто нэ сурочыў, а як плавае там скыльکو, то это тыі ўрокі*» [3, арк. 101]. У выпадку, калі дыягназ паставіць не атрымлівалася, нездаровы стан пацыента тлумачылі «суракамі» і т. п. Э. Яленьска, апісваючы практыку адной са знахарак вёскі Камаровічы, адзначае: «Калі не можа пазнаць, якая хвароба, прыпісвае гэта ўрачэнню» [4, с. 62]. Семіход Марыя Антонаўна (1928 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна, да 1986 г. пражывала ў в. Міхалёўка Брагінскага раёна) гаварыла, што «*калі плоха станавілась, цемпература падымалась невядома ад чаго, дак казалі, што гэта мо ад людзей*» [3, арк. 1]. Аналагічнымі былі спосабы варажбы «шаптуноў», якія выконваліся з іншай мэтай. Напрыклад, бабуля Цярлецкай Валянціны Антонаўны (1930 г.н., в. Дубае Пінскага раёна), каб вызначыць, ці падыходзіць яе ўнучцы шлюбны партнёр, кідала ў ваду хлеб, загадваючы пры гэтым, ці цяжарная першая жонка гэтага чалавека: «*Моя стара бувало, вона хлеб кыдае, ну гэто можне хліб, вона ў воду кыдае <...>. Ну вона ў воду ўкідала, кажа: “Чы берэменна, чы будэ дэтына”?* Ну то вона була берэменна, тая, яго перша жонка. То хлеб ўсплэў навэрх. А як патонэ, то кажэ, то нэма нычого, то нэма ныц» [3, арк. 109].

Варажба «знахароў» адбывалася нібыта з дапамогай непасрэднага кантакту з нячыстай сілай. У крыніцах у якасці спосабаў усталявання такіх кантактаў згадваюцца сны, назіранне за зорамі, маніпуляцыі з рознымі прадметамі і рэчывамі. А.К. Сержпутоўскі наступным чынам апісвае варажбу «знахароў»: «*І вось прымхлівы беларус пры кожным няшчасці ідзе да “ведзьмака” па параду і дапамогу. Той ламаецца, і толькі пасля моцнай просьбы налівае з бутэлькі шклянку вады, і ўважліва глядзіць у яе, як бы жадаючы ў шклянцы вады ўбачыць разгадку няшчасця чалавека. Доўга разглядвае, варочае шклянку, качае галавой для большай важнасці, і, нарэшце, аб’яўляе, што “вельмі моцно ўздзеяно”, і што, маўляў, у полі завіта “заломка”. Глядзіць яшчэ ў шклянку і кажа, у колькіх кроках стаіць “заломка” ад той ці іншай дарогі ці мяжы. Некаторыя “ведзьмары” вядуць прасіцеля ноччу ў лес, разводзяць там вогнішча, прамаўляючы адпаведныя замовы, і глядзяць то ў вогнішча, стараючыся разгадаць лёс гэтага чалавека*» [5, с. 4]. Яшчэ адным спосабам варажбы з’яўляліся сны. П.В. Шэйн паведамляе наступныя звесткі аб варажбе «знахара» ў Мазырскім павеце: «*Калі ўжо нарэшце знахар дасць згоду дапамагчы каму-небудзь, то бярэ ад яго хусту ці шалік і кладзецца спаць у асобным ад усіх пакоі. Праспаўшы гадзіну, дзве ці тры, ён устае і пачынае даваць парады і настаўленні звярнуўшымся да яго*» [6, с. 259]. Так званая «саламяная баба» з вёскі Сярэднія Печы Лельчыцкага раёна варажыла на печы з дапамогай саломы. Юшкевіч Марыя Андрэеўна (1927 г.н., в. Сярэднія Печы Лельчыцкага раёна) успамінае: «*У нас у дзярэўні было й баба-ворожжа ворожыла і на солону гадала, і ворожыла, і воду давала. А яна салому набярэ таку жменьку і круціць... і бачыць, шо ты... твою дзеўку тебе назове як яе зваць, на салому гледзячы*» [3, арк. 37].

Яшчэ адным распаўсюджаным спосабам была варажба на картах. Фіцнер Вольга Іосіфаўна (1929 г.н., в. Грэбені Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Жмурнае Лельчыцкага раёна) так апісвае варажбу «знахара» на картах: «*Вот колісь у Добровэ чэловек быў, еслі с коровой, то он просто гадаў, гадаў. І кажэ, ну он знаў багато шота, дед і гоўорыў і он кажэ, шо вот хто зробіў, яка масць корові, што і хто зробіў, это вон усе кажэ. І вон даваў воду. І ета, я ходіла до ёго, до того дэда Піліпа, ну ўжэ его даўно нема. І вон і помогаецца. Я стояла, вон там гадаў, ён на карты, раскінуў карты, на карты, потом кніжку чытае, доўго кніжку чытаў*» [3, арк. 29].

Пры гэтым лічылі, што паколькі «знахарам» у варажбе нібыта дапамагае нячыстая сіла і чакалі іх, што яны могуць бачыць, напрыклад, будучыню без усялякіх маніпуляцый. П.В. Шэйн прыводзіць гісторыю, запісаную ў Мазырскім павеце Мінскай губерніі, згодна з якой два браты паехалі да «знахара», каб даведацца, дзе лепш будаваць новую хату. Не застаўшы яго дома, яны засталіся яго чакаць, прычым малодшы залез на печ пагрэцца, а старэйшы застаўся за сталом. Калі «знахар» прыехаў, то, пасля таго як згадзіўся дапамагчы, адправіў старэйшага на вуліцу не ведаючы, што малодшы застаўся ў хаце. Далей П.В. Шэйн піша: «раптам за свістам знахара ўваходзіць у пакой, дзе ён знаходзіўся, малады чалавек, даволі прыстойна апрануты, з тросцю ў руках, але з хвостом ззаду і з рагамі на галаве, па ўсяму бачнаму, гэта быў нячысты дух (“анцыхраст”) і пытае знахара: што яму трэба? Знахар паведамляе, што прыйшоў чалавек і пытае яго, дзе пабудаваць хату. Нячысты кажа знахару, што на агародзе ў гэтага чалавека стаяць дзве ігрушы, адна з іх дае салодкія плады, а другая кісаватая; няхай гэты гаспадар ссячэ лепшую ігрушу і там пабудуе дом. І будзе шчасліва і весела жыць. “А цану якую ўзяць з яго за парад?” пытае знахар у д’ябла. “Вазьмі 2 залатых (трыццаць коп.) і падзелім папалам”, – сказаў д’ябл і пайшоў» [6, с. 259]. Уласенка Наталля Рыгораўна (1944 г.н., в. Чамярысы Брагінскага раёна) у маладосці шмат хварэла. Па словах інфарманткі, яе муж стаў часта ёй здраджваць. Інфармантка так апісала сваю сустрэчу са «знахаркай», да якой яе прывёз муж: «*Ох, а тая баба во такенная во, таўсценая, да, за етае, за качаргу, да ўслед за мною як пабяжыць, а ён сеў наўпроці двара, а яна бяжыць, а ў мяне ногі баляць, куды я пабягу? Я кажу: “Хоць, бабка, ўбівайце мяне, – кажу, – я, – кажу, – нікуды не пайду”. – “Дак ты, – кажа, – сюды ка мне, – кажа, – прывезла, блядуна, да й пасадзіла шчэ, – кажа, – ў мяне шчэ наўпроці двара”*. – А адкуль яна знала (У.Г.)? – *А яна ж знахарка!»* [3, арк. 121]. У Нараўлянскім раёне аўтарам быў запісаны аповяд, згодна з якім маці і дачка пайшлі да мясцовай «знахаркі», каб даведацца, калі дачка выйдзе замуж. У якасці аплаты яны ўзялі сала і каўбасу. Але па дарозе дачцэ стала шкада каўбасы і яна схавала яе. Як толькі яны зайшлі да «знахаркі» ў хату, тая прагнала іх са словамі: «*Пайшлі прэч! Не трэба мне вашай каўбасы!»*

Пачынаючы з 1930-х гг. у знахарстве Беларускага Палесся пад уплывам сацыяльна-эканамічных, культурных працэсаў, пачынаюць адбывацца змены, вынікаюць якіх стала змяншэнне ролі знахарства ў жыцці грамадства, звужэнне знахарскай сферы дзейнасці. Моладзь у новых умовах часта не жадала пераймаць знахарскія веды, асабліва звязаныя з усталяваннем кантакту з нячыстай сілай. Напрыклад, Заяц Лукер’я Філіпаўна (1936 г.н., в. Буда-Сафіеўка Лельчыцкага раёна) адмовілася вучыцца спосабу варажбы, таму што пры гэтым неабходна было выклікаць душы няхрышчаных дзяцей: «*Раньшэ есці ездзілі етые... ну не было ж ні пісем, ні ціліфоноў, яе мужык паехаў плавіць лес. Это ўжэ па рэчке. Гаворыць няма й няма месяц і другі, значыць мо ўтонуў ці ніхто нічога не сообщчае. А яе навучылі. Ты здзелай так. Я говору: “Вы мне тыя слава ўжэ не кажыце, я іх не хочу”*. – Дак вы не ведаеце словы (У.Г.)? – *Не, я іх не запамінала і не хацела. Ана гаворыць: “Мне такэ і такэ слава прымерно казалі”*. Я не знаю акія слава. І гаворыць: “*Ляж на лаві такой пустой і этыя слава скажы і табе прыляцяць дзеткі няхрышчанья, няхрышчанья глаўно? і скажуць на славах: жывы ілі не”*. Дак ана гаворыць: “*Я это дзелала, ана мне сказала, і легла на лаві пустой, ано як начало шумець, як начало раўці над окнами бура якая-то. А я, – гаворыць, – нічога не спутала, да спугалася, да пабегла, да ў дзеці легла спакойно. Да думаю: о, зрабіла! О, навучылі! Што сарвало цяпер крышу і сада ўсяго змотало”*. Но я ёй... она мне это гаворыла. А я говору: “*Вы мне этыэ слава не паўтарайце, я іх не хочу панімаць”*. Вот это было. “*А я, – кажа, – ўстала, нідзе не тронку... ні ветачка ні адна не ўпата, ні крыша ні снята, нічога”*. Вот это ана мне сказала, і вот это ёй было у жызні. Ну ёй было это, яна ўжэ не ўрала мне. Она это гаворыла і панімала» [3, с. 57].

Так, у выніку практычна поўнага знікнення «знахароў» як асобнага тыпу «знаючых» у рэгіёне, звужэння знахарскіх функцый, а таксама негатыўнага стаўлення многіх «шантух» да гэтага кірунку дзейнасці, варажба ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў канцы ХХ – пачатку ХХІ ст. выкарыстоўваецца пераважна для пастаноўкі дыягназу пры лячэнні хвароб,

што вызначае асноўныя спосабы варажбы, якія захоўваюцца ў знахарстве. Некаторыя «шаптухі» ўвогуле адмаўляюць наяўнасць у іх спецыяльных спосабаў пастаноўкі дыягназу, а вызначаюць праблему, напрыклад хваробу, па апісанні сімптомаў самім хворым і па сваіх назіраннях. Напрыклад, Семіход Марыя Антонаўна (1928 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна Гомельскай вобласці, да 1986 г. пражывала ў в. Міхалёўка Брагінскага раёна) паведаміла: «*Прыходзяць і кажуць: “Вот, палячы мне руку, ці зляк, я спужаўся”*» [3, арк. 1]. Аднак большасць знахароў маюць пэўныя спосабы вызначэння дыягназу. Адным з найбольш распаўсюджаных з’яўляецца чытанне знахарамі замоў, якія яны ведаюць, над хворым. Лічаць, што на якой замове «шаптуха» пачынае моцна пазыхаць («аж рот раздзірае»), ад той хваробы і неабходна лячыць чалавека. Скачок Кацярына Рыгораўна (1936 г.н., в. Старая Буда Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Міхалёўка Брагінскага раёна) гаворыць наступнае: «*Яно як іспужаецца або ўрок, дак міне тады да тых пор пазыхаецца, мне плоха самой, і пазыхаецца, няльга слова сказаць*» [3, арк. 11]. Асобныя знахары, у прыватнасці Краўчэня Галіна Ігнацьеўна (1939 г.н., в. Чырвонабарэжжа Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Храпунь Столінскага раёна), прытрымліваюцца думкі, што пазыхаць павінен не знахар, а пацыент: «*Онэ ўжэ я там бачу, чововек еслі йе ў яго эта болезнь, то ён начынае пазыхаць, пацягвацца ўжэ, это вона ў его йе. Еслі не будзе так, то ў его нема ее*» [3, арк. 65].

Некаторыя знахары, у прыватнасці Касцючэнка Ніна Іванаўна (1944 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна, да 1986 г. пражывала ў в. Кулажын Брагінскага раёна), вызначаюць хваробу, прыклаўшы рукі да цела пацыента: «*Ну, ва-первых, я ачушчаю рукамі. Вот, бальное места я ачушчаю рукамі. Еслі я вот чалавека начынаю лячыць, і рукамі сваімі дапрагуюся, ён вот тожа ачушчае, вот, гаворыць “лёгкасьць такая, харашо”, другія спаць хочуць. А другія гавораць мурашкі ідуць, калючачкі такія вот*» [3, арк. 8]. Існуюць спосабы пастаноўкі дыягназу, якія прымяняюцца падчас вызначэння асобных хвароб. У гэтым выпадку яны складаюць частку непасрэдна абраду лячэння. Напрыклад, пры лячэнні «рожы» знахарка сочыць, як будзе гарэць падпалены лён, які выкарыстоўваецца ў лячэнні. Калі попел ад ільну ляціць уверх, лічаць, што чалавек хворы на «рожу». У адваротным выпадку прычына хваробы іншая. Краўчэня Галіна Ігнацьеўна (1939 г.н., в. Чырвонабарэжжа Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Храпунь Столінскага раёна) гаворыць наступнае: «*І вонэ як рожка есцека, вона эта рожка дзействіцельна, вонэ этэ зназу понесе ўгору, ўгору ўсе эта пыль полеціць, но як нема рожы, то вонэ не будзе, будзе лежачь у мене на месці*» [3, арк. 65].

Аднак да пачатку XXI ст. захавалася варажба і як самастойная знахарская функцыя. У пераважнай большасці працягваюць існаваць тыя яе спосабы, якія не патрабуюць, на думку інфармантаў, непасрэднага выклікання нячыстай сілы. Найбольш распаўсюджанай на тэрыторыі Беларускага Палесся ў канцы XX – пачатку XXI ст. з’яўляецца варажба на картах [3, арк. 27], а таксама «залажванне на сон». Пры «залажванні на сон» знахар пераказвае перад сном спецыяльную замову, у якой загадвае даведацца аб пэўнай з’яве, напрыклад, пра зніклага чалавека. Пасля тлумачыць чалавеку, які да яго звярнуўся, убачанае ў сне і дае далейшыя рэкамендацыі. Кудзін Ядвіга Іванаўна (1925 г.н., г.п. Лельчыцы Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Заходы Лельчыцкага раёна) так «залажвае на сон»: «*На сон так нада. Памаліцца Очэ наш, лажыцца спаць з ні кім ні гаварыць. Самаму. Еслі хто обзвецца, значыцца не спраўдзіцца*». Далейшы ўрывац, у якім інфармантка распавядае як яна варажыла з мэтай знайсці мужчыну, які паехаў на заробкі ў Санкт-Пецярбург і знік, раскрывае працэс тлумачэння сну і рэкамендацый па далейшых дзеяннях: «*Вот. Сніцца, я залажваю на сон, сніцца мне, так, дай Божка памяць правільно скозаць. А, сніцца мне много-много людзей, большэство мужчын. Мужчыны, мужчыны такія вот, много-много. С ніх адзін мужчына такой, харашы такой, сімптаічны, усё ка мне, как будта бы сімптаізіруе мне, тот мужчына, как будто бы што-та такое хоча мне сказаць, но што. Ну, на этом я і проснулася. Я проснулася, подумала, значыцца он жывой, а дзе-то бомжом. Это ў Ленінградзе бомжом. Ілі можа этыя, он у армян, у армян там зарабатваў, арбузы там прадаваў немного ўсе, эта, работал там. Можка быць аны яго, а ў яго дакумэнтаў нікакіх няма. Можка быць аны яго забралі з сабою. Гавораць: “От, пароботай. Му цябе тое, другое”*» [3, арк. 22].

Некаторыя інфарманты ўсё ж прызнаваліся ў валоданні спосабамі варажбы, характэрнымі для «знахароў». Напрыклад, Васкалей Ерына Аляксандраўна (1941 г.н., в. Чорнава Пінскага раёна), якую вучыў «знахар», варожыць наступным чынам: «*Я выйду, ў тэе вокно (маецца на ўвазе адно з вакон хаты, на якое выходзіць глядзець «знахарка»). – У.Г.), я ўсігда выходжу ў двенаццаць часоў, і я бачу, чы вона жыты мэ з ім, чы він другу мае»* [3, арк. 112]. Кузьміч Фядора Мартынаўна (1923 г.н., в. Баландзічы Іванаўскага раёна) знайшла цела патануўшага чалавека з дапамогай свечкі і хлеба. Інфармантка стаяла на беразе, трымаючы свечку ў руках, і шаптала спецыяльную замову. У гэты час з лодкі пускалі хлеб, які павінен быў спыніцца на тым месцы, дзе знаходзіўся тапелец: «*Я свечку ў руках дзержала, а хлеб пускала»* [3, арк. 98]. Па словах інфарманткі: «*Гэта молітва плохая*», у ёй неабходна выклікаць нячыстую сілу [3, арк. 98].

Такім чынам, варжба з'яўлялася важным кірункам дзейнасці ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся ў першай трэці ХХ ст. Варажбу ў сваёй практыцы выкарыстоўвалі як «шаптуны», так і «знахары»: першыя пераважна як спосаб пастаноўкі дыягназу пры лячэнні хвароб, другія – таксама для парадказання будучыні і адказу на розныя пытанні. Аднак у выніку эвалюцыі знахарства з 1930-х гг. сфера прымянення варажбы ў знахарскай практыцы Беларускага Палесся звужалася. У выніку гэтых працэсаў, у канцы ХХ – пачатку ХХІ ст. варажба выкарыстоўваецца ў знахарскай практыцы пераважна з мэтай пастаноўкі дыягназу пры лячэнні хвароб. Захавалася варажба і як асобная функцыя. Пры гэтым захоўваюцца пераважна рытуалы, якія, на думку насельніцтва, не патрабуюць непасрэднай сувязі з нячыстай сілай.

Літаратура

1. Ганчар, У.А. Тыпы «знаючых» у Беларускім Палессі і іх змены ў ХХ – пачатку ХХІ ст. / У.А. Ганчар // Весці Палесскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. грамад. і гуманітар. навук. – 2011. – № 1. – С. 20–26.
2. Ганчар, У.А. Эвалюцыя знахарства ў Беларускім Палессі ў ХХ – пачатку ХХІ ст. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / У.А. Ганчар ; ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі». – Мінск, 2013. – 22 с.
3. Архіў аддзела Народазнаўства «Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы» (філіял дзяржаўнай навуковай установы «Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»). – Фонд 6. – Воп. 14. – Спр. 152.
4. Jeleńska, E. Wieś Komarowicze w powiecie Mozyrskim / E. Jeleńska. – Warszawa : J. Jeżyński, 1892. – 83 s.
5. Сержпутовский, А.К. О завитках в Белоруссии: очерк из жизни крестьян южной полесской части Слуцкого уезда, Минской губернии / А.К. Сержпутовский. – СПб. : Т-во И.Н. Кушнерев и К. Тип. М-ва путей сообщения, 1909. – 6 с.
6. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном / П.В. Шейн. – СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1887–1902. – Т. 3: Описание жилища, одежды, пищи, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т.д. – 1902. – 535 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 72, № 4).

Система организации власти и управления Гомельской губернии в 1919–1921 гг.

С.А. ЕЛИЗАРОВ

Раскрываются вопросы формирования и функционирования органов власти и управления Гомельской губернии, характера отношений между различными властными структурами по горизонтали и вертикали, в том числе роли во властной местной иерархии органов большевистской партии в условиях военного времени 1919–1921 гг.

Ключевые слова: советская власть, Гомельская губерния, местные органы власти, кадровая политика, губернский исполнительный комитет, губернский комитет большевиков, губернский революционный комитет, укрепленный район.

The problems of formation and functioning of the organs of power and administration of the Gomel province, the nature of the relations between different authorities horizontally and vertically, including roles in local power hierarchy of the bodies of Bolshevik Party in wartime, 1919–1921 are revealed.

Keywords: soviet power, Gomel province, local authorities, personnel policy, province executive committee, province committee of Bolsheviks, province revolutionary committee, fortified district.

Научное исследование различных аспектов истории Гомельской губернии (геополитических, военно-стратегических, экономических, политических, межнациональных и конфессиональных) активизировалось с 1990-х гг., при этом основной вклад внесли и продолжают вносить гомельские историки – преподаватели исторического факультета ГГУ Г.Г. Лазько, В.П. Пичуков, А.Д. Лебедев, В.М. Лебедева, М.И. Старовойтов, А.И. Зеленкова, и др.

Вместе с тем, на взгляд автора, недостаточно внимания обращается на процесс формирования и функционирования органов власти и управления новой губернии, характер отношений между различными властными структурами по горизонтали и вертикали, в том числе роль органов большевистской партии во властной местной иерархии.

Проведенный автором анализ архивных материалов по истории Гомельской губернии 1919–1921 гг. показывает, что сложившееся в историографии представление о существовании в период гражданской войны и иностранной интервенции строго централизованной системы построения всей системы власти в Советской России требует значительной корректировки.

В этот период централизованная система с характерной для нее строгой иерархией властных статусов еще только формировалась и весьма непросто. Шел поиск таких форм организации власти, которые наиболее эффективно могли бы способствовать реализации текущих и стратегических задач советской власти. Для этого периода на местном уровне было характерно одновременное существование различных одноуровневых властных и управленческих органов (губисполкома, губревкома, Военного Совета гомельского укрепрайона), отношения между руководителями которых чаще всего строились на стремлении к доминированию, а не к сотрудничеству и компромиссам, к чему новые руководители на всех уровнях были не только не готовы, но и не были на них способны (за редким исключением). Все они были членами большевистской партии, построенной по принципу строгой вертикальной иерархии и чуждой самой идее компромисса, который рассматривался как проявление «мелкобуржуазной стихии» и слабости. Им был присущ инверсионный тип мышления, выражавшийся в абсолютизации дуальной оппозиции, четко разграничивающей все многообразие мира и социальных отношений на два прямо противоположных полюса, один из которых приобретал однозначно-положительное значение, другой – столь же однозначно-негативное. Этот тип мышления и поведенческий стереотип новой генерации руководителей, а не только потребности военного времени, настоятельно требовал создания системы строгого вертикального соподчинения, что принято называть административно-командной системой.

Уже в процессе образования Гомельской губернии возникли серьезные противоречия между руководством могилевскими губернскими и гомельскими уездно-городскими властями: обе стороны стремились играть главные роли в руководстве новой губернии (прежде всего

речь шла о губисполкоме и его отделах, так как органы партийной власти в то время еще не заняли привычное для них впоследствии положение надгосударственных). Гомельские руководители, по инициативе которых и создавалась губерния, считали, что они и должны возглавить ее, превратив уездно-городской исполком и его отделы соответственно в губисполком и губотделы новой губернии. В свою очередь могилевские руководители ориентировались на состав могилевского губисполкома и его отделов как основу губернских органов власти и управления создаваемой Гомельской губернии, при этом указывая (как обязательный предварительный шаг к успешному их формированию) на необходимость преодоления «ненормальных личных отношений гомельских товарищей с нами» [1, с. 16, 32].

Первое время руководство Советской России в противоборстве «могилевской» и «гомельской» групп дистанцировалось от явной поддержки одной из них. Представляется, что поворот в сторону поддержки «могилевской группы» в Москве главным образом был результатом ликвидации «стрекопытовского мятежа», проходившего в Гомеле с 24 по 29 марта 1919 г. И наоборот, позиции «гомельской группы» значительно ослабли. Во-первых, в ходе «стрекопытовского мятежа» она потеряла ряд своих членов: были убиты председатель гомельского ревкома С.С. Комиссаров, члены ревкома Н.С. Билецкий и И.И. Ланге (председатель уездной ЧК), комиссар горотдела юстиции Б.Я. Ауэрбах и др. Во-вторых, допустившие мятеж партийно-советские органы (вне зависимости от их реальной вины в этом) уже не вызвали прежнего доверия в центре.

После подавления «стрекопытовского мятежа» отношения между Могилевом и Гомелем вышли на критическую точку. Могилевское руководство решило использовать эти события в целях закрепления своего доминирования в руководящих структурах будущей губернии. Могилевским губкомом 30 марта 1919 г. принял решение направить в гомельский ревком трех своих представителей и считать их «основным ядром Гомельского Ревкома» с задачей «никакого сепаратизма там не допускать» [2, л. 24].

17 апреля 1919 г. могилевский губисполком и губком РКП(б), опасаясь повторения восстания в Гомеле в связи с проблемами в обеспечении продовольствием проезжавших через Гомель воинских частей, на совместном заседании признали «необходимым срочно перенести Губцентры в Гомель», выделив для организации «нового губцентра тринадцать человек» из могилевских представителей [2, л. 45–45 об.]. 20 апреля 1919 г. (к этому времени президиум могилевского губисполкома уже находился в Гомеле как руководящий орган советской власти губернии) на объединенном заседании губкома РКП(б) и представителей исполкомов Могилевской губернии, Гомельского уезда и северных уездов Черниговской губернии был сделан очередной шаг по укреплению позиций «могилевской группы»: был утвержден персональный состав руководителей губернских отделов, практически все из которых возглавили могилевские представители (в том числе и предполагавшиеся «сформировать из гомельских местных кадров» губЧК и губСНХ) [2, л. 47].

27 мая 1919 г. на заседании пленума гомельского губкома РКП(б) с представителями уездных партийных комитетов Гомельской губернии рассматривался список кандидатов в гомельский губисполком. В результате голосования, проводившегося персонально по каждой кандидатуре, больше всех голосов получили могилевские представители: из 28 голосов 24 получил А.М. Ханов, И.З. Сурга – 19, И.Б. Геронимус, А.А. Цибарт и Ф.А. Леонюк – по 18. Председатель гомельского угорисполкома Д.С. Гуло получил 14 голосов, а председатель Полесского комитета РКП(б) М.М. Хатаевич – только 7 и с трудом прошел в состав членов губисполкома [2, л. 74–74 об.]. В избранный 30 мая 1919 г. президиум губисполкома вошли только представители «могилевской группы» во главе с А.М. Хановым [2, л. 78]. Таким образом, два наиболее влиятельных и авторитетных представителя «гомельской группы» М.М. Хатаевич и Д.С. Гуло (главные инициаторы создания Гомельской губернии) оказались в новом губернском руководстве на вторых ролях.

Д.С. Гуло фактически от дальнейшей борьбы с «могилевской группой» устранился. М.М. Хатаевич еще определенное время пытался влиять на позицию губернского руководства, но безрезультатно и в конце июня – начале июля 1919 г. по направлению ЦК РКП(б) уехал из Гомеля в Самару (в 1921 г. вернулся на должность секретаря гомельского губкома РКП(б) [2, л. 90].

Анализ архивных документов не показывает наличия каких-либо внятных разногласий между двумя группами (несмотря на заявление М.М. Хатаевича о «сильных разногласиях и коренных расхождениях») по экономическим и политическим вопросам советской политики, методам и средствам осуществления линии по советизации губернии и реализации указаний московского центра, а также по отношению к проблеме вхождения в состав ССРБ. Представляется, что главным в этом противостоянии были личные амбиции могилевских и гомельских партийно-советских руководителей. Большинство из них были людьми молодыми (в среднем от 25 до 30 лет), не имевшими ни достаточного политического опыта, ни знаний, умений и навыков управленческой работы, но получившими в результате революции руководящие посты в системе новой власти и не желавшие их терять, при этом, вероятнее всего, уверенные, что именно они смогут эффективнее реализовать коммунистические идеи, о которых у них существовали достаточно смутные теоретические представления (подавляющая их часть стали членами большевистской партии после февральской революции – «ветеранами» партии из первых лиц губернии можно считать только А.М. Ханова и М.М. Хатаевича с партийным стажем соответственно 12 и 5 лет). Борьба между этими двумя группами, не способными к разумным компромиссам во имя общего дела, в сложной военно-политической и экономической ситуации начала 1919 г. лишь усугубляла существовавшие в губернии проблемы.

Дальнейшие события показали, что это не был исключительный случай: противоречия и внутри гомельского руководства, и конфликтные ситуации с военными и центральными властями возникали не единожды. Отношения в Гомельской губернии (как и всей советской России) между различными властными структурами на местах в период военного времени не были строго регламентированы и степень их взаимодействия определялась в значительной (а иногда и в решающей) мере личными качествами их руководителей, наличием (или отсутствием) между ними взаимопонимания.

1919–1921 гг. было временем усиления роли партийных органов в системе власти и управления и превращения их в высшую структуру этой системы. Имеющиеся в распоряжении автора архивные документы дают основание утверждать, что в 1919 г. в Гомельской губернии этот процесс в видимой форме еще не проявлялся, а реальные рычаги влияния сосредоточивались в руках губисполкома и его председателя. В отношениях между губкомом и губисполкомом видимых конфликтов не было. Такое бесконфликтное существование было следствием прежде всего наличие сплоченности внутри «могилевской группы», пришедшей к власти в губернии в результате острой борьбы с «гомельской группой», а не наличием формализованной, не зависящей от личных качеств руководителей, системы отношений партийных и советских органов власти. Лидеры этой группы А.М. Ханов и И.З. Сурта весь 1919 г. менялись должностями председателя губисполкома (губревкома) и губкома, хорошо друг друга знали, понимали и доверяли друг другу, могли (что было скорее редким исключением, чем правилом) принимать согласованные решения.

Но как только в руководстве губернии появлялись новые люди, которые в эту систему взаимоотношений не вписывались, то возникали серьезные конфликты. Так, в сентябре 1919 г. был создан гомельский укрепрайон (ГУР). ГУР должен был решать чисто военные задачи, не заменяя собой обычные советские структуры власти и управления. Для руководства ГУР был сформирован Военный Совет ГУР во главе с комендантом Наумовым (бывшим комендантом Пензенского укрепрайона). Практически сразу между ним и местными органами власти возникли противоречия. Фактически Наумов занял независимую от местной власти позицию, игнорируя мнение губернских партийных и советских властей, принимая самостоятельные, не согласованные с ними решения. Обвинения в «нетактичности» и потере доверия со стороны ответственных работников губернии Наумов отвергал, объясняя все свои действия интересами порученного ему дела и заявляя, что «не будет делать ни одного отступления от намеченных перед ним задач» [2, л. 194]. Эти противоречия продолжались далее (вплоть до конца мая 1920 г.) и при новом руководителе ГУР Кундо.

В январе 1920 г. на губпартконференции и II губсъезде Советов руководство губкома и губисполкома подверглось резкой критике за «расшатанность партийного и советского аппарата», отсутствие связи с местами, в результате чего состав гомельского губернского руководства значительно обновился за счет работников из уездов: на пост председателя губкома РКП(б) был избран Х.Г. Пестун, председателя губисполкома – Леонов. Бывшие руководите-

ли губернии А.М. Ханов и И.З. Сурта стали формально обычными членами президиума губбисполкома. Однако из-за болезни Леонов фактически к своей работе и не приступил и в губбисполкоме главную роль продолжали играть А.М. Ханов (в апреле 1920 г. ставший вновь предгуббисполкома) и И.З. Сурта [3, л. 2, 138], [4, л. 59 об.] В отношениях между губкомом и губбисполкомом стал нарастать кризис: прежняя система взаимоотношений губкома и губбисполкома, основанная на личных контактах их руководителей, перестала действовать.

Как свидетельствуют документы, фактически в основе конфликта в руководстве губернии, достигшего своей высшей точки к началу мая 1920 г., лежало стремление нового состава губкома определять кадровую политику в советских органах (прежде всего в губбисполкоме), которое (с формальной точки зрения) выразилось в попытке губкома повести «борьбу с расхлябанностью, разгильдяйством, пьянством и преступлениями среди ответственных коммунистов, советских работников губернской верхушки» [3, л. 138 об.]. Эта кампания началась с «дела Абрамовича» (Абрамович – член коллегии губСНХ, член губернского правления союза металлистов), продолжило – «дело Цибарта» (А.А. Цибарт – член ГИК, зав. отделом социального обеспечения и труда губбисполкома, член президиума губсовета профсоюзов). Вскоре было заведено дело против коммунистов-руководителей губернского ЧК, обвиненных в «кутежах». Наиболее крупным стало «дело Кундо» (Кундо – комендант ГУР и губвоенком, как и его предшественник Наумов, проводил самостоятельную линию, не согласовывая свои действия с губкомом). Кундо был переведен в кандидаты в члены РКП(б) и по предложению губкома распоряжением смоленского окружного военкома смещен со своей должности «за полную хаотичность, нераспорядительность, плохую постановку учета как в области хозяйственной, так и распределении Коммунистических сил, слабую связь с комсоставом, ячейками, медленное и плохое исполнение приказов Центра». Новый губвоенком Немцев в первом же своем докладе на заседании губкома 26 мая 1920 г. заявил, что «будет базировать в своей работе на губком как политический губцентр» [3, л. 129–130].

К этому времени в руководстве губернии фактически сформировались две группы ответственных руководителей: одна группа (большинство губкома) – «группа губкома», куда входила и часть руководства губбисполкома, другая – «группа губбисполкома» (часть руководства губбисполкома во главе с председателем А.М. Хановым). Фактически, как уже отмечалось выше, вопрос шел о том, кто будет определять кадровую политику в советских органах власти – губком или губбисполком. Линия губкома на ужесточение требований к моральному облику коммунистов-руководителей председателем губбисполкома А.М. Хановым интерпретировалась как «террор против ответственных работников» и попытка «подкапывания под то, что строил в свое время»: он обвинил губком в проведении линии «с целью опорочивания и выживания целого ряда ответственных работников», в «личной неприязни» к ряду работников губбисполкома и попросил, как и И.З. Сурта, о переводе в другие губернии или в Красную Армию [3, л. 123–123об., 129].

25 мая 1920 г. в связи с переходом губернии на военное положение и «принимая во внимание близость фронта и в целях создания единой, сильной революционной власти в губернии» губбисполком себя упразднил и передал всю власть губревкому [4, л. 64]. При этом отделы губбисполкома продолжали работать, выполняя задания губревкома. В результате этого противостояния «группа губкома» одержала победу: А.М. Ханов лишился должности предгуббисполкома и окончательно потерял свое влияние на принятие решений, хотя и оставался членом губкома. Шансов занять какой-либо важный пост в гомельской иерархии, учитывая его постоянные конфликты с руководством губкома, у него не было и он добился своего откомандирования в распоряжение ЦК РКП(б) с назначением на работу в Нижний Новгород. И.З. Сурта перешел на работу в центральный аппарат ВЧК.

Одновременно в мае 1920 г. возник острый конфликт между руководством гомельского губкома РКП(б) и Председателем РВС Республики Л.Д. Троцким. На должность предгубревкома по приказу Л.Д. Троцкого был назначен А.М. Пыжев, отрицательное отношение к которому со стороны губкома Л.Д. Троцкому было известно. В приказе от 10 мая 1920 г., подписанном Л. Троцким, губревкому передавалась вся полнота власти и право снимать всех местных ответственных советских работников. Никто, кроме вышестоящих органов армии и фронта, не имел права «вмешиваться, отменять или изменять распоряжения губревкома» [3, л. 115].

Фактически губком терял свое значение, превращаясь в малозначимый и маловлиятельный орган, лишенный главного рычага влияния на ситуацию в губернии – расстановку кадров ответственных работников. Это решение Л.Д. Троцкого было воспринято на заседании губкома 11 мая 1920 г. как шаг, ведущий к разрушению работы губкома и подрыву его авторитета, фактической ликвидации губкома. Было принято решение «просить Центральный Комитет отменить приказ тов. Троцкого и восстановит в партийных правах по отношению конструирования местных органов, также и учета и распределения партийных работников или распустить губком, прислав для расследования на месте своего представителя» [3, л. 112–112об].

В Оргбюро ЦК РКП(б) был передан соответствующий доклад, однако рассматривался этот вопрос в Оргбюро или нет – в архивных материалах ответа найти не удалось. Посланный в Москву член губкома, губисполкома и ВЦИК Я.Г. Егоров смог только сообщить, что секретарь ЦК РКП(б) Н.И. Крестинский назвал приказ Л.Д. Троцкого «правильным», хотя тут же пообещал прислать вскоре в Гомельскую губернию на место А.М. Пыжева нового председателя губревкома [3, л. 171].

По всей видимости, такое давление на А.М. Пыжева свою роль сыграло и в дальнейшем конфликтные ситуации в отношении с губкомом в документах не фиксируются, а губком (как свидетельствуют протоколы заседаний губкома) продолжил решать кадровые вопросы, перемещая ответственных работников губернского и уездного масштаба.

В целом военный период 1919–1921 гг. представляет исключительный интерес с точки зрения понимания генезиса советской системы управления, исследования различных альтернативных вариантов построения этой системы и принципов, методов и средств взаимодействия составлявших ее элементов. В годы гражданской войны и интервенции на местах система взаимоотношения между партийными и советскими органами определялась, с одной стороны, стремлением государственных структур власти и управления к значительной автономии, в том числе и в решении кадровых вопросов, с другой – стремлением партийных комитетов встать над Советами. О необходимости разграничения функций партийных и советских органов, определения четкого их места во властной структуре говорилось еще на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.) [5, с. 446–447]. Однако только к концу военного периода на местах партийные органы стали доминировать в системе государственного управления, превратившись в высшую управленческую структуру, что получило свое закрепление в документах XI съезда РКП(б) (март–апрель 1922 г.) [5, с. 600–601]. По решению съезда, партийные органы должны были ставить задачи, определять средства, методы их решения, а советские органы – осуществлять их выполнение, отвечая за это перед партийными органами. «Разграничение» на деле означало, что теперь у партийных инстанций появилась возможность снять с себя долю ответственности за нерешенные экономические вопросы, перекадывая ее на советские органы. А главным рычагом партийной власти, безусловно, становилась более жесткая кадровая политика: без контроля этой сферы все партийные решения могли бы оставаться лишь «заявлениями о намерениях».

Литература

1. Гомельская губерния 1919–1926 гг.: док. и материалы / сост. : М.А. Алейникова [и др.] ; редкол. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – 270 с.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 12. Протоколы заседаний могилевского и гомельского губкомов РКП(б) и документы к ним, 1919–1920 гг.
3. ГАООГО. – Фонд. 1. – Оп. 1. – Д. 211. Протоколы заседаний гомельского губкома РКП(б), 1920 г.
4. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 67. Протоколы заседаний гомельского губисполкома, 1919–1920 гг.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. – Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1953. – Ч. 1 (1898–1925). – 952 с.

Инновационные и консервативные тенденции в умонастроениях русской интеллигенции в исторической ретроспективе

Е.В. КОРЕНЬ

Рассматриваются инновационные и консервативные тенденции в умонастроениях русской интеллигенции от эпохи выкристаллизовывания ее как особой общественной группы (XVIII в.) до утверждения ее в качестве значимой и действенной общественной силы (XIX в.). Новизна и актуальность темы обусловлены недостаточной освещенностью в историографии проблемы диалектической связи новаторства и консерватизма в менталитете русской интеллигенции и ростом общественного и научного интереса к истории и философии духовной культуры и интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: интеллигенция, умонастроения, менталитет, инновация, консерватизм, охранительство, служение, общественное благо, долг, честь.

The innovative and conservative trends in the mindset of the Russian intelligentsia are considered from the era of crystallising it as a particular social group (XVIII c.) before its approval as a meaningful and effective social force (XIX c.). The novelty and relevance of the topic are due to insufficient lighting in the historiography of the problem of the dialectical relation of innovation and conservatism in the mentality of the Russian intelligentsia and the growing public and scientific interest in the history and philosophy of spiritual culture and intellectual activity.

Keywords: intelligence, mindset, mentality, innovation, conservatism, service, public good, duty, honor.

Сосредоточием креативного потенциала русского общества с XVIII – до XX в. являлась интеллигенция, активно влиявшая на общественно-культурные процессы, на формирование и состояние общественных идеалов, на историческую память народа.

Темам интеллигенции, либерализма, консерватизма в России посвящено огромное количество литературы. Однако, на наш взгляд, в отдельном исследовании нуждается проблема взаимовлияния новаторства и консерватизма, либерализма и охранительства в умонастроениях русской интеллигенции в исторической ретроспективе. Это обстоятельство оказало существенное влияние на характер русской культуры и судьбы общества, на менталитет интеллигенции в духовном (религиозном и философском), политико-моральном планах. Между тем, отдельные авторы (Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, Л.С. Яковлев, Ю.Е. Кондаков, А.А. Ширинянц, В. Варавва) в различных аспектах только обращали внимание на противоречивую взаимосвязь новаторства и консерватизма, революционности и реакционности в саомосознании русской интеллигенции [1, с. 142], [2, с. 129, 242], [3, с. 326, 335], [4, с. 4, 9, 273], [5, с. 3], [6, с. 24].

Интеллигенция (от лат. *intelligens* – мыслящий, понимающий, духовный) – это специфически российское явление в плане общественной роли [7, с. 46], [8, с. 216], [9, с. 10–11]. По мнению В.В. Кожина, интеллигенция в России играла роль, «аналогичную роли демократических институтов и учреждений в странах Запада» [10, с. 110]. Название интеллигенция в пореформенную эпоху 1860–х гг. применялось в отношении группы интеллектуалов, преимущественно разночинского происхождения, стоявших в радикальной оппозиции к власти, часто скептически относившихся к правительственным реформам и ратовавших за интересы народа. Несколько ранее это понятие использовалось литераторами пушкинского круга (Жуковским, например) для обозначения представителей образованных светских кругов [11, с. 24].

Понятие *интеллигенция* в России с самого начала приобрело морально-политическое звучание. Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев указывали на ошибочность распространения термина интеллигенция на всех образованных людей вообще [12, с. 67] [13, с. 406–407]. Бердяев выделил два типа интеллигенции. Во-первых, интеллигенция – это «созидатели духовной культуры нации», «лучшая часть общества», наиболее образованная, благородная, талантливая и творческая, которая «есть соль земли, истинная выразительница народного духа» [12, с. 69–70]. Во-вторых, интеллигенция – это «третий элемент», ведущий свое начало от 1860-х гг., имеющий сильный сословно-классовый привкус. Говоря о передовой роли интеллигенции в общественной жизни,

Бердяев подчеркивает, что дворянские интеллектуалы, вольно отрекавшиеся от своих сословных привилегий «во имя всенародной правды», более достойны признания, чем круг деятелей, ограниченных «направленческими, узкоинтеллигентскими интересами» [12, с. 68–71]. Такова роль А.С. Пушкина, декабристов, М.Ю. Лермонтова, П.Я. Чаадаева, многих славянофилов и западников, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. [12, с. 76].

Г.П. Федотов, В.В. Кожин, начиная историю интеллигенции с Древней Руси, причисляют к ней именно носителей общественной совести и выразителей духовно-интеллектуальной сущности народа от автора Слова о полку Игореве до Л.Н. Толстого.

Р.В. Иванов-Разумник, исследуя историю русской общественной мысли, констатировал, что интеллигенция – это «этически антимещанская, социологически внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому, и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности» [14, сс. 20, 151, 190].

По мнению И.В. Кондакова, интеллигенция это – «круг людей, чьими знаниями и мыслительными усилиями создаются и поддерживаются ценности, нормы и традиции культуры» [15, с. 65]. К.Б. Соколов называет интеллигенцией всех, кто профессионально занимается формированием, сохранением и изменением картины мира любого (от самого консервативно-охранительного до самого леворадикального) образца во все времена [16, с. 162–164, 192].

Принадлежность к интеллигенции в России XIX – первой четверти XX в. определялась не только интеллектуальной деятельностью, но и высокими духовно-нравственными запросами и качествами личности, приверженностью к идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей и общенациональных интересов каким-либо корпоративным приоритетам.

Особенно активный период общественно-культурной деятельности интеллигенции приходится на вторую половину XVIII в. – первую четверть XX в. Это связано со спецификой общественно-политического и духовно-культурного развития страны. История России Нового времени представляет собой сплошную цепочку переломных эпох: смута, религиозные реформы, петровские реформы, дворцовые перевороты, буржуазные реформы 1860–х гг., революции XX в.

Типичной чертой общественно-политической и духовно-культурной жизни было постоянное чередование эпох реакции и либерализма, взаимодействие и противоречие консервативных, инновационных, революционных тенденций. Современный исследователь Л.М. Гаспаров даже причины появления интеллигенции связывает с тем, что России за три века пришлось пройти «ускоренный курс европейского развития». Интеллигенция играла роль своего рода двигателя в беспрестанных реформационных процессах XVIII–XIX вв. [9, с. 10]. «Власть была нерасчлененной и аморфной, она требовала не специалистов, а универсалов» [9, с. 10]. Этот универсализм прослеживается в менталитете многих представителей русской интеллигенции. Так, М.В. Ломоносов был разносторонним ученым, автором уникальных полотен на основе мозаики, общественным деятелем. Декабрист Н.А. Бестужев был морским офицером, талантливым инженером и историографом русского флота. П.А. Флоренский – богослов, священник, математик, философ. Такими примерами полна история России.

Все это влияло на мировоззрение и систему ценностей интеллигенции, обусловило напряженные духовные поиски и способствовало специфическому синтезу прогрессистских и консервативных черт менталитета интеллигенции (новаторства и охранительства).

На эволюцию и характер интеллигентского менталитета существенно повлияли религиозные процессы в России – конфессиональная политика властей, религиозные и религиозно-философские (масонство) движения и т. п. В духовных исканиях интеллигенции происходил своеобразный синтез христианско-православных идеалов святости с гуманистическими и просветительскими ценностями. Это способствовало развитию в XIX в. таких уникальных явлений, как религиозная философия (софиология) и теургическая эстетика.

Специфическое воздействие на менталитет русской интеллигенции оказала политика европеизации, проводившаяся верховной властью. Это, с одной стороны, способствовало межкультурным контактам, расширению образованного слоя русского общества. Но насильственные меры, пренебрежение национальными духовными ценностями, которое не редко

допускалось монархами от Петра 1 до Александра 1, вызывало отрицательную реакцию в различных образованных кругах общества [4, с. 270]. Интерес к истории допетровской России часто приобретал фрондирующий характер (например, сочинение «О повреждении нравов в России» М.М. Щербатова). Н.М. Карамзин, консервативно настроенный, но приверженный идеалам Просвещения, резко осуждал самодержавный произвол Ивана Грозного в своей «Истории государства Российского».

Отличаясь довольно высокой степенью развития исторического самосознания, русская интеллигенция XVIII–XIX вв. стремилась осмысливать настоящее с учетом духовного опыта прошлого, синтезировать национальные и общечеловеческие духовные ценности. Декабристы, славянофилы, западники в истории искали и находили обоснование своих идей, и либеральных и консервативных. В искусстве первой четверти XIX в., в связи с патриотическим подзаемом, вызванным Отечественной войной 1812 г., были востребованы исторические образы Минина и Пожарского. Для либеральной и демократической интеллигенции, начиная с А.И. Герцена, символом были образы казненных декабристов.

Поскольку русская интеллигенция сформировалась преимущественно на основе дворянской интеллектуальной элиты, для ее менталитета были характерны многие дворянские черты [17, т. 1, с. 682] [18, т. 1, с. 82–85] [19, с. 41–43]. Передовые освободительные идеи имели налет аристократизма [20, с. 181]. Просветительство и гуманизм сочетались в интеллигентском сознании с дворянскими идеалами чести, верного служения отечеству, ответственности за его судьбу и историю [21, с. 40]. Идея «служения отечеству», укорененная в дворянском сознании, имела сильное влияние на характер социальной активности интеллигенции, ее обостренное чувство справедливости (правдоискание), гипертрофированные, исторической значимости и гражданской ответственности [22, с. 41–43]. Идею «общественного блага» интеллигенты нередко исповедовали с религиозным рвением.

Во второй половине XVIII в. появился тип общественно активных дворянских интеллектуалов, которые осознавали себя скорее культурной аристократией, чем феодальной, претендовали на руководство обществом и властью, стремились «исправлять нравы». Свои занятия литературой, искусством, наукой они ставили выше знатного происхождения, титула и чина [23, сс. 31, 52–55, 128]. О братьях Н. и П. Паниных исследователь Г.А. Гуковский удачно заметил, что они по складу своего миропонимания и культуры были «интеллигентами и феодалами» [23, с. 128].

Представления интеллигенции о служении отечеству значительно эволюционировали в XVIII – XIX вв. Так, например, В.Н. Татищев призывал сына в своей «Духовной» верно и честно служить царю и отечеству и радеть о «благое общее» [24, с. 140]. М.М. Щербатов, выступавший защитником дворянских привилегий в Уложенной комиссии 1767 г. и одновременно осуждавший абсолютизм как «самовластное мучительство, в коем нет иных законов, кроме безумных своенравий деспота», напутствовал сына: «Будь верен государю, но самая первая твоя любовь и верность должна быть государству» [25, с. 16]. Щербатов считал ужасным, что миллионы людей «могут быть сравнены со скотами», требовал запрещения продавать крепостных крестьян в розницу, был противником увеличения числа душевладельцев [25, сс. 27, 31, 78–81].

После отмены обязательной службы многие дворянские интеллектуалы сменили государственную службу на иное важное служение Отечеству – на общественно-культурную, просветительскую деятельность, как, например, Н.И. Новиков и др. А.Т. Болотов вспоминал: «Я, полюбив науки и прилепившись к учености, возненавидел уже давно шумную и беспокойную военную жизнь и ничего уже так в сердце своем не желал, как удалиться в деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить остальные дни свои посреди книг своих и в сообществе с музами» [26, т. 1, с. 303].

А.Н. Радищев главным смыслом своей жизни сделал именно культурно-просветительскую деятельность. Откровенно называя пороки российской жизни, он видел в этом исполнение долга честного человека и «истинного сына отечества» [27, сс. 105–110, 278]. Для декабриста И.И. Пущина участие в деятельности тайных обществ было именно «новым служением отечеству» [28, с. 67].

Дворянские понятия чести и долга просвещенные дворяне интерпретировали не в феодальном, а именно в интеллигентском контексте. Так, А.П. Сумароков в сатире «О благородстве» говорил: «Достоин я, коль я сыскал почтенье сам, // А если ни к какой я должности не годен,— // Мой предок дворянин, а я не благороден» [29, с. 53]. Ему вторил Г.Р. Державин в сатире «Вельможа»: «Хочу достоинства я чтить, // Которые собою сами // Умели титулы заслужить // Похвальными себе делами» [29, с. 108].

Д.И. Фонвизин, автор комедии «Недоросль», написал два сочинения реформаторского характера: «Рассуждение о третьем чине» в 1766 г. и «Рассуждение о неперемных государственных законах» (1780-е гг.). В первом [30, с. 115] он говорил о необходимости социальных реформ, освобождении талантливых крепостных, а во втором – о пагубности злоупотреблений в управлении государством и важности законов, которым подвластен и монарх [30 сс. 257, 261, 266]. Фонвизин бичевал феодальные предрассудки, но положительным персонажем комедии «Недоросль» он сделал именно Стародума.

И.А. Крылов высмеивал сословное чванство и невежество в сатирических памфлетах, напечатанных в «Почте духов»: «Деревенский дворянин... почел бы обесчещенным благородство древней своей фамилии, если б занялся когда чтением какой нравоучительной книги... Науки почитает он совсем несвойственным для благородных людей упражнением» [31, с. 102]. Невежество характеризуется Крыловым как порок.

Под влиянием христианских и просветительских идей в сознании дворянских интеллигентов зародилась тенденция к раскаянию в историческом дворянском грехе владения «крещеной собственностью» и сострадание к угнетенным крестьянам. Чувства передовой интеллигенции конца XVIII – начала XIX в. по отношению к крепостническим порядкам очень точно характеризуют слова А.Н. Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала» [27, с. 95]. Напоминая о Пугачеве в «Путешествии из Петербурга в Москву», А.Н. Радищев вопрошает собратий по сословию: «Но если ужас гибели и опасность стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?» [27, с. 196]. Начиная с А.Н. Радищева и до 1917 г., интеллигенция видела свою главную задачу в борьбе с социальной несправедливостью.

В декабристские времена идея «общественного блага» уже не только возвышала интеллигентов над сословными интересами, но и обуславливала в их умонастроениях идеи о самопожертвовании ради «общественного блага». Писатель М.Н. Муравьев, выражая свое стремление к «благу общему» в XVIII в., призывал помнить, что «бедный теперь голоден» [32, с. 290–292]. Его сын, автор декабристской Конституции Н.М. Муравьев, и его соратники на деле защищали солдат от избиения, кормили крестьян в голодные годы, выкупали талантливых крепостных на волю, боролись против произвола в администрации, в армии, в суде, заводили ланкастерские школы и училища для солдат и крестьян. По мнению Ю.М. Лотмана, декабристы «скорее напоминали молодых ученых, чем армейскую вольницу» [19, с. 380–383]. И.Д. Якушкин и С.П. Трубецкой вспоминали, что многие «офицеры изучали науки», имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства» [33, с. 382–383] [34, с. 86–87].

Декабристы в своих действиях руководствовались не только сочувствием к угнетенному народу, но и сознанием чести и долга в гражданском смысле. Поэтому, если, например, долг перед отечеством не совпадал с требованием присяги императору, декабристы выбирали то, что им велела честь. Это блестяще выразил арестованный по делу декабристов А.Н. Раевский: «Государь! честь дороже присяги, нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще» [35, с. 54].

Д.И. Завалишин писал: «Для истинной нравственности я не допускал никакого раздвоения... я считал нечестным делом не только одно присвоение денег, но и всякую несправедливость для личной цели. Еще меньше я понимал, что можно быть честным в одном деле и нечестным в другом, платить карточный долг равному себе и не платить мастеровому, говорить об улучшении быта народного и в то же время распутствовать, развращая народ и соблазняя его собственным примером и тем отравляя нравственность в самом жизненном источнике ее, упрекать народ в пьянстве и самому участвовать в оргиях» [36, с. 13].

В момент междуцарствия 1825 г. декабристов толкало на открытое выступление именно чувство чести. Постыдные торги в высших кругах о России как семейной собственности правящей династии, равнодушные и насмешливые выражения и вопросы «кому продадутся бараны?» сильно задевали созревшее гражданское чувство [34, с. 42]. И.И. Пущин в письме А.С. Пушкину писал, что «ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов» [28, с. 84].

В сознании декабристов имелись явные тенденции к сочетанию реформаторских устремлений с консерватизмом. Они создали революционные тайные общества, открыто выступили против верховной власти. Однако, восстание на Сенатской площади в Петербурге превратилось в вооруженную демонстрацию. Восстание Черниговского полка в Киевской губернии вылилось в своего рода военные маневры. После подавления движения многие декабристы каялись, писали императору письма, пытаясь объяснить причины общественного недовольства. Они в то же время призывали к реформам, предлагая свое участие.

Характерно, что дальнейшая деятельность декабристов была чисто интеллигентской, культурно-просветительской [37]. Их «каторжная академия», школы и училища в Сибири были закономерным результатом их политического движения. Н.Д. Францева писала, что декабристы «имели громадное нравственное влияние на сибиряков: их прямота, всегдашняя со всеми учтивость, простота в обращении и вместе с тем возвышенность чувств ставили их выше всех, а между тем они были равно доступны для каждого» [38, с. 386]. Н.А. Белоголовый отмечал, что «истинное просвещение сделало то, что люди эти не кичились ни своим происхождением, ни превосходством образования, а, напротив, старались искренно и тесно сблизиться с окружающей их провинциальной средой и внесли в нее свет своих познаний... они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинство ее в глазах всякого, кто приходил с ними в соприкосновение...» [38, с. 369].

Декабризм способствовал росту реформаторских настроений, усилению дискуссий между либерально и консервативно настроенной интеллигенцией. Он оказал сильнейшее влияние на политический и духовно-нравственный поиск в России [39, с. 43]. Н.А. Бердяев отмечал, что российская общественная мысль приобрела социальную окраску. Неудача декабристов привела к отвлеченному идеализму 30-х и 40-х гг. [40, с. 62–63]. Причастный в свое время к декабристскому движению П.Я. Чаадаев в «Философических письмах», давших мощный импульс движению русской философской мысли, назвал рабство главной причиной отсталости России, ибо оно есть тот «заколдованный круг», который парализует русское общество, превращает «в ничто самые благородные усилия, ... пятнает все наши добродетели» [41, с. 60–61].

Философ русского зарубежья С.А. Левицкий отмечал, что в последекабристский период усилилась философская рефлексия интеллигенции, что привело к размежеванию славянофилов и западников по вопросу «об историческом предназначении России» и ее «верховном идеале». По мнению философа, «самостоятельная русская мысль начинается именно с этого раскола [42, с. 43]. В западничестве и славянофильстве наиболее четко обозначились взаимодействие и противоречие инновационных и консервативных тенденций в умонастроениях интеллигенции.

Во второй половине XIX в. ряды интеллигенции сильно расширились. Огромная ее часть революционизировалась под давлением властного произвола, часто подчиняя нравственные понятия чести и долга революционным целям [43, с. 25] [44, с. 29–30]. Н.А. Бердяев констатировал, что «в сознании русской интеллигенции европейские философские учения воспринимались в искаженном виде, приспособлялись к специфическим интеллигентским интересам» [43, с. 25].

Освободительное движение все более радикализировалось, как под влиянием правительственной реакции, так и революционной пропаганды. Революционерка В.Н. Фигнер признавала, что «террор портит нравы» и что «в этом смысле правительство и партия, вступившие, что называется, врукопашную, конкурировали в развращении окружающей среды» [45, сс. 285, 288]. Лозунг «цель оправдывает средства» постепенно перестал быть отталкивающим в среде революционной интеллигенции [45, с. 137, 208, 257]. Декабрист М.А. Фонвизин в статье «О коммунизме и социализме» писал о новых революционерах, что «способы, которыми они думают исправить общество и восстановить его в состояние нормальное, часто ошибочны... самые попытки осуществить подобные меры угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончатся властной диктатурой одного лица, как необходимым последствием анархии» [46, т. 2, с. 281–282].

Оппозиционным интеллигентам начала XX в. декабристы казались более консервативными, чем либеральными. Размышляя о кающихся во время следствия декабристах, Д.С. Мережковский поражался: «Это ли вчерашние мятежники, царевубийцы? Революция сползла с них как истлевшее лохмотье, открывая голое тело реакции» [1, с. 140]. Политическая деятельность А.И. Герцена получила уничижительную характеристику В.И. Ленина, сетовавшего, что Герцен писал в «Колоколе» «слащавые письма» «Александру II – вешателю», которые ему, Ленину, «нельзя теперь читать без отвращения» [47, с. 501].

Итак, в умонастроениях и менталитете русской интеллигенции в исторической ретроспективе имели место как реформаторские, так и консервативные черты, высокий уровень исторического самосознания, синтез западных культурных влияний с национальными культурными идеалами. Выражая инновационную культуру общества, русская интеллигенция в то же время стремилась хранить традиционные духовные ценности. Именно поэтому реформаторски настроенные деятели склонны были отступать перед угрозой разрушения культуры и цивилизации в переломные моменты истории, как декабристы, или уходили в философскую рефлексию, как П.Я. Чаадаев, славянофилы, западники, авторы сборника «Вехи», пытаясь определить пути России или даже всего мира.

Литература

1. Мережковский, Д.С. Больная Россия. Избранное / Д.С. Мережковский. – Л. : Изд. ЛГУ, 1991. – 272 с.
2. Бердяев, Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. – Л. : Лениздат, 1991. – 395 с.
3. Яковлев, Л.С. Адаптация архетипов идеологии Просвещения российской общественной мыслью рубежа XIX–XX вв. / Л.С. Яковлев // В раздумьях о России (XIX век) ; отв. ред. Е.Л. Рудницкая. – М. : Археографический центр, 1996. – С. 325–344.
4. Кондаков, Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. [Электронный ресурс] / Ю.Е. Кондаков. – Режим доступа : <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/kondakov.htm>. – Дата доступа : 22.03.2014.
5. Ширинянц, А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции [Электронный ресурс] / А.А. Ширинянц. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru>. – Дата доступа : 27.03.15.
6. Варавва, В. Духовное самоопределение русской интеллигенции. Консерватизм и либерализм: отечественный контекст [Электронный ресурс] / В. Варавва. – Режим доступа : <http://glfr.ru/biblioteka/vladimir-varava/duhovnoe-samoopredelenie-russkoj-intelligencii.html>. – Дата доступа : 27.03.15.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М. : Русск. язык, 1981. – Т. 2. – 779 с.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.
9. Гаспаров, Л.М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / Л.М. Гаспаров // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 5–14.
10. Кожин, В.В. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции / В.В. Кожин // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 110–113.
11. Степанов, Ю.С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся «жертва» (К понятию интеллигенции в истории российского менталитета) / Ю.С. Степанов // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 14–44.
12. Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М. : Канон, 1998. – 400 с.
13. Федотов, Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре / сост. М.А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 403–443.
14. Иванов-Разумник, Р.В. История русской общественной мысли : в 2 т. // Р.В. Иванов-Разумник. – Пг. : Революционная мысль, 1918. – Т. 1 – 192 с.
15. Кондаков, И.В. К феноменологии русской интеллигенции / И.В. Кондаков // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 63–90.
16. Соколов, К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность / К.Б. Соловьев // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М. : Наука, 1999. – С. 149–208.
17. Отечественная история: энциклопедия : в 5 т. – М. : БРЭ, 1994. – Т. 1. – 688 с. : ил.; 1996. – Т. 2. – 656 с. : ил.
18. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б.Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, РГНФ, 1999. – Т. 1. – 548 с; Т. 2. – 567 с.

19. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX вв.) / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.
20. Марасинова, Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). / Е.Н. Марасинова – М. : РОССПЭН, 1999. – 302 с.
21. Пшеничникова, И.И. К истории морально-этической лексики: Честь и достоинство в текстах XVIII–XIX вв. // Вестник ЛГУ. – 1980. – Вып. 4. История, языковедение, литературоведение. – С. 39–43.
22. Черная, Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. / Л.А. Черная // Общественная мысль: Исследования и публикации. – 1989. – Вып. 1– С. 28–43.
23. Гуковский, Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х гг. / Г.А. Гуковский. – М.; Л.: АН СССР, Ин-т полит. лит., 1936. – 237 с.
24. Татищев, В.Н. Избранные произведения / В.Н. Татищев. – Л. : Наука, 1979. – 463 с.
25. Федосов, И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII в. М.М. Щербатов / И.А. Федосов. – М. : Изд. МГУ, 1967. – 260 с.
26. Записки А.Т. Болотова. 1737–1796 / А.Т. Болотов. – Тула : Приокское книж. изд., 1988. – Т. 1. – 526 с.; Т. 2. – 527 с.
27. Радищев, А.Н. Избранное / А.Н. Радищев. – М. : Правда, 1988. – 443 с.
28. Пущин, И.И. Записки о Пушкине. Письма / И.И. Пущин. – М. : Художественная литература, 1988. – 559 с.
29. Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина / сост., автор вступ. статьи Л.Ф. Ершов. – М. : Современник, 1988. – 540 с.
30. Фонвизин, Д.И. Собр. соч. : в 2 т. / Д.И. Фонвизин. – М. : Гос. издат. худ. лит., 1959. – Т. 2. – 742 с.
31. Крылов, И.А. Почта духов / И.А. Крылов – СПб. : Императ. Тип., 1802. – IV + 182 с. (Фонд Паскевичей Гомельской обл. б-ки им. В.И. Ленина).
32. Полн. собр. соч. М.Н. Муравьева : в 3 ч. / М.Н. Муравьев – СПб. : Тип. Российской Академии, 1820. – Ч. 3. – 325 с. (Фонд Паскевичей Гомельской обл. б-ки им. В.И. Ленина).
33. Якушкин, И.Д. Записки / И.Д. Якушкин // Декабристы. Избр. соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 380–507.
34. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности : в 2 т. / С.П. Трубецкой. – Иркутск : Вост.-Сибирское книж. изд., 1983 – Т. 1. – 409 с.
35. Лебедев, А.А. Честь. Духовная судьба и жизненная участь И.Д. Якушкина / А.А. Лебедев. – М. : Изд. полит. литературы, 1989. – 399 с.
36. Записки декабриста Д.И. Завалишина / Д.И. Завалишин. – СПб. : Сириус, 1906. – 464 с.
37. Корень, Е.В. Декабристы после декабря. Ретроспективная самооценка и менталитет / Е.В. Корень // Веснік Гродзенскага дзярж. універсітэта ім. Я. Купалы. Сер 1. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія. – 2009. – № 3 (86). – С. 12–21.
38. Декабристы в воспоминаниях современников ; под ред. В.А. Федорова. – М. : МГУ, 1988. – 508 с.
39. Рудницкая, Е.Л. В поисках пути // В раздумьях о России (XIX в.) / Е.Л. Рудницкая. – М. : Археографический центр, 1996. – С. 42–73.
40. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре / сост. М.А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.
41. Чаадаев, П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М. : Современник, 1989. – 623 с.
42. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии / С.А. Левицкий. – М. : Канон, 1996. – 496 с.
43. Бердяев, Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции: С приложением «Библиографии Вех». – Свердловск : Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 6–25.
44. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции: С приложением «Библиографии Вех». – Свердловск : Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 26–68.
45. Фигнер, В.Н. Запечатленный труд. Воспоминание / В.Н. Фигнер. – М. : Наука, 1964. – Т. 1. – 439 с.
46. Фонвизин, М.А. Сочинения и письма : в 2 т. / М.А. Фонвизин. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд., 1979. – Т. 1 – 480 с.; 1982. – Т. 2. – 431 с.
47. Ленин, В.И. Памяти Герцена : полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – М. : Изд. политической литературы, 1980. – Т. 21. – С. 255–262.

УДК 94: 322 : 271.2 (476.2) «194/196»

Советские органы власти и старообрядческое население Гомельщины (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.)

А.Д. ЛЕБЕДЕВ

Анализируется положение религиозных общин старообрядцев на Гомельщине в середине 1940-х – середине 1960-х гг. Отмечается, что этот период был более благоприятным для религиозной деятельности староверов по сравнению с 1920–1930-ми гг. Об этом свидетельствует регистрация общин и духовенства, открытие церквей. Вместе с тем старообрядцы находились под пристальным вниманием и контролем со стороны уполномоченных по делам религиозных культов.

Ключевые слова: советская власть, БССР, Гомельщина, церковь, староверы, атеизм, духовенство, религиозная политика.

The analysis of the historical situation of the old-believers' religious communities in Gomel Region within the period between mid.1940-mid.1960 is presented. The mentioned period is considered to be the most favourable for the religious activity of old-believers' communities in comparison with the period of 1920-1930. The process of establishing churches, religious communities and clergy registration proves these facts. Alongside with these facts, one must admit that the old-believers' communities were severely controlled by the commissioners of the Religious Affairs.

Keywords: Soviet Regime, BSSR, Gomel Region, church, old-believers, Religious Affairs, atheism, clergy, religious tendency.

Исторически сложилось, что на территории Беларуси издавна проживали представители различных религий и конфессий. Среди них: православные, старообрядцы, католики, протестанты, иудеи и др. Старообрядцы появились на территории Беларуси в середине 17 в. в ходе переселений из соседней России. Наиболее крупными регионами их проживания были Гомельщина и Витебщина. На Гомельщине они проживали в таких населенных пунктах, как Ветка, Гомель, Добруш, Грабовка, Крупец, Мильча, Нивки и др. [1, с. 406].

На Гомельщине в исследуемый период проживали представители преимущественно двух течений: старообрядцы белокриницкого согласия (поповцы) и старообрядцы поморского согласия (беспоповцы) [2, л. 20].

Представители первого течения были ближе к православной церкви. Они сохранили институт священнослужителей, в 1846 г. создали Белокриницкую иерархию во главе с митрополитом. Беспоповцы представляют собой более радикальное течение. Они отказались от священнослужителей, до революции отказывались молиться за царя, считали православную церковь еретической и пр. [1, с. 406].

После прихода к власти большевиков в 1917 г. староверы подвергались преследованиям наравне с представителями других конфессий. В 1922 г. было проведено изъятие церковных ценностей в трех храмах староверов Гомеля. В 1935 г. и в 1937 г. были арестованы соответственно: священник старообрядческой церкви в Новобелице Я. Березов и настоятель Ильинской церкви в Гомеле отец Авдей. С 1934 г. по 1937 г. закрыты старообрядческие молитвенные дома и церкви в Ветке, Новой Мильче, Гомеле и т. д. [3, сс. 32, 34, 35]. В результате этих событий, к концу 1930-х гг. религиозная жизнь староверов Гомельщины, как впрочем и других конфессий, ушла в глубокое подполье.

Существенные изменения в политике советской власти по отношению к религиозным организациям произошли во время Великой Отечественной войны. В 1943 г. при Совете народных комиссаров (СНК) СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви. Годом позже был образован Совет по делам религиозных культов при Совете министров (СМ) СССР, который проводил работу среди не православных конфессий: старообрядцев, католиков, протестантов, иудеев. В 1965 г. произошло слияние двух этих органов, результатом чего появился Совет по делам религий, который курировал работу в отношении всех религий и конфессий. В БССР и соответственно на Гомельщине Совет осуществлял свою деятельность через институт уполномоченных [4, сс. 180, 183].

В 1944 г. было принято постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», ознаменовавшее начало определенной либерализации условий существования для религиозных организаций [Там же].

После создания института уполномоченных в Гомельской области начался процесс регистрации религиозных общин, молитвенных зданий и духовенства. Уполномоченные по делам религиозных культов принимали ходатайства верующих об открытии храмов и передавали необходимые документы в вышестоящие инстанции [5, с. 246–247; 6, с. 174–181].

Так, уже в 1945 г. по Гомельской области были зарегистрированы 65 религиозных общин и молитвенных домов. Из них – 60 православных, 4 – евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и 1 община старообрядцев [5, с. 246–247].

В 1957 г. картина существенно меняется в сторону увеличения численности. По данным уполномоченного, в Гомельской области существовали 15 религиозных обществ староверов, из них: 3 зарегистрированных (1 белокрыницкого согласия и 2 беспоповцев) и 12 незарегистрированных обществ (3 белокрыницкого согласия и 9 беспоповцев) [2, л. 20–21].

В 1967 г. материалы уполномоченного демонстрируют прямо противоположную динамику. В это время на территории Гомельской области насчитывается всего лишь 4 группы старообрядцев, из которых только одна была зарегистрирована [7, л. 4, 5, 32].

В целом сокращение численности религиозных обществ старообрядцев согласуется с общими тенденциями в конфессиональной жизни. Например, если в 1957 г. в исследуемом регионе насчитывалось 90 неправославных общин (из них зарегистрированных 22 и незарегистрированных 68), то в 1967 г. уже 51 (15 и 36 соответственно) [2, л. 20–21; 7, л. 4, 5, 32].

Численность верующих в общинах была различной. Например, религиозное общество старообрядцев белокрыницкого согласия в Гомеле на момент регистрации в 1945 г. имело в своих рядах 255 человек. При чем в него входили прихожане, проживающие не только в Гомеле, но в Новобелице, а так же в д. Мильча Гомельского р-на и д. Огородня-Гомельская Добрушского р-на [2, л. 23]. Община беспоповцев в д. Заречье Паричского р-на в 1947 г. насчитывала в своих рядах 149 человек [8, л. 69–75]. Незарегистрированные группы верующих имели в своих рядах еще меньшее количество членов. К 1 января 1968 г., по данным уполномоченного, группа старообрядцев в д. Дражня Светлогорского р-на насчитывала 50 человек, а группа в д. Александровка Жлобинского р-на всего лишь 20 человек [7, л. 33].

Социальный состав общин верующих был достаточно пестрым и неоднородным. С одной стороны, это в основной своей массе рядовые крестьяне и рабочие, но с другой стороны среди актива были так же: бывший офицер Советской Армии П.Г.Нуднов (зам. председателя общины Ильинской церкви в Гомеле), бывший председатель колхоза Л.К.Яковлев (член общины д. Заречье, Паричского р-на), бывший коллаборант Е.Л. Коваленко (председатель совета общины д. Заречье, Паричского р-на), бывший член «Союза Русского Народа», репрессированный в 1931 г., Е.П. Торбин (председатель церковного совета Ильинской церкви в Гомеле) и т. д. [2, л. 24; 8, л. 69–75, 79–82].

Особенно ревностно верующие-старообрядцы относились к соблюдению религиозных традиций и обрядов. По данным Уполномоченного, в 1957 г. в Ильинской церкви г. Гомеля на крупные религиозные праздники, такие, как «Пасха», «Ильин день» собиралось более тысячи человек. Через 10 лет, во время празднования Пасхи, эта же «церковь была переполнена», более того, «среди верующих было примерно 40 % молодежи и мужчин средних возрастов, чего прошлые годы не наблюдалось» [2, л. 23; 9, л. 66–68].

В некоторых случаях «религиозные предрассудки» староверов вызывали беспокойство не только уполномоченного, но и местного руководства. В 1954 г. председатель колхоза им. Кирова Паричского р-на свидетельствовал, что старообрядцы в «великий пост, несколько недель <...> ничего мясного и молочного не кушали, постились <...> сидели на одном хлебе и воде, изнемогали от недоедания, не могли напряженно работать». В д. Ново-Марьевке «с целью не работать на «пасху» <...> разобрали в поле трактор».

В некоторых случаях старообрядцы игнорировали медицинскую помощь. По данным заведующего медпункта Степского сельсовета, в 1954 г. в д. Солотино Паричского р-на по

этой причине умерло двое грудных детей. Их родители отказались доставить младенцев в больницу, ссылаясь на то, что «по их обычаю если ребенок умрет в больнице, то духовный наставник не будет отпевать умершего» [8, л. 69–75].

Богослужения старообрядцы, как и прихожане Русской Православной Церкви, проводили в церквях и молитвенных домах. К концу 1930-х гг. все они были закрыты по решению советской власти, однако во время Великой Отечественной войны с разрешения немецких оккупационных властей вновь были заняты верующими. В 1957 г. были зарегистрированы две церкви: Ильинская белокриницкого согласия в Гомеле и в д. Ново-Александровка, Паричского р-на поморского согласия» [2, л. 20]. Например, Ильинская по данным уполномоченного до 1951 г. «была запущена и неприглядна, церковь посещали мало верующих, а за последние два три года за счёт доходов от прихода был произведен ремонт церкви внутри и наружного фасада, перекрыли крышу и покрасили ее. Построили ограду церкви, которой в прошлом не было» [8, л. 79–82]. В 1954 г. на «престольный праздник «Ильин день» внутри церкви все церковные предметы были оформлены и украшены живыми и искусственными цветами, был подготовлен большой хор певчих, на торжественное служение были приглашены из Клинцовской церкви Брянской области епископ Вениамин (В.Ф. Агольцев), благочинный священник Малеванкин и другие священники, в том числе из русской православной церкви Гомельского собора» [Там же].

Что касается молитвенных домов, то в материалах уполномоченного есть упоминания о молитвенных домах в д. Солотино и Заречье Паричского р-на, а также в Ново-Белице. В Солотино старообрядцы «неофициально арендуют дом одной верующей старообрядки, проживающей рядом со школой, собрали в него несколько десятков икон, выбрали неофициального духовного наставника – Подшивалова Федора Ефимовича, жителя д. Солотина, который и проводит им богослужение». Это сооружение представляло собой небольшую постройку, где «на стенах пристроены иконы, прибиты деревянные балочки, на которые ставят горящие свечи». Последнее обстоятельство вызвало особую обеспокоенность уполномоченного, т. к. это было «опасно в противопожарном отношении» [8, л. 69–75].

Нередко именно состояние противопожарной безопасности служило основанием для закрытия молитвенного дома. Так произошло в Заречье. Первоначально верующие использовали молитвенный дом, построенный в 1888 г., который действовал до 1934 г. В период немецкой оккупации был вновь занят верующими, но с 1950 г. передан местному колхозу под зерносклад. С тех пор местные старообрядцы собирались на дому сначала у прихожанки М. Поповой, а с 1954 г. у духовного наставника Г.Е. Лешкова. Районный пожарный инспектор обследовал помещение, принадлежащее Г.Е. Лешкову, и пришел к выводу, что «массовое скопление людей в доме <...> недопустимо», поскольку печи не соответствовали противопожарным нормам и отсутствовали средства пожаротушения [10, л. 44]. Неудивительно, что в 1961 г. религиозное общество старообрядцев-беспоповцев поморского согласия в д. Заречье Паричского р-на было вообще снято с регистрации [10, л. 50].

Еще один молитвенный дом находился в гомельском предместье Новобелице. Он интересен тем, что здесь некоторое время проводил богослужения «отлученный от Ильинской церкви дьякон Роговцов». Последнее свидетельствует, что среди старообрядцев белокриницкого согласия также не было единства. Этот молитвенный дом считался не зарегистрированным и был основан старообрядческим священником Мурыгиным в своем собственном доме, а после смерти Мурыгина в 1952 г. богослужения в нем стал проводить упомянутый К.С. Роговцов. По данным уполномоченного, интерьер молитвенного дома «оформлен, как и в церкви, иконами и прочей церковной утварью». Посещали его, как правило, незначительное количество прихожан – 20–25 человек преклонного возраста. Несмотря на неоднократные предупреждения со стороны уполномоченного о недопустимости незаконных действий в 1954 г., этот молитвенный дом продолжал действовать и в 1957 г. [8, л. 79–82; 9, л. 66–68].

Особый интерес со стороны уполномоченного вызывала деятельность старообрядческого духовенства и степень влияния его на население. Так в 1957 г. в поле зрения уполномоченного попал священник Ильинской церкви белокриницкого согласия в г. Гомеле Ф.И. Богатырев, который пользовался авторитетом среди верующих, благодаря своей активности и исполнитель-

ности, а также «малыми поборами за совершение треб. Кроме того, обычно после каждой церковной службы, он много денег раздает нищим» [2, лл. 23, 9, л. 37–39]. В 1966 г. по решению старообрядческого архиепископа Московского и всея Руси Иосифа, а также епископа Клинцовского и Новозыбковского Иосафа настоятелем Ильинской церкви был назначен новый священник В.И. Худяков [11, лл. 119, 120].

У староверов поморского согласия священников не было, их заменяли т. н. «духовные наставники». Например, в 1947 г. в качестве такового в д. Заречье Паричского р-на Высший Старообрядческий Совет в Вильнюсе назначил Г.Е. Лешкова [10]. Однако, в 1954 г. Г.Е. Лешков вступил повторно в брак после смерти жены, что было недопустимо по старообрядческим законам. В знак протеста верующие начали игнорировать богослужения, проводимые Г.Е. Лешковым и стали посещать церковь Ново-Александровской общины [8, л. 69–75].

Кроме священников у старообрядцев белокриницкого согласия и духовных наставников у беспоповцев были еще и т.н. «шарлатаны-уставщики». По данным уполномоченного, в 1967 г. они периодически совершали поездки по Гомельской области и совершали «отдельные требы верующих» [7, л. 33].

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия возрождается деятельность религиозных общин староверов на Гомельщине. По сравнению с довоенным периодом она проходит в относительно благоприятных условиях. Об этом свидетельствует регистрация общин и духовенства, открытие церквей. Вместе с тем старообрядцы находились под пристальным вниманием и контролем со стороны уполномоченных по делам религиозных культов.

Литература

1. Гарбацкі, А., Панюціч, В. Стараабраднікі / А. Гарбацкі, В. Панюціч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 6. Кн. 1 : Пузыны – Усяя / Рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелЭн, 2001. – С. 406–407.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 144. – О. 60. – Д. 250. Отчеты, информации, докладные записки и работе уполномоченного Совета по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области. 1958 г.
3. Конфессии на Гомельщине (20-30-е годы XX в.) : документы и материалы / сост. М.А. Алейникова, З.А. Александрович, А.Д. Лебедев, В.П. Пичуков [и др.] ; под ред. В.П. Пичукова – Минск : НАРБ, 2013. – 388 с.
4. Навіцкі, У. Супярэчлівы характар канфесійнай палітыкі / У. Навіцкі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.] ; рэд. калегія М. Касцюк (гал. рэд.). – Мінск : Современная школа, Экоперспектива, 2011. – С. 180–190.
5. Саўчык, К.В. Станаўленне інстытута ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай Праваслаўнай Царквы і Савета па справах рэлігійных культаў пры СНК СССР па Гомельскай вобласці ў 1944–1945 гг. / К.В. Саўчык // Гомельщина в событиях 1917–1945 гг.: материалы науч. практ. конф. / ред. кол. : А.А.Коваленя [и др.]. – Гомель, 2007. – С. 245–250.
6. Середич, Н.С. Институт уполномоченных по делам Русской Православной Церкви на Гомельщине в середине 50-х середине 60-х гг. 20 в. / Н.С. Середич // Православие на Гомельщине: историко-культурное наследие и современность: сборник научных статей / Гомельский госуниверситет им. Ф. Скорины ; отв. ред. Г.А. Алексейченко [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – С. 174–181.
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. – О. 5. – Д. 89. Отчет о работе аппарата Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Гомельской области за 1967 г.
8. ГАООГО. – Ф. 144. – О. 61. – Д. 73. Отчеты, докладные записки, спецсообщения Уполномоченного по делам религиозных культов. 1954 г.
9. ГАООГО. – Ф. 144. – О. 60. – Д. 205. Отчеты, информации, докладные записки Уполномоченного по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области. 1957 г.
10. ГАГО. – Ф. 1354. – О. 4. – Д. 7. Дело по регистрации религиозного общества старообрядцев в д. Заречье Паричского р-на. 1961 г.
11. ГАГО. – Ф. 1354. – О. 5. – Д. 38. Дело старообрядческого религиозного общества белокриницкого согласия г. Гомель. 1977 г.

УДК 930.25:061.1СНД

Создание и деятельность Евро-Азиатского регионального отделения Международного совета архивов

В.В. НАДОЛЬСКАЯ

Освещаются история создания, основные направления деятельности Евро-Азиатского регионального отделения Международного совета архивов со времени его образования в сентябре 2000 г. до настоящего времени. Раскрываются организационные основы его функционирования и роль в развитии международного сотрудничества постсоветских стран в архивной отрасли.

Ключевые слова: ЕВРАЗИКА, Международный совет архивов, архивное дело, сотрудничество, постсоветские страны.

The history of formation and the main of directions of activities of the Euro-Asian Regional Branch of the International Council on Archives from its inception in September in 2000 to now are highlighted. The organizational principles of its functioning and role in the development of international cooperation in the post-Soviet countries in the archive sector are described.

Keywords: EURASIKA, International Council on Archives, archival affairs, cooperation, post-Soviet countries.

Провозглашение постсоветскими странами в начале 1990-х гг. независимости, развертывание связанных с ним процессов национально-культурного возрождения, динамической трансформации общественно-экономической и политической жизни стали началом нового этапа в развитии архивного дела. Демократические преобразования заложили основу для появления в независимых государствах новых общественных отношений в сфере формирования, хранения и использования документов архивных фондов, государственного управления архивным делом, повлияли на формы и сферу деятельности архивов. Реформирование этой важной отрасли с одной стороны обеспечило организационное оформление каждым из государств собственных национальных архивных систем, с другой – требовало объединения усилий для решения наиболее важных и сложных проблем использования документального наследия. Интеграция в архивное мировое пространство стала возможной благодаря налаживанию сотрудничества на межгосударственном уровне, участию в работе международных архивных организаций.

Поэтому важным является изучение деятельности Евро-Азиатского регионального отделения Международного совета архивов (далее – МСА), объединившего усилия постсоветских стран в развитии архивного дела. Необходимость такого исследования актуализируется неразработанностью проблемы в украинской и зарубежной историографии.

В связи с этим автор ставит перед собой цель проанализировать историю создания, основные направления деятельности Евро-Азиатского регионального отделения МСА, раскрыть организационные основы его функционирования и роль в развитии международного сотрудничества постсоветских стран в архивной отрасли.

Избранная тема научного исследования не стала предметом специального исследования. К ней только фрагментарно обращаются ученые, изучающие вопросы международного сотрудничества в архивной отрасли (Г. Боряк [1], Я. ван ден Брук [2], В. Козлов [3], В. Носевич [4] и др.), историю МСА (Л. Гриценко [5], А. Рыбаков [6], Е. Старостин [7]–[9], С. Шевченко [10] и др.). Значительный научный интерес в украинской историографии представляют публикации Ю. Прилепишевой, освещающие участие архивистов Украины в работе Общих конференций Евро-Азиатского регионального отделения МСА, Консультативного совета руководителей государственных архивных служб государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) [11]–[13].

ЕВРАЗИКА (Eurasia Regional Branch, EURASICA) была создана по решению XIV сессии Генеральной ассамблеи МСА в Севилье (25 сентября 2000 г.) для развития связей между

национальными архивными службами, учреждениями и организациями, занятыми в сфере хранения, использования и управления архивными документами государств, образованных главным образом на территории бывшего СССР.¹

К этому моменту в рамках Координационного совета Европейской программы МСА («Европейское бюро МСА») существовала Группа по вопросам сотрудничества архивов стран СНГ. С учетом планируемого увеличения количества региональных отделений МСА Росархив, основываясь на опыте работы Группы и по согласованию с государственными архивными службами стран Содружества, обратился к руководству МСА с предложением о создании самостоятельного регионального отделения стран СНГ в структуре МСА. Оно было поддержано во время работы международного конгресса архивов в Испании [14, с. 18]. Утверждение новой структуры МСА показало усиление роли архивных учреждений стран СНГ в деятельности этой международной организации.

Первое заседание – организационная конференция, утвердившая устав отделения, состоялось в Москве 6 декабря 2000 г. В ее работе приняли участие представители архивных учреждений Беларуси, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Монголии, России, Украины, в качестве наблюдателей – представители Азербайджана, Латвии, Польши. От предложения войти в отделение отказались архивные службы Болгарии, Латвии, Литвы, Финляндии и Эстонии (сотрудничество с ними происходит в рамках двусторонних соглашений). Не ответили на сообщение о создании ЕВРАЗИКИ архивные службы Таджикистана и Туркмении. В связи с тем, что архивы Узбекистана не вошли в МСА, они не могли быть и членами ее регионального отделения [15, с. 101].

Принятый устав определил цели и задачи отделения: установление, поддержание и развитие связей между национальными архивными службами региона; поддержка мероприятий по сохранению и защите архивного наследия, совершенствование методов управления им; расширение доступа к архивам, подготовка и распространение информационных материалов об их фондах, стимулирование использования архивных документов; координация деятельности архивных учреждений и организаций, улучшение профессиональной подготовки архивистов; организация встреч по определенной тематике, представляющей взаимный интерес [16, с. 37]. Структуру отделения образуют Общая конференция, Исполнительное бюро и Секретариат. По инициативе членов отделения Исполнительное бюро может создавать профессиональные органы (секции и комитеты) по отдельным направлениям деятельности архивов. Президент региональной организации МСА входит в состав его исполкома и отчетывается перед ним о своей работе.

Членами отделения могут быть как национальные/региональные архивные управления и национальные ассоциации архивистов, являющиеся членами МСА, так и учреждения, занятые в сфере управления и хранения документации или профессиональной подготовки архивистов, сотрудники любого архивного, научного учреждения или учебного заведения; лица, чей выдающийся вклад в развитие архивного дела стран региона признан решением Общей конференции ЕВРАЗИКИ. В частности, на первом заседании состав ЕВРАЗИКИ пополнился новыми членами – Российским обществом историков-архивистов и Госархивом Российской Федерации.

Устав отделения также включил пункт об издании собственного печатного органа – информационного бюллетеня (его главным редактором был избран директор Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела М. Ларин) и закрепил за русским и английским языками статус официальных языков ЕВРАЗИКИ [16, с. 40].

Участники организационного заседания одобрили эскиз эмблемы отделения, проект которого подготовили белорусские и российские архивисты. В ее основе знак бесконечности, символизирующий не только связь времен, но и культур: европейской и азиатской.

---

¹ В Конституции МСА указывается на то, что образование региональных отделений преследует цель укрепления сотрудничества в основных регионах мира. Региональные отделения МСА, объединяющие архивные учреждения стран, расположенных в общем географическом регионе с общими культурными традициями, начали появляться с 60-х гг. XX в. Сегодня в структуре МСА их насчитывается 10.

Политика и основные направления деятельности ЕВРАЗИКИ определяются на ее Общих конференциях. На последних также принимаются решения по проектам программ, представленных на ее рассмотрение исполнительным бюро. Со времени создания отделения состоялось уже пятнадцать Общих конференций ее членов (в Москве, Астане, Минске, Вене, Ереване и др.). Во время первых двух мероприятий были обсуждены актуальные вопросы сотрудничества между архивными учреждениями стран-членов СНГ и ЕВРАЗИКИ, в частности рассматривались проблемы повышения квалификации работников архивов, подготовки и реализации совместных проектов, участники ознакомились с современным состоянием архивной отрасли в каждой из стран и др. Во время проведения Всеобщей конференции ЕВРАЗИКИ во Львове (2005 г.) руководство Госкомархива Украины выступило с инициативой разработки концепции «общего архивного наследия СНГ». Обязательным элементом этой концепции должны стать меры по гарантированному сохранению такого общего наследия и использованию его в интересах всех заинтересованных сторон [17, с. 156]. Участники 6-й Всеобщей конференции ЕВРАЗИКИ выступили со специальным заявлением по вопросам краж и незаконного оборота архивных ценностей [18, с. 50].

На своем очередном собрании (Ереван, 2006 г.) Члены Евро-Азиатского регионального отделения определились с позицией по использованию языков в деятельности МСА, выразив ряд предложений по расширению возможностей ознакомления специалистов с продукцией профессиональных органов МСА на русском языке [18, с. 61–62].

По состоянию на 2008 г. количество членов Евро-Азиатского отделения выросло до 23 [19, с. 7]. В апреле 2009 г. Агентство «Узархив» при Кабинете Министров Республики Узбекистан стало членом МСА. На 10-й общей конференции ЕВРАЗИКИ (Ереван, 2009 г.) архивные службы Республики Узбекистан вступили в Евро-Азиатское региональное отделение Международного совета архивов [20].

Агентство «Узархив» при Кабинете Министров Республики Узбекистан стало организатором 13-й Всеобщей конференции ЕВРАЗИКИ и очередного заседания Консультативного совета руководителей государственных архивных служб государств-участников СНГ (далее – Консультативный совет) (3–6 октября 2012 г.). Члены Консультативного совета обменялись мнениями по вопросам создания баз данных с помощью автоматизации центральных архивных фондовых каталогов государств-участников СНГ и их объединения в единой сети, рассмотрели вопрос завершения до конца 2013 г. совместной работы по разработке базы данных (единого справочника) о местах хранения документов по личному составу, подготовки «Обзора архивного дела государств-участников СНГ за 2001–2010 гг.». Ход реализации очередного плана работы отделения, итоги 17-го Международного конгресса архивов, другие организационные вопросы стали предметом обсуждения участников Общей конференции ЕВРАЗИКИ. В рамках запланированных мероприятий на международной научно-практической конференции «Современные проблемы комплектования, учета, хранения и использования информационных ресурсов архивных учреждений и организаций» состоялась дискуссия по всем направлениям деятельности архивных учреждений государств-участников СНГ и ЕВРАЗИКИ с учетом современных тенденций развития архивного дела в этих государствах и общих проблем в архивной сфере, решение которых требует различных подходов и изучения международного опыта [13, с. 213].

В рамках рабочих заседаний ЕВРАЗИКИ и Консультативного совета происходит обсуждение широкого круга профессиональных вопросов, проводятся консультации между руководителями государственных архивных служб по проблемам углубления и дальнейшего развития конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества по действующим межведомственным двусторонним международным договорам в области архивного дела, согласовываются вопросы подготовки совместных выставок документов, участия делегаций в работе Международного конгресса архивов и т. д.

Проведение таких мероприятий способствует дальнейшему укреплению взаимодействия архивных служб стран – членов ЕВРАЗИКИ, развитию делового партнерства, творческих контактов, укреплению обмена опытом.

Заседание руководящих органов региональных отделений МСА, в частности ЕВРАЗИКИ, собрание членов региональных отделений традиционно проходят и в рамках международных конгрессов архивов. Например, в 2004 г. на XV-м Международном конгрессе архивов в Вене (Австрия) было проведено специальное заседание по вопросам интеграции архивов бывших компартий в систему государственных архивных служб, в 2008 г. на XVI-м Международном конгрессе архивов в Куала-Лумпур (Малайзия) – обсуждение проблемы «Архивы в период демократических преобразований». К выяснению роли и места архивов в современном меняющемся мире обратились участники XVII-го Международного конгресса архивов, состоявшегося 20–24 августа 2012 г. в г. Брисбен (Австралия).

В деятельности ЕВРАЗИКИ важную роль играет Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (далее – ВНИИДАД). В 2003 г. решением Совета глав правительств СНГ ВНИИДАД получил статус базовой организации по переподготовке и повышению квалификации кадров по архивоведению, документоведению и документационному обеспечению управления государств-участников СНГ [21, с. 24]. Евро-Азиатское региональное отделение МСА совместно с ВНИИДАД проводят международные обучающие семинары для архивистов стран-участниц. На них рассматриваются вопросы, связанные со стандартами архивного описания, классификации архивной документной информации, обеспечения сохранности, комплектования и экспертизы ценности архивных документов [19, с. 7]. Последние семинары были посвящены организации хранения, комплектования и учета электронных документов в архивах, проблемам управления электронными архивными документами, использованию в архивах цифровых технологий [22].

На ВНИИДАД также возложены функции Информационного центра с архивного дела стран СНГ и ЕВРАЗИКИ. ВНИИДАД осуществляет работу по изданию Информационного вестника с документоведения и архивного дела ЕВРАЗИКИ (основан решением 2-й Всеобщей конференции ЕВРАЗИКИ в Москве 30 ноября 2001 г.). Информационный вестник включает материалы об архивном законодательстве соответствующих государств, документы архивных служб, сигнальную информацию о новых поступлениях, хронику архивных новостей, информационные сообщения. Дважды в год печатаются информационные бюллетени, содержащие короткие переводы, аннотации, рефераты и сигнальную информацию о архивоведении и документоведении зарубежных стран [23, с. 52]. Последние информируют и о важнейших событиях в деятельности ЕВРАЗИКИ.

С информацией о деятельности ЕВРАЗИКИ можно ознакомиться на сайтах архивных служб стран – членов регионального отделения. На основании решения 2-й Всеобщей конференции ЕВРАЗИКИ (2001 г.) на официальном сайте Росархива «Архивы России» было создано главную страницу «ЕВРАЗИКА» [24].

Таким образом, созданное в 2000 г. Евро-Азиатское отделение МСА объединило усилия архивных служб, учреждений и организаций стран СНГ и Монголии в развитии архивного дела. Его деятельность способствует реализации ряда мероприятий по сохранению и защите архивного наследия, расширению доступа к архивам, улучшению профессиональной подготовки архивистов. Региональные отделения, ЕВРАЗИКА в частности, являются важным достоянием МСА именно потому, что дают возможность региональным архивным сообществам разрабатывать стратегию, обеспечивающую решение их особенных местных проблем.

Литература

1. Боряк, Г.В. Виклик часу: Нові стратегічні ініціативи міжнародного архівного співтовариства / Г.В. Боряк // Архіви України. Науково-практичний журнал. – 2001. – Вип. 6 (248). – С. 66–70.
2. Брук, Я. ван ден. От Брюсселя до Пекина: международное сотрудничество архивистов / Я. ван ден Брук // Вестник архивиста. – 1996. – № 5. – С. 63–87.
3. Козлов, В.П. Сотрудничество архивистов стран СНГ: некоторые итоги и возможные перспективы / В.П. Козлов // Отечественные архивы. – 2006. – № 3. – С. 6–10.
4. Носевич, В. Встреча архивистов во Львове / В. Носевич // Архіви і справоводства. Науково-практичні ілюстровані часопис. – 2005. – № 6. – С. 6–8.

5. Гриценко, Л. Международный совет архивов: история создания, задачи, деятельность / Л. Гриценко // Архіви і справоводства. Наукова-практичны ілюстрованы часопис. – 2004. – № 6 (36). – С. 93–96.
6. Рыбаков, А. Европейское региональное отделение Международного совета архивов ЕВРБИКА (EURBICA): история создания, членство и деятельность / А. Рыбаков // Архіви і справоводства. Наукова-практичны ілюстрованы часопис. – 2005. – № 1 (37). – С. 95–99.
7. Старостин, Е.В. Международные архивные организации и их деятельность / Е.В. Старостин. – М. : МГИАИ, 1989. – 80 с.
8. Старостин, Е.В. Международный совет архивов: путь в полвека / Е.В. Старостин // Вестник архивиста. – 1998. – № 3. – С. 23–37.
9. Старостин, Е. Міжнародна рада архівів: шлях у півстоліття / Е. Старостин // Студії з архівної справи та документознавства. – 1998. – Т. 3. – С. 138–143.
10. Шевченко, С.І. Участь у діяльності Міжнародної ради архівів як одна із форм зовнішніх зв'язків українських і білоруських архівістів / С.І. Шевченко // Тезиси міжнароднай наукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: станіперспектывы», Мінск, 1–2 снеж. 1993 г. – Ч. 1. – Мінск : БелНДЦДАС, 1993. – С. 14–18.
11. Прилепішева, Ю.А. Загальна конференція Євро-Азійського регіонального відділення Міжнародної ради архівів та Консультативна рада керівників державних архівних служб держав-учасниць СНД / Ю.А. Прилепішева // Архіви України. Науково-практичний журнал. – 2010. – Вип. 3–4 (269). – С. 5–21.
12. Прилепішева, Ю.А. 12-та Загальна конференція Євро-Азійського регіонального відділення Міжнародної ради архівів та чергове засідання Консультативної ради керівників державних архівних служб держав-учасниць СНД / Ю.А. Прилепішева // Архіви України. Науково-практичний журнал. – 2011. – Вип. 4 (274). – С. 226–235.
13. Прилепішева, Ю.А. 13-та Загальна конференція Євро-Азійського регіонального відділення Міжнародної ради архівів і чергове засідання Консультативної ради керівників державних архівних служб держав-учасниць СНД / Ю.А. Прилепішева // Архіви України. Науково-практичний журнал. – 2012. – Вип. 6 (282). – С. 212–217.
14. Тарасов, В.П. Проблемы архивного сотрудничества в рамках СНГ / В.П. Тарасов // Архіви Беларусі на рубяжы ХХ–ХХІ стст.: гісторыя, стан, перспектывы развіцця : міжнар. наук.-практ. канф., Мінськ, 8–9 лют. 200 г. / Склад. : У. І. Адамушка [і інш.]. – Мінск : БелНДЦДАС, 2001. – С. 14–18.
15. Бондарева, Т.И. Общее прошлое и общие интересы – основа для взаимовыгодного сотрудничества членов ЕВРАЗИКИ / Т.И. Бондарева // Отечественные архивы. – 2002. – № 1. – С. 101–103.
16. Устав Евро-Азиатского регионального отделения Международного совета архивов // Информационный вестник. – М. : Информационный центр по архивному делу. – 2002. – № 3 (25). – С. 37–41.
17. Папакін, Г. Архіви України в міжнародних та міжрегіональних програмах збереження культурної спадщини: досвід та перспективи / Г. Папакін // Архіви України. Науково-практичний журнал. – 2008. – Вип. 1–2 (260). – С. 150–157.
18. Рабочие документы 2000–2009 гг.: ЕВРАЗИКА / Госкомархив ; Состав. : К.Г. Черненко, Ю.А. Прилепішева, Н.С. Божук. – Киев, 2010. – 80 с.
19. Бондарева, Т.И. Федеральное архивное агентство – к юбилею государственной архивной службы России / Т.И. Бондарева, Л.А. Кобелькова // Отечественные архивы. – 2008. – № 4. – С. 3–9.
20. Агентство «Узархив» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.archive.uz/specialnews/260>. – Дата доступа : 23.03.2015.
21. Положение о базовой организации по переподготовке и повышению квалификации кадров по архивоведению, документоведению и документационному обеспечению управления государств – участников СНГ // Архіви і справоводства. Наукова-практичны ілюстрованы часопис. – 2004. – № 2. – С. 24–26.
22. Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.vniidad.ru/>. – Дата доступа : 27.03.2015.
23. Ларин, М.В. ВНИИДАД: этапы развития и направления деятельности в 1966–2006 гг. / М.В. Ларин // Отечественные архивы. – 2006. – № 3. – С. 41–53.
24. Протокол 2-й Общей конференции Евроазиатского регионального отделения Международного совета архивов (Москва, 30 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : http://www.rusarchives.ru/branch/international/2k_eu.shtml. – Дата доступа : 03.04.2015.

УДК 94(=1.477)

Сеч, Вільня і Кракаў: ранні этап узаемаадносін украінскага казацтва і дзяржаўнай улады

Р.І. ПОПЕЛЬ

Разглядаецца ранні этап узаемаадносін паміж украінскім казацтвам, Вялікім Княствам Літоўскім, а таксама Польшчай (з канца XIV ст. да пачатка праўлення Стэфана Баторыя ў 1575 г.). Асаблівая ўвага надаецца асвятленню рэформаў Жыгімонта Аўгуста, якія фактычна стварылі першае казацкае рээстравае войска. Таксама аналізуецца ўзаемазвязі запарожскага казацтва з арыстакратычнымі элітамі ўкраінскіх зямель.

Ключавыя словы: украінскае казацтва, Запарожская Сеч, Вялікае Княства Літоўскае, Рэч Паспалітая, гісторыя Украіны, гісторыя Польшчы.

The early stage of relations between the Ukrainian Cossacks, Grand Duchy of Lithuania and Poland (from the end of the 15 th century until the reign of Stefan Batory in 1575) is discussed. Particular attention is paid to the description of the reforms of Sigismund Augustus who actually created the Registered Cossack army. The relationships of Zaporizhzhya Cossacks with the aristocratic elite of the Ukrainian lands are analyzed.

Keywords: Ukrainian Cossacks, Zaporizhian Sich, Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita, Polish–Lithuanian Commonwealth, history of Ukraine, history of Poland.

Казацтва з'яўляецца ўнікальным феноменам сацыяльна-палітычнага і культурнага жыцця Усходняй Еўропы. У розныя часы да гісторыі казацтва звярталіся І.М. Каманін, А.У. Старажэнка, Д.І. Яварніцкі і інш. [1], [2], [3] Сярод сучасных навукоўцаў, што разглядаюць у сваіх працах розныя аспекты гісторыі казацтва назавем, напрыклад, такіх, як Б.У. Чэркас, В.А. Шчарбак, У.А. Сэрчык [4], [5], [6]. Ранняя гісторыя казацтва, а таксама праблема пачатку ўзаемаадносін казацтва з дзяржаўнай уладай Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы даследаваны яшчэ ў значна меншай ступені, чым гісторыя казаччыны XVII–XVIII стст. У дадзеным артыкуле робіцца спроба разгледзець ранні этап узаемаадносін паміж украінскім казацтвам, ВКЛ, а таксама Польшчай (з канца XIV ст. да пачатка праўлення Стэфана Баторыя ў 1575 г.).

Упершыню тэрмін, больш-менш падобны да слова «казак», сустракаецца ў Пачатковай мангольскай хроніцы і адносіцца да 1240 г. [7, с. 348]. Асвятленне версій паходжання ўкраінскага казацтва не з'яўляецца задачай дадзенага даследавання, але заўважым, што адно з першых прыгадванняў пра яго мы знаходзім у паведамленні «Хронікі ўсяго свету» Марціна Бельскага за 1489 г., калі казакі выступілі ў якасці праваднікоў для палякаў падчас вайны з татарамі. Першы выпадак службы казакоў Польскай Кароне ён жа адносіць да 1516 г. «Толькі з таго часу з'явіліся ў нас казакі», – піша Марцін Бельскі [8]. Першым захаваным афіцыйным дакументам, што датычыцца казакоў, з'яўляецца прывілей Вялікага князя Літоўскага Аляксандра гораду Кіеву 1499 г. [9, с. 190].

Дзікае Поле, якое займала значную частку сучаснай Украіны, на працягу стагоддзяў з'яўлялася цэнтрам нестабільнасці ў рэгіёне. У гэтых умовах мясцовае сталае насельніцтва было нешматлікім, яго значную частку складала стракатая маса выходцаў з розных месцаў, якіх у розныя часы называлі «броднікамі», «кайкамі» і ў рэшце рэшт – «казакамі». Прыналежнасць Дзікага Поля да ВКЛ была цалкам умоўнай. Гэта і зразумела: «вольныя людзі» збягаліся амаль што з усіх навакольных краёў у гэтыя неабароненыя ад татарскіх нападаў землі не для таго, каб падпарадкоўвацца дзяржаўнай уладзе [4, с. 74]. Аднак ў XVI ст. ігнараваць існаванне казакоў уладам ВКЛ было ўсё цяжэй. Гэта было выклікана не толькі нарастаннем бескантрольнай масы ўзброеных людзей на паўднёвых межах дзяржавы, але і пастаяннымі скаргамі з боку Крымскага ханства і яго сюзерэну – Асманскай імперыі, на чыю тэрыторыю казакі часта ладзілі рабаўніцкія паходы. Пры гэтым заўважым, што яшчэ ў часы існавання ў складзе ВКЛ аўтаномнага Кіеўскага княства (да 1470 г.) мясцовыя ўлады спецыяльна стымулявалі перасяленне на гэтыя землі сялян і дробнай шляхты ў надзеі, што

яны змогуць даць адпор татарскім набегам [10, с. 104–105]. Сапраўды, для Кіеўскага княства адным з самых адчувальных палітычных і сацыяльных пытанняў была праблема Дзікага Поля. Гэтыя тэрыторыі былі месцам засяроджання розных «сумнявальных асоб», а таксама плацдармам для татарскіх набегав. З мэтай забеспячэння аховы гэтых земляў урад князёў Алелькавічаў праводзіў палітыку засялення іх так званымі коннымі слугамі, у асноўным гэта былі дробныя баяры (баярства ў Кіеўскім княстве – стан дробнай шляхты, што несла розныя павіннасці) [10, с. 104–105]. Яны атрымлівалі тут землі, а за гэта абавязваліся несці вайсковую службу на карысць Кіеўскага княства. Адзначым, што сюды імігравала і шмат людзей іншаземнага паходжання: малдаван, палякаў, часам – немцаў. Нягледзячы на тое, што сяляне – так зв. людзі – у Кіеўскім княстве былі асабіста свабоднымі, час ад часу адбываліся і іх уцёкі ў Поле.

У пазнейшыя часы, калі афіцыйных кантактаў паміж уладамі ВКЛ і казакамі яшчэ не было, першымі стасункі з казацтвам сталі падтрымліваць ураднікі і шляхта Кіеўскага ваяводства, якое было ўтворана ў 1471 г. на аснове колішняга княства. Час ад часу мясцовыя ўраднікі і магнаты сталі наймаць на службу казацкія атрады з мэтай супрацьстаяння татарам. У гэтым рэчышчы актыўна дзейнічалі кіеўскі ваявода Дзмітрый Пуцяціч (1492–1505), чаркаскія і канеўскія старасты Астафій Дашковіч, Васіль Цішкевіч, Фёдар Сангушка і інш. [5, с. 179] Так узнікла першая стратэгія паводзін мясцовых улад і магнатэрыі ў адносінах да казацтва – спробы арганізаваць яго ў барацьбе з татарамі. Аднак вынікі гэтай дзейнасці былі вельмі супярэчлівымі, замест абароны межаў казакі часта самі правакавалі татарскія напады.

Першыя праекты ўсталявання афіцыйных зносін з казакамі на агульнадзяржаўным узроўні сталі разглядацца ўжо ў першай палове XVI ст. Іх ініцыятарамі выступалі паўднёваўкраінскія ўраднікі. Вялікі князь Жыгімонт I Стары (1506–1548) спачатку дастаткова лагодна ставіўся да дадзенага праекту і нават зацвердзіў адказнымі за яго ажыццяўленне кіеўскіх ураднікаў Сямёна Палазовіча і Крыштафа Кміціча [11, с. 81] (падрабязней пра жыццё і дзейнасць старасты Сямёна Палазовіча гл. артыкул сучаснага ўкраінскага даследчыка Барыса Чэркаса) [12, с. 105]. Але праект так і не быў рэалізаваны. У далейшым падобныя ідэі найму казакоў для аховы паўднёвых межаў выказваліся на Пётркоўскім сейме 1533 г. [13, с. 419]. Аднак і гэтыя спробы плёну не мелі. Прычынамі гэтаму былі, па-першае, фінансавыя цяжкасці, па-другое, недастатковая ўпэўненасць улад у неабходнасці прыняцця на дзяржаўную службу казацкіх атрадаў і эфектыўнасці гэтых мер. Такім чынам, коратка прааналізаваўшы вынікі кантактаў паміж дзяржаўнымі і мясцовымі ўладамі і казацтвам да сярэдзіны XVI ст., падкрэслім, што яны адбываліся ў рэчышчы фактычна адной стратэгіі – спроб арганізаваць пэўныя атрады казакоў, якія б ахоўвалі паўднёвыя межы ад татар і адначасова нейтралізаваць гэтым правакаванне татарскіх набегав.

Пакуль дзяржаўныя ўлады рабілі першыя крокі ў сваіх спробах выпрацаваць план дзеянняў у адносінах да казакоў, у казацкім асяроддзі адбываліся значныя змены. Адмысловае супрацоўніцтва паміж паўднёваўкраінскай магнатэрыяй і казацтвам стала яшчэ больш шчыльным. Вялікую ролю тут адыграла дзейнасць буйнога магната князя Дзмітрыя Вішнявецкага (1516–1563), вядомага таксама як Байда. Выкарыстоўваючы казакоў у сваіх асабістых мэтах – паходах супраць татараў і туркаў, авантурных спробах захапіць малдаўскі прастол – Вішнявецкі спрыяў арганізацыі казакоў у адносна цэльнае ваенна-палітычнае аб'яднанне. Пад яго кіраўніцтвам у 1552–1556 гг. на дняпроўскім востраве Малая Хорціца была пабудавана Першая Сеч [7, с. 154], у далейшым яе цэнтры часта змяняліся, але ваенна-палітычны арганізм, вядомы як Запарожская Сеч (Кош), на некалькі стагоддзяў кансалідаваў значную частку казакоў. Так парадаксальны саюз паміж украінскімі арыстакратамі і казакамі значна паўплываў на самаарганізацыю ўкраінскага казацтва. Канешне, ступень кансалідацыі казацкай протадзяржавы пераацэньваць нельга, але дзяржаўным уладам ВКЛ і, у недалёкай будучыні, Рэчы Паспалітай прыйшлося з гэтых часоў усё больш мець справу не з рассяянымі казацкімі атрадамі, а з аб'яднаннем Запарожскай Сечи.

Першыя больш-менш паспяховыя спробы прыняцця казакоў на дзяржаўную службу былі прадпрынятыя ў часы праўлення Жыгімонта II Аўгуста (у ВКЛ фактычна ў 1529–1572, у Польшчы – 1542–1572). У 1551 г. была створана конная харугва на чале з ротмістрам

Б. Прэтвічам [11, с. 144]. Па сутнасці гэта быў змяшаны конны атрад намінальна ў 200 коней, дзе служыла 117 казакоў і 87 гусараў. Сярод узброення падобных казакоў сустракаліся «панцерж» (кальчуга), прылбіца (паўсферычны шлем з адкрытым тварам і кругавой кальчугай-барміцай), рагаціна (варыянт дзіды) і сагайдак (набор, што ўключаў лук, налуч, калчан і стрэлы). Казацкая конніца мела пэўныя адрозненні ва ўзброенні ад конніцы гусарскай, бо гусары звычайна мелі адмысловую дзіду («дрэва»), таксама шчыт («тарчу»), шаблю. Пры гэтым стралкамі з'яўлялася прыкладна чвэрць ад гэтых казакоў [14, s. 76–78].

Захады па прыняццю казакоў на дзяржаўную службу былі падштурхнутыя цяжкасцямі Інфлянцкай вайны 1558–1583 гг. Вайна паўплывала на з'яўленне ідэі выкарыстаць казакоў падчас ваенных дзеянняў супраць Масквы. Гэтая стратэгія вырашэння «казацкага пытання» – накіраванне казакоў на знешнія войны – будзе яшчэ неаднаразова выкарыстоўвацца на працягу наступных стагоддзяў. Першымі падчас вайны ініцыятыву зноў праявілі ўраднікі, такія, як кіеўскі ваявода Канстанцін Астрожскі і чаркаскі стараста Аляксандр Вішнявецкі. Да таго ж, каралеўскай граматай ад 5 верасня 1561 г. па пагадненні з крымскім ханам Дэўлетам I Гірэем (1551–1577) абвешчалася стварэнне атрада з 24 татарскіх казакоў для ваенных дзеянняў супраць Масквы [15, с. 157]. Напрыклад у 1567 г. у харугві Філона Кміты акрамя 25 гусарскіх почтаў з 120 вершнікамі было таксама 12 казацкіх почтаў з 60 вершнікамі. Казакі у дадзенай харугві мелі на ўзброенні кальчугу, шышак (паўсферычны шлем з адкрытым тварам), шаблю, «рагацінку» і сагайдак [11, с. 144].

Пасля шэрагу няўдач спробы стварэння атрадаў украінскіх казакоў на дзяржаўнай службе актывізуюцца па даручэнні караля Жыгімонта Аўгуста ў канцы 1560-х – пачатку 1570-х гг. У 1568 г. у Запарожскую Сеч была перададзена каралеўская грамата з прапановай паступаць на дзяржаўную службу, бо «ведже при замцех наших найдеться вам служба наша, за которую жалованье каждый из вас от нас одержитъ» [16, с. 6]. Па выніках Люблінскага сейма 1569 г. большая частка ўкраінскіх земляў ад ВКЛ перайшла да Польшчы. Для казацкага асяроддзя гэтыя змены былі амаль не заўважнымі: і мясцовыя ўраднікі і магнаты, і манарх, заставаліся тымі ж.

Распачатыя ў канцы 1560-х гг. захады ўраду па найме казакоў на службу Рэчы Паспалітай далі плён у 1572 г., калі ў рэшце рэшт быў сфарміраваны першы буйны рэгулярны атрад украінскіх казакоў на дзяржаўнай службе, а гэтая дата стала хрэстаматыйнай як адна з дат заснавання рээстравага казацтва. Набор казакоў рэгуляваўся каралеўскай граматай ад 5 чэрвеня 1572 г., змест якой, нягледзячы на незахаванасць самой граматы, быў рэканструяваны на падставе пазнейшых дакументаў [5, с. 158]. Непасрэдна за набор казакоў адказваў каронны гетман Ежы Язлавецкі. Сфармаваны атрад налічваў 300 чалавек з ліку тых запарожскіх казакоў, што пагадзіліся перайсці на каралеўскую службу. Для пайменнай фіксацыі казакоў быў створаны спецыяльны спіс – рээстр. Заўважым, што спробы стварэння такога рээстру рабіліся і раней, але зараз ён упершыню стаў прымаць выгляд рэгулярнага войска, а саміх казакоў на дзяржаўнай службе сталі называць рээстравымі. Кіраўніком атрада быў прызначаны Ян Бодоўскі. Ён, дарэчы, паходзіў са шляхецкага роду, здаўна звязанага з казацтвам, – яго бацька ці брат загінуў у малдаўскім паходзе князя Дзмітрыя Вішнявецкага-Байды. Афіцыйна Бодоўскі атрымаў пасаду «старэйшага», а таксама меў паўнамоцтвы судзіць казакоў. У грамаце Жыгімонта Аўгуста зазначалася, што казацкі старэйшы быў адказны «толко перед нами государем, або перед паном воеводою руским и по нем будущими гетманами нашими до своего живота» [17, с. 176]. Такім чынам, рээстравыя казакі вызваліся ад улады рознаўзроўневай мясцовай адміністрацыі і падпарадкоўваліся толькі ваяводзе, гетману і каралю.

Атрад з 300 рээстравых казакоў праіснаваў нядоўга. Ён быў перакінуты на тэатр баявых дзеянняў. Да таго ж, у 1575 г. памерлі і старэйшы Я. Бодоўскі, і гетман Е. Язлавецкі, пасля чаго атрад фактычна перастаў існаваць [10, с. 171]. Не садзейнічалі развіццю рээстравага казацтва і падзеі ў палітычным жыцці Рэчы Паспалітай таго часу: смерць у 1572 г. караля Жыгімонта II Аўгуста, кароткае і трывожнае праўленне Генрыха Валуа, цяжкае бескаралеўе. Украінскае казацтва з гэтага часу аказалася фактычна падзеленым на дзве часткі: запарожскую і рээстравую. Значным момантам з'яўляецца і тое, што казакі былі вызвалены

ад улады мясцовай адміністрацыі і з дэкласаванай масы ўпершыню былі вылучаны як сацыяльная група Рэчы Паспалітай. Невялікі памер першага атраду рээстраўцаў у 300 казакоў пры гэтым сведчыць пра тое, што мэтай яго стварэння мелася не вырашэнне ўсяго «казацкага пытання», а арганізацыя дапаможнага атрада ў барацьбе з маскоўскімі войскамі і, магчыма, татарамі. Аднак, нельга выключыць і яшчэ адну важную функцыю рээстравага казачтва – заспакаенне пры неабходнасці сваіх вольных запарожскіх «братоў». Усе гэтыя функцыі будуць цалкам уласцівыя і для далейшага развіцця рээстравага казачтва ў пазнейшыя часы. Наступным важным этапам у развіцці ўзаемаадносін украінскага казачтва і дзяржаўнай улады Рэчы Паспалітай стануць вайсковыя рэформы перыяда праўлення Стэфана Баторыя, што мы спадзяемся разгледзець у наступных публікацыях.

Літаратура

1. Каманин, И.М. К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого / И.М. Каманин. – Киев, 1894. – 347 с.
2. Стороженко, А.В. Стефан Баторий и днепровские козаки: исследования, памятники, документы и заметки / А.В. Стороженко. – Киев, 1904. – 478 с.
3. Яворницький, Д.І. Історія запорізьких козаків: у 3-х т. / Д.І. Яворницький ; З російської переклав Іван Сварник. – Київ : Наукова думка, 1991.
4. Черкас, Б. Українське козацтво наприкінці XV – першої половини XVI ст. / Б. Черкас // Український історичний збірник. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2005. – № 8. – С. 74.
5. Щербак, В. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. / В. Щербак. – Київ : Видавничий дім «KM Academia», 2000. – 300 с.
6. Serczyk, W.A. Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny do 1648 roku \ W.A. Serczyk. – Kraków : Wydawn. Literackie, 1984. – 373 s.
7. Бойко, О.Д. Історія України: Посібник / О.Д. Бойко. – Видання 2-ге, доповнене. – Київ : Видавничий центр «Академія», 2002. – 656 с.
8. Bielski, M. Kronika wszystkiego świata [Elektroniczny zasób] / M. Bielski // Polska Biblioteka Internetowa. – Tryb dostępu : http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=33262&s=1. – Data dostępu : 14.03.2015.
9. Шевальє, П'єр. Історія війни козаків проти Польщі / П. Шевальє ; пер. з фр. Ю. Назаренко. – К. : Томіріс, 1993. – 224 с.
10. Яковенко, Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. / Н. Яковенко. – Київ, 1997. – 380 с.
11. Пенской, В.В. Великая огнестрельная революция / В.В. Пенской. – М. : «Эксмо, Яуза», 2010. – 448 с.
12. Черкас, Б. Прикордонний староста Семен Полозович / Б. Черкас // Український історичний збірник. – 2004. – № 7. – С. 105.
13. Źródła dziejowe: w 24 t. – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Wydział II. Komisya Historyczna, 1882–1915. – Т. 22. – 1897. – 423 s.
14. Dzieje wojskowości polskiej do roku 1831 (wypisy źródłowe) / B. Baranowski, W. Bortnowski, W. Lewandowski. – Warszawa : Wydaw. MON «Prasa Wojskowa», 1949. – 291 s.
15. Глейтовный или охранный листъ Польскаго короля Сигизмунда Августа князю Димирію Ивановичу Вишневецкому на приѣздъ его къ королевскому двору / Н. Костомаров // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб: Типография Эдуарда Праца, 1865. – Т. 2 : 1599–1637. – С. 157–158.
16. Список вещей, отнятых Сеньком Полозовичем, Наместником Черкасским, у Козаков Черкасских, которые пограбили эти вещи у купцов; а также опись вещей, конфискованных Наместником после смерти Козака Митенка, неоставившего после себя наследников // Архив Юго-Западной России: в 34 т. – Киев, 1859–1911. – Ч. 3, Т. 1. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1863. – С. 4–124.
17. Грамота Польскаго короля Сигизмунда Августа Литовскому канцлеру Николаю Радзивилу... / Н. Костомаров // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб: Типография Эдуарда Праца, 1865. – Т. 2 : 1599–1637. – С. 176–179.

Конституционные реформы в Итальянской Республике

Н.М. САВЧЕНКО

Рассмотрены основные этапы реформирования Итальянской Конституции, начиная с 1980-х гг. Дана характеристика работе двухпалатных парламентских комиссий по конституционной реформе 1983–1985 гг., 1992–1994 гг., 1997–1998 гг., конституционной реформе 2001 г., проекту Конституционной реформы 2005 г., потерпевшему поражение на референдуме 2006 г., проекту Л. Виоланте 2007 г., а также современному этапу конституционных реформ, начавшихся в 2013 г. Установлено, что реформы были осуществлены лишь частично, поэтому большое значение приобретает нынешняя масштабная реформа раздела V Конституции.

Ключевые слова: Италия, Конституция Итальянской Республики, Конституционный закон, Конституционная реформа, двухпалатная парламентская комиссия по конституционной реформе, Департамент институциональных реформ, референдум.

The main stages of reforming the Italian Constitution starting from the 1980s are examined. The author characterizes the work of the committees of the parliament of two houses on constitutional reform in 1983–1985, 1992–1994, and 1997–1998, Constitutional reform in 2001, the draft of Constitutional reform in 2005, which failed in 2006 referendum, L. Violante's project in 2007, as well as the current stage of constitutional reforms, which began in 2013. It is ascertained that the reforms have been implemented only partially, that is why the current large-scale reform of Section V of the Constitution is of great importance.

Keywords: Italy, Constitution of the Italian Republic, Constitutional law, Constitutional reform, bicameral parliamentary committee on Constitutional reform, Department of institutional reforms, referendum.

Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. с самого начала стала предметом оживленных дебатов. Первый Конституционный закон, внесший изменения в статьи 56, 57 и 60 Итальянской конституции, был принят 9 февраля 1963 г. (№ 2/1963) [1]. 27 декабря 1963 г. был принят новый закон, изменивший статьи 131 и 57 (№ 3/1963) [2]. Затем с 1967 по 2012 гг. было принято еще 13 Конституционных законов.

Проблема конституционной реформы появилась на политической повестке с конца 1970-х гг. благодаря предложению секретаря Итальянской социалистической партии, ставшего в 1983 г. премьер-министром, Б. Кракси провести «великую реформу». С сентября 1982 г. по апрель 1983 г. по инициативе председателей обеих палат итальянского парламента были созданы исследовательские комитеты с целью изучения институциональных проблем. С октября 1983 г. по январь 1985 г. под председательством А. Боцци работала двухпалатная парламентская комиссия по конституционной реформе. В состав комиссии вошли представители 12 разных политических организаций, что отражало раздробленное состояние итальянской партийной системы. Наряду с многочисленными партийными экспертами в комиссию входили бывшие министры, председатели правительства и партийные руководители: М. Румор, М. Паннелла, П. Инграо, Ч. Де Мита [3, с. 75]. Ее работа завершилась безрезультатно, хотя и был подготовлен проект пересмотра многих статей первой части Конституции, в частности вопросов укрепления исполнительной власти, ограничения нормотворческой деятельности Парламента и усиления дифференциации полномочий обеих палат [4, р. 822].

Институциональные преобразования продолжились и после провала «комиссии Боцци». В 1987 г. был создан отдел по «региональным вопросам и институциональным проблемам», которым руководил министр без портфеля А. Гуннелла. Именно с его создания начинается история нынешнего Департамента институциональных реформ, который сейчас возглавляет М. Э. Боски. В 1988 г. было отменено тайное голосование в Палате депутатов и принят закон № 400/1988 от 23 августа 1988 г. «Порядок функционирования правительства и президиума Совета министров» [5].

В обеих палатах парламента 18–19 мая 1988 г. и 23–25 июля 1991 г. проходили дебаты по данной проблеме. В 1991 г. седьмое правительство Дж. Андреотти создает «Отдел институциональных реформ», который возглавил М. Мартинаццоли в качестве министра без

портфеля. В период с 1991 г. по 1992 г. министром по институциональным реформам и региональным делам М. Мартинаццоли были организованы «круглые столы» с участием заместителей секретарей партий правящей тогда коалиции.

Затем была создана двухпалатная комиссия по конституционной реформе, сначала под председательством Ч. Де Мита, а затем Н. Иотти, утвержденная Палатой депутатов и Сенатом на заседаниях 22 и 23 июля 1992 г. Комиссия, состоящая из 60 депутатов и сенаторов, приступила к работе в результате принятия Конституционного закона № 1/1993, который возложил на нее задачу пересмотра только второй части Конституции [6]. В 1993 г. правительством К.А. Чампи был также создан «Отдел избирательных и институциональных реформ», возглавляемый министром без портфеля Л. Элиа. Предложения Комиссии Ч. Де Мита – Н. Иотти в основном касались «рационализации» существующей парламентской формы правления (с усилением роли Председателя Совета министров) и нового разграничения властных полномочий между центром и регионами [7, р. 224]. Проект был представлен в Парламент в январе 1994 г., когда Президент О.Л. Скальфаро уже принял решение о его роспуске вследствие результатов референдума, проведенного 18 апреля 1993 г., и принятия новых законов о выборах обеих палат. Комиссия не успела составить заключительный доклад о проделанной работе и выдвинула лишь предложения по укреплению и стабилизации правительства.

В первом правительстве С. Берлускони был создан исследовательский комитет по институциональным реформам под председательством министра институциональных реформ Ф. Сперони, работавший с июля по декабрь 1994 г.

Конституционным законом от 24 января 1997 г. была создана двухпалатная комиссия по конституционным реформам (Бикамерале Д'Алема) [8]. Лига Севера ее бойкотировала. Шесть из семи крупнейших партий того времени были представлены в комиссии своими лидерами: «Вперёд, Италия!» (ВИ) – С. Берлускони, «Левые демократы» – М. Д'Алема, Национальный Альянс – Дж. Фини, Итальянская народная партия – Ф. Марини, Партия коммунистического воссоздания – Ф. Бертинотти, Христианско-демократический центр – Ф. Казини, Христианско-демократический союз – Р. Буттильоне. 30 июня 1997 г. комиссия утвердила текст проекта реформы, рассмотрев 42 тыс. поправок. Проект, который предусматривал переход от парламентской республики к президентской, сокращение количества членов палат парламента, более четкое разграничение функций Палаты депутатов и Сената, внесение элементов федерализма в государственную структуру, был представлен в Палату депутатов в начале 1998 г. для обсуждения, внесения возможных поправок и принятия (в первом чтении). Поначалу, несмотря на многочисленные дискуссии и трения среди депутатов, удалось достичь согласия, особенно по вопросам о федеративном устройстве и о роли Президента Республики. Однако в дальнейшем оппозиция в лице «Вперёд, Италия!» отказалась от одобрения проекта. Споры продолжались до июня 1998 г., когда было принято решение о его замораживании. Проект был снят с повестки Палаты депутатов, и фактически повсеместно был признан его провал. В июне 1998 г. Парламент официально объявил о роспуске Комиссии. Несмотря на это, процесс реформ не остановился.

После региональных выборов 2000 г. Лига Севера снова присоединилась к правоцентристской коалиции, победив во всех северных регионах и угрожая сместить левоцентристскую коалицию на всеобщих выборах 2001 г. В отчаянной попытке противостоять Лиге Севера левоцентристское правительство Дж. Амато в период с сентября 2000 г. по апрель 2001 г. стало активно проводить конституционную реформу, предлагая перспективу конкретных мер децентрализации избирателям на севере. Большая часть содержания реформы была основана на решениях двухпалатной комиссии Д'Алема. Реформа была продвинута в конце срока полномочий парламента, причем только голосами правящей коалиции, что возмутило правоцентристскую коалицию и создало прецедент одностороннего пересмотра Конституции [9, р. 9]. Реформа была затем одобрена на референдуме 7 октября 2001 г. Избирателей попросили ответить, одобряют ли они изменения положений Конституции, касающихся передачи больших полномочий регионам в вопросах сельского хозяйства, образования, здравоохранения и налогообложения (таблица 1) [10].

Таблица 1 – Результаты референдума 7 октября 2001 г.

	Количество голосов	%	
			От числа избирателей
Проголосовавшие	16 843 420	34,05	
«За»	10 433 574	64,21	
«Против»	5 816 527	35,79	

Наряду с низким процентом принявших участие в референдуме были зафиксированы также сильные различия в активности граждан на Севере (40 %) и Юге (24 %). В регионах, где среди электората преобладали сторонники левых, активность граждан была намного выше, чем там, где большее влияние имели правые [3, с. 72].

До конституционной реформы 2001 г. статья 114 (раздел V, Часть II) гласила: «Республика делится на области, провинции и коммуны». Согласно новой формулировке, «Республика состоит из муниципалитетов, провинций, крупных городов, областей и государства. Муниципалитеты, провинции, крупные города и области – это автономные образования с собственными статутами, полномочиями и функциями в соответствии с принципами, определенными в Конституции» (конституционный закон № 3 от 18 октября 2001 г.) [11]. Таким образом, государство не является «самым сильным» государственным органом. Оно просто «больше», а не «сильнее», чем области. Реформа изменила устройство итальянских институтов и отношения между ними в соответствии с принципами автономии и субсидиарности. Эта новая система называется «Равноправный институциональный плюрализм» (*pluralismo istituzionale paritario*), что означает, что государство, области, провинции, крупные города и городские советы отличаются по функциям, но равны в своем Конституционном статусе [12, р. 638]. Никто из них не имеет права навязывать свой политический выбор другим. Одна из статей Конституции Италии 1947 г., позволявшая парламенту пересматривать региональные законы во имя общенациональных интересов, которой широко злоупотребляли центральные законодатели и чиновники, была отменена.

Согласно новому конституционному закону наименьший уровень правительства имеет «предпочтительную позицию». Эта предпочтительная позиция ясна в принципе субсидиарности. Но она видна и в том, что государству дается законодательная власть только в определенных сферах: внешняя политика и международные отношения государства, отношения с ЕС, вопросы предоставления убежища и вопросы, связанные с правами граждан стран–не членов ЕС; иммиграция; отношения между государством и религиозными общинами; оборона и вооруженные силы, государственная безопасность; валютная политика, защита вкладов, финансовые рынки, налоговая система и бюджет, финансовые соглашения; проведение общенациональных выборов и референдумов, выборы в Европарламент; государственное управление; общественный порядок и безопасность, за исключением вопросов, находящихся в компетенции местной административной полиции; положение граждан государства, вопросы гражданского состояния личности, столы прописки; процессуальные нормы, гражданское, уголовное и административное право; равная защита на национальном уровне гражданских и социальных прав; образовательный стандарт; социальное обеспечение; разработка законодательства о выборах, разграничение сферы компетенций центрального правительства и органов управления коммун, провинций и областей; таможенное регулирование и защита государственных границ; определение эталонов для измерения мер и весов, времени; защита окружающей среды и культурных ценностей [11, р. 1]. Совместные законодательные полномочия распространяются на инфраструктуру, политику занятости, городское и территориальное планирование. Сельское хозяйство, ремесла, торговля, туризм, промышленность, местный транспорт, общественные работы подлежат исключительной юрисдикции областей [13, р. 4]. «Предпочтительная позиция» относительно законодательной власти в настоящее время отведена областям. Что касается административной власти, на основе субсидиарности предпочтительная позиция у городских советов над провинциями; провинций над областями, и так далее. Итальянский Конституционный Суд уже разрешил много вопросов, связанных с законодательными полномочиями центрального правительства и областей, пытаясь усовершенствовать распределение компетенций между государством и областями и ввести более гибкие критерии (№ 303/2003, № 6/2004) [14], [15].

Закон об осуществлении реформы был принят Парламентом в 2003 г. (№ 131/2003) [16, р. 1–5]. Цель создания новых институциональных механизмов состояла в том, что в новой, более «федеративной», Италии области должны участвовать в политических решениях центрального правительства. Областные законы теперь вступают в силу, как только они одобрены областным советом и введены в действие председателем области. Области больше не контролируют местную администрацию. Все области теперь могут потребовать особых «условий автономии» по отношению к совместным законодательным полномочиям, а также трем вопросам, в которых центральное правительство имеет исключительную юрисдикцию (правосудие, окружающая среда, образовательный стандарт).

Предложенный правоцентристской коалицией проект Конституционной реформы 2005 г. включал федеральную реформу итальянского парламента, полу-президентскую форму правления на центральном уровне и дальнейшие меры по обеспечению региональной децентрализации. 25 июня 2006 г. был проведен референдум. Избирателей попросили ответить, одобряют ли они изменение 57 статей Конституции. Реформы, предложенные кабинетом С. Берлускони, способствовали бы усилению власти премьер-министра, который мог бы распускать парламент, назначать и увольнять министров и контролировать политику, проводимую правительством. Палата депутатов несла бы ответственность за внешнюю политику, оборону и миграционную политику, а Сенат – за федеральные законы. Регионам были бы даны большие полномочия в виде контроля над сферами образования, здравоохранения, судебной системы. Также они бы получили представительство в Верховном Суде. Однако проект потерпел поражение на референдуме, затянув, таким образом, процесс федерализации (таблица 2) [17].

Таблица 2 – Результаты референдума 25 июня 2006 г.

	Количество голосов	%	
			От числа избирателей
Проголосовавшие	26 110 925	52,46	
«За»	9 970 513	38,71	
«Против»	15 783 269	61,29	

В разных областях проголосовали по-разному. «За» в основном голосовали в северной Италии (50,3 %), за исключением Эмилия-Романья. В крупных регионах Ломбардия и Венето «за» проголосовало абсолютное большинство. «Против» проголосовали в Эмилия-Романья и регионах «красного пояса» центральной Италии (67,4 %), где левоцентристы сохраняют свои лидирующие позиции. Очень большое количество итальянцев проголосовало «против» в южной Италии (74,8 %), а также на островах Сицилия и Сардиния (70,6 %), что отражает негативные ассоциации с реформой, инициируемой Лигой Севера [9, р. 13].

Проект Л. Виоланте 2007 г., против которого проголосовала Партия Итальянских коммунистов и воздержалась партия С. Берлускони «Вперед, Италия», включал в себя следующее: сокращение количества депутатов с 630 до 512 (12 из которых избирались бы из итальянцев за рубежом) и сенаторов с 315 до 225; снижение минимального возраста для избрания депутатов с 25 до 18 лет и изъятие из положений статьи минимума в 40 лет для избрания сенатором (ст. 58); усиление полномочий исполнительной власти; отнесение к исключительной юрисдикции Палаты депутатов экспертизы и утверждения государственных бюджетов и расходов государства; осуществление функций в случае отсутствия главы государства председателем Палаты (а не председателем Сената); изъятие из полномочий Президента роспуска Сената [18, р. 3].

Новая эра конституционной реформы началась с назначением президентом Дж. Наполитано 12 июня 2013 г. Комиссии по конституционной реформе, которая должна была подготовить предложения по пересмотру части II Конституции, разделов I, II, III и V, относящихся к форме государства, форме правительства, парламенту. 35 членов были назначены премьер-министром Э. Летта. Возглавил Комиссию министр по конституционным реформам Г. Куальериелло. Это была техническая комиссия, состоящая в основном из видных профессоров конституционного права. Комиссия завершила свою работу 18 сентября 2013 г. Комиссия предложила различные решения: принятие однопалатной системы или переход к дифференцированному бикамерализму, превратив вторую палату в настоящую региональную

палату, члены которой будут представлять местные автономии. Последняя модель могла бы быть реализована, в соответствии с предложением Комиссии, несколькими различными способами: сенаторы могли бы избираться непосредственно гражданами; косвенно назначаться региональными советами (из числа своих членов или внешних кандидатов), или в смешанной форме, комбинируя избрание членов региональными советами и муниципалитетами. Чтобы сократить количество депутатов, было предложено ввести соотношение один депутат на каждые 125000 жителей, в общей сложности 480 депутатов, не исключая более жесткие критерии. Для сенаторов предполагалось количество не менее 150 и не более 200. Также было предложено вернуть в юрисдикцию государственных субъектов транспортное сообщение и навигацию; производство, транспортировку и распределение энергии; связь. Предложения Комиссии, однако, не получили большого резонанса из-за внезапного падения правительства Э. Летта.

Тем не менее, новое правительство М. Ренци выдвинуло конституционные реформы на первый план. 8 апреля 2014 г. премьер-министр предложил новый законопроект № 1429 – «Положения об уменьшении количества членов парламента, сдерживании расходов учреждений, упразднении Национального совета по экономике и труду и пересмотре раздела V части второй Конституции».

Этот проект был обсужден Комитетом по конституционным вопросам Сената, который предложил внести некоторые поправки. Говоря о составе Сената, предложение представляет собой смешанную модель: Сенат будет состоять частично из председателей регионов и мэров муниципалитетов, и частично из двух членов от каждой области, избираемых областным советом из числа своих членов, и из двух мэров, избираемых советом, состоящим из всех мэров региона. Не будет никакого различия между регионами. Каждый из них, независимо от размера и численности населения, будет иметь одинаковое количество представителей. Сенату республики поставлена задача представлять местные органы власти и осуществлять связь между Европейским Союзом, государством и другими конституционными органами Республики. Кроме того, Президент Республики будет уполномочен назначать двадцать одного гражданина, которые сделали многое для страны в социальной, научной, художественной и литературной сферах.

Законопроект № 1429 порывает с моделью совершенного бикамерализма, оставляя право вето Палате депутатов и правительству, исключая Сенат. Более того, роль Сената в законодательном процессе также будет сокращена. Только несколько типов законов будут одобряться Сенатом, а именно конституционные законопроекты и поправки к конституции. Однако Сенат сможет предлагать поправки по другим законопроектам. Но в этих случаях законопроект пройдет, только если Палата депутатов повторно одобрит его абсолютным большинством. Законопроект направлен на усиление влияния правительства в законодательном процессе. Что касается состава Сената, 10 июля 2014 г. Комитет принял поправку, предложив несколько изменений в законопроект № 1429: сенаторы будут избираться региональными советами из числа своих членов и среди мэров муниципалитетов области (по одному от каждого региона). Утвержденная поправка также вводит пропорциональный критерий при распределении мест, на основе населения региона (по примеру немецкого Бундесрата). Таким образом, Сенат будет состоять из 95 выборных членов (64 региональных советников и 21 мэра) и 5 членов, назначаемых президентом [19, р. 8–12].

8 августа 2014 г. верхняя палата проголосовала 183 голосами за законопроект. Протестное движение «5 звезд», Лига Севера, левая партия «Левые, Экология, Свобода», являющиеся частью оппозиции, покинули Сенат в знак протеста.

26 августа 2014 г. законопроект был передан на рассмотрение в Палату депутатов под № 2613, а 13 декабря 2014 г. Комитет по конституционным вопросам Палаты депутатов завершил его рассмотрение. Был одобрен ряд изменений, включающих в себя следующее:

1) новый Сенат будет состоять из 100 сенаторов, избираемых региональными советами среди своих членов и мэров соответствующих территорий. Глава государства лишился права назначать пять сенаторов; 2) относительно законодательного процесса, объясняются те случаи, когда законодательная функция осуществляется совместно обеими палатами. Так, в процессе экспертизы законопроектов, имеющих особое отношение к территориальной авто-

нонии, введен кворум абсолютного большинства для обсуждения поправок, предлагаемых Сенатом. Для проекта закона о бюджете кворум Сената для обсуждения предлагаемых поправок повышается до двух третей членов, в Палате должно проголосовать абсолютное большинство депутатов. Председатели палат, в согласии друг с другом, устанавливают порядок, который будет использоваться для проведения экспертизы проектов законов на основе соответствующих правил. Палате депутатов предоставляется больше времени для рассмотрения законопроектов, определенных как приоритетные Правительством (70 дней вместо 60, с возможностью отсрочки); 3) переформулирован, и несколько увеличен, кворум для избрания Президента Республики на основании количества туров голосования. Для первых четырех туров необходимо согласие двух третей избирателей. С пятого тура кворум снижается до трех пятых; 4) внесены изменения в Статью 117 Конституции в части, относящейся к разделению законодательных полномочий между государством и регионами. К исключительной компетенции государства отнесены безопасность пищевых продуктов, охрана окружающей среды, безопасность труда и активная политика на рынке труда; 5) заявлен принцип прозрачности в организации государственного управления, обеспечивающий эффективность и беспристрастность деятельности всех государственных служб; 6) отменены изменения о назначении судей Конституционного суда, тем самым сохраняется нынешняя система, при которой они избираются в парламенте на совместном заседании (а не двумя палатами в отдельности, как предусматривалось реформой, утвержденной в Сенате) [20].

Таким образом, в Италии назрела необходимость проведения насущных конституционных реформ. Однако до сих пор они были осуществлены лишь частично. Работа первых двух комиссий по конституционной реформе (1983–1985 гг. и 1992–1994 гг.) закончилась фактически безрезультатно. Во время работы третьей двухпалатной комиссии (1997–1998) итальянские партии также не смогли договориться о проекте Конституционных реформ, и к этой идее вернулась правящая левоцентристская коалиция. Важная конституционная реформа 2001 г., одобренная ею, дала больше полномочий итальянским регионам и ограничила вмешательство центральной власти. Следовательно, Италия сделала первые шаги к федеративной системе. Эта реформа была изменена парламентом в 2005 г., однако изменения были отклонены на референдуме 2006 г. и поэтому не имели никаких последствий. В настоящее время Итальянская Республика движется к масштабной реформе раздела V Конституции. Законопроект уже одобрен Сенатом и Комитетом по конституционным вопросам Палаты депутатов. 16 декабря состоялось собрание Палаты депутатов. По состоянию на 30 января 2015 г. законопроект находится на рассмотрении Ассамблеи Палаты депутатов. После утверждения законопроекта в парламенте будет созван референдум для подтверждения конституционных изменений.

Литература

1. Modificazioni agli articoli 56, 57 e 60 della Costituzione: Legge costituzionale, 9 febbraio 1963, № 2 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 1963. – 12 febbraio. – № 40. – P. 1.
2. Modificazioni agli articoli 131 e 57 della Costituzione e istituzione della Regione «Molise»: Legge costituzionale, 27 dicembre 1963, № 3 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 1963. – 4 gennaio. – № 3. – P. 1.
3. Современная Италия: сб. обзор. и рефер. / Рос. акад. наук, ИНИОН ; ред.-сост. В.П. Любин. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – 188 с.
4. Napolitano, G. Ricambio politico e riforme istituzionali: i dilemmi di una transizione / G. Napolitano // Ponte. – 1993. – Vol. 49, № 7. – P. 820–830.
5. Disciplina dell'attività di Governo e ordinamento della Presidenza del Consiglio dei Ministri: Legge, 23 agosto 1988, № 400 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 1988. – 12 settembre. – № 214. – Supplemento Ordinario. – № 86. – 19 p.
6. Funzioni della Commissione parlamentare per le riforme istituzionali e disciplina del procedimento di revisione costituzionale: Legge costituzionale, 6 agosto 1993, № 1 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 1993. – 10 agosto. – № 186. – P. 1.
7. Cinquant'anni di Repubblica italiana / G. Neppi Modona [et al.] ; a cura di G. Neppi Modona. – Torino : Einaudi, 1996. – 304 p.
8. Istituzione di una Commissione parlamentare per le riforme costituzionali: Legge costituzionale, 24 gennaio 1997, № 1 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 1997. – 28 gennaio. – № 22. – P. 1.

9. Keating, M. Federalism and Decentralisation in Italy / M. Keating, A. Wilson // *Sixty Years of Political Studies: Achievements and Futures: 60th Political Studies Association. Annual Conference, Edinburgh, 29 March – 1 April 2010 / Edinburgh, UK, 2010.* – 22 p.
10. Referendum Costituzionale. Modifica al titolo V della parte seconda della Costituzione 07/10/2001 [Electronic resource] // Archivio Storico delle Elezioni: Ministero dell'interno Dipartimento per gli Affari Interni e Territoriali. – Mode of access : <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=F&dtel=07/10/2001&tpa=I&tpe=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S>. – Date of access : 05.01.2015.
11. Modifiche al titolo V della parte seconda della Costituzione: Legge costituzionale, 18 ottobre 2001, № 3 // *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana.* – 2001. – 24 ottobre. – № 248. – P. 1–2.
12. Pajno, S. Regionalism in the Italian constitutional System / S. Pajno // *Diritto & Questioni pubbliche.* – 2009. – № 9. – P. 625–642.
13. Caravita, B. Italy toward a federal state? Recent constitutional developments in Italy / B. Caravita. – Camden (NJ) : Rutgers University, 2004. – 6 p.
14. Sentenza n. 303 del 25 settembre – 1° ottobre 2003 della Corte costituzionale // *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana.* – 2003. – 8 ottobre. – № 40. – 47 p.
15. Sentenza n. 6 del 18 dicembre 2003 – 13 gennaio 2004 della Corte costituzionale // *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana.* – 2004. – 21 gennaio. – № 3. – 15 p.
16. Disposizioni per l'adeguamento dell'ordinamento della Repubblica alla legge costituzionale 18 ottobre 2001, Legge n. 3: Legge, 5 giugno 2003, № 131 // *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana.* – 2003. – 10 Giugno. – № 132. – P. 1–7.
17. Referendum Costituzionale 25/06/2006 [Electronic resource] // Archivio Storico delle Elezioni: Ministero dell'interno Dipartimento per gli Affari Interni e Territoriali. – Mode of access : <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=F&dtel=25/06/2006&tpa=Y&tpe=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S>. – Date of access : 05.01.2015.
18. Tentoni, L. La «bozza Violante» / L. Tentoni // *La Stampa.* – 2010. – 5 aprile. – P. 3.
19. La Riforma del Senato e del Titolo V nell'A.S. N. 1429 d'Iniziativa del Governo: Note di sintesi / a cura di: L. Borsi. – Roma: Senato della Repubblica, 2014. – 22 p.
20. Riforma della Costituzione (AC 2613): concluso l'esame in Commissione [Electronic resource] // Ministro per le Riforme Costituzionali e i Rapporti con il Parlamento. – Roma. – Mode of access : <http://riformecostituzionali.gov.it/primo-piano.html>. – Date of access : 19.01.2015.

Полоцк в русско-скандинавских связях IX–XIII вв. (по материалам древнескандинавских источников)

М.Н. САМОНОВА

Исследуются представления скандинавов о Полоцке как одном из центров Древней Руси. Установлено, что среди двенадцати древнерусских городов именно Полоцк выделяется уникальными свидетельствами древнескандинавских источников об основании монастыря, крепостных укреплениях, борьбе с иноземными захватчиками и др.

Ключевые слова: Полоцк, Полоцкое княжество, Древняя Русь, Скандинавия, древнескандинавские источники.

The Scandinavian representation about Polotsk as one of the centers of Ancient Russia is considered. It was found that among the twelve towns of Ancient Russia there was unique information about Polotsk in the Old Norse sources concerning the founding of the monastery, the fortifications, the fight against foreign invaders, etc.

Keywords: Polotsk, Principality of Polotsk, Ancient Russia, Scandinavia, Old Norse sources.

Отражением скандинаво-славянских связей IX–XIII вв. стал комплекс сведений о Древней Руси в памятниках древнескандинавской письменности. По времени создания и записи выделяются ранние письменные источники, к которым относят поэзию скальдов и рунические надписи, и поздние – географические сочинения и саги.

Первое упоминание в древнескандинавских источниках названия Руси – *Gardar* содержится в скальдическом произведении исландца Халльфреда Трудного Скальда, созданного в 996 г. В нём сообщается о подвигах норвежского конунга Олава Трюггвассона «на востоке в Гардах» [1, с. 89]. Словосочетание «*austr í Görðum*» – «на востоке в Гардах» является типичным обозначением Руси как в скальдической поэзии, так и в рунических надписях. Топоним «*Gardar*» означал «города, укрепления». Объясняется такое название тем, что, когда скандинавы двигались вглубь восточнославянской территории, то встречали на своём пути цепочку укрепленных поселений, которые местные жители называли градами. В более поздних письменных памятниках – географических сочинениях и сагах применяется вторичный топоним – «*Gardariki*» – «страна городов» [2, с. 464–465]. К более широким географическим понятиям, характерным для древнескандинавских источников, относятся существительное «*austr*» – «восток» и производные от него слова «*Austrvegr*» – «Восточный путь», «*Austrlönd*» – «Восточные земли». Они использовались для обозначения территорий, лежащих к востоку от Скандинавии, от Восточной Прибалтики до Византии, в том числе и Руси.

Непосредственное отношение к полоцким землям имеют стихи скальда Бранда Путешественника, которые приводятся в «Саге о крещении» [3, с. 102–104]. В саге упомянуты два древнерусских города: Киев – *Kænugarðr* (Кэнугард) и Полоцк – *Pallteskju* (Палтэскью), а также названа река Днепр – *Nepg* (Непр). *Pallteskju* является традиционным для скандинавских памятников названием Полоцка. Скандинавская форма представляет собой переработку древнерусского названия *Полтескъ*. Полоцк локализован автором саги на Руси (*Ruzia*). Название *Ruzia* возникло под влиянием латинской традиции и довольно редко встречается в памятниках древнескандинавской письменности [3, с. 103]. В тексте саги сообщается, что Торвальд Путешественник умер «на Руси (*Ruzia*), недалеко от Полоцка (*Palteskja*), и похоронен там на горе при церкви Иоанна Крестителя и люди называют его святым». Для подтверждения этих сведений автор саги ссылается на стихи Бранда, в которых говорится о посещении места захоронения Торвальда Кодранссона – «*hárfjalle upp í Drafne at Joanskirkjo*». Словосочетание «*upp í Drafne*» традиционно переводят «вверху на Дравне», исходя из того, что до этого речь идёт о «высокой горе». В итоге получается, что Торвальд «похоронен на высокой горе, вверху на Дравне». В «Пряди о Торвальде Путешественнике» топоним имеет форму *Dröfn* – Дрёвн. Важно, что в этой пряди сообщается об основании Торвальдом монастыря, расположенного рядом с церковью Иоанна Крестителя, который был назван его именем [4, с. 196], [5, с. 189].

Местонахождение «высокой горы на Дравне/Дрѣвне» точно не установлено. Т.Н. Джаксон полагает, что под топонимом *Drafn/Dröfn* следует понимать реку. В качестве возможной локализации места захоронения Торвальда исследовательница называет окрестности Браслава, где сконцентрировано несколько подобных названию *Drafn/Dröfn* гидронимов – озёра Дривяты, Дрисвяты, Дербо, река Друйка, а также на одном из озёр есть остров с названием Монастырь [6, с. 139–140]. Подчёркивается возможность захоронения Торвальда поблизости городища XI–XIII вв. у деревни Масковичи, расположенного на берегу озера Дербо. Во время раскопок в Масковичах были обнаружены фрагменты костей с руническими знаками XII–XIV вв., что указывает на то, что на этом поселении, которое было опорным пунктом Полоцкого княжества на Западно-Двинском пути, на протяжении нескольких веков проживали скандинавы [7, с. 77]. Однако белорусские исследователи связывают деятельность Торвальда с Полоцком [8, с. 5]. Подтверждением этого предположения являются сведения о монастыре и церкви св. Иоанна Предтечи (Крестителя), расположенных напротив полоцкого Верхнего замка, на Острове [9, с. 42]. Американский лингвист Б. Струминский полагает, что Дрѣвн передаёт древнерусское слово «Травен» – «травянистый (остров)», которым назывался полоцкий Остров. [5, с. 277–278]. Таким образом, более вероятно, что Торвальд был погребён в Полоцке и под топонимом *Drafn/Dröfn* следует понимать Остров на Западной Двине, находящийся напротив полоцкого Верхнего замка. Если сведения «Саги о крещении» и «Пряди о Торвальде Путешественнике» считать достоверными, то это означает, что в Полоцке первая церковь и первый монастырь существовали уже в конце X в.

Географические знания скандинавов, приобретённые ими в ходе походов викингов, нашли отражение в древнескандинавских географических сочинениях XII–XIV вв. [10, с. 34–37]. Самым ранним из них является «Описание Земли I», созданное в последней четверти XII в. Его составитель сообщил наиболее важные, по его мнению, данные о Восточной Европе: название Руси – *Gardariki*, четырех её важнейших городов – Киева (*Kenugardr*), Новгорода (*Holmgardr*), Полоцка (*Pallteskia*), Смоленска (*Smaleskia*). Это самая ранняя фиксация топонимов *Gardariki*, *Kenugardr*, *Pallteskia*, *Smaleskia* [3, с. 32–35]. В сочинении «Какие земли лежат в мире» Русь представлена двумя названиями – латинским «*Ruzcia*» и традиционным скандинавским «*Gardariki*». К главным городам Руси автор относит Муром – *Morammar*, Ростов – *Rostofa*, Суздаль – *Surdalar*, Новгород – *Holmgardr*, *Synges*, Гадаг, Полоцк – *Palteskia*, Киев – *Kœnugardr*. Кроме того в сочинении перечислены соседние с Русью земли карел – *Kirialir*, эстов – *Eistland*, ливов – *Lifland*, куршей – *Kurland* и т. д. Наибольшую сложность для идентификации представляют два названия, которые не встречаются в других древнескандинавских текстах – «*Synges*» и «*Gadar*». Т.Н. Джаксон предложила рассматривать топонимы *Synges* и *Gadar* как одно название – *Sýnges gaðr*, которое означало укреплённое поселение на мысе реки Свинец (др.- исл. *Sýnges* – «свиной мыс») – знаменитый Гнёздовский археологический комплекс IX – первой половины XI вв. [6, с. 73–76]. Е.А. Мельникова считает, что в топониме *Gadar* отразились древнерусские названия с корнем «город», «град», например Городец, Городок и др. Заметим, что в Полоцкой земле располагался летописный *Городец*, который предположительно идентифицируется с городищем в деревне Городок Молодечненского района [11, с. 214]. В историографии уже высказывалось предположение об отождествлении топонима *Gadar* с Городцом на Минщине [3, с. 122]. Подтвердить версию о расположении *Gadar* в Полоцкой земле можно археологическим путём, если на предполагаемом месте его локализации будут обнаружены скандинавские артефакты.

По подсчётам Т.Н. Джаксон о Полоцке можно узнать из восьми источников [6, с. 123]. Укажем эти источники в хронологической последовательности с учётом времени их записи:

- 1) географическое сочинение последней четверти XII в. «Описание земли I»;
- 2) латиноязычная хроника «Деяния данов» Саксона Грамматика (рубеж XII–XIII вв.);
- 3) «Сага о Тидрике Бернском» (около 1250 г.), основана на германском героическом эпосе;
- 4) епископская сага «Сага о крещении» (вторая половина XIII в.);
- 5) поздняя королевская сага «Эймундова прядь», называемая также «Сагой об Эймунде» (конец XIII в.);
- 6) географическое сочинение «Какие земли лежат в мире» (конец XIII – начало XIV вв.);

7) географическое сочинение «Описание земли III» (вторая половина XIV в.);

8) сага о древних временах «Сага об Одде Стреле» (рукопись XV в.).

Скандинавам был наиболее известен Новгород, упоминающийся в древнескандинавской литературе более ста раз (таблица 1). Они также были хорошо знакомы с Ладогой – сорок упоминаний. Десять раз встречается Киев, и в восьми случаях речь идёт о Полоцке. Столицей Руси скандинавы называли Новгород, где, по их мнению, находился главный стол князя Руси [6, с. 63–64]. Более высокий статус Новгорода по сравнению с Киевом, вероятно, связан с его географическим положением, а именно близостью к скандинавским странам. Новгород, находившийся в начале «Восточного пути» поддерживал интенсивные торговые, политические и культурные контакты со Скандинавией, особенно во времена княжения Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, киевских князей, начинавших свою политическую карьеру в Новгороде.

Важно отметить, что по количеству упоминаний в древнескандинавских источниках Полоцк идёт вслед за Новгородом, Ладогой и Киевом (таблица 1). Все эти города были крупнейшими политическими центрами, которые в древнерусской традиции были также связаны со скандинавами.

Таблица 1 – Древнерусские города в скандинавских источниках

Город / Скандинавская форма	Количество упоминаний	Виды источников					
		Рунические надписи	Скальдические стихи	Королевские саги	Саги о древних временах	Географические сочинения	Другие тексты
Новгород / Hólmgarðr	Более 100	+	-	+	+	+	+
Ладога / Aldeigja Aldeigjuborg	40	-	+	+	+	-	+
Киев / Kaenugarðr	10	-	-	+	+	+	+
Полоцк / Pal(l)teskia Palteskjaborg	8	-	-	+	+	+	+
		-	-	-	+	-	-

Наиболее содержательное повествование о Полоцке среди всех древнескандинавских письменных источников размещено в «Эймундовой пряди» [12]. Эта сага содержит подробный рассказ о службе скандинавских наёмных отрядов у древнерусских князей. Она полностью посвящена пребыванию на Руси скандинавского военного предводителя Эймунда, который сначала служил Ярославу Мудрому, а затем перешёл к полоцкому князю Брячиславу Изяславичу. «Эймундова прядь» – единственная королевская сага, в которой упоминается Полоцк – Palteskju. Кроме Полоцка в тексте пряди упомянут Киев – Kaenugarðr и Новгород – Hólmgarðr. Киев, как и Полоцк, в других королевских сагах не представлен. Упоминания Новгорода содержатся во всём корпусе королевских саг [6, с. 145]. Таким образом, Полоцк, Киев и Новгород в «Эймундовой пряди» выступают как главные центры Руси.

Представления скандинавов о политической системе Руси и положении в ней Полоцка нашли отражение в «Саге об Одде Стреле». Она относится к сагам о викингах, одному из видов саг о древних временах. Сага создана в конце XIII – начале XIV в. [3, с. 176]. Произведение посвящено норвежскому викингу Одду и описывает его походы в разные страны, которые завершаются на Руси, где ему удалось добыть власть. Русь представлена в саге как объединение нескольких княжеств во главе с верховным конунгом, резиденцией которого был Новгород. Среди древнерусских городов сага называет Муром, Ростов, Суздаль, Новгород, Полоцк и Киев. В этих городах, расположенных на главных восточноевропейских водных магистралях, бывали скандинавы, поэтому именно они были отмечены в саге как политические центры Руси.

Полоцк представлен в саге в нетрадиционной для древнескандинавских памятников форме *Palteskjaborg*, которая встречается только в поздней рукописи «Саги об Одде Стреле», датируемой XV в., что указывает на её вторичность. Напомним, что Полоцк в остальных древнескандинавских источниках – трёх географических сочинениях, трёх сагах – имеет форму Pal(l)teskja (таблица 1). Форма *Palteskjaborg* образована при помощи термина «borg» – город, крепость. Термин «borg» использовался скандинавами для оформления топонимии Западной Европы и был нетипичным для наименования городов Древней Руси. Однако сагам была хорошо известна Ладога, которую скандинавы называли *Aldeigjuborg* [6, с. 151–154]. Возможно, причина существования двух древнескандинавских форм названия Полоцка связана с несколькими этапами полоцко-скандинавских связей. Первые скандинавы, появившиеся в Полоцке в середине IX–X вв. («мужи» Рюрика, Рогволод и его дружина) стали называть город *Palteskja*. Позднее в Скандинавии первоначальное название Полоцка было передано в *Palteskjaborg* в соответствии с привычной топонимической моделью X-borg.

Источником сведений скандинавов о восточноевропейских реках была устная традиция, которая сохранила общие свидетельства о водных путях, хорошо знакомых и использовавшихся викингами [10, с. 151–152]. В древнескандинавской литературе зафиксировано девять восточноевропейских рек – Северная Двина (*Vina*), *Западная Двина (Dyna)*, Днепр (*Nergr, Danpr*), Нева (*Nyia*), Сейм (*Seimgol*), Дон (*Dun, Tanais*), Волга (*Olkoga*), Кама (*Kuma*) и, возможно, река в Полоцкой земле (*Drafn, Dröfn*) [13, с. 290]. *Западная Двина (Dyna)* – ключевая водная артерия Полоцкой земли является наиболее известной восточноевропейской рекой в древнескандинавской письменности [13, с. 299–300]. Она упоминается в рунической надписи (*Sö 121*), в скальдической песни «*Krákumál*», скальдической туле из «Младшей Эдды», географическом трактате «Великие реки», «Саге о гутах», «Саге о Хрольве Пешеходе». Большое значение Западной Двины обусловлено тем, что она была одной из двух речных путей из Балтийского моря вглубь восточноевропейской территории. Из Западной Двины скандинавы могли перейти в такие важнейшие водные системы Древней Руси, как Днепровскую, Волжскую и Ильменско-Ловатскую.

Использование скандинавами водных путей через Восточную Европу зафиксировано в «Саге о гутах». Она является единственной шведской сагой и повествует о древней истории Готланда. Её запись относят ко времени около 1220 г. В саге есть сведения о переселении гуттов в другие земли: «...постепенно увеличилось население острова Готланд, и каждый третий мужчина был выслан с острова ... Поехали они на один остров вблизи Эйтланда ... Оттуда пошли они вверх по той реке, что называется Дуна. И через Руцаланд ... пришли они в Грикланд» [14, с. 307]. Освоение пути через Западную Двину (*Dyna*) на Русь (Руцаланд) и Византию (Грикланд) происходило в течение IX–X вв. «Сага о гутах», таким образом, отразила функционирование в Подвинье отрезка пути «из варяг в греки», пролежавшего через территорию Полоцкого княжества.

В древнескандинавской литературе сохранились сведения о захватах Полоцка иноземными правителями. При этом Полоцк характеризуется как хорошо укрепленный город. Сведения содержатся в двух источниках – латиноязычной хронике «Деяния данов» Саксона Грамматика и «Саге о Тидрике Бернском». В одном из сюжетов хроники Саксон Грамматик сообщает о захвате города Полоцка («*urbem paltiscam*») конунгом Фродо I с использованием военной хитрости, поскольку «силой города не победить» (*Lib. II, Cap. 1.7*) [15], [6, с. 131–132]. Конунг притворился мёртвым и тем самым ввёл в заблуждение царя города Веспасия. Аналогичный сюжет присутствует в «Саге о Харальде Суровом», где конунг со своими войсками проникает в один из городов на Сицилии, притворившись умершим, поскольку город «был так укреплен, что они не рассчитывали ворваться в него». Очевидно, что такие рассказы о захватах городов являются бродячим сюжетом, который был широко известен в эпоху викингов [6, с. 132]. Однако важно задуматься над тем, почему Саксон использовал сюжет о военной хитрости именно по отношению к Полоцку.

В этой связи обратим внимание на ещё один скандинавский источник – «Сагу о Тидрике Бернском». Она занимает особое место среди других произведений, написанных на древнеисландском языке, поскольку это повествование, названное в тексте сагой, основано на древне-

германском эпосе о Дитрихе Бернском и его рыцарях. Сага записана в Норвегии около 1250 г. Условно это произведение относится к героическим сагам о древних временах [3, с. 136]. В «Саге о Тидрике Бернском» выделяются два сюжета. Первый сюжет повествует о конунге Вилькине и его походе на Русь, во время которого были захвачены Смоленск, Полоцк и Новгород: «... конунг Вилькин ... повёл свое войско на Русь и овладел там многими большими городами, Смоленском и Полоцком» [3, с. 141]. Второй сюжет посвящён победному походу гуннов во главе с Аттилой и Тидриком Бернским на Русь, где правил конунг Вальдемар. Первым городом на их пути стал Полоцк. Он был захвачен войском Аттилы после трехмесячной осады. Тидрик Бернский в битве под Смоленском победил конунга Вальдемара. Русью стал править вассал Аттилы [3, с. 142–146]. Таким образом, в саге действуют такие основные персонажи как Аттила – вождь гуннов (умер в 453 г.), Тидрик Бернский – король остготов Теодорих Великий (около 454–526 гг.) и русский конунг Вальдемар, которого сага называет Хольмгардским. Вальдемара традиционно отождествляют с киевским князем Владимиром Святославичем [3, с. 149–150]. Однако по предположению А.Н. Веселовского, специально исследовавшего «Сагу о Тидрике Бернском», персонаж конунга Вальдемара является контаминацией двух исторических личностей – Владимира Святославича и полоцкого князя Владимира [16, с. 25–28], [17, с. 24–27]. О последнем известно из хроники Генриха Латвийского как о короле Вольдемаре. Аргументом в пользу отождествления Вальдемара из «Саги о Тидрике Бернском» с королём Полоцка Вольдемаром («Woldemaro de Ploceke») может быть то, что в саге упоминается родственник конунга Вальдемара – ярл Герсике (Gerseke-borg). В Герсике, как известно из «Хроники Ливонии», правил Всеволод, находившийся в вассальной зависимости от полоцкого князя. А.Н. Веселовский полагал, что сведения о Владимире Святославиче и Владимире Полоцком могли попасть в сагу через тех немецких купцов, которые в XIII в. вели торговлю с русскими землями и бывали в Полоцке и Смоленске. Таким образом, в «Саге о Тидрике Бернском» произошло смешение хронологических слоёв. По этой причине герои, которые в реальной истории разделены веками, встречаются в одном эпизоде. Примером является описание боя Тидрика Бернского с конунгом Вальдемаром, в результате которого последний был убит. О.И. Дернович в одной из своих последних публикаций, посвящённых образу Полоцка в скандинавских источниках, выдвинул новое предположение. Он считает, что сведения о Полоцке у Саксона Грамматика и в «Саге о Тидрике Бернском» появились в результате политических и династических связей Полоцкой земли с Польшей и Данией в XII в. [18].

На наш взгляд, известность Полоцка в скандинавских источниках является комплексным явлением, которое возникло в результате развития славяно-скандинавских связей на белорусских землях на всём протяжении IX–XIII вв. В частности, сюжет «Саги о Тидрике Бернском» с участием конунга Вальдемара и его вассала из «Gerseke-borg» мог возникнуть в результате влияния информации о реальной исторической обстановке, сложившейся ко времени записи саги (середина XIII в.) и связанной с наступлением крестоносцев на земли Прибалтики и Руси в начале XIII в. В таком случае, «Сага о Тидрике Бернском» в трансформированном виде отразила противостояние полоцкого князя Владимира и немецких крестоносцев, завершившееся его смертью, как в саге, так и в реальности. Сведения об этой борьбе могли попасть в Норвегию, где была записана сага, через посредничество немецких купцов и немецких или норвежских рыцарей, участвовавших в крестоносных походах в Прибалтику.

В историографии уже обращалось внимание на ту особенность, что Полоцк является единственным древнерусским городом (из двенадцати), укрепления которого были довольно подробно описаны в сагах: «И пришёл конунг Аттила со всем своим войском к городу, который зовётся Полоцком. Город этот так укреплён, что они едва ли знают, как им удастся взять его; была там крепкая каменная стена, большие башни и широкие и глубокие рвы, а в городе было великое войско для его защиты ...» [3, с. 143]. Г.В. Глазырина отметила, что приведённый фрагмент с описанием Полоцка в «Саге о Тидрике Бернском» отличается своей нетипичностью по сравнению с упоминаниями других древнерусских городов [19, с. 55]. По мнению Т.Н. Джаксон, описание Полоцка как мощной крепости является уникальным для древнерусских городов. Сведения саги и Саксона Грамматика, а также топография Верхнего замка в Полоцке позволили Т.Н. Джаксон сделать вывод о том, что древнескандинавские источники от-

разили реальные впечатления скандинавов об укреплениях и труднодоступности Полоцка, которые рождались у них при приближении к городу по Западной Двине [1, с. 133–135]. Археологические раскопки 2002 г., проведённые Д.В. Дуком, также подтвердили наличие в Полоцке XI в. мощной крепостной стены, относившейся к окольному городу [20], [21, с. 101]. На наш взгляд, в образе Полоцка как неприступной крепости («Сага о Тидрике Бернском», хроника Саксона Грамматика) нашли отражения также представления скандинавов о его неуступчивости и упорстве в борьбе с крестоносцами.

Итак, древнескандинавские источники зафиксировали довольно высокую степень знания скандинавами территории Древней Руси, в первую очередь тех объектов, которые были связаны с важнейшими коммуникациями IX–XI вв. Это – самые крупные древнерусские города и торговые центры, а также основные речные магистрали. В картине мира скандинавов Полоцк был частью Руси – *Gardariki/Ruzsia*. При этом Полоцк являлся одним из наиболее известных скандинавам древнерусских городов и выделялся им как сильная крепость, что подчёркивает его важное стратегическое положение в коммуникациях между Скандинавией и Русью. Сведения о Полоцке в скандинавских источниках возникли в результате длительных контактов скандинавов с Полоцком на протяжении IX–XIII вв. Что включает период активного проникновения скандинавов в Подвине в IX–X вв., время деятельности варяжских наёмников в Полоцке в XI в., этап установления династических связей и развития политических и торговых контактов Полоцкой земли со странами Балтийского региона в XII–XIII вв.

Литература

1. Джаксон, Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. / Т.Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР, 1988–1989 гг. : материалы и исслед. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1991. – С. 5–169.
2. Глазырина, Г.В. Скандинавские источники / Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова // Древняя Русь в свете зарубежных источников : учеб. пособие / Е.А. Мельникова [и др.] ; под ред. Е.А. Мельниковой. – М., 1999. – С. 408–563.
3. Древнерусские города в древнескандинавской письменности : тексты, пер., коммент. / сост. : Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1987. – 209 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 5 : Древнескандинавские источники / сост. : Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. – 378 с.
5. Пряди истории: исландские саги о Древней Руси и Скандинавии / пер. с древнеисл. : И.Б. Губанов [и др.] ; науч. ред. Ю.К. Кузьменко. – М., 2008. – 320 с.
6. Джаксон, Т.Н. *Austr í Gørdum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т.Н. Джаксон. – М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 2001. – 208 с.
7. Дучыц, Л.У. *Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV стст.* : гіст.-археал. нарыс / Л.У. Дучыц ; пад рэд. Г.В. Штыхава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 120 с.
8. Дук, Д.У. *Полацк і палачане (IX–XVIII стст.)* / Д.У. Дук. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2010. – 180 с.
9. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Вып. 1 / Сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: Институт истории СССР, 1977. – 228 с.
10. Мельникова, Е.А. Древнескандинавские географические сочинения : тексты, пер., коммент. / Е.А. Мельникова ; Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. В.Л. Янина. – М. : Наука, 1986. – 229 с.
11. *Гісторыя Беларусі* : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Саврем. шк. : Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 1 : Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / В. Вяргей [і інш.] ; рэд. Тома : М. Чарняўскі, Г. Штыхаў. – 2007. – 350 с.
12. Прядь об Эймунде // Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 5 : Древнескандинавские источники / сост.: Г.В. Глазырин, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. – С. 121–138.
13. «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии / Т.Н. Джаксон [и др.]. – М. : Яз. славян. культуры, 2007. – 358 с.
14. Сага о гутах / пер. с древнегут. и прим. С.Д. Ковалевского // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1975. – Вып. 38. – С. 307–311.
15. *Saxo Grammaticus: Gesta Danorum* // *Det Kongelige Bibliotek* [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/saxo/lat/or.dsr/index.htm>. – Date of access : 05.09.2014.

16. Сапунов, А.П. Сказание исландских, или скандинавских саг о Полоцке, князьях полоцких и р. Западной Двине / А.П. Сапунов // Полоцко-Витебская старина / Витеб. учен. арх. комис. – Витебск, 1916. – Вып. 3. – С. 1–33.
17. Веселовский, А.Н. Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском) / А.Н. Веселовский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук / Императ. Акад. наук. – Петроград, 1906. – Т. 11, кн. 3. – С. 1–190.
18. Дзярновіч, А.І. Палтэск’я – паўночная Троя: Вобраз Полацка ў скандынаўскіх крыніцах XI–XIII стст. / А.І. Дзярновіч // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / Респ. ин-т высш. шк., Каф. историко-культур. наследия Беларуси. – Минск, 2013. – Вып. 6. – С. 76–90.
19. Глазырина, Г.В. Русский город в норвежской саге: к вопросу о достоверности исторических описаний в сагах / Г.В. Глазырина // Древнейшие государства на территории СССР, 1983 : материалы и исслед. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1984. – С. 48–55.
20. Дук, Д.В. Камни из саги о Тидрике Бернском / Д.В. Дук // Родина. – 2006. – № 10. – С. 44–46.
21. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2010. – 180 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 09.06.2015

Историография изучения деятельности земских начальников на территории Беларуси в конце XIX – начале XX вв.

А.А. СТРАЛЕНЯ

Определяется степень изученности проведения реформы местного управления в белорусских губерниях на рубеже XIX–XX вв. Выделены периоды в историографическом изучении функционирования земских начальников. Делается вывод о том, что в белорусской историографии тематика функционирования земских начальников представлена лишь косвенно, несмотря на значимость её для осмысления социально-политических процессов в Беларуси в конце XIX – начале XX в. Обосновывается необходимость проведения комплексного исследования, посвященного деятельности земских начальников в белорусских губерниях.

Ключевые слова: земские участковые начальники, административно-судебные учреждения, местное управление, белорусские губернии.

The degree of study of the local government reform in the Belarusian provinces at the turn of XIX–XX centuries is determined. Periods in historiographical study of rural chiefs functioning are distinguished. It is concluded that the subject of rural chiefs functioning in the Belarusian historiography is represented only indirectly, in spite of its importance for understanding the socio-political processes in Belarus in the late XIX – early XX century. The necessity for a comprehensive study of the activities of rural chiefs in Belarusian provinces is proved.

Keywords: rural chiefs, administrative and judicial institutions, local government, Belarusian provinces.

В период правления российского императора Александра III во внутренней политике акцент был сделан на усиление многосторонней опеки над крестьянством. С этой целью была проведена реформа местного управления, в ходе её реализации создан институт земских начальников, которые призваны были осуществлять административно-судебную власть в сельской местности. Проведение реформы местного управления было вызвано отсутствием необходимого контроля в отношении сельских и волостных должностных лиц после ликвидации должности мировых посредников. Кроме того, стали многочисленными факты произвола органов крестьянского самоуправления, взяточничества, кумовства, пьянства на собраниях. Ситуация усложнялось бесконтрольностью со стороны губернских и уездных по крестьянским делам присутствий. Это требовало усиления контроля над крестьянскими учреждениями и привело к появлению различных правительственных и общественных проектов по упорядочению их деятельности. Проект, который был взят за основу реформы, разработан комиссией под председательством статс-секретаря М.С. Каханова.

Новый закон был утвержден Александром III 12 июля 1889 г. В его основе были четыре взаимосвязанных документа «Положение о земских участковых начальниках», «Правила об устройстве судебной части в местностях, в коих введено означенное Положение», «Временные правила о волостном суде в тех же местностях» и «Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках» [1, с. 511–535]. Положение о земских участковых начальниках было распространено на Минскую, Витебскую и Могилёвскую губернии указом императора от 12 июня 1900 г. [2, с. 762]. В 1903 г. в сферу деятельности данного Положения были включены Виленская и Гродненская губернии [3, с. 687].

В белорусской историографии нашли свое отражение лишь отдельные аспекты деятельности земских начальников. Зачастую характеристика их деятельности выступала в качестве фоновой при отражении социально-экономических процессов на территории белорусских губерний. Целостное исследование механизма введения и функционирования института земских начальников необходимо для понимания общественно-политических и социально-экономических процессов в Беларуси в конце XIX – начале XX в., характеристики внутренней политики российского самодержавия на территории белорусских губерний.

Изучение деятельности земских начальников началось в дореволюционный период. Характерной особенностью исследований на этом этапе является то, что их авторы являлись очевидцами происшедших событий. Большая часть исследований, посвященных земским начальникам, была написана не историками, а преимущественно публицистами, правоведами и общественными деятелями. Отличительной чертой их работ является публицистичность отражения темы и эмоциональная окраска выводов. В работах этого периода присутствует лишь обобщенная характеристика земских начальников и не затрагиваются особенности введения новой должности в белорусских губерниях. Кроме того для работ дореволюционного периода характерным моментом было проведение сравнения деятельности земских начальников и мировых судей, на смену которым пришли земские начальники. В этой связи необходимо отметить работу А.А. Титова «О мировых судьях и земских начальниках», в которой автор дал высокую оценку деятельности мировых судей и негативно оценил введение института земских начальников [4]. Г.А. Джаншиев в работе «Из эпохи великих реформ» отмечал влияние практической деятельности мировых судов на повышение юридической грамотности сельского населения [5, с. 215].

История разработки проектов по введению института земских начальников рассматривается в работах В.М. Гессена [6], А.А. Корнилова [7]. В.М. Гессен подробно рассмотрел создание различных проектов по реформированию устройства местных учреждений по крестьянским делам, отразил деятельность Симбирской комиссии по разработке законопроекта преобразования местных органов власти в отношении крестьянства. А.А. Корнилов дал оценку введению института земских начальников как реакционному решению вопроса об упорядочении крестьянского управления. Кроме того, автор рассмотрел основные судебные и административные полномочия земских начальников.

В дореволюционной историографии активно обсуждался вопрос о судебных полномочиях земских начальников. Юрист и преподаватель А.И. Загоровский в своей работе рассмотрел судебную систему в Российской империи, провел сравнительный анализ судебных полномочий земских начальников и мировых судей [8]. Работа В.А. Беэра «Комментарий новых правительственных учреждений 12 июня 1889 г.» представляет собой комментарии к основным статьям Положения о земских участковых начальниках [9].

Другой комплекс работ дореволюционных авторов посвящён практической деятельности земских начальников, однако, их выводы были достаточно тезисные и базировались на поверхностном изучении фактического материала. В этой связи необходимо обратить внимание на работы К.Я. Кожухара [10], [11], [12], в которых автор отразил полномочия земских начальников, их деятельность и на основании отрывочных данных сделал вывод о невыполнении земскими начальниками своих прямых обязанностей по упорядочению крестьянского управления и превышении ими полномочий в отношении органов крестьянского самоуправления.

Одной из особенностей историографии дореволюционного периода является преимущественно негативная характеристика деятельности земских начальников. В частности, юрист И.В. Михайловский на страницах газеты «Право» выступил с резкой критикой соединения в руках земских начальников административной и судебной власти. Негативную оценку он дал судебной деятельности земских начальников, основными недостатками которой он считал отсутствие юридического образования у большинства земских начальников, опыта работы их в сфере судопроизводства и бюрократическую волокиту [13], [14].

Обобщенную характеристику введения новой власти дал Н.Е. Волков в своей работе «Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III 1881–1894 гг.». В отличие от большинства исследователей дореволюционного периода он подчеркнул, что закон о введении земских начальников направлен на защиту «слабых от произвола сильных», а также отмечал, что судебная реформа 1864 г. была гуманной мерой, но она не отвечала потребностям времени [15, с. 34].

В советской историографии институт земских начальников получил крайне негативную оценку. Введение административно-судебной власти в деревне рассматривалось как реакционная мера и одна из контрреформ Александра III. Исследователи затрагивали вопросы введения и функционирования института земских начальников лишь косвенно при рассмотрении

внутренней политики Александра III. Проведение реформы местного управления в деревне расценивалось исследователями как возвращение крепостничества. Исследователи руководствовались тезисом В.И. Ленина о том, что «крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало» [16, с. 140].

В 20–30-х гг. XX в. проблема введения и функционирования земских начальников нашла лишь упоминание в работах по социально-экономической истории Беларуси. Деятельность земских начальников в этот период не нашла отражение в качестве отдельного предмета изучения. Вопросы, связанные с функционированием административно-судебного органа власти, рассматривались на фоне социально-экономических процессов в деревне, правового положения крестьян, и, в особенности, нарастания революционного движения в крестьянской среде. В этой связи характерной является работа В.М. Игнатовского «Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя», в которой автор отметил, что крестьянин с введением должности земского начальника попал в новую крепостную зависимость. Он также подчеркнул, что на должность земского начальника назначались помещики-дворяне русского происхождения, т. к. «паны з польскай шляхты і магнатства, которых на Беларусі была большасць» не имели права быть земскими начальниками из-за недоверия к ним российского правительства, которое считало их политически неблагонадежными [17, с. 178]. М.В. Довнар-Запольский при характеристике крестьянского революционного движения подчеркивал, что к земским начальникам крестьяне испытывали крайне негативное отношение. Это проявилось в постановлениях Виленского крестьянского съезда, в соответствии с которыми крестьяне в период революции 1905–1907 гг. изгоняли «волостную администрацию, реакционных учителей, стражников, земских начальников» и учреждали исполнительные комитеты [18, с. 526].

В 50–80-е гг. XX в. возрос интерес к изучению социально-экономических процессов в белорусской деревне, крестьянского движения. В этой связи в отдельных работах нашли отражение и вопросы, связанные с деятельностью земских начальников. Стоит отметить, что в этих работах сохранились негативные оценки деятельности земских начальников. К.И. Шабуня в монографии «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг.» подчеркивал, что власть в лице земских начальников только содействовала сословной неравноправности и бытовой приниженности крестьянина [19, с. 132]. Исследователь приводит примеры взяточничества и привышения должностных полномочий со стороны земских начальников. В.П. Панютин считал, что введение института земских начальников привело к ограничению сословных прав крестьянства и усилению административно-полицейского произвола [20, с. 60]. Отрицательное отношение крестьян к земским начальникам подчеркивается в «Гісторыі Беларускай ССР» в рамках характеристики крестьянского революционного движения осенью 1905 г. [21].

Причины введения института земских начальников охарактеризовала С.М. Самбук в своей монографии «Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.», в числе которых она выделила усиление роли поместного дворянства в государственной и общественной жизни [22, с. 96]. В своей статье Ф.Р. Белевич рассматривал введение института земских начальников как главное ограничение принципов судебной реформы 1864 г. Исследователь считал, что с распространением реформы местного управления на территорию белорусских губерний институт мировой юстиции прекращал свое существование [23, с. 96].

Гораздо большее внимание введению и деятельности земских начальников было уделено в российской советской историографии, где также присутствовала негативная оценка их деятельности. Стоит отметить, что работы российских советских авторов носят обобщенный характер и не отражают особенности введения и функционирования земских начальников на территории белорусских губерний. П.А. Зайончковский в своих работах подробно рассмотрел деятельность комиссии статс-секретаря М.С. Каханова по разработке законопроекта о введении земских начальников [24], [25]. Автором был сделан вывод, что с принятием Положения от 12 июля 1889 г. был нанесен серьезный удар по судебной реформе 1864 г., тем самым вернув к жизни «феодалские принципы судопроизводства» [25, с. 261].

А.М. Анфимов в работе «Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг.» характеризует закон от 12 июля 1889 г. как наиболее реакционную меру во внутреннем курсе Александра III. По мнению исследователя, соединение в руках земских начальников административных, судебных и полицейских функций превратило их в диктаторов своего участка и «легло гнетущей тяжестью на деревню» [26, с. 199]. Автор приводит примеры бойкота крестьянами выборов новых волостных судей, которых утверждал в должности земский начальник [26, с. 199].

Среди исследований 50–80-е гг. XX в. стоит выделить диссертацию А.А. Либермана, которая посвящена социальному составу земских начальников. Автором был сделан вывод, что принятие закона 12 июля 1889 г. являлось самой весомой и реакционной контрреформой конца XIX в. и было направлено на сохранение и укрепление феодальных пережитков в деревне [27].

В современной историографии значительно расширился интерес к изучению внутренней политики российского правительства конца XIX – начала XX в. В этот период изменились акценты при рассмотрении социально-экономических и общественно-политических процессов данного периода. Однако, негативная оценка деятельности административно-судебных органов власти сохранилась в работе «Гісторыі сялянства Беларусі», где введение института земских начальников упоминается при рассмотрении правового положения крестьян. При этом характеристика полномочий земских начальников ограничена лишь функциями назначения волостной администрации и контролем над органами крестьянского самоуправления. В.П. Панютяч абсолютизирует роль местного потомственного дворянства в Восточной и Центральной Беларуси при назначении на должность земских начальников [28, с. 154]. В этой связи стоит отметить, что именно незначительное количество местных потомственных дворян православного вероисповедания стало главным затруднением при распространении закона от 12 июля 1889 г. на Минскую, Витебскую и Могилёвскую губернии. Введение института земских начальников в Минской, Витебской и Могилёвской губерниях присутствует в 6-томной «Гісторыі Беларусі» при характеристике контрреформ Александра III [29].

Среди современных белорусских историков, которые обращались к теме деятельности земских начальников, необходимо выделить статьи С.А. Толмачевой [22], [30], [31], [32], которые характеризуются новым подходом и отсутствием однозначной трактовки деятельности земских начальников. Автор проанализировала кадровый состав земских начальников в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях на основании данных земского отдела Министерства внутренних дел за 1903 г., рассмотрела некоторые аспекты подготовки к введению Положения от 12 июля 1889 г. в белорусских губерниях. Введение института земских начальников на территории Минской губернии охарактеризовал в своей статье В.С. Крапивин [33]. Исследователь сделал акцент на деятельности земских начальников по оказанию помощи беженцам в период Первой мировой войны [34]. Вопросы ликвидации института мировых судей и введения административно-судебной власти в лице земских начальников рассмотрел в своих публикациях И.Г. Гущинский [35].

В современной российской историографии намечены новые подходы к изучению реформы системы местного управления в период правления Александра III. Среди исследований необходимо выделить кандидатские диссертации Н.А. Бузановой [36], Н.В. Башкиревой [37], М.М. Гурьянова [38], которые предоставляют необходимый материал для проведения историко-сравнительного анализа деятельности земских начальников в белорусских губерниях. Н.А. Бузанова на примере Тамбовской губернии, пришла к выводу некорректности представлений о введении земских начальников как реставрации власти помещиков-крепостников в деревне. Н.В. Башкирева рассматривала институт земских начальников в качестве основного проводника правительственных мероприятий в деревне. Исследователь М.М. Гурьянов на материалах Вятской губернии акцентировал внимание на региональных особенностях введения и функционирования института земских начальников.

Таким образом, изучение вопросов, связанных с введением института земских начальников началось еще в дореволюционный период. В советской историографии институт земских начальников рассматривался преимущественно косвенно, в связи с изучением правового положения крестьян и причин роста крестьянского движения. Вопросы введения и дея-

тельности земских начальников на территории белорусских губерний не нашли своего предметного отражения в историографии. Современными исследователями затронуты лишь некоторые аспекты данной проблематики. В современной белорусской историографии необходимо комплексное исследование, посвященное деятельности земских начальников в белорусских губерниях, разработка которого позволит углубить понимание внутренних политических процессов, которые происходили в белорусской деревне в конце XIX – начале XX в.

Литература

1. Высочайше утвержденное Положение о земских участковых начальниках, 12 июля 1889 г., № 6196 // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е: в 33 т. – СПб., 1891. – Т. 9. – С. 511–535.
2. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Витебскую, Минскую и Могилевскую, 12 июня 1900 г., № 18854 // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е : в 33 т. – СПб., 1900. – Т. 20. – С. 762–764.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о распространении законоположений 12 июля 1889 г. на губернии Виленскую, Гродненскую и Ковенскую и об ассигнование необходимых на сие кредитов, 8 июня 1903 г., № 23106 // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е : в 33 т. – СПб., 1903. – Т. 23. – С. 687–689
4. Титов, А.А. О мировых судьях и земских начальниках/ А.А. Титов. – Изд. 2-е. – М. : Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. – 32 с.
5. Джаншиев, Г.А. Из эпохи великих реформ / Г.А. Джаншиев. – М : Типография А.И. Мамонтова и К, 1892. – 299 с.
6. Гессен, В.М. Вопросы местного управления / В.М. Гессен. – СПб : Типо-литография А.Е. Ландау, 1904. – 235 с.
7. Корнилов, А.А. Крестьянская реформа / А.А. Корнилов. – СПб : Типо-литография Ф. Вайсберга и К, 1905. – 271 с.
8. Загоровский, А.И. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях (у земских начальников, городских судей, в уездных съездах и в губернских присутствиях) / А.И. Загоровский. – Б.м., 2004. – 373 с.
9. Беэр, В.А. Комментарии новых провинциальных учреждений 12 июня 1889 г. : в 2 ч. / В.А. Беэр. – Москва : Типография А.И. Мамонтова, 1894–1895. – Ч. 1 : Положение о земских участковых начальниках и их административный порядок делопроизводства – 1894. – 246 с.
10. Кожухар, К.Я. Земские начальники / К.Я. Кожухар // Вестник права. – 1905. – № 5. – С. 93–132.
11. Кожухар, К.Я. Земские начальники / К.Я. Кожухар // Вестник права. – 1905. – № 8. – С. 53–102.
12. Кожухар, К.Я. Земские начальники/ К.Я. Кожухар // Вестник права. – 1905. – № 9–10. – С. 42–73.
13. Михайловский, И. Практика судебно-административных учреждений 12 июля 1889 г. / И. Михайловский // Право. – 1901. – 30 март. – С. 723–730.
14. Михайловский, И. Практика судебно-административных учреждений 12 июля 1889 г. / И. Михайловский // Право. – 1901. – 15 апр. – С. 821–826
15. Волков, Н.Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III: 1881–1894 гг. / Н.Е. Волков. – СПб : Типография А.Ф. Штольценбурга, 1910. – 372 с.
16. Ленин, В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Из-во политической литературы, 1976. – Т. 20 : Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. – С. 139–142
17. Ігнаціўскі, У. Гісторыя Беларусі XIX і ў пачатку XX ст. / У. Ігнаціўскі. – Мінск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1928. – 252 с.
18. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. доп. – Минск : Беларус, 2005. – 680 с.
19. Шабуня, К.И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. / К.И. Шабуня. – Минск : Изд-во М-ва высш., средн. спец. и проф. Образования БССР, 1962. – 435 с.
20. Панюціч, В.П. Земскі ўчастковы начальнік / В.П. Панюціч // Беларус. Энцыкл. : у 18 т. – Мінск, 1998. – Т. 7. – С. 60
21. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал. : І.М. Ігнаценка (старшыня) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т.2. : Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / рэдкал. : К.І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – 688 с.

22. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С.М. Самбук. – Минск : Наука и техника, 1980. – 224 с.
23. Белевич, Ф.Р. Ограничение судебной реформы 1864 г. и введение земских начальников в Белоруссии / Ф.Р. Белевич // Материалы к IX конференции молодых учёных. Общественные науки / АН БССР ; под ред. Т.С. Горбунова. – Минск, 1964. – С. 91–98
24. Зайончковский, П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. / П.А. Зайончковский. – М : Изд. Московского университета, 1964. – 510 с.
25. Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX ст. (политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.) / П.А. Зайончковский. – М : Мысль, 1970. – 444 с.
26. Анфимов, А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. / А.М. Анфимов. – М. : Наука, 1984. – 232 с.
27. Либерман, А.А. Институт земских начальников 1889–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.А. Либерман ; Московский государственный университет. – М., 1976. – 19 с.
28. Гісторыя сялянства Беларусі : у 3 т. / рэдкал. : М.С. Шашкевіч [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1997–2002. – Т. 2. : Ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З.Е. Абезгауз [і інш.] ; пад рэд. В.П. Панюціча. – 2002. – 552 с.
29. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 4. : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
30. Талмачова, С.А. Кадравы склад земскіх начальнікаў у Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях у 1903 г. / С.А. Талмачова // Беларусь у пачатку XX ст. Да 100-годдзя БДПУ : зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал. : А.І. Андарала, М.М. Забаўскі, А.М. Люты [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2014. – С. 246–253.
31. Талмачова, С.А. Падрыхтоўка распаўсюджання закона 1889 г. аб земскіх начальніках на беларускія губерні / С.А. Талмачова // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры : материалы V международной научно-практической конференции, Минск, 22 мая 2012 г. / БГПУ им. М. Танка ; ред. : В.В. Тугай (отв. ред.) и др. – Минск : БГПУ, 2012. – С. 163–166.
32. Талмачова, С.А. Увядзенне закона аб земскіх начальніках у Беларусі / С.А. Талмачова // Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2013. – № 4. – С. 11–15.
33. Крапівін, В.С. Падрыхтоўка да ўвядзення ў Мінскай губерні Палажэння ад 12 ліпеня 1889 г. аб участковых земскіх начальніках / В.С. Крапівін // Архіварыус : зб. навук. паведамл. і арт. Сер. Гісторыя. Архівазнаўства. Крыніцазнаўства / Дэпартамент па архівах і справаходству М-ва юстыцыі Рэспублікі Беларусь, Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2013. – Вып. 11. – С. 67–76
34. Крапівін, В.С. Дзейнасць земскіх начальнікаў Мінскай губерні ў гады Першай сусветнай вайны / В.С. Крапівін // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / Бел. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений ; редкол. : Л. М. Гайдукевич [и др.]. – Минск, 2014. – С. 24–26.
35. Гушчынскі, І.Г. Скасаванне інстытута міравых суддзяў у пачатку XX ст. на тэрыторыі Беларусі / І.Г. Гушчынскі // Вестник МГИРО. – 2014. – № 2. – С. 41–45
36. Бузанова, Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии (1889–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.А. Бузанова. – Тамбов, 2005. – 212 л.
37. Башкирева, Н.В. Земские участковые начальники Воронежской губернии; состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.В. Башкирева. – Воронеж, 2010. – 280 л.
38. Гурьянов, М.М. Институт земских начальников в конце XIX – начале XX вв. и его региональные особенности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.М. Гурьянов. – Киров, 2007. – 202 л.

Историография вопроса возникновения и становления женского движения

С.В. ЯРКОВАЯ

Рассматриваются основные работы авторов второй половины 19 – конца 20 вв., занимающихся исследованием зарождения и становления женского движения.

Ключевые слова: историография, женское движение, женские общественные организации.

The main works of the authors of the second half 19 – the end of the 20th century, engaged in research of origin and development of the women's movement are discussed.

Keywords: historiography, women's movement, women's non-governmental organizations.

Проблема женского движения исследуется и разрабатывается очень давно. Но до сих пор остается много аспектов, мало освещенных в литературе. Наиболее широко исследована проблема женского движения в дореволюционной (к. XIX – нач. XX вв.) и послереволюционной России.

Повышенное внимание к женскому вопросу началось в середине XIX в., когда наблюдается обострение кризиса крепостнической системы. На это время приходится творчество Н.Г.Чернышевского. От чисто гуманистической трактовки женского вопроса Чернышевский переходит к трактовке революционно-демократической [1].

В это же время «женский вопрос» начинает вызывать интерес у простой читающей публики. Так, для сохранения имен русских женщин были созданы работы Д.Л. Мордовцева [2], в которых он описывал женские биографии. Он же предложил и новую методологию, предложив смотреть на историческую эпоху через роль в ней женщины [3].

В этом же русле работал и историк В.О. Михневич [4]. Он не только выявлял биографии новых «исторических женщин», но также попытался описать женские типажи в определенный временной период.

Много внимания изучению женского вопроса уделил Г.Е. Благодетлов, который, как и его предшественники – революционные демократы, усматривал в женском вопросе проявление общей проблемы – положение человека в эксплуататорском обществе [1].

Первым, кто комплексно рассмотрел различные аспекты женского вопроса, такие как работа, образование, любовь, с антропологических позиций был поэт и радикальный публицист М.Л. Михайлов. Как публицист он был апологетом женской эмансипации [5, с. 68].

Также большое место женский вопрос занял в произведениях Н.В. Шелгунова. Он в начале 1860-х гг. обратил внимание на положение женщины и её право на счастье, выступал за достойное образование женщин [1].

Затем наступило время, когда женщины сами непосредственно занялись историей. Женский взгляд в историографии не только придал новое звучание уже ставившимся проблемам роли женщины в истории, однако поднял и совершенно новые вопросы. Так, предметом исследования стал поиск причин гендерного неравенства. И не только историки-женщины разрабатывали эти проблемы. Исследованием прав женщин занимался историк Б.Б. Глинский [6]. Социальную активность женщин рассматривал историк А.В. Амфитеатров [7].

Так, разрабатывая учение о личности, передовые русские мыслители много внимания уделяли проблемам женского равноправия. Они не только теоретически обосновали необходимость эмансипации женщины, но и разработали программу решения женского вопроса. Эта программа охватывала многие стороны положения женщины, в том числе женский труд, участие в общественной жизни, воспитание и образование женщин, вопросы семьи и брака, отношения родителей и детей и т. п. Эта программа легла в основу широкого общественного движения в пользу женского равноправия, развернувшегося в конце XIX в. и начале XX в.

Следует отметить, что профессиональных историков-женщин в конце XIX в. практически не было. Выделялась только А.Я. Ефименко, первая в России женщина – почётный доктор российской истории. Она занималась историей и этнографией. Её главный труд – «История украинского народа», но не обошла она стороной и женский вопрос [8].

В основном же женщины просто работали на именитых историков-мужчин и оставались в тени. Причиной тому было отсутствие возможности легального заработка своим интеллектуальным трудом. Так, Н.А. Белоозерская очень долго оставалась в тени, однако, получив кое-какой опыт в написании интеллектуальных трудов, она стала самостоятельно исследовать и развивать женскую тематику.

Практически все женщины-историки были активными участницами женского движения. Так, председательница Русского Взаимно-благотворительного общества А.Н. Шабанова писала историю женского врачебного образования и российского женского движения [9]. А.М. Евреинова, доктор права, создавала историю развития женских прав и законодательства в отношении женщин [10]. А.В. Тыркова, член Всероссийской Лиги равноправия женщин и партии кадетов, создала жизнеописание А.П. Философовой, одной из основательниц женского движения России [11].

В советское время марксизм-ленинизм был основополагающей методологией. Ещё в своей книге «Социальные основы женского вопроса» А.М. Коллонтай применила классовый подход к проблеме женского движения [12]. В дальнейшем изучение женского вопроса было определено фразой А.М. Коллонтай, что «женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря ... буржуазный и пролетарский», произнесенная ею на Первом всероссийском женском съезде. Так, в работах прославлялся социалистический строй, а не велись фундаментальные разработки чисто женского вопроса.

Советское государство пыталось показать, что женщины сами не могут прийти к каким-либо результатам. Их нужно «вести». Так возникают работы Е.И. Конкиной [13], В.Б. Михайлюка [14], где они показывают заботу партии о закабаленной, непросвещенной женщине.

Первая серьёзная обобщающая работа исторического характера была написана В.Л. Бильшай и увидела свет в 1950-х гг. [15]. Автор показала пути вовлечения женщины в социалистическое строительство, дала краткий очерк деятельности женотделов и делегатских собраний в городе и деревне, показала формирование системы охраны материнства и младенчества. Большевицкая политика в женском вопросе трактовалась историком как единственно верная, а её влияние на женщину – как однозначно позитивное. Восприятие перемен самими женщинами практически не нашло отражения в книге В.Л. Бильшай. Последний из указанных недостатков в определённой мере был преодолен в исследовании Е.Д. Емельяновой «Революция, партия, женщина» [16]. Данная работа выделяется основательной архивной базой и более широким кругом рассмотренных вопросов. Хотя в центре внимания историка находятся большевицкая политика, формы и методы работы партийных и советских организаций среди женщин, вовлечение их в общественно-политическую жизнь и в производство, Е.Д. Емельяновой в некоторых моментах удалось совместить макроуровневый анализ с микроуровневым, показать «женский взгляд» и реакцию женщин на проводимую партией политику. К сожалению, хронологические рамки названной работы ограничены 1925 г. Необходимо упомянуть книгу П.М. Чиркова «Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.)» [17]. Впервые в историческое исследование была включена глава об изменениях в семейной и личной жизни женщин, произошедших в 1920–1930-е гг. До выхода данной книги семья, как и частная сфера вообще, в СССР являлись предметом интереса исключительно этнографов, демографов и социологов. Среди последних следует отметить А.Г. Харчева, который в соответствующей главе своей книги высказал некоторые наблюдения об изменениях 1920–1930-х гг. в семейной сфере, не потерявшие значимости для современных исследователей [18]. Едва ли не единственным представителем советской науки, объективно рассмотревшим дискуссии о проблемах взаимоотношения полов в 1920-х гг., в том числе взгляды А.М. Коллонтай на любовь и брак, был социолог В.З. Роговин [19].

Следует отметить значительный фактический материал, использованный советскими историками. Несомненные успехи были достигнуты ими в изучении политики большевиков в женском вопросе, в показе успехов, достигнутых в вовлечении женщины в производство и

общественно-политическую жизнь, в области охраны материнства и детства. Однако характерными чертами работ советского периода была их тенденциозность и отсутствие критического анализа. Богатая фактология использовалась обычно для доказательства идеологически заданных выводов.

В книге «Женщины страны Советов. Краткий исторический очерк» рассказывается об основных этапах пути, пройденного женщинами СССР в борьбе за свободу и равноправие, за равенство во всех областях жизни, об участии женщин в коммунистическом строительстве. В книге находит научное обоснование постулат о полном решении женского вопроса в СССР. Также в книге затрагивается вопрос деятельности Антифашистского комитета советских женщин, переименованного в 1956 г. в Комитет советских женщин [20].

Вопросам положения женщин в советском обществе и о достижениях в решении женского вопроса в СССР посвящены работы Л.Н. Савиновой «Женщины в советском обществе», Беловой В.С. «Решение женского вопроса в СССР» и др. [21], [22], [23], [24].

В работе Э.С. Новиковой, В.С. Языковой, З.Л. Янкова «Женщина. Труд. Семья (Социологический очерк)» раскрывается роль и место женщины в советском обществе и семье. Обращается внимание на роль профсоюзов и государства в целом в создании условий для успешного сочетания женщиной труда и материнства [25].

В книге «Женщины на работе и дома» рассказывается о том, как изменилось социальное положение и роль женщин в обществе и семье в связи с растущей политической активностью женщин, о том, как женщина может сочетать материнство и профессиональную занятость [26].

В коллективной работе «Опыт КПСС в решении женского вопроса» показана работа коммунистической партии по развитию и проведению в жизнь марксистско-ленинской программы решения женского вопроса. Рассказывается о методах и формах деятельности партийных органов и организаций среди женщин на различных этапах строительства социализма в СССР. Авторы уделяют внимание положению женщин в социалистическом обществе, их роли в построении коммунизма [27].

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. происходит отход от марксистско-ленинской методологии в области исторической науки. Историки получили свободу научного творчества. Новое развитие приобрело изучение женского движения в связи с ростом популярности женских и гендерных исследований. Возрастающее внимание к гендерной проблематике, увеличение числа конференций, тематических сборников, финансирование исследовательских проектов – все это привлекло внимание историков к женской теме.

Работа «Женщины в современном мире», вышедшая в 1989 г., посвящена итогам десятилетия женщины в ООН. Эта коллективная работа представляет комплексное исследование экономического, социального и политического положения женщин на примере социалистических, капиталистических и развивающихся стран. Авторы отмечают, что, несмотря на идейно-политические разногласия, в женском движении есть объективные предпосылки для сотрудничества в борьбе за интересы женщин, за мир. В книге раскрываются такие проблемы, как положение женщин в обществе и семье, труд женщин и оплата женского труда, медицинские аспекты труда женщин и другие [28].

А.А. Музыря и В.В. Копейко в книге «Женсовет: опыт, проблемы, перспективы» обобщили опыт организации работы женсоветов в различных сферах народного хозяйства. В работе рассказано и об опыте работы женских организаций в социалистических странах. Авторы рассказывают о трудностях, с которыми сталкиваются женсоветы в своей работе, высказывают свои предложения по развитию и укреплению женсоветов, повышению их роли и авторитета в советском обществе [29].

Особой форме женсоветов посвящена статья Э.Б. Ершовой «Гарнизонные Женсоветы в Советской Армии в 60-е–80-е гг.». В ней автор рассказывает о женсоветах, создаваемых в армии, об их функциях, деятельности. Отмечает большое значение женсоветов в наблюдении за моральным состоянием семей, предупреждение негативных явлений, скандалов, разводов [30].

В статье С. Чуйкиной «Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986)» говорится о роли и функциях женщин в диссидентском движении, о путях вовлечения и мотивах участия в нём [31]. Также вопросам диссидентского и правозащитного движения в Советском Союзе посвящена работа Л.М. Алексеевой «История инакомыслия в СССР» [32].

Светлана Айвазова в своей работе «Свобода и равенство советских женщин» говорит о советском законодательстве в отношении женщин, о привлечении женщин в общественное производство и связанных с этим процессом проблемах: работа женщин в тяжёлых условиях, проблемы оплаты женского труда, снижения рождаемости и т. д. Также Светлана Айвазова поднимает проблему отсутствия женщин в высших органах власти, слабого привлечения женщин к руководству в различных сферах общественной жизни [33].

В коллективной работе «Гендерная экспертиза российского законодательства» под общей редакцией Л.Н. Завадской дается анализ советского и российского законодательства в отношении женщин. В частности, рассматривается развитие конституционной идеи равенства полов в Конституциях СССР 1918, 1936 и 1977 гг., гендерные аспекты избирательного законодательства, проблемы гендерного равенства в семейном законодательстве и трудовом праве и др. Первоначальный анализ законодательства указывает на то, что в российских законах соблюдается конституционный принцип равенства полов. Женщинам и мужчинам гарантируются равные права практически во всех законодательных сферах. Исключение составляет, например, трудовое законодательство, в котором прослеживается идея государственного патронирования женщин на рынке труда. Одним из главных моментов, на который обращают внимание авторы книги, является тот факт, что российские законы неоднозначно интерпретируют идеологию равенства полов; часто права, закрепленные законом, не могут быть реализованы на практике [34].

Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина в статье «Гендерное гражданство и советский этатократический порядок» анализируют гендерный аспект советского гражданского статуса, который формировался политикой и идеологией советского государства, государственную политику в отношении женщин. Показывают, как советское государство создавало категорию «новых советских граждан», различаемых по признаку пола (советских мужчин и советских женщин), и как советские граждане приспосабливались к гендерной политике. Рассматривают, как создавалась категория «гражданства» и ее гендерное воплощение в послереволюционный, сталинский и позднесоветский периоды [35]. В статье «Советский этатократический гендерный порядок» Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина показывают, как советское государство создавало гендерный порядок, как и почему менялись принципы гендерной политики на разных этапах социалистического строительства, и каким образом эта политика осваивалась различными категориями населения [36].

Юлия Градскова в своей работе «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности» описала с какими конкретными трудностями и проблемами личностного развития сталкивалась советская женщина, какие бессознательные стереотипы затрудняли развитие политической и общественной активности женщин, как представляла свою жизнь сама женщина, как уживался в ее сознании официальный коммунистический и традиционный дискурс, какие жизненные ценности были для нее важны, какими способами она стремилась добиваться своих целей [37].

На Западе изучение положения советской женщины началось в то же время, что и в СССР, и первенство здесь также принадлежит социологам. Работы исторического характера появились во второй половине XX в., особенно на волне стремительного развития женских и гендерных исследований в 70 – 90-е гг. В частности, в США вышли работы Ричарда Стайтса, посвященные советскому женскому движению [5], Линды Эдмондсон – российскому феминизму, Барбары Энгл – исследованию борьбы женщин с царизмом, а также женщинам-интеллигенткам, Лейн Виолы – женскому протесту против коллективизации. Немало работ было посвящено изучению биографии А.М. Коллонтай и её взглядов на освобождение женщины [5]. Тематика и методы исследования, равно как и недоступность архивов СССР, принуждали западных учёных обращаться к нетрадиционным для советской науки видам источников: художественной литературе, киноматериалам, изобразительному искусству (в том числе плакатам и карикатурам), агитационной литературе, включая лозунги. Нельзя отрицать наличие некоторой идеологической тенденциозности в работах советологов в период «холодной войны», однако в целом они были более свободны и независимы в выборе методологии, проблематики исследований и в своих выводах.

В настоящее время, в контексте развития исторической феминологии на постсоветском пространстве обострился интерес и к истории женщин СССР 20–30-х гг. XX ст. С одной стороны, появляются работы традиционного характера. С другой, можно отметить попытки использования историками новой методологии, расширение исследовательской проблематики. Так, значительный интерес представляют публикации Ю. Градской [37]. Автор критически относится к большевистской политике и считает, что, несмотря на усилия правящей партии, идентичность женщин в 20–30-е гг. не претерпела значительных изменений. Различные формы девиантного поведения женщин конца XIX – начала XX вв. анализируются в работах Н.Б. Лебиной [38]. Для современной российской историографии в целом характерны рецепция и творческая переработка идей западных авторов, переосмысление истории женщин советского периода. Исследуются многие аспекты положения женщины в советском обществе 20–30-х гг., но обобщающие работы практически отсутствуют.

Фундаментальными на современном этапе являются работы О.А. Хасбулатовой [39], [40], И.И. Юкиной [41], [42], [43] и В. Успенской [1], освещающие широкий спектр гендерных проблем.

Среди белорусских исследователей, занимающихся изучением женского вопроса на современном этапе, следует отметить работы О.Л. Помалейко, которая подробно рассмотрела женские организации в Беларуси в конце XIX – начале XX вв. [44].

Вопросы гендерной политики в современном белорусском обществе рассматриваются в работах С.В. Лапиной [45].

Интерес представляют работы В. Новицкого. Так, например, в своей статье «Жанчыны у савецкім грамадстве: новы погляд на праблему» он рассмотрел постепенное проникновение женщин во все сферы производства, процессы нравственного перевоспитания женщин, их наделение равными с мужчинами политическими правами. Тут он также рассматривает методы посредством которых производились все эти нововведения, а также чем пришлось поплатиться женщинам за эти нововведения [46].

Изучением вопросов образования, охраны материнства и детства, участия женщин в общественной жизни в первые послереволюционные годы занимаются А.И. Зеленкова и М.П. Савинская В их работах советская государственная политика в отношении женщин рассматривается на основе Гомельского материала. Привлекая большое количество материалов из архивов города Гомеля, их труды носят большую ценность для рассмотрения действий советской власти на местах [47], [48], [49].

Таким образом, обзор литературы и источников дает достаточно полное представление о степени изученности вопроса женского движения. Однако труднодоступность многих источников затрудняет разработку отдельных вопросов женского движения.

Литература

1. Успенская, В. Женщина и общество. [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.tvgenderstudies.ru>. – Дата доступа : 27.01.2009.
2. Мордовцев, Д.Л. Русские исторические женщины: Популярные рассказы из русской истории / Д.Л. Мордовцев. – СПб., 1874. – 314 с.
3. Мордовцев, Д.Л. Русские женщины нового времени / Д.Л. Мордовцев. – СПб., 1874. – 382 с.
4. Михневич, В.О. Русская женщина XVIII столетия / В.О. Михневич. – М. : Кучково поле, 2007. – 256 с.
5. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930 / Р. Стайтс. – М. : РОССПЭН, 2004. – 616 с.
6. Глинский, Б.Б. Расширение образовательных прав женщин. Очерки русского прогресса / Б.Б. Глинский. – СПб. : Товарищества художественной печати, 1900. – 589 с.
7. Амфитеатров, А.В. Женщина в общественных движениях России [Электронный ресурс] / А.В. Амфитеатров. – Режим доступа : http://az.lib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_0290oldorfo.shtml. – Дата доступа : 15.07.2009.
8. Ефименко, А.Я. История Украины и её народа / А.Я. Ефименко. – Спб. : Типография т-ва «Общественная польза», 1907. – 176 с.
9. Шабанова, А.Н. Очерк женского движения в России [Электронный ресурс] / А.Н. Шабанова. – Режим доступа : <http://www.a-z.ru/women/texts/shabanr.htm>. – Дата доступа : 21.11.08.

10. Евреинова, А.М. Краткий очерк прав женщин в семье: Первый женский календарь на 1905 г. / А. М. Евреинова. – СПб., 1905. – 384 с.
11. Тыркова, А.В. А.П. Философова и ее время / А.В. Тыркова. – Пг., 1915. – 484 с.
12. Коллонтай, А.М. Социальные основы женского вопроса / А.М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. – М., 1972. – С. 61–72.
13. Конкина, Е.И. Деятельность большевиков по вовлечению женщин-работниц в массовое революционное движение 1910–1914 гг. / Е.И. Конкина. – М., 1974. – 158 с.
14. Михайлюк, В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве / В.Б. Михайлюк. – М., 1970. – 377 с.
15. Бильшай, В. Решение женского вопроса в СССР / В. Бильшай. – М., 1956. – 213 с.
16. Емельянова, Е.Д. Революция, партия, женщина (Опыт работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин, октябрь 1917–1925 гг.) / Е.Д. Емельянова. – См., 1971. – 227 с.
17. Чирков, П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.) / П.М. Чирков. – М. : Мысль, 1978. – 255 с.
18. Харчев, А.Г. Брак и семья в СССР / А.Г. Харчев. – М. : Мысль, 1979. – 365 с.
19. Роговин, В.З. Формирование потребностей личности в условиях развитого социализма / В.З. Роговин. – М. : Знание, 1981. – 164 с.
20. Женщины страны советов. Краткий исторический очерк. – М. : Политиздат, 1977 – 240 с.
21. Белова, В.С. решение женского вопроса в СССР / В.С. Белова. – М. : Знание, 1975. – 56 с.
22. Савинова, Л.Н. Женщины в советском обществе / Л.Н. Савинова. – М. : Знание, 1979. – 63 с.
23. Новикова, Э.Е. Охрана труда женщины работницы в СССР / Э.Е. Новикова. – М. : Профиздат, 1976. – 39 с.
24. Курганов, И.А. Женщины и коммунизм [Электронный ресурс] / И.А. Курганов // Российские женщины в XX столетии: опыт эпох. Энциклопедия. – Режим доступа : <http://www.a-z.ru>. – Дата доступа : 18.11.2010.
25. Новикова, Э.С., Языкова, В.С., Янков, З.Л. Женщина. Труд. Семья (Социологический очерк) / Э.С. Новикова, В.С. Языкова, З.Л. Янков. – М. : Профиздат, 1978. – 112 с.
26. Женщины на работе и дома: сб. науч. ст. / Министерство высш. и сред. спец. образования СССР ; науч. ред. Д.И. Валентей. – Москва : Статистика, 1978. – 96 с.
27. Кондакова, Н.И. Опыт КПСС в решении женского вопроса / Н.И. Кондакова. – М. : Мысль, 1981. – 269 с.
28. Женщины в современном мире / отв. ред. В.В. Любимова. – М. : Наука, 1989. – 359 с.
29. Музыря, А.А., Копейко, В.В. Женсовет: опыт, проблемы, перспективы / А.А. Музыря, В.В. Копейко. – М. : Издательство политической литературы, 1989. – 192 с.
30. Ершова, Э. Гарнизонные Женсоветы в Советской Армии в 60-е–80-е гг. [Электронный ресурс] / Э. Ершова // Российские женщины в XX столетии: опыт эпох. Энциклопедия. – Режим доступа : <http://www.a-z.ru/women/>. – Дата доступа : 15.02.2011.
31. Чуйкина, С. Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986) [Электронный ресурс] / С. Чуйкина // Российские женщины в XX столетии: опыт эпох. Энциклопедия. – Режим доступа : <http://www.a-z.ru/women/>. – Дата доступа : 18.11.2010.
32. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР / Л.М. Алексеева. – М. : Весть, 1992. – 352 с.
33. Айвазова, С.Г. Свобода и равенство советских женщин [Электронный ресурс] / С.Г. Айвазова // Российские женщины в XX столетии: опыт эпох. Энциклопедия. – Режим доступа : <http://www.a-z.ru/women/>. – Дата доступа : 18.11.2010.
34. Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л.Н. Завадская. – М. : Издательство БЕК, 2001. – 272 с.
35. Здравомыслова Е., Темкина, А. Гендерное гражданство и советский этакратический порядок / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Актуальные проблемы трансформации социального пространства ; под ред. С.А. Васильева. – СПб. : ГП МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2004. – С. 322–355.
36. Здравомыслова Е., Темкина, А. Советский этакратический гендерный порядок / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Российский гендерный порядок: социологический подход ; под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 96–138
37. Градскова, Ю.В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности / Ю.В. Градскова. – М. : Sputnik+, 1998. – 35 с.
38. Лебина, Н. Абортная политика как зеркало советской социальной заботы / Н. Лебина // Советская социальная политика 1920–1930-х гг: идеология и повседневность ; под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – С. 228–241.

39. Хасбулатова, О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917) / О.А. Хасбулатова. – Ив., 1994. – 135 с.
40. Хасбулатова, О.А. Эволюция государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода [Электронный ресурс] / О.А. Хасбулатова. – Режим доступа : <http://www.owl.ru>. – Дата доступа : 18.03.2010.
41. Юкина, И.И. Женский Петербург: опыт историко-краеведческого путеводителя / И.И. Юкина, Ю.Е. Гусева. – Спб. : Алетейя, 2004. – 280 с.
42. Юкина, И.И. Женское движение в России сер. XIX – нач. XX вв. [Электронный ресурс] / И.И. Юкина. – Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru>. – Дата доступа : 28.01.2009.
43. Юкина, И.И. Женское движение в России ценз пола и суфражизм [Электронный ресурс] / И.И. Юкина. – Режим доступа : <http://www.owl.ru>. – Дата доступа : 24.01.2009.
44. Помалейко, О.Л. Женские организации в Беларуси на рубеже веков (конец XIX – начало XX в.) / О.Л. Помалейко. – Мн. : Тесей, 2012. – 127 с.
45. Лапина, С.В. Женские общественные организации: движение от феминизма к актуальной гендерной проблематике / С.В. Лапина // Семья и женщина в современном мире: социальные и культурные аспекты. – Минск : ИФ НАНБ. – 2012.
46. Навіцкі, У. Жанчына у савецкім грамадстве: новы погляд на праблему / У. Навіцкі // Штогоднік інстытута гісторыі НАН Беларусі. – 1999. – Выпуск 1. – С. 93–109.
47. Зеленкова, А.И., Савинская, М.П. К проблеме охраны материнства и детства на Гомельщине в первые послереволюционные годы / А.И. Зеленкова, М.П. Савинская // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы V Международной научной конференции, Гомель, 24–25 мая 2007 г./ Министерство образования Республики Беларусь [и др.] ; под общ.ред. В.В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О.Сухого, 2007. – С. 234–236.
48. Зеленкова, А.И., Савинская, М.П. Политика советского государства первой половины 1920-х гг глазами женщин белорусско-российского пограничья / А.И. Зеленкова, М.П. Савинская // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы VII Международной научной конференции, Гомель, 26–27 мая 2011 г. : в 2 ч. Ч. 1 / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; под общ.ред. В.В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О.Сухого, 2011. – С. 149–151.
49. Зеленкова, А.И., Савинская, М.П. Участие женщин Речицкого уезда в общественной жизни (первая половина 1920-х гг.) / А.И. Зеленкова, М.П. Савинская // Седьмые Международные Довноровские чтения, Речица, 1–2 октября 2010 г./ Министерство образования Республики Беларусь [и др.] ; под общ.ред. В.М. Лебедевой. – Гомель : ГГУ им.Ф.Скорины, 2010. – С. 318–326.

УДК 94:72. 012.8:721.058:316.334.56 (476.2)"18/19"

Интерьеры жилья горожан Беларуси конца XIX – начала XX вв.

О.Г. ЯЩЕНКО

Описываются разнообразные интерьеры жилья как составная часть материальной культуры горожан Беларуси в конце XIX – начале XX вв. Автор показывает меблировку комнат, детали их оформления, отличия в обстановке домов разных групп жителей. Также характеризуются вещи в интерьерах, которые находились в бытовом использовании.

Ключевые слова: интерьеры, города Беларуси, конец XIX – начало XX вв.

Different interiors of the dwelling as the part of material culture of townspeople of Belarus at the end of the XIX – at the beginning of the XX century are described. The furniture of the rooms, details of their appearance and distinctions in the houses of different groups of the citizens are shown. The characteristic of things in the interiors which population used in their everyday practices is given.

Keywords: interiors, towns of Belarus, end of the XIX – the beginning of the XX century.

Городской быт относится к числу значимых явлений культуры, обращение к анализу его отдельных аспектов позволяет более глубоко проникнуть в содержание и формы этнокультурных процессов на Беларуси. Создание полномасштабной картины истории повседневности городского населения также предполагает детализированное и научно обоснованное описание городского пространства, развития транспорта и сферы обслуживания, одежды, питания горожан, семейных традиций, досуга в разные исторические периоды. Эти реконструкции исключительно ценны для характеристики городского образа жизни, выявления способов трансляции культурного опыта в городской среде. В числе вопросов, занимающих центральное место в исследованиях материальной культуры горожан, следует отметить жилье и его интерьер, который варьируется в зависимости от различных факторов, но неизменно выступает индикатором уровня комфорта, показателем качества жизни горожан.

Понятие «интерьер» получило ряд определений в специальной литературе, большинство из них указывает на сущность интерьера как внутреннего пространства здания, имеющего определенный декор, обстановку, убранство и пр. Собственно слово «интерьер» происходит от французского языка и в переводе означает «внутренний». При этом в трудах по архитектуре и искусствоведению, истории культуры под интерьером понимают внутреннее пространство здания или помещения. Характер интерьера определяется комплексом функциональных, инженерно-технических и художественных задач. При его создании учитываются градостроительные условия, материально-технические возможности, национальные традиции, эстетические потребности жителей. Здесь учитываются такие характеристики интерьера как освещение, цветовое решение, гармоническое сочетание элементов. В интерьерах различаются планировочная и пространственная структура, отделочные материалы, декор и пр., в формировании интерьера прослеживается воздействие того или иного стиля [1, с. 207].

Вместе с тем в этнографических работах чаще используется синонимичное понятие «внутреннее убранство». В этом контексте в понятие интерьер в данном случае автором вкладывается следующее содержание – к интерьеру относится вся совокупность предметной среды, расположенная и находящаяся в функциональном использовании в повседневности хозяев жилища и их арендаторов, прислуги. насыщение и оформление интерьера отвечает потребностям ведения домашнего хозяйства, релаксации, реализации форм досуга, демонстрирует состоятельность владельцев и отражает их представления о престижности, в связи с этим выставляются напоказ наиболее привлекательные и ценные в материальном отношении предметы.

Цель исследования – историко-этнографическая характеристика интерьеров жилья разных групп городского населения Беларуси в конце XIX – начале XX вв. Объектом изучения выступает городская культура, предмет исследования следует обозначить как формы мате-

риальной культуры городских жителей во внутреннем пространстве жилья. При изучении фактических материалов оказался полезным историко-описательный, а также историко-сравнительный и типологический методы исследования.

Новизна темы заключается не только в привлечении новых данных, сочетании свидетельств письменных и вещественных источников, но также в подходе к описанию и анализу интерьеров городского жилища, что предусматривает их показ в ракурсе функционирования жилого пространства, ведения домашнего хозяйства, занятий и досуга. При этом вопросы стиля, художественной ценности, планировочного решения интерьеров и пр. отодвигаются на второй план, в ранее опубликованных работах по данной тематике искусствоведов и других специалистов эти сюжеты выступали в качестве основных для исследования.

Историография темы наполнена трудами архитекторов, искусствоведов, в меньшей степени историков культуры, вместе с тем интерес к ней заметно активизировался в последние годы в связи с возросшим стремлением более глубоко и объективно воссоздать историю культуры разных сословий Российской империи на последних этапах ее существования [2]. Однако на сегодняшний момент состояние проблемы по совокупности работ в русле обозначенной тематики в исторической науке, истории искусства и культурологии может быть определено как недостаточно разработанное и раскрытое лишь фрагментарно. В серьезном и тщательном анализе на базе новых источниковых материалов нуждается целый ряд вопросов: создание развернутых описаний интерьера жилья разных сословий, конкретизация влияния имущественного положения на развитие внутреннего убранства городского дома и степени воздействия профессионального фактора, уточнение насыщенности помещений бытовыми предметами и др. Быт горожан Беларуси, в том числе некоторые аспекты жилья и внутреннего убранства городского дома в последние десятилетия XIX – начала XX вв., уже получил лаконичное освещение в научной и научно-популярной литературе (работы А.В. Локотко, З.В. Шибeko и др.) [3]–[5]. Были также опубликованы некоторые иллюстративные материалы по теме, прежде всего фотографии собственно интерьеров элиты [6] и отдельных предметов, оснащавших интерьеры и сегодня находящихся в музеях Беларуси [7]. Круг источников по теме был сформирован на основе музейных предметов из Национального исторического музея Беларуси, Музея истории города Минска, Музея истории города Гомеля, Гомельского дворцово-паркового ансамбля, материалов местной периодики начала XX в.

Хронологические рамки темы логично вытекают из содержания анализируемого материала и сложившегося в науке понимания обновления материальной культуры в городской среде под влиянием урбанизации, интенсификации городских ритмов жизни, проникновением новаций, ускорением темпов хозяйственного и транспортного развития городов белорусских губерний.

Для объективной оценки интерьеров домов горожан следует охарактеризовать степень решенности проблемы обеспечения жильем в городской среде. Большинство единиц жилого фонда в уездных и в губернских городах сооружались из дерева, часть домовладений уже имели комбинированный характер и предполагали возведение каменного этажа с деревянной надстройкой либо обкладку части дома, в первую очередь, нижнего яруса и фасада кирпичом. Сообщения о таких преобразованиях не только нового, но и уже ранее построенного жилья весьма часты в архивных документах и периодической печати, публиковавших данные о решениях городской думы и управы и выдававших разрешения на изменение облика, внутренней планировки, оснащения жилых зданий. Стоимость жилых строений существенно варьировалась от нескольких десятков до тысяч рублей в зависимости от ценности земельного участка, площади, этажности, качества постройки и планировки, а также от уровня комфорта в том числе в пространстве интерьеров. В рассматриваемый период вопрос приобретения и аренды жилых помещений серьезно обострился в тех городах, которые интенсивно втягивались в водоворот стремительного подъема финансовой и хозяйственной жизни и попавших в зону прокладки новых путей сообщения, в первую очередь железнодорожных линий. Интерьеры городского жилья существенно варьировались, немногочисленные из них дают представление об образе жизни городской элиты, об этом свидетельствует описание, например, интерьеров дворца Румянцевых-Паскевичей), массовые примеры – это отсутствие

стилевого единства и меньшее количество наименований предметов домашнего быта, использовавшихся в формировании облика интерьеров. К рубежу XIX – XX вв. происходит заметное обновление интерьера городского дома, в него все чаще наблюдаются усложнение планировки, повышение декоративности, включение более разнообразных вариантов мебели, видов посуды из стекла и фарфора, эстетично оформленных изделий из металла, расширение спектра художественных тканей. Многие бытовые изготавливались уже промышленным способом.

Планировка домов имущественно обеспеченных городских жителей в ряде случаев закладывалась архитектором при строительстве, но повсеместно распространенным явлением стали различные дополнения, пристройки, переделки, возведение перегородок, которые делили пространство комнат вне всякого плана, усложняли внутреннюю структуру в целом. Маленькие по площади комнаты с небольшими окнами, темные узкие коридоры, тесные пролеты лестниц, создававшиеся в целях экономии, изначально не предполагали какого-либо определенного эстетического подхода к формированию внутреннего пространства. В то же время имели отличия интерьеры разных по назначению помещений городского особняка: передняя, лакейская, кладовая, кухня, комната для прислуги, буфетная, гостиная, диванная, будуар хозяйки, спальня, кабинет хозяина дома, библиотека, детская, столовая, зала для танцев.

Стилистические черты интерьеров установить довольно сложно, поскольку полные достоверные описания внутреннего пространства домов – исключительно редкое явление. Но изученные письменные источники (архивные документы, информация в периодической печати) позволяют утверждать, что в конце XIX – начале XX вв. преобразования в жилых домах были типичным явлением, при этом переделки влияли на стилистику интерьеров, в ряде случаев разрушая изначально заложенную в них гармонию. Бытовое окружение горожанина пополнялось новыми вещами, при этом бережно хранились и использовались старые вещи, это также порождало пестроту и наличие разносортных, стилистически разнородных предметов в оборудовании и оформлении жилья. Большинство же городских домов изначально вообще не предусматривало поддержание какого-либо единого стиля, так как зачастую городские обыватели в силу своего невысокого образовательного и культурного уровня не демонстрировали намерения придерживаться стилистического единства, для других препятствием в осуществлении таких проектов становился низкий доход. Вместе с тем в интерьерах нашли свое воплощение так называемый «китайский» и «японский» стиль, комнаты наполнялись безделушками (статуэтками, веерами и пр.), вазами, декоративными тканями (шторы, накидки на мебель и пр.), которые были подделками либо вещами, изготовленными как стилизация по восточным мотивам.

В интерьерах горожане старались привлекательно обустроить обязательные составляющие – обкладывали кафелем печи и камины, использовали резные деревянные элементы при сооружении лестниц, можно было обнаружить кованые решетки, витиеватые накладки на двери, замысловатой формы дверные ручки. В интерьерах нашли место различные предметы из латуни и затем чугуна, они были дешевыми и прочными, из металла отливали решетки каминов, декоративные фигурки и многое другое. Предметы освещения – канделябры, жирандоли, настольные и напольные подсвечники, люстры имеются во всех изученных нами музейных коллекциях, аттрактивность многих из этих вещей приводит к частому включению таких предметов в экспозиции городского быта. Вместо масляных распространились керосиновые лампы, впоследствии электрическое освещение, на первых этапах бывшее доступным лишь немногим горожанам.

К числу мебели можно отнести как приобретаемые горожанами из обеспеченных семей мебельные гарнитуры, так и единичные предметы: столы, стулья, диваны, кресла. Более широкие возможности для образования, широкое распространение профессий, связанных с интеллектуальной деятельностью и делопроизводством повлекли за собой организацию в домах городских жителей кабинетов, распространение в их интерьерах книжных шкафов, специальных бюро и письменных столов. Широкое распространение имела так называемая венская мебель, она была относительно недорогой, легкой, ее гнули из бука или других пород дерева. Образцы венской мебели экспонируются в Национальном историческом музее Беларуси, Музее истории города Гомеля и др. Характерны удобные для городских домов и

особенно небольших квартир, которые могли позволить себе снимать горожане, например, в доходных домах, карточные столики, овальные и круглые на одной ножке небольшие столики, столики для рукоделия, тумбы со скульптурными изображениями и вазами, угловые шкафы, канапе, софа. К рубежу XX в. мебель даже в домах среднеобеспеченных городских жителей была очень разнообразна: секретеры, комоды, их дополняли каминные экраны, ширмы, подставки для цветов, разной величины подушки и пр. Мебель делали из разных пород дерева, известно о распространении мебели из красного дерева и др.

Посуда использовалась не только для приготовления пищи, но также ее часть – парадная посуда являлась элементом украшения дома и выставлялась напоказ. Для этой цели использовали застекленные шкафы, горки, шкафы-буфеты. Примером такой мебели служит застекленный двустворчатый деревянный шкаф с резными ножками начала XX в. из Музея истории города Минска [8]. В изученных нами музейных собраниях находится на хранении довольно многочисленная фарфоровая посуда заводов Кузнецовых. Известно о моде выставлять для украшения интерьера фарфоровые статуэтки, фигурки, у зажиточных горожан могли быть изделия мейсенского фарфора, изделия других немецких фарфоровых заводов. Среди них популярны статуэтки в виде девушек с фруктами, фигурки животных. В интерьерах на столешницах английской работы располагали красивые письменные приборы, пресспапье для писем [9], колокольчики для вызова прислуги.

Зеркала и трюмо дополняли внутренне пространство покоев не только для практических нужд, но также и для зрительного преобразования пространства, придания ему большего объема и солидности. Самовары, швейные машинки, музыкальные инструменты справедливо ассоциируются с городским бытом, они размещались в интерьерах домов разных сословий – дворянства, мещанства, духовенства, военных. В особой характеристике нуждается представленность в городских домах настенных, настольных или напольных часов, которые были уже не единичным явлением в отличие от предшествующих эпох. Но вместе с тем их наличие все еще отражало достаточный уровень материального обеспечения владельцев дома [10].

Ткани содействовали складыванию впечатления об attractiveness жилья, разнообразные занавеси, накидки, скатерти. Вышитые предметы – дорожки, полотенца, салфетки, занавески на окнах, вышитые картины и пр. не только раскладывались, но и закреплялись на стенах. Горожанки вышивали крестом, гладью, известны изделия в технике ришелье и вышитые бисером. Мотивы вышивки дублировали рисунки в романтическом стиле, городская вышивка воспроизводила цветочные мотивы, пейзажи, букеты, сентиментальные сценки с влюбленными парами, детские и женские головки, изображения животных. Окна и двери занавешивали в том числе и тяжелыми тканями, перетянутыми красивыми шнурами, такая драпировка придавала помещению парадный вид и была характерна интерьерам не только дворянского особняка, но и жилью купечества, мещанства, служащих. Кроме необходимых для жизнедеятельности вещей – мебели, посуды, интерьеры включали ставшие модными фотографии в рамках. Свое место в интерьерах не утратили по-прежнему доставшиеся в наследство от предыдущих эпох гравюры, картины и пр., многие ценные предметы передавались по наследству или продолжали свое существование в домах даже в случае смены члена семьи – владельца.

В интерьеры вписывалась зелень, сложился устойчивый стереотип типичного мещанского дома в небогатых городских кварталах, где на подоконник выставлялась герань. Наряду с ней в городском жилье разводили бальзамин, фикусы, розы. Поющие птицы в клетках – канарейки, галки, скворцы – также дополняли атмосферу домашнего уютного очага.

В связи с большими сложностями в реконструкции образа жизни представителей социальных низов, следует констатировать и скудость информационного обеспечения темы о домашнем вещественном окружении этих групп городских обитателей. Лаконичные заметки относительно их образа жизни не позволяют воспроизводить целостные картины домашнего быта этих групп горожан и, соответственно, достоверно реконструировать интерьеры жилья. В источниках обнаружены неоднократные упоминания городских ночлежек, улиц и местностей, где проживала беднота, но здесь имеются лишь указания на антисанитарные условия жизни и крайнюю скудость предметного окружения.

Гораздо шире изучены и обеспечены источниками те аспекты темы, которые затрагивают быт рабочих, в том числе и их квалифицированной части, имевших более высокий уровень материального обеспечения, владевших или снимавших жилье и оборудовавших его в также, как представители городского мещанства. Низкоквалифицированные рабочие, прислуга, ремесленники часто не могли арендовать жилье целиком, поэтому проживали в съемных комнатах, даже в съемных углах - частях комнат, отгороженных легкими перегородками или занавесками. Дошедшие до нашего времени санитарные обследования ряда городов содержат крайне удручающие описания интерьеров мест локализации трудового люда. В интерьерах таких помещений были представлены печь, настилы для сна, грубого изготовления столы и табуреты, полки для домашней утвари, комнаты имели малые окна, низкие потолки, встречался и земляной пол. Дополнением служил простой набор глиняной и металлической посуды, изредка украшением служили приобретавшиеся на ярмарках аляповатые картинки.

Приверженность горожан той или иной конфессии (иудаизму, православию и т. д.) диктовала необходимость пользования дома предметами культа – иконами, священными книгами и др. атрибутами, важными для верующих. Это послужило основанием для обязательного включения таких вещей в интерьеры даже самых низкообеспеченных семей.

Важной чертой менталитета мещан и купечества являлось стремление подражать жизни дворянства, это обстоятельство отразилось и на интерьерах их жилья. Здесь зачастую фиксируются подделки под изделия известных фирм и мастеров, недоступные для приобретения, обнаруживается присутствие вещей низкого качества, но внешне напоминающих высокие образцы, покупка и размещение дешевых предметов декора, в том числе картин, безделушек, мелкой пластики, свидетельствующих об отсутствии вкуса и низком образовательном уровне их обладателей.

Таким образом, для интерьеров горожан конца XIX – начала XX вв. как типичные следует отнести следующие черты. Наиболее значимыми выступают: очевидная специфика оформления интерьера в домах горожан разного достатка и социального статуса, заметное воздействие конфессиональной принадлежности на интерьеры жителей городов и размещение в них атрибутов культа, даже отведение специально оборудованных помещений для этих целей (например, моленные комнаты у старообрядцев). Достоверно известен перечень наиболее популярных предметов, которые широко распространились во многих домах. Для интерьеров изучаемой эпохи и бытового окружения жителей характерно все большее возрастание влияния моды на городскую культуру и проникновение технических новинок в домашнюю среду. Воссозданные интерьеры горожан позволяют утверждать о дифференциации оснащения помещений и указывать на существенные отличия в их оформлении, что характеризует разное качество предметной среды, доступное городским жителям. Причиной различий в интерьерах городских домов являлась и неодинаковая доступность вещей, включение в интерьеры уникальных предметов, предметов роскоши прослеживается на немногочисленных примерах, так же, как и упоминание об обладании рядом городских семей приспособлениями для улучшения бытовых условий проживания – новых видов источников света и пр. Технические новшества распространяются более динамично – швейные машинки, граммофоны и к кануну Первой мировой войны уже прочно вписываются в интерьеры городского дома. Изучение процесса пополнения (приобретения) и возобновляемости домашних вещей (ремонта), поддержания в порядке самого пространства дома (самостоятельно или с помощью прислуги) также свидетельствует об интересе, который присутствует в городской среде к более оптимальному оснащению своего домашнего быта, желании отдельных групп горожан обладать модными и престижными вещами. Усиливается тенденция к выделению помещений в домах в соответствии с их функциональным назначением (кабинеты, гостиные, детские, столовые комнаты, помещения для прислуги). В ряде случаев отмечается стремление к подбору хозяевами тех вещей, которые сочетались бы друг с другом, но жилье подавляющего большинства городских жителей несло отпечаток смешения стилей, размещения в одном пространстве разнородных вещей. Для горожан из самых разных социальных срезов на первом месте в плане значимости находилась добротность вещи, ее оптимальные функциональные возможности, поэтому в интерьерах практиковалось размещение предметов, отличающихся

по времени создания, так как вещи выводились из употребления не в связи с их моральным устареванием, а по причине поломки, износа. Длительная протяженность эксплуатации предметов домашнего быта, формирующих интерьеры, связана и с дороговизной ряда из них, а также с отсутствием абсолютного доминирования моды, повлекшей за собой быструю сменяемость предметов материальной культуры. Практическое использование материалов связано с возможностью обращения к ним в связи с созданием музейных экспозиций, посвященных городскому быту Беларуси в прошлом, а также в воспитательной и просветительной работе учреждений образования и культуры.

Литература

1. Культура Беларусі: Энцыклапедыя / рэдкал. : У.Ю. Аляксандраў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2013. Т. 4. 3–Л. – 664 с.
2. Беловинский, Л.В. История русской материальной культуры / Л.В. Беловинский. – М. : Вузовск. книга, 2008. – 424 с.
3. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В.К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В.К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 248 с.
4. Беларусы: у 12 т. / рэдкал. : В.К. Бандарчык (гал рэд.) [і інш.]. – Мінск : Тэхналогія, Бел. навука, 1995–2009. – Т. 2: Дойлідства / А.І. Лакотка. – 1997. – 391 с.
5. Шыбека, З.В. Мінск сто гадоў таму / З.В. Шыбека. – Мінск : Беларусь, 2007. – 304 с.
6. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха, Меценаты, Архитектура / В.Ф. Морозов. – Минск : Четыре четверти, 1997. – 336 с.
7. Яшчанка, А.Р. Побит гараджан Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / А.Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі / А.Р. Яшчанка. – Мінск : Бел. навука, 2014. – Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А.І. Лакотка, В.Г. Дранкевіч В.Г., В.М. Бялявіна [і інш.]; А.І. Лакотка (гал. рэд.). – С. 152–205.
8. Музей истории города Минска. – Шкаф двухстворчатый. Начало XX в. – Ед. хр. КП 007058.
9. Музей истории города Минска. – Стол. Англия. 1880-е–1890-е гг. – Ед. хр. КП 007061; Прибор письменный. Подставка с двумя чернильницами. Бронза, литье. Западная Европа. Конец XIX в. – Ед. хр. КП 007128/1; Нож канцелярский, ручка оформлена рельефными изображениями. Бронза, литье. Западная Европа. Конец XIX в. – Ед. хр. КП 007128/2.
10. Музей истории города Минска. – Часы напольные механические с маятником и двумя гириями. Корпус декорирован резьбой. Германия. Конец XIX – начало XX в. – Ед. хр. КП 002512.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 14.03.2015

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 008:94*Ю.Борев

Парадигмы Юрия Борева (к 90-летию со дня рождения теоретика культуры)

И.Н. АФАНАСЬЕВ

Исследуется роль литературы и культуры в обеспечении выживания человечества в переломные исторические эпохи. Теоретическое осмысление проблемы осуществляется на основе концепции «парадигм эпох», которая была предложена Юрием Боровым. Сделан вывод об исторической роли белорусской литературы в сохранении национальной идентичности и государственном строительстве, которые рассматриваются в контексте Чернобыльской катастрофы и проблематики постмодерна.

Ключевые слова: Чернобыль, национальная литература, культура, формула бытия, постмодерн, парадигма эпохи.

The role of literature and culture serving the survival of mankind in the crucial historical eras are examined. Theoretical understanding of the problem is based on the concept called «era's paradigms» offered by Yuri Borev. The article contains the conclusion of the historical role of Belarusian literature in keeping the national identity and state building, which are considered in the context of the Chernobyl disaster and the postmodern problematic.

Keywords: Chernobyl, national literature, culture, the formula of being, postmodern, era paradigm.

Несколько лет тому назад известный московский литературовед, знаток России и Востока, эрудит и полиглот, выступая перед студентами филологического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, подверг сомнению современный научный лексикон, который изобилует иноземными словами. Из множества примеров, на которые указал гость, особенно запомнился один: слово «парадигма». Внятное, «свойское» для древнего грека (в переводе с греческого: пример, образец), у нас оно никак не соразмерно изначальной простоте и порой уводит в лукавое мудрствование, которое ищет опоры в новых толковых словарях. Однако когда другой эрудит и энциклопедист, доктор филологических наук, профессор, академик Академии художеств России, патриарх отечественной эстетики, президент Независимой Академии эстетики и свободных искусств Юрий Борисович Боров в 2006 г. предложил гуманитарному сообществу провести международную научную дискуссию на тему «Парадигма современной эпохи: Исторические идеалы и смыслы бытия человека и человечества, формируемые культурой», использованное им терминологическое клише не отпугнуло. И не только потому, что цепь боревских «парадигм» как раз и начиналась с древнейшей эпохи и Античности. Толкователем лексикона у Ю.Б. Борева выступила жизнь: «Культура каждой эпохи выдвигает свою концепцию мира и личности, дает парадигму (формулу бытия человечества: идеалы, цели и смыслы бытия, путь – дао). Жизнь эпохи определяется этой парадигмой. Рассматривать историческое развитие следует не только по формациям, определяемым экономикой, но и по эпохам, определяемым культурой <...> Однако в этом отношении эпоха конца XX в. – начала XXI в. принципиально отличается от всех прежних (впервые в истории новая эпоха не имеет новой парадигмы...)» [1, с. 10].

В Беларуси после Чернобыля изысканно оснащенная риторика умолкает перед грубой, неподатливой конкретикой (или, во всяком случае, должна бы...). Конкретны 132 километра, разделяющие четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС и Гомель. «Конкретна» определенная немота, даже беспомощность культуры в ее попытках осуществить себя в новых исторических обстоятельствах, которые иезуитски отрицают самую историю в величинах распада и полураспада, пожирающих время. «Конкретна» неподъемная ноша национальной литературы и культуры, остающейся, как и в России, культурой преимущественно литературо-

центричной. Все мятежные годы новейшей истории она пребывает в поиске своего собственного статуса, на полюсах которого – возможная политическая ангажированность внутри и недопонимание того, насколько катастрофична ситуация с сохранением национальной самобытности белорусского свидетельства о человеке и мире – извне.

Давно общим местом в дискуссиях стала мысль о посредничестве Беларуси между Западом и Востоком. Словно маятник в крайней точке разгона, Беларусь стремится к равновесию и, повинувшись закону тяготения, претворяет возвратное движение в свой исторический шаг. О «часовщиках» ее истории вспомнит В. Орлов в повести «Сны императора» – исторической фантазмагии о судьбе Наполеона. В предсмертном островном заточении вчерашний повелитель мира на грани миража и яви переживает трагедию упущенной победы, которую не пожелал подарить Беларуси, предпочтя двинуться дальше, к Смоленску и Москве. И в этом размахе маятника истории не многим отличился от соперника, именно ему препоручив свой шанс, который в оценке автора-историка уподобляется всё тому же незаменимому элементу часового механизма: русский царь Александр «пад уплывам фаварытаў <...> увесь час вагаўся, быццам маятник, – ад думкі аднавіць Вялікае Княства Літоўскае да ідэі канчаткова ператварыць яго ў расейскую правінцыю» [2, с. 348]. И даже там, где сладость и горечь мечты уступали место ратному противоборству, это возвратно-поступательное движение определяло драму исторического выбора. Наступление маршала Удино на Петербург сорвано контратакой тех самых гродненских гвардейцев российского генерала Якова Кульнёва, которых еще в 1807 году наполеоновские солдаты с «уважением и страхом» прозвали «синими гусарами»: «Здаецца, штандары ў сініх амаль такія самыя, як у палка Дамініка Радзівіла, таго, што першы (с Наполеонам. – *И.А.*) уступіў у Вільню. Толькі ў адных – двухгаловы расейскі арол, а ў другіх – Пагоня, герб Вялікага княства» [2, с. 366].

Это динамичное равновесие истории в самые жаркие моменты противостояния Запада и Востока позволяло сохранять аутентичность Беларуси, забытой могучими соседями. Но столь же неизбежно проблема исторического посредничества проникала и в них самих. Неслучайно евразийский аспект представлен в парадигмах Ю.Б. Борева, а прежде – обоснован русской классической традицией, вплоть до блоковского «скифства» и бердяевских откровений по этому поводу. Актуальная для Беларуси проблема государственности как фактора новой парадигмы эпохи, который в нашем случае соединил опыт национального государства европейского уровня (Великое Княжество Литовское), его трагической утраты, советского возрождения и нынешней державной суверенности, не такая уж новинка для русского гуманитарного сознания в переломные эпохи. Годы гражданской войны пьянили воображение эстетов грянувшим «скифством», доверяли терзания молодого революционного духа анархо-крестьянской вольнице и в «Голом годе» Б. Пильняка поощряли бегство народа от собственного государства, без которого легче было сбросить себя.

В XX в. само белорусское государство, гарантирующее жизненно важные потребности этноса, состоялось первоначально в качестве, которое присутствует едва ли не в каждой из парадигм эпох на уровне идеальных, мыслительных установок, которые схематично, но содержательно представлены Ю.Б. Боровым в их исторической последовательности: парадигмы античности и средних веков, Возрождения и барокко, классицизма и Просвещения, сентиментализма и романтизма, реализма и социалистического реализма, наконец – объединенная парадигма «модернизма и постмодернизма». Послеоктябрьский опыт национального государственного строительства явился результатом эстетического усилия, в основе которого лежал этнографический интерес новой белорусской литературы к сермяжному, тихому, толерантному и безвестному белорусу-землепашцу, выжившему вне городской культуры (вне государства?) старой Беларуси.

Чернобыль парадоксальным образом обратил на белорусов взоры всего мира. Однако самой нации надлежало преодолеть эту трагедию, вырваться из-под чудовищного гнета причины, в которой явление народа миру было неразделимо с его окончательным, гибельным исходом. Общенациональная беда психологически и эстетически замещалась в ожиданиях культуры, которая манила возможностью альтернативы, свободной от жестоких установлений реальной истории. Последняя не знала обратимых событий, однако была столь же бес-

сильна перед альтернативной реальностью культуры, которая еще не утратила сакральной функции привычного жизненного пространства для народа, веками приученного к виртуальному (или, если воспользоваться терминологией С. Лема, «фантоматическому») существованию. Наше «прекрасное прошлое» оказалось здесь весьма кстати и предъявило те механизмы культуры в их эстетическом преломлении, которые отсылают нас к шкале парадигм Ю.Б. Борева, еще не искореженной чернобыльским взрывом. Гипотетическое возвращение к *пред-состоянию* катастрофы происходило через утверждение традиционных, канонических парадигм (в частности, соцреалистических), из которых возникал предпочтительный либо мыслимый вариант социально-политического устройства.

Известный немецкий философ Петер Козловски в этапной для современной европейской философии книге «Культура постмодерна» (1987) писал: «Целостность прошлого, настоящего и будущего не может быть сконструирована и объяснена, она может быть лишь вообразена и рассказана; история без дыр, контекст без провалов возможны лишь как рассказ. Общество без такого метарассказа религии, это общество без культурной контекстуальности» [3, с. 167]. Конфликт культуры и техники, над которым теоретически размышляет П. Козловски, для белорусов после Чернобыля – «знак судьбы», реальность житейского выбора. Цитируя немецкого философа, народ, которого однажды уже окрестили «чернобыльским», просто-напросто формулирует свою метафизическую задачу, в которой понятия «контекстуальность», «контекст» перестают быть философской абстракцией и становятся средой обитания, где нужно уцелеть, вырвавшись за пределы «контекста» катастрофы, но не утратив самой «контекстуальности» как свойства культуры, а следовательно – нашей данности в большом, необъятном мире. Разве не может наше бегство от Чернобыля звучать на языке философии, например, так: «Культура есть уход за чем-либо, что уже и без нее имеет место... Техника же представляет собой производство того, что без человека не существовало бы во все. Техника производит артефакты (искусственно сделанные предметы), культура завершает уже созданное природой или данным, что не творится изначально *ex nihilo* (лат.: из ничего – И.А.). <...> В противоположность технике культура ориентирована на контекстуальность и универсальность» [3, с. 11–12].

Чернобыль, явив себя *ex nihilo*, превращает контекст (среду) в ничто. Всю совокупность отношений, в которых находятся события, предметы, лица, определяя, по П. Козловски, саму истину в этой контекстуальности бытия [см.: 3, с. 12], катастрофа сводит к единичному «просвету» технической истины, погружая весь мир во мрак. «Модерн не знает больше никакого мета-нарратива, никакого совместного рассказа и никакой трансценденции по ту сторону функционального. В этом состоит его бесконтекстность, – формулирует П. Козловски философский диагноз XX в., исчерпавшему себя в убийственном техницизме. – Одна прямоугольная постройка стоит рядом с другой, и с тех пор, как появился единый “интернациональный стиль”, такие постройки трудно как-то охарактеризовать» [3, с. 166]. Мертвый саркофаг рядом с энергоблоками умирающей АЭС. Пепелища и руины деревень в зоне. Жизнь как метафора философской доктрины.

И ее опровержение.

Можно вместе с интеллектуалом П. Козловски задержаться в 1987 г., его глазами увидеть в модерне опыт «утраты контекста», на смену которому приходит постмодерн как «попытка восстановить утраченную связь» [3, с. 167]. Можно даже сложить дребезги истории в универсальный метатекст, исключив из него по рекомендации автора только марксистский «суррогатный рассказ» в виде диалектического и исторического материализма [см.: 3, с. 166]. Однако не пострадает ли от этого преемственность контекста, как она, по убеждению философа, была оборвана в период национал-социализма в Германии [см.: 3, с. 167]? Кто в XXI в., узнавшем цену постмодернизму не в гипотезе, а наяву, будет отрицать то, что современность, презрев «суррогатные» (для 1987 г.) истины марксизма, захлебнулась не «суррогатной», а вполне себе настоящей кровью?

Философа Ю.Б. Борева печалит земные несчастья, которые объединяют у него модерн и постмодерн в одну парадигму, не позволяя им убежать, удалиться друг от друга: «Парадигма модернизма и постмодернизма: человек – принципиально одинокая личность, не при-

емлющая социальную организацию (в том числе и государственную); мир абсурден и враждебен личности. Главная категория – хаос. Главный вид искусства – любой. Эти направления отвергают традиционную культуру, поскольку она не спасла мир от мировых войн и других бедствий. Кризис модернистской и постмодернистской парадигмы обусловлен историческим опытом, обретенным человечеством к концу XX в., когда выяснилось, что ослабленная государственность не лучше тоталитаризма и что сбрасывать классическую культуру с корабля современности губительно для общества» [1, с. 16].

Чернобыль – наставник безжалостный, неумолимый. Быть может, чрезмерная сосредоточенность на его жестоком уроке небыдупречна с точки зрения общей мозаики истории, в которой и эта трагедия – всего лишь элемент глобальной картины мира. Но если этот элемент вместе с девятью миллионами белорусов вдруг будет утрачен, то кому такая «формула бытия» и «парадигма эпохи» нужна? Пренебрегая единственностью белорусского (имярек – любого) национального опыта, как быть с общим знаменателем, лежащим в основе всей парадигмы эпохи, которая была предложена к обсуждению? Возможен ли он? И возможна ли парадигма?

«Когда невозможно действовать – создают идеалы», – напоминает Ю.Б. Борев [1, с. 18]. А значит, национальный универсум культуры не может не быть мировым. И даже пересмешники парадигм Ю.Б. Борева, противопоставляя их сниженный вариант научному канону, невольно подчиняются диктату альтернативы, которая и обуславливает равенство культуры себе самой. В заключении по итогам дискуссии Ю.Б. Борев иронизирует над ее академической важностью и пересказывает бытующий анекдот: «Приходит на беседу к духовнику девица (длинная до пят юбка, скромная блузка и платок, закрывающий всё и вся). Обращается духовное чадо, опустив очи долу, к священнику: “Батюшка! Что вы думаете по поводу концепта парадигмы. Пожалуйста, проинтегрируйте идеалы и глобализируйте парадигму”. Батюшка: “Замуж, дура!!! Срочно замуж!!!”» [1, с. 172].

Вместо «мировоззренческой черной дыры» [1, с. 18] – неопровержимая воля жизни. Всемирный закон. Парадигма мира...

Литература

1. Борев, Ю.Б. Парадигма современной эпохи / Ю.Б. Борев // Академические тетради: Исторические идеалы и смыслы бытия человека и человечества, формируемые культурой / Комиссия научного совета по культуре при Президиуме РАН «Искусство и духовная жизнь общества», Независимая Академия эстетики и свободных искусств. – 2006. – № 10. – С. 10–22.
2. Арлоў, У. Сны імператара: Апавяданні, аповесці, эсэ / У. Арлоў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – С. 333–380.
3. Козловски, Петер. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски. – М. : Республика, 1997. – 240 с.

УДК 821.161.1'06-311.6"198"*В. Астафьев:351.751.5

Военная проза 1980-х гг. в условиях новой социокультурной ситуации: к вопросу о цензуре в советской литературе (на примере двух вариантов повести В. Астафьева «Пастух и пастушка»)

Е.Л. ГРЕЧАНИКОВА

Объектом данного исследования стала повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка», задуманная автором в 1967 г. и впервые опубликованная в журнале «Наш современник» (№ 8, 1971 г.) в прошедшем цензуре варианте. В 1989 г. появляется конечный авторский вариант, претерпевший ряд изменений и преобразований по отношению к варианту двадцатилетней давности. Попытка выявить и систематизировать преобразования, коснувшиеся текста в 1980-е гг., а также установить влияние на данные преобразования социокультурной ситуации 1980-х гг., – и является предметом исследования.

Ключевые слова: аспекты художественного мира, редакция текста, цензура, пространство войны, дегероизация.

The object of this study is the novel «Shepherd and Shepherdess» by V. Astafyev, which was conceived by the author in 1967 and was first published in the journal «Nash sovryemennik» (№ 8, 1971) in the censored version. In 1989 the author's final version appears which had gone through a series of changes and transformations in relation to the version of two decades before. The subject of this article is an attempt to identify and organize the transformation of the text during 1980s and establish the impact of socio-cultural situation of the 1980s on that transformation.

Keywords: aspects of the art world, edition of the text, censorship, war space, unglorification.

В 1980-е гг. советская литература ощущает влияние новой социокультурной ситуации и развивается в условиях меньшего контроля цензуры. В связи с этими изменениями литература количественно и качественно обогащается благодаря «возвращённой литературе», а также тем текстам, которые не могли быть опубликованы ранее по цензурным соображениям или публиковались в варианте, претерпевшем кардинальные цензурные правки.

Повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка» прошла долгий путь от авторской задумки в 1967 г. до публикации конечного, без цензурных правок, варианта в 1989 г. Предметом исследования в данной статье явились внесённые автором в 1980-е гг. изменения и дополнения, расширившие и идейно трансформировавшие ранее известный вариант повести.

*Фрагменты текста, отсутствующие в одной из редакций, выделены курсивом.

Аспекты художественного мира	Редакция 1971 г.	Редакция 1989 г.
1 Политика и идеология	а) Корней Аркадьевич Ланцов: «Говорить хочу. Я долго молчал. Я всё думал, думал и молчал... Ночью, лёжа в снегу, думал: неужели такое кровопролитие ничему не научит людей? Эта война должна быть последней!.. Или люди недостойны называться людьми...». На этих словах его перебивают: «Стоп, военный! Хорошо ты говоришь, но под окном дежурный с колотушкой ходит» [1, с. 19].	а) Между последней фразой Корнея Ланцова и предостережением «Стоп...» появляется ироничный монолог бойца-интеллигента о героизме, равном положении немецких и русских солдат, ставшими жертвами чужого произвола (причём и Гитлер, и Сталин воспринимаются как преступники): <i>«Героизм! Подвиги! Безумству храбрых поём мы песню!.. Где граница между подвигом и преступлением?.. Вот они, герои великой Германии, отказавшиеся по велению отцов своих – командиров от капитуляции и от жизни... Кто они? Герои? Подвижники? Перестроители жизни? Благодетели человечества?.. Но эти благодетели на пути к подвигам и благам замордовали, истребили целые народы на своём героическом пути...»</i> [2, с. 220–221]; <i>«выгонит... замерзать, погибать в муках новый Наполеон, Гитлер, а то и свой доморощенный бог с бородашкой иудея иль с усами джигита, ни разу не садившегося на коня...»</i> [2, с. 221].

Продолжение таблицы

	б) Раненый русский сержант с укором говорит пожилому немцу с повреждёнными в бою руками: «Кто тебя кормить-то будет и семью твою? Хюрер? Хюрер, он накормит!...» [1, с. 33].	б) В поздней редакции повести В. Астафьев акцентирует внимание на собирательном значении слова: «Хюреры, они накормят!...» [2, с. 250]. Очевидно, что речь идёт уже не только о Гитлере.
	в) «Не отбив сгоряча, дуриком у них взятую высоту, немцы бросили в атаку танки...» [1, с. 61].	в) Ещё в древнерусских воинских повестях литературный этикет предписывал изображать вражескую силу как «тьму тьмушую», подчёркивая неравные силы противников и нечеловеческие усилия русских защитников. Вероятно, подобный литературный этикет актуален и для идеологизированной военной прозы предшествующих десятилетий: силы противника должны превосходить силы русской армии, тем самым создавая стереотипный концепт «неравный бой». В позднем варианте повести появляются «негероические» факты: «Не отбив сгоряча, дуриком у них взятую высоту, немцы пытались <i>малыми силами</i> взять её обратно, и были отброшены. Тогда они... <i>заскребли всё, что осталось под рукой, и даже четыре танка</i> бросили в атаку...» [2, с. 302].
	г) Если речь идёт о вражеской военной технике, описания нейтральные, лишённые оценки: «старый танк», «Танки навалились утожить траншею...» [1, с. 61].	г) «Старый» немецкий танк в поздней редакции приобретает позитивную коннотацию «бывалый» [2, с. 303]. Также добавлен фрагмент, констатирующий мощь противника: «Танки навалились, утожат траншею, и <i>никакой управы на них нету...</i> » [2, с. 302].
	д) В ранней редакции повести отсутствуют комментарии на тему неготовности русского командования к началу войны с Германией, устаревшей военной техники и т. п.	д) В. Астафьев добавляет полилог солдат, увидевших старый ржавый танк (перешли границу): « <i>А мы и на таких гробах воевали. – И довоевались до белокаменной. – А всё-таки вертаемся и бьём фрица там, где он бил нас. И как бил! Сырыми бил, и не бил – прямо сказать, по земле размазывал...</i> » [2, с. 295].
	е) –	е) Добавлены эпизоды, затрагивающие бытовые, лишённые героической патетики вопросы: солдатская экипировка, жалование, особенности питания и пр.: « <i>Немцам выдавали кривые связистские ножи, заземлители, кусачки и прочий набор. Наши всё это заменяли руками, зубами и мужицкой смекалкой</i> » [2, с. 203]; « <i>Солдаты шумно изумлялись – им, оказывается, идёт жалование. Расписались сразу за все прошедшие зимние месяцы, жертвуя деньги в фонд обороны. После этого капитан прочитал краткую лекцию о пользе щавеля, о содержании витаминов в клевере, в крапиве, так как последнее время с кухни доставляли зелёную похлёбку, поименованную бойцами дристухой. Солдаты грозились заложить гранату в топку кухни...</i> » [2, с. 295–296].
	ж) Отсутствуют эпизоды, в которых отражена проблема доносов как распространённой практики сталинской эпохи. «Ланцова Корнея Аркадьевича забрали в армейскую газету» [1, с. 62].	ж) Умиравший боец Пафнугьев признаётся в том, что « <i>Наклепал... на товарища лейтенанта...</i> », намекнул на « <i>связь командира с подозрительной женщиной...</i> » [2, с. 299]. «Ланцова Корнея Аркадьевича <i>будто бы</i> забрали в армейскую газету, но солдаты поговаривали, что <i>совсем его в другое место</i> забрали за <i>чернокнижье, за приверженность Богу и вредным разговорам</i> » [2, с. 304].
	з) В тексте не упоминается также такая реалья военного времени, как штрафные роты и их предназначение.	з) Достаточно трагично звучит лаконичное авторское дополнение: « <i>...где с ночи лежали и мокли под дождём убитые штрафники...</i> » [2, с. 297].

Продолжение таблицы

	<p>и) Эпизод с описанием убитых возле картофельной ямы во время артобстрелов старика и старухи: «Они спешили из дому к яме, где, по всем видам, спасались уже не раз и просиживали подолгу...» [1, с. 13].</p> <p>к) Эпизод с похоронами старика и старухи завершается словами: «Ланцов прочёл над могилой складную тихую молитву, и никто не осудил его за это: покойные-то – старики» [1, с. 14].</p> <p>л) Отсутствуют описания сложностей, связанных с захоронением умерших в санпоезде раненых солдат. На одном из полустанков с телом главного героя оставляют санитарку Арину, которая должна организовать захоронение (и это при катастрофической нехватке медперсонала!). Эпизод погребения Бориса Костяева завершается фразой начальника полустанка: «Что поделаешь? Смерть, как и жизнь, у всякого человека своя» [1, с. 69].</p>	<p>и) Дополнения, внесённые в данную фразу, трансформируют авторскую идею: в хаосе войны убить может не только враг, но и свои; боевые задачи должны быть выполнены ценой любых потерь, а смерть мирных жителей – незначительная жертва на пути к «великой цели»: «Они спешили из дому к яме, где, по всем видам, спасались уже не раз <i>сперва от немецких, затем от советских обстрелов</i> и просиживали подолгу...» [2, с. 210].</p> <p>к) В поздней редакции текста отсутствует цензурное «оправдание» прочитанной молитвы: «Ланцов прочёл над могилой складную, тихую молитву: <i>“Боже правый духов, и всякие плоти, смерть поправый и диавола уразднивший, и живот миру твоему дарованный, сам, Господи, упокой душу раба твоего... рабов твоих”</i>... <i>Солдаты притихли, всё кругом притихло...</i>» [2, с. 211].</p> <p>л) Эпизод погребения [1, с. 69] завершается фразой: «<i>Но ничего этого также не было и быть не могло</i>» [2, с. 315], после чего приведён новый фрагмент текста с альтернативным и более реалистичным вариантом смерти и погребения Бориса Костяева (примечательно, что В. Астафьев не заменяет старый фрагмент новым, а предлагает читателю оба, «цензурный» и реалистичный). Автор демонстрирует жестокую правду военного времени: вагоны с умершими отцепляют «по случайности» («<i>всё в той же надежде, что советские люди проявят сознательность, подберут трупы</i>» [2, с. 317]), поскольку их отказываются принимать переполненные госпитали («<i>...мёртвого не могла сдать, с мёртвым возни даже больше, чем с живым раненым</i>» [2, с. 315]). В. Астафьев без эвфемизмов пишет о судьбе своего героя, оставленного в таком «случайно отцепившемся» вагоне: «<i>Мёртвый уже пахнул, в степи протяжно завывали волки... Матерясь, кляня войну, покойника и злодеев, его покинувших, начальник полустанка со сторожем завалили начавший разлагаться труп на багажную тележку, увезли за полустанок и сбросили в неглубоко вырытую ямку. Поскольку с покойного взять было нечего и помянуть его нечем, пьяница-сторож тоже проявил находчивость и снял с покойника бельё</i>» [2, с. 316–317].</p>
<p>2 Образ «советского воина»</p>	<p>а) –</p>	<p>а) В. Астафьев стремится разрушить стереотипные представления о солдатах, изображаемых как символ мужества, доблести и отваги, демонстрируя, что война не героическое пространство, а противоречивая человеческой природе ситуация абсурда. Особенно ярко этот мотив реализуется через импрессионистические описания, появившиеся в тексте 1989 года: «<i>И свои, и чужеземные солдаты попадали влѣжку, жались друг к другу, заталкивали головы в снег, срывая ногти, по-собачьи рыли руками мѣрзлую землю, старались затискаться поглубже, быть поменьше, утягивали под себя ноги – и всё без звука, молчком, лишь загнанный хрип слышался повсюду</i>» [2, с. 200].</p>

Продолжение таблицы

	<p>б) Старшина Мохнаков открывает с Борисом: «Я всего навидался, истратился. Не жаль мне никого. <i>Меня бы палачом над немецкими преступниками. Я бы их!»</i> [1, с. 35].</p> <p>в) Последние дни жизни старшины поданы в тексте с некоторой романтизацией, Мохнаков изображён таким «русским богатырём», мужественно и сдержанно страдающим: «<i>Борис смотрел в спину Мохнакова... и старался не мешать ему думать, даже кашлял деликатно, в рукавицу. Такие люди, как старшина, пускаются в откровенность только в крайнюю минуту...</i>» [1, с. 36]. Намерение броситься под вражеский танк – ничем не запятанный акт самопожертвования: «Тело старшины вместе с выгоревшим на войне сердцем разнесло по высоте...» [1, с. 62].</p> <p>г) «Пехота раздробленно стреливала из винтовок и пулемётов. Ветер вовсе утих» [1, с. 27].</p>	<p>б) Образ старшины Мохнакова трансформируется, становится неоднозначным и противоречивым. Акцент сделан на крайне «негероической» личности солдата, умирающего от «неприличной болезни» и занимающегося мародёрством: «<i>Борис увидел шустро орудующего кузнечными щипцами человека</i>» [2, с. 253], «<i>Старшина раздёрнул тесёмки на красном кисете, поднёс его под нос взводному. В кисете были колечки с примёрзшей к ним кожей, золотые зубы, вывернутые вместе с окровенелыми корнями, ладанки, крестики, изящный портсигар...</i>» [2, с. 254]. «<i>Весь я вышел. Сердце истратил... И не жаль мне никого. Мне и себя не жаль. Не вылечусь я. Не откуплюсь этим золотом. Так это. Дурь, блажь. Баловство</i>», – говорит Мохнаков [2, с. 255]. Трагично изображена безвыходность положения человека, который не может обратиться за помощью к полковому врачу и вынужден медленно умирать: «<i>Меня ж в штрафную запердят... За смелость...</i>» [2, с. 255–256].</p> <p>в) В новой редакции повести автор по-иному мотивирует, дегероизирует «подвиг» старшины Мохнакова: он решает броситься с миной под танк, поскольку знает о неизлечимой болезни: «<i>Спал мало, ел из своей посуды, чтобы не заразить солдат, бросил пить совсем, в земляной работе сделался немощен, курил беспрестанно, да военное дело выполнял с лютостью – искал смерти</i>» [2, с. 302]. В связи с этим претерпевает изменения и описание смерти старшины: «Тело старшины, поражённое заразной, неизлечимой в окопах болезнью, вместе с выгоревшим на войне сердцем разнесло, <i>разбросало по высоте...</i>» [2, с. 303]. Вместо фрагмента на с. 36 приводятся размышления главного героя о старшине Мохнакове, в которых автор подчёркнуто сводит воедино «высокое», «героическое» и «низкое»: «<i>Борису даже и не хотелось привыкать к мысли, что такого диковинной силы человека можно потерять из-за пустяка. Богатырь и умирать должен по-богатырски, а не гнить от паршивой болезни морально ущербных морячков и портовых проституток</i>» [2, с. 256].</p> <p>г) В редакции 1989 г. между двумя предложениями, приведёнными слева, появляется достаточно развёрнутый фрагмент текста, в котором приведено своего рода «руководство по разумному ведению боя», лишённое патетики и героических призывов. В. Астафьев демонстрирует эволюцию отношения к войне главного героя, Бориса Костяева. Если поначалу молодой выпускник полковой школы видит ситуацию глазами романтика («<i>Враг топчет нашу священную землю...</i>», «<i>нетерпеливая жажда схватки</i>» [2, с. 235], «<i>За мной! Ур-ра!...</i>» [2, с. 236]), то достаточно скоро он осознаёт несоответствие стереотипного представления о войне как романтическом пространстве тому, что «<i>воевать, не погибая сдуру, могут только очень умные и хитрые люди</i>» [2, с. 239]. Реалистичность описания усиливается за счёт просторечных фраз солдат, которые учат своего молодого командира не геройствовать («<i>Убьют ведь, дура!</i>» [2, с. 236]), и через ироничные авторские ремарки, демонстрирующие механизмы создания стереотипов героического: «<i>Санитары и медсёстры, большей частью кучерявые девицы, шибко много лаят по</i></p>
--	---	---

Продолжение таблицы

	<p>д) Негероические размышления о бессмысленности происходящего находят место уже в ранней редакции повести: «Не познанная ещё, вялая мысль о смерти начинает червяком шевелиться в голове... .. вот так заснуть бы в безвестном местечке, в чьей-то безвестной хате, и от всего отрешиться. Это было бы так хорошо...» [1, с. 37]. Однако Борис тут же отгоняет от себя эти «несоветские», не достойные советского солдата мысли: «Что это я? Что за блажь? Какая дурь опять в голову лезет!..» [1, с. 37].</p> <p>е) О ранении бойца Пафнутьева упомянуто лаконично, без подробностей: «<i>Перевязывать было много и неловко</i>» [1, с. 60].</p> <p>ж) ««Гитлер капут!» – орали в телефон бойцы», «пели похабные песни» [1, с. 58–59].</p>	<p>полю боя в кинокартинах, и раненых из-под огня волюют на себе, невзирая на мужицкий вес, да ещё и с песней. Но тут не кино» [2, с. 238]; «...из родной части газетку присылали с каким-нибудь диковинно-устрашающим названием: “Смерть врагу!”, “Сокрушительный удар”... И... выразительно написано, как солдат бился до конца, не уходил с поля боя... и “заражал своим примером”. Удивляясь на самого себя, поражённый словами “бился до конца”, “заражал своим примером”, – солдат совершенно уверует, что так оно и было» [2, с. 239].</p> <p>д) Ко внутреннему монологу Бориса о предпочтительности смерти, нежели бессмысленной жизни в абсурдном пространстве войны, добавлены фразы о «горе от ума»: «Что это я? Что за блажь? Что за дурь в голову лезет? Так ведь и спать можно. Люди как люди, живут, воюют, спят, врага добивают, победу добывают, о доме мечтают, а я? “Книжков начитался!” Правильно говорят Пафнутьев, правильно, ни к чему книжки читать, да и писать тоже. Без них убивать легче, жить проще!..» [2, с. 261].</p> <p>е) Описание ранения получает большую выразительность и физиологичность: «...Пафнутьев нискнул, захлебнулся и умолк – старшина туго-натуго притянул бинтами к паху его мошонку...», «...податливая, будто разваренная туша солдата» [2, с. 300]. Пафнутьев ведёт себя неподобающим для советского солдата образом: клянётся замаливать грех, «<i>молить всю жизнь</i>» [2, с. 299] и «<i>пробует перекреститься</i>» [2, с. 300].</p> <p>ж) ««Гитлер капут!» – орали в телефон бойцы, макая горячие оладьи в трофейное масло, вкус которого они начали забывать», «...пели похабные песни с политическим уклоном» [2, с. 298].</p>
<p>3 Особенности изображения пространства войны</p>	<p>а) Очевидно, что В. Астафьев изначально не стремится романтизировать хронотоп войны, хотя в тексте можно встретить ряд стереотипных для советской литературы фраз, претендующих на героический пафос: «<i>Кавалерия наступала разбегающиеся табуны противника. Сыпалась пальба, уже торопливая, бестолковая...</i>» [1, с. 28].</p> <p>б) «<i>Значит, совсем плохи дела у немцев</i>», – подумал Борис» [1, с. 27].</p>	<p>а) «Сыпалась пальба, уже торопливая, бестолковая, безнаказанная...» [2, с. 240]. Фраза о героической кавалерии отсутствует. В целом, в поздней редакции хронотоп войны дегероизируется, приобретает черты абсурда, хаоса.</p> <p>б) Приведённая фраза заменена в варианте 1989 года импрессионистическим изображением боя как разрушительного: «...летели вверх комья земли, вороха снега, куски мяса, клочья одежды, колёса, обломки дерева, распоротое железо... Топот коней, рокот танков, людские вопли... Слабое шевеление. Агония. Смерть. Всё унялось» [2, с. 240]. Импрессионистические подробности нагнетают атмосферу абсурдности, противоположности происходящего на войне: «<i>людское месиво</i>», «<i>смывая разъярённым отчаяньем гибели всё вокруг</i>» [2, с. 197]; «...валялись полузанесённые снегом трупы...»</p>

Продолжение таблицы

	<p>«...валялись убитые кони» [с. 36]. «Борис загрёб снегом лицо покойного и пьяно побежал вниз...» [1, с. 34].</p> <p>в) «Фейерверком выплескивалось в небо разноцветье ракет. А здесь всё стихло» [1, с. 9].</p> <p>г) «...повыгаскивали из траншеи и другие трупы, соорудили над ранеными козырёк из плащ-палаток...» [1, с. 9].</p> <p>д) Находясь в госпитале с достаточно лёгким ранением, Борис Костяев рефлексировал: «Выходит, он занимает чьё-то место, опять понапрасну жрёт чей-то хлеб, дышит чьим-то воздухом и так вот запросто живёт, тогда как настоящие люди сражаются в это время, умирают за него...» [1, с. 65]. Борис в сердцах говорит медсестре: «Так выбросьте меня...» [1, с. 65].</p>	<p>[2, с. 203]; «...валялись убитые кони и люди. Кюветы забиты бараклом, мясом и железом» [2, с. 258]; «Борис загрёб снегом лицо покойного с разъятой, разорванной пастью, забитой кроваво смёрзшейся кроткой, и пьяно побежал вниз...» [2, с. 252]</p> <p>в) Между двумя предложениями в поздней редакции появляется ещё одна фраза: «И чьи-то жизни ломало и уродовало в отдалении» [2, с. 201].</p> <p>г) «...повыгаскивали из траншеи и другие трупы, соорудили из них бруствер – защиту от ветра и снега, над ранеными натянули козырёк из плащ-палаток...» [2, с. 204]. Появляется уточнение, из чего именно делали бруствер: из немецких и русских солдат. Автор акцентирует внимание на обесценивании человеческой жизни в пространстве войны, на бытовом, безэмоциональном отношении солдат к такого рода вещам.</p> <p>д) В поздней редакции к словосочетанию «настоящие люди» добавляется ещё слово «<i>нужные</i>», которые сражаются «...за него и за Родину» [2, с. 308]. «Так выбросьте меня... на помойку» [2, с. 308], – говорит главный герой. Автор подчёркивает, что в абсурдном хронотопе войны «нужными» могут быть лишь люди действующие, а люди мыслящие – «лишние».</p>
<p>4 Оппозиция «свои – чужие» (немецкие и русские солдаты как жертвы чужой воли)</p>	<p>а) «Почему не застрелился раньше?.. И кто он такой, чтобы решать за людей – жить или умирать?» [1, с. 31] (О немецком генерале, не принявшем капитуляцию на день раньше и не предотвратившем бой с большими потерями)</p> <p>б) Уже в ранней редакции повести автор обращает внимание на то, что даже на войне есть место гуманности, состраданию без деления на своих и чужих: «...врач перевязывал раненых, не спрашивая и не глядя – свой это или чужой. И лежали раненые вповалку – и наши, и чужаки...» [1, с. 33].</p> <p>в) Эпизод в захваченном немецком штабе: старый немец оплакивает убитого генерала. «Она [переводчица] что-то говорила старенькому солдату по-немецки, но, судя по всему, слова не доходили до него...» [1, с. 29].</p>	<p>а) В. Астафьев размышляет о том, что на войне человек лишён даже права выбрать жизнь или смерть: «Почему он не застрелился раньше? <i>Человек свободен в выборе смерти. Может быть, только в этом и свободен...</i> И кто он такой, чтобы решать за людей – жить или умирать?» [2, с. 247].</p> <p>б) В эпизод о хате-госпитале добавлен фрагмент текста: «...В корыте смешалась и загустела брусничным киселём кровь раненых людей, своих и чужих. Вся она была красная, вся стекла из ран, из человеческих тел с болью» [2, с. 250–251]. Сразу после этих слов в текст вставлена патетическая цитата из песни сталинских времён («<i>Идём в крови и пламени, в пороховом дыму</i>» [2, с. 251]), усиливающая диссонанс между стереотипным восприятием войны и реальностью.</p> <p>в) Данная фраза разрастается до целого эпизода с репликами переводчицы и старого немецкого солдата, который в новом варианте повести, стирая слёзы, крутит ручку патефона, воспроизводящего любимую музыку генерала. Когда русский майор снимает ручку с пластинки, старик приходит в ярость: «<i>Вы не смеете... Любимая музыка генерала... Мёртвые не имеют защиты! Мёртвые взывают к милости!</i>...» [2, с. 243]. Равенство всех перед лицом смерти, снятие конфликта «свои – чужие» очевидно в значительно трансформированном фрагменте редакции 1989 года. Солдаты не видят смысла в войне. Тот же старый немец произносит: «<i>Да, да. Мой фюрер... чтоб он сдох!</i>» [2, с. 243], «<i>Есть ли в мире Господь?</i>» [2, с. 244]. Русский майор едва ли не сочувственно говорит о немецких солдатах, которые являются лишь заложниками чужих амбиций: «<i>Ме-</i></p>

Окончание таблицы

	<p>г) Импрессионистическая картина после боя: «...валялись убитые, кони и люди. Оружие, колёса, банки, кружки, фотокарточки, книжки, обрывки газет...» [1, с. 34].</p>	<p><i>шок железных крестов прислал фюрер погибающим солдатам. Вот они. Раздать не успели. О боже, есть ли предел человеческого безумия?!»</i> [2, с. 244].</p> <p>г) В новом варианте данный фрагмент расширяется: «...Многие трупы уже выкорчеваны из сугробов, разуты, раздеты. У совсем уж бедных мертвецов вывернуты карманы, оборванные вместе с цепочками, сдёрнуты с ниток нательные кресты...» [2, с. 252]. В. Астафьев изображает немецкого солдата, «замотанного в тряпки», с «котелком с чёрным конским копытом»: «Солдат совал под котелок горсточку сухого бурьяна, щепочки, отструженные от приклада винтовки, в надежде сварить еду, хлебнуть горячего – так они вместе и остыли, костерок и солдат...» [2, с. 252]. Совершенно неидеологично, сочувственно звучат мысли Бориса Костяева: «Вот сюда бы Гитлера приволочь полюбоваться на это кино» [2, с. 252].</p>
--	--	--

Таким образом, можно констатировать идейную трансформацию совокупности аспектов художественного мира повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» редакции 1989 г. в условиях новой социокультурной ситуации.

Литература

1. Астафьев, В. Пастух и пастушка / В. Астафьев. – Наш современник. – 1971. – № 8. – С. 3–70.
2. Астафьев, В. Пастух и пастушка / В. Астафьев // Так хочется жить / В. Астафьев. – М. : «Кн. Палата», 1996. – С. 194–318.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 29.03.2015

Сочетаемость интенсификаторов с оценочными лексемами в разных типах диалогического дискурса

А.Б. ЛИСОВА

Анализируются сочетаемостные характеристики языковых интенсификаторов в трех типах русскоязычного диалогического дискурса: научной дискуссии, политических дебатах и обыденно-разговорном диалоге. Установлена частотность комбинаций данных единиц с оценочными лексемами. Выявленные различия в функционировании интенсификаторов в сочетаниях с оценочными лексемами в трех типах диалогического дискурса свидетельствуют о дискурсивной обусловленности валентностных свойств исследуемых единиц.

Ключевые слова: интенсификаторы, сочетаемостные характеристики, научная дискуссия, политические дебаты, обыденно-разговорный диалог, общая оценка, интеллектуальная оценка, эмоциональная оценка.

The analysis of the features of compatibility of language intensifiers in three types of Russian dialogical discourse is given: scientific discussion, political debate and colloquial dialogue. The frequency of combinations of intensifiers with evaluative words is found out. The differences in the functioning of intensifiers in combination with evaluative words in three types of dialogical discourse are revealed in the analysis of the evidence the discursive conditionality of their compatibility properties.

Keywords: intensifiers, features of compatibility, scientific discussion, political debate, colloquial dialogue, general evaluation, intellectual evaluation, emotional evaluation.

Особенности функционирования языковых интенсификаторов привлекают внимание лингвистов уже на протяжении долгого времени, причем традиционно интерес ученых вызывают в первую очередь семантические и – реже – прагматические характеристики и функции интенсификаторов [1], [2], [3], [4], [5], [6]. Что же касается сочетаемостных свойств рассматриваемых единиц, то в существующих лингвистических исследованиях, посвященных категории интенсивности, данный аспект функционирования интенсификаторов редко становился предметом специального анализа. В качестве примера подобных исследований можно привести работы И.И. Убина [7] и Е. Кржижковой [8], в которых изучались общие сочетаемостные свойства интенсификаторов на уровне языка с целью выявления семантических различий, а также стилистических, оценочных или экспрессивных характеристик рассматриваемых единиц. В некоторых трудах валентностные характеристики интенсификаторов затрагиваются попутно при изучении других языковых явлений. Так, например, в работе Е.М. Вольф, в которой интенсификация рассматривается как одно из свойств оценочных предикатов или предикатов эмоционального состояния, анализируются сочетаемостные свойства интенсификаторов с указанными типами предикатов, а также связанные с ними ограничения (ср.: *очень любить* и *очень обожать** – *обожать* содержит смысл «предельная степень признака» и не допускает дальнейшего усиление [9, с. 45]).

В настоящей работе мы рассмотрим, во-первых, особенности диалогической реализации некоторых валентностных свойств языковых интенсификаторов (сочетаний с оценочными прилагательными и наречиями), во-вторых – их дискурсивную обусловленность (в качестве материала для исследования будут выступать тексты разных типов диалогического дискурса: научной дискуссии (далее – НД), политических дебатов (далее – ПД) и обыденно-разговорного диалога (далее – ОРД)¹). В современной лингвистике нет работ, посвященных ни роли дискурсивного фактора в реализации синтаксических свойств интенсификаторов, ни их особенностям в диалогической речи, что определяет актуальность настоящего исследования.

---

¹ Материалом для анализа послужили содержащие интенсификаторы реплики, отобранные из стенограмм русскоязычных научных дискуссий и политических дебатов. Функционирование интенсификаторов в обыденно-разговорном дискурсе анализируется на материале диалогических контекстов из современного художественного дискурса, в котором, как известно, моделируется непринужденная живая разговорная речь. Всего проанализировано около 1500 реплик.

Цель настоящей работы состоит в определении сочетаемостных свойств интенсификаторов в трех типах диалогического дискурса: научном, политическом и обыденно-разговорном. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) установить частотность комбинаций «интенсификатор + оценочная лексема» в НД, ПД и ОРД; 2) определить наиболее употребительные оценочные значения в сочетаниях с единицами интенсифицирующего характера в каждом из рассматриваемых типов дискурса; 3) выявить дискурсивную специфику реализации валентностных свойств интенсификаторов в трех типах диалогического дискурса.

Языковые интенсификаторы употребляются в диалогической речи в сочетании с различными единицами: оценочными лексемами, лексемами, выражающими разнообразные эпистемические состояния, модальные отношения, эмоциональные состояния, психологические и физические черты человека, свойства предметов и явлений и другие значения. Чаще всего во всех трех типах диалогического дискурса на русском языке интенсификаторы употребляются в комбинациях с единицами оценочного характера: употребительность подобных сочетаний составляет 67,4 % в НД, 64,6 % – в ПД и 57 % – в ОРД, что свидетельствует о важности такой функции интенсификаторов, как усиление либо смягчение оценки.

Анализ материала показывает, что сочетаемость интенсификаторов с единицами, фиксирующими то или иное оценочное значение, существенно варьируется в зависимости от типа диалогического дискурса. Преобладание определенных оценочных значений в сочетании с интенсификаторами представляется весьма закономерным, принимая во внимание те аспекты и стороны человеческой деятельности, которые выдвигаются на первый план в различных коммуникативных сферах.

Говоря о наиболее существенных особенностях сочетаемости интенсификаторов с оценочными прилагательными и наречиями в ОРД, представляющем личностно-ориентированный дискурс, необходимо отметить высокую употребительность сочетаний с единицами общеоценочного характера (14,5 %), причем зачастую экспрессивными и/или стилистически маркированными (*хороший, замечательный, чудесный, плохой, поганый* и т. п.): *У нас здесь **очень** хорошо* (В. Токарева «Перелом»). К высокочастотным в ОРД относятся также сочетания интенсификаторов с прилагательными и наречиями (в том числе предикативными), обозначающими эмоциональную оценку (11,5 %). Выразителями эмоциональной оценки в данном типе диалога служат лексемы (*не*)приятный, симпатичный, милый, омерзительный, противный, страшный, смешной, обидно и т. п.: *Как приятно видеть любящих супругов* (В. Токарева «Птица счастья»). Характерными для ОРД являются сочетания интенсификаторов с оценочными единицами прагматического характера (7,6 %): вредный, (не)удачно, удобно, опасный, дорогой, дешевый, легко, нелегкий, сложно и т. п.: *Вас **очень** легко обвести вокруг пальца* (В. Токарева «Лошади с крыльями»). Относительно высокочастотными являются и комбинации «интенсификатор + эстетическая оценка» (6,9 %). В данном типе диалога соответствие эстетическим идеалам выражается сочетаниями интенсификаторов с такими лексемами, как красивый, хорошенький, страшный и т. п.: *Она **такая** красивая была, вся развевалась* (Л. Петрушевская «Три девушки в голубом»). Помимо указанных к весьма употребительным относятся и комбинации интенсификаторов с единицами, выражающими интеллектуальную оценку (5,4 % – хотя и менее востребованные в сравнении с аналогичными в НД и ПД), такими как интересный, глупо, дурацкий и т. п.: *Между прочим, это **очень** интересное занятие* (В. Токарева «Пять фигур на постаменте»). Выявленный набор наиболее частотных оценочных значений в сочетаниях с интенсификаторами в ОРД отражает особенности данного типа диалогического дискурса, связанные в первую очередь с тематической спецификой (объектом оценки в рассматриваемом типе диалога чаще всего становятся люди, их физические или моральные качества, черты характера, а также отношения между людьми), а также акцентированной эмоциональностью взаимодействия в данной коммуникативной сфере.

В ПД лидирующую позицию занимают комбинации интенсификаторов с прилагательными и наречиями, выражающими нормативную оценку (15,5 %), типа правильный, прав, верный, ложный, обычный, нормальный, точный, странно, реальный и т. п.: *Это **очень** пра-*

вильный тезис, когда за такими вещами пытаются скрыть пустоту. Указанным сочетаниям несколько уступают по употребительности комбинации «интенсификатор + прагматическая оценка» (*опасный, рискованный, полезный, бесполезный, вредный, бессмысленный, эффективный, успешный, выгодный, дорого, удобно, легко, сложный, трудно, тяжелый, и т. п.* – 11,7 %): *Так вот, сегодня, когда мы поднимаем вопрос межнациональный, это **очень** опасно.* Кроме того, к высокочастотным в ПД относятся случаи использования интенсификаторов в сочетании с единицами, выражающими важность чего-либо (9 %) типа *важный, главный, серьезный, (не)популярный, ничтожный* и т. п.: *Вот профессиональная пригодность была для меня **очень** важна;* интеллектуальную оценку (7,1 %), например *интересный, логичный, любопытный, очевидно, ясно, карикатурный, четкий* и т. п.: *Я считаю, что **очень** интересные вопросы были заданы с двух сторон, но мне наиболее понравился вопрос Владимира Семеновича Овчинского;* а также общую оценку (*хороший, здорово, прекрасно, плохой* – 6,3 %): *Спасибо, **очень** хороший вопрос!* Интересно отметить и весьма употребительные в ПД сочетания с единицами, выражающими эмоциональную оценку (6 %), такими как *(не)приятно, чудовищный, пугающий, страшный, тревожный, печальный, обидный, веселый* и т. п.: *Валерия Ильинична сказала Вам вещь, которая на самом деле мне **очень** неприятна, но она справедлива.* Подобная конфигурация самых употребительных комбинаций интенсификаторов с оценочными лексемами в ПД определяется фундаментальными характеристиками данного типа диалогического дискурса. Так, ключевая позиция сочетаний «интенсификатор + нормативная оценка», как нам представляется, соотносится с регулятивной функцией, признаваемой ведущей в политическом дискурсе [10, с. 47] и обуславливающей необходимость выражения согласия или несогласия с тезисами собеседников в рамках рассматриваемого типа диалога. Высокая употребительность таких сочетаний, как «интенсификатор + прагматическая оценка» или «интенсификатор + важность чего-либо» определяется, на наш взгляд, спецификой содержания диалога: как известно, в рамках ПД обсуждаются преимущественно актуальные общественно значимые проблемы.

Несколько иная картина наблюдается в НД, где центральную роль в сочетаниях с интенсификаторами играет интеллектуальная оценка (14,3 %), реализуемая с помощью таких лексем, как *рациональный, иррациональный, логично, яркий, (не)понятный, очевидный, четкий, запутанный, интересный, любопытный, забавный, и т. п.*: *Грамотность – это не просто святая ценность культуры, грамотность – вещь **вполне** рациональная.* Также в данном типе диалога весьма распространенным является комбинирование интенсификаторов с единицами, выражающими нормативную оценку (11,6 %), такими как *правильный, прав, верный, ошибочный, (не)корректный, спорный, точный, нормальный, обычный, странный* и т. п.: ***Очень** правильным был вопрос Николая Добронравина: что заменит триаду?* Кроме того, для НД характерна высокая частотность сочетаний интенсификаторов с прилагательными и наречиями, описывающими важность чего-либо (*важный / важно, существенный, главный, серьезный, солидный, особый, характерный* и т. п. – 11,4 %): *Процедуры проведения конкурсов, безусловно, также **очень** важны;* а также степень сходства чего-либо (*другой, разный, разнородный, иной, далекий, близкий, противоположный* и т. п. – 10 %): *Сейчас **совсем** другие представления о богатстве государства.* К весьма частотным относятся также комбинации интенсификаторов и единиц с общеоценочным значением (*хорошо, прекрасно, здорово, неплохо, плохо, негативный, отрицательный* и т. п. – 8,2 %): *Можно, например, инвестировать в экономику этой территории и жить **совсем** неплохо.* Следует отметить и сочетания «интенсификатор + прагматическая оценка» (7,3 %), уступающие в употребительности аналогичным в ПД, однако весьма частотные в данном типе диалога (*вредный, полезный, опасный, успешный, (не)эффективный, бессмысленно, (не)удачно, удобно, дешевый, трудный, легко* и т. п.): *Чубайс как-то раз попытался – **не очень**, на мой взгляд, удачно, сформулировать тезис «либеральная империя».* Очевидно, что доминирование указанных сочетаний определяется важнейшими характеристиками научного дискурса. Так, эвристичность данной коммуникативной сферы, ориентированность на совместный поиск истины обуславливают подчеркнuto интеллектуальный характер протекания научного диалога и, следовательно, первостепенность интенсификации интеллектуальной оценки. Полемичность НД и возникающая в связи с ней необходимость выражения истинностной оценки определяют

востребованность сочетаний «интенсификатор + нормативная оценка», в то время как потребность фиксации результатов исследований приводит к высокой частотности сочетаний с единицами, выражающими важность чего-либо.

Таблица – Типы оценок, доминирующие в сочетаниях с интенсификаторами в ОРД, ПД и НД

ОРД	ПД	НД
общая	нормативная	интеллектуальная
эмоциональная	прагматическая	нормативная
эстетическая	важность чего-либо	важность чего-либо
интеллектуальная	интеллектуальная	степень схождения
прагматическая	общая	общая
	эмоциональная	прагматическая

Сочетаемость интенсификаторов и лексем с определенным оценочным смыслом (см. данные таблицы) демонстрирует, во-первых, различие всех трех рассматриваемых типов диалогического дискурса, проявляющееся в том, что первую позицию по частотности в них занимают комбинации интенсификаторов с разными типами оценок. Во-вторых, выявленные сочетаемостные свойства интенсификаторов указывают на противопоставленность институциональных научного и политического типов диалога обыденно-разговорному, о чем свидетельствуют высокая употребительность сочетаний интенсификаторов и лексем со значением нормативной оценки или важности чего-либо в НД и ПД и их нерелевантность для ОРД. При этом в ОРД большой значимостью обладают комбинации «интенсификатор + эмоциональная оценка» или «интенсификатор + эстетическая оценка», менее или мало востребованные в политическом и научном типах диалога.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что сочетаемостные свойства интенсификаторов с оценочными лексемами обнаруживают существенную зависимость от характеристик дискурсивной сферы, в рамках которой они функционируют.

Литература

1. Безрукова, В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.В. Безрукова. – Воронеж, 2004. – 23 с.
2. Беручашвили, И.Г. Системные и речевые интенсификаторы в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.Г. Беручашвили. – Тбилиси, 1986. – 21 с.
3. Карповская, Н.В. Категория интенсивности атрибутивного признака в испанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н.В. Карповская. – Воронеж, 1998. – 19 с.
4. Полянский, А.Н. Категория интенсивности признака в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Н. Полянский ; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1978. – 16 с.
5. Туранский, И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И.И. Туранский ; Академия наук СССР Ленинградское отделение института языкознания. – Ленинград, 1991. – 41 с.
6. Шейгал, Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.И. Шейгал ; МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1981. – 26 с.
7. Убин, И.И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / И.И. Убин ; МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1974. – 33 с.
8. Кржижкова, Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) / Е. Кржижкова // Синтаксис и норма : сб. ст. / Отв. ред. Г.А. Золотова. – М. : Изд-во «Наука», 1974. – С. 122–144.
9. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
10. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 л.

Мастацкае ўвасабленне гісторыі ў творчасці пісьменнікаў 1920–1950-х гг.

Г.В. НАВАСЕЛЬЦАВА

Пісьменнікі 1920-х гадоў акцэнтавалі сацыяльную недасканаласць мінулага. У творах 1930-х гадоў гісторыя выяўлялася як рух да лепшага жыцця, у кантрастах мінулага і сучаснасці. Маральным імператывам прозы часу Вялікай Айчыннай вайны стала артыкуляцыя гераічнага пачатку ў народным характары. У пасляваеннае дзесяцігоддзе тэма мінулага раскрывалася найперш праз вобразы выдатных дзеячаў культуры.

Ключавыя словы: гістарычны факт, аўтарскі вымысел, літаратурны працэс 1920–1950-х гг., гістарычная проза.

The writers of the 1920 emphasized the social inferiority of the past. In the works of the 1930, the story was manifested as a movement for a better life, in contrast to the past and present. The moral imperative of the prose since the Great Patriotic War was the articulation of a heroic start in the national character. In the decade after the war the theme of the past was disclosed primarily through images of prominent cultural figures.

Keywords: historical fact, author's fiction, literary process in 1920-1950, historical fiction.

Уводзіны. З 1920-х гг. беларуская проза пачала развівацца ў прынцыпова новых сацыяльна-культурных умовах. У творчасці пераважнай большасці беларускіх пісьменнікаў 1920–1950-х гг. інакш расстаўляліся акцэнты ў трактоўцы суадносін трох часавых пластоў: мінулага, сучаснасці, будучыні. Значнымі прызнаваліся сучаснасць і будучыня, а мінулае паўставала вартым таго, каб пра яго забылі або згадвалі ў якасці негатыўнага плана для параўнання з сучаснасцю. Нярэдка пісьменнікі 1920-х гадоў адлюстраванне сучаснасці суправаджалі экскурсамі ў адносна недалёкае мінулае, каб падкрэсліць адвечнае імкненне чалавека да сацыяльнай справядлівасці. Так, у рамане Міхася Зарэцкага «Сцежкі-дарожкі» (1927) асвятлялася жыццё людзей у першыя два дзесяцігоддзі ХХ ст. Пры гэтым перадавалася складаная грамадска-сацыяльная палітра пачатку мінулага стагоддзя (дзеясць народнікаў, анархістаў, бальшавікоў, рэвалюцыйны рух, грамадзянская вайна). Хоць беларускія пісьменнікі 1920-х гг. перш за ўсё імкнуліся ўвасобіць сваю сучаснасць, аднак некаторыя аўтары звярталіся да паказу падзей і знакамітых асоб мінулага.

Асноўная частка. У 1926 г. выйшаў у свет зборнік «Досвіткі» М. Гарэцкага. Ён уключаў творы пра мінулае, знаёміў з бытам і характарамі беларусаў параўнальна нядаўняга часу. Асноўнымі матывамі ў зборніку сталі сацыяльныя: пакутніцкі лёс сялянства, панская беспакаранасць (апавяданні «Панская сучка», «Трасца», «Смачны заяц», «Страшная музыкава песня», «Скарб», «Сасна», «У панскай кухні», «Руіны», «Багатая пчэльня»). Побыт і сфарміраваныя ім характары асэнсоўваліся таксама ў апавяданнях «Дванаццацігоднікі» (1921) Змітрака Бядулі, «Рамеа і Джульета на Беларусі» (1923) Янкі Нёманскага.

Мастацкую рэканструкцыю мінулага ўяўляюць сабой невялікія апавяданні Максіма Гарэцкага «Бітва на Уле», «Уцёкі Сярэбранага» (абодва 1921), дзе ішла размова пра Лівонскую вайну. Час дзеяння ў творах – 1564 г., калі «вайна з Маскоўшчынай ушапілася з новаю сілаю» [1, с. 217]. Гарэцкі з выкарыстаннем гістарычных фактаў апавядаў пра войскі абодвух бакоў, пералічваў асноўных военачальнікаў, раскрываў стратэгію і тактыку вайсковых дзеянняў, прасочваў падрыхтоўку беларускіх войскаў да бітвы на рацэ Ула: «І калі Сярэбраны стаяў абозам за дзеве мілі ад Воршы, на рацэ Крапіўне, а Шуйскі быў пад Чашнікамі, у сяле Іванскім, вялікі гэтман з Грыгорам Ходкевічам, стольнікам Іванам Ходкевічам, з князямі: Богданам Саламерацкім, Раманам Сангушкаю, Багушом Карэцкім і іншымі надумаўся і шыбка зрыхтаваўся» [1, с. 218]. Пры асэнсаванні падзей XVII–XVIII стст. пісьменнік найперш абапіраўся на гістарычны матэрыял.

Выдатная асоба перыяду Адраджэння знаходзілася ў цэнтры аповесці «Францішак Скарына» (1926) Сымона Хурсіка. Падзеі твора адбываюцца ў Вільні 1530 г. С. Хурсік асвятляў драматычны момант у жыцці асветніка, калі ў Вільні згарэла друкарня Скарыны. Для пісьменніка важна было не ўзнавіць вузлавя моманты біяграфіі асветніка, а стварыць псіхалагічны партрэт чалавека эпохі Адраджэння. Гуманізм пададзены С. Хурсікам

вызначальнай рысай характару беларускага асветніка. Францыск Скарына ставіць Бога побач з чалавекам, дазваляе сабе сумнявацца ў справядлівасці ўстаноўленага Богам светарадкі, калі гарыць плён працы друкара: «І Бог на гэта спакойна пазірае?.. Чаму яго праўда гэтак далёка ад нас?... А мо' яе і зусім няма, мо' наўкол, усюды толькі пустэча?..»

Чалавек, камень, дрэва... ну якая розніца паміж імі?.. Чаму чалавек памірае, чаму яго чэрві ядуць таксама, як і каня здохлага, сабаку?..

Божа, Божа!.. Прабач мне!.. Хаця адкуль і што я ведаю?..» [2, с. 27].

На пажарышчы дома Якуба Бабіча Скарына ў распачы таксама асмельваецца папракаць Бога: «О, Божа!! – ізноў паўтарыў ён не сваім голасам, – ты вар'ят, Бог!. Ты – няправы!.. Што ты скажаш людзям на сваім страшным судзе? А я ў цябе спытаю!!!» [2, с. 40]. Беларускі першадрукар у пісьменніцкай інтэрпрэтацыі – «вялікі палачанін», «бакалаўр філэзофіі», «доктар лекарскіх навук», чыё імя вядома ўсяму вучонаму захаду, хто «адмовіўся ад пыху і блеску каралеўскіх двароў абы толькі працаваць на карысць свайго народу» [2, с. 13]. Сюжэтай лініяй С. Хурсік падкрэсліваў, што працаваць асветніку даводзілася ў псіхалагічна складаных умовах: ён пастаянна зносіў папрокі з-за змены імені і веры, многія «паспалітыя людзі» бачылі ў першадрукару д'ябла. Па нагаворы польскага пана царкоўны стараста Грыгор падпаліў друкарню Скарыны, у выніку згарэла вялікая частка Вільні. Калі Скарына даведаўся пра падпальшчыка, то з горыччу заўважыў: « – Бедны мой люду! – сказаў ён, схапіўшыся рукою за грудзі і гледзячы на Данілу, – сам ты сябе губіш, у няволю прадаеш» [2, с. 43].

«Францішак Скарына» – аповесць пра чалавека, які прагне палепшыць свет, ненавідзіць прыгнёт ва ўсіх яго формах, клапаціцца пра бедны люд: «Кожная новая кніжачка – крок для самазабароны, вялікі крок да перамогі беларуса-бедняка над сваімі ворагамі» [2, с. 14]. Скарына, паводле С. Хурсіка, – чалавек, здольны прадбачыць будучыню. Ён пераканана гаворыць маладому работніку Данілу, што палякі прагнуць царкоўнай уніі, каб канчаткова заняволіць беларусаў: «Гэтай няволі радуецца нашы багатыры, паны, бо польскае панаванне нясе з сабой няволю толькі для сялянства, яно нясе з сабою паншчыну, яно заставіць яго на сябе дарэмна працаваць» [2, с. 15]. Францішак Скарына марыць палепшыць свет з дапамогай асветы, таму выдае кнігі не на царкоўнаславянскай, а на сучаснай яму мове, і спасылаецца пры гэтым на друкароў заходняй Еўропы, якія адмовіліся ад выдання кніг на латыні. Святары каталіцкай і праваслаўнай царквы ў творы паказаны ідэйнымі апанентамі Скарыны. Так, ігумен Анісім адмаўляецца дапамагаць у выданні кніг, бо не ведае, чым будуць займацца тады яго манахі-перапісчыкі. Анісім упэўнены, што асвета патрэбна толькі багатым, просты ж люд яна разбэшчвае, а друкаваныя кнігі прыводзяць да памнажэння ерасі.

Аповесць пачыналася са згадвання пра магчымы багаты ўраджай: «Шмат гадоў прайшло з таго часу, як бачылі беларускія палеткі такую магутную ды дзівосна-пульхную зеляніну. Зялёныя лугі, бясконцыя, бы мора, усміхаліся кветкамі, ззялі мітульгой разнастайнай... Жыты, як хмары ў небе, вайдаваліся, плылі. Радасць людзей была бямежнаю: усе чакалі багатага жніва, вялікага ўраджаю» [2, с. 11]. Пейзажны малюнак метафарычны па сваім характары, бо распчатая Скарынам кнігавыдавецкая справа магла даць добры плён суайчыннікам, але гэтага не здарылася па віне нядобрабычліўцаў.

Пісьменнік асучасніў вобраз Скарыны і яго памочніка – маладога рабочага друкарні Данілы. Працоўны чалавек паказваўся больш спрактыкаваным у жыццёвай мудрасці за доктара лекарскіх навук і перакладчыка Бібліі. Твор Хурсіка – адна з першых спроб адлюстраваць дзейнасць беларускага першадрукара, магчыма, таму ў ёй сустракаецца шэраг недакладнасцей: ва ўспамінах Скарыны згадваецца друкаванне ім кніг у Кракаве, работнікаў друкарні аўтар аповесці называе супрацоўнікамі, пра сябе Скарына гаворыць: «...А цяпер я і тут кірую (курсіў – Г.Н.) друкарняй...» [2, с. 21]. Інтэрпрэтацыя гісторыі ў аповесці С. Хурсіка была па-свойму палемічнай у адносінах да афіцыйнай трактоўкі, бо пісьменнік сцвярджаў, што ў мінулым беларусы мелі высокаадукаваных людзей, вядомых усяму свету.

Другая лінія, якая стала развівацца з 1920-х гадоў у інтэрпрэтацыі гісторыі, – акцэнтацыя сацыяльных супярэчнасцей у мастацкім увасабленні мінулага. Яна своеасабліва прасочваецца ў аповесці Змітрака Бядулі «Салавей» (1927). Падзеі гэтага твора адбываюцца ў часы прыгону, цэнтральная ў творы тэма народных талентаў у надзвычай цяжкіх сацыяльных умовах. Яшчэ «ўзвышаўская» крытыка адзначыла: «Тутака Бядуля выкарыстаў гістарычны сюжэт з часоў прыгону для «пераапанання» сучасных яму падзеяў: у эпізодах зь гісторыі прыгоннага

тэатру «пераапраналася» зьмена дачынення бальшавікоў да беларускага тэатру, мастацтва й нацыянальнага развіцця наагул» [3, с. 175]. Цяжка не пагадзіцца з меркаваннем В.А. Каваленкі, што развіццё сюжэта твора не мае дакладнай сацыяльна-бытавой канкрэтнасці і вырашаецца ў асноўным у духу ўмоўна-рамантычнай літаратуры [4]. Сапраўды, рэаліі часоў прыгоннага права ў аповесці храналагічна невыразныя. Аўтарскае бачанне мастака і мастацтва, стану беларускай культуры ў прыгонны час выклікала асацыяцыі з неадназначнай грамадска-культурнай сітуацыяй перыяду напісання твора.

Пісьменнікамі 1930-х гг. гісторыя ўспрымалася як рух да лепшага ў сацыяльным плане жыцця. Кантрасны паказ мінулага і сучаснасці стаў характэрнай рысай сацыяльна-бытавога рамана, дзе звычайна адсутнічалі гістарычныя асобы, але згадваліся значныя гістарычныя падзеі пачатку ХХ стагоддзя: руска-японская вайна, першая руская рэвалюцыя, сталыпінская рэформа, Першая сусветная вайна, падзеі 1917 г. і грамадзянская вайна. Гэта раманы «Драпежнікі» (1928–1930) Янкі Нёманскага, «Бацькаўшчына» (1931) Кузьмы Чорнага, «Праз гады» (1934) Платона Галавача. Там сюжэтная лінія выбіралася з мэтай паказаць шлях чалавека да светлай будучыні, прасачыць развіццё сацыяльнай свядомасці асобы пад уплывам гістарычных абставін.

Адлюстраванне сацыяльных супярэчнасцей – дамінантная лінія ў аповесці «Арцыбіскуп і смерд» (1931) Юркі Віцьбіча, твора пра падзеі ХVІІ ст. Супрацьстаянне прыхільнікаў Брэсцкай царкоўнай уніі і тых, хто яе адмаўляў, трактавалася як канфлікт улады і народа, багаццяў і беднага люду. Язафат Кунцэвіч у аповесці гіне ад рук свайго слугі Янкі, які ненавідзіць прыгнёт. Паводле пісьменніка, расправу народа над Кунцэвічам паскорыў выхад «Трэнаса» Мялеція Сматрыцкага, а прыняцце ўніі справакавала рост сялянскіх і казацкіх выступленняў. Віцьбіч вуснамі людзей з народа ўхваляў атамана Налівайку і супрацьпастаўляў яму як саюзніка феодалаў атамана Сагайдачнага. Для ўзмацнення гістарычнага каларыту ў тэкст твора ўводзіліся беларускія і украінскія народныя песні.

Гісторыя Бацькаўшчыны праз гісторыю асобнай сям'і адлюстроўвалася ў творах М. Гарэцкага «Віленскія камунары» (1931–1932, надрукаваны ў 1963) і «Камароўская хроніка» (1930–1932, 1937, надрукавана ў 1968). Гістарычныя падзеі тут асвятляліся праз успрыманне так званага «маленькага чалавека», таму вялікая ўвага надавалася апісанню быту як праявы быцця.

Падзеі Вялікай Айчыннай вайны прымусілі пісьменнікаў і грамадства перагледзець сваё стаўленне да мінулага. Маральным імператывам слоўнага мастацтва стаў паказ гісторыі, каб з большай пераканаўчасцю падкрэсліць подзвіг народа ў часы вайны. Годнае мінулае ў грамадскай свядомасці пачало ўсведамляцца запарукай перамогі над ворагам. У канцы Вялікай Айчыннай вайны пачаў працу над раманам «На шляху з варагаў у грэкі» (паводле ўскосных звестак, пісьменнік рабіў гэта ў 1944–1945 гг., урыўкі з твора апублікаваны ў 1981 г.) рэпрэсаваны Язэп Дыла, дзе імкнуўся перадаць самабытнасць дахрысціянскай культуры беларусаў. У рамане не апісваюцца значныя гістарычныя падзеі, галоўны герой твора – малады гандляр ІХ ст. Страцім, дрыгавічанін з Бярозы-ракі, што наведвае Смаленск, Полацк, Царград, вывучае побыт і звычаі іншых народаў, захапляецца высокай культурай грэкаў-рамеяў. Страцім не лічыць ганебным пераймаць вопыт рамеяў у розных рамёствах, ухваляе іх за розум, уменне падтрымліваць адзін аднаго ў цяжкіх абставінах. Гэта дальнабачны чалавек, які шмат у чым апярэджвае сваіх сучаснікаў, ён хоча аб'яднаць суайчыннікаў, каб супольна знаёміць вялікі свет са сваёй зямлёй: «Але што перашкаджае і іншым нашым купцам з Кываго граду, Турава, Смаленска і Полацака супольна сабірацца і ездзіць да грэкаў без варагаў. <...> У сваіх думках Страцім ужо штогод ездзіў у Царград. Перад яго вачыма паўставалі абрысы караванаў, якія з Падняпроўя ішлі па мору да грэкаў» [5, с. 75].

Незакончана засталася аповесць Язэпа Дылы «У імя дзяцей (Настася Мякота)» (час надрукавання – 1968). Па слушнай заўвазе С.С. Лаўшука, сюжэт гэтага твора «заснаваны на сінтэзе канкрэтна-гістарычнай факталогіі і фальклорнай, вуснапаэтычнай памяці пра мінулае» [6, с. 5]. Пісьменнік расказаў у ёй пра татара-мангольскае нашэсце на беларускія землі, згадаў пра страшнае разрабаванне татарамі Кіева, пра няўдалую для іх аблогу Слуцка. У тэкст твора ўключаліся стылізаваныя пад летапіс цытаты кшталту: «Прослышав же, яко княжества Случеское и Туровское богачеством славны суть, преидоша Днепр и обложиша грады Случеск и Туров, зане боронишася зело мужи и жены градов сих» [5, с. 77]. Язэп Дыла шырока

выкарыстоўваў этнаграфічна-бытавы матэрыял, падрабязна апісваў зброю татар і жыхароў Слуцка, абарончыя збудаванні горада, штурм дзядзінца. Мужнасць і нязломнасць абаронцаў ён увасобіў у вобразе Настассі Мякоты – адной з многіх жанчын, гатовых стаць «побач з мужам і братам, каб не паддацца лютаму ворагу!.. Бо лепей смерць, чым здзек і няволя!» [5, с. 95].

Барыс Мікуліч у 1945–1947 гг. працаваў над аповесцю «Адвечнае» (1945–1947 гг. напісання, надрукаваны твор у 1972 г.). Там паказана Айчынная вайна 1812 г. Падзеі яе і Вялікай Айчыннай вайны ў «Адвечным» асацыятыўна супастаўляліся. Лейтматыўным у творы стаў вобраз волі, нацыянальнай і асобаснай. Імкненне да волі – рухавік учынкаў Казіміра Руткоўскага, беглага прыгоннага, манаха, а пасля багатага гандляра. Казімір спачатку ўпэўнены, што толькі тры галіны дзейнасці даюць поўную свабоду чалавеку: рэлігія, мастацтва, гандаль. Ён паспеў пабыць манахам, гандляром, сабраў каштоўныя калекцыі розных твораў мастацтва і пераканаўся ў памылковасці сваіх першапачатковых уяўленняў. Руткоўскі выкупіў з прыгону і зрабіў свабодным Платона Назарчука, таленавітага мастака-разбярэ, які спрабаваў мастацкімі сродкамі развіваць імкненне людзей да свабоды. Гэта сімвалічна ўвасоблена ў няскончаным творы Платона: па лесвіцы ўздымаецца многа людзей, а на версе стаіць прыгожая жанчына. Людзі імкнуцца дайсці да яе, але ніяк не дойдучь: «І ўсё гэта адвечнае імкненне да волі, за якую пакутуюць, за якую гінуць...» [7, с. 129]. У адрозненне ад Казіміра, які прагне найперш волі для сябе, Платон хоча бачыць вольнымі свой народ і сваю зямлю. Падчас вайны Платон узяў у рукі зброю, каб вызваліць ад чужынцаў родны край і пагеройску загінуў. Аўтарская трактоўка падзей, расстаноўкі сіл падчас вайны 1812 г. была сацыялагізавана спрощанай: спаланізаванае панства паказвалася прыхільнікамі Напалеона, а прыгонныя сяляне – шчырымі патрыётамі і абаронцамі роднай зямлі. Творы Я. Дылы і Б. Мікуліча аб'ядноўвалі адны ідэі: народ творыць гісторыю і народ прагне быць вольным.

У беларускай літаратуры 1950-х гг. асэнсаванне мінулага цесна звязвалася з паказам нацыянальна-вызваленчай барацьбы, дамінавала акцэнтацыя сацыяльных матываў. Так, у цэнтры «Аповесці пра яснага Стахора» (1956) Міколы Садковіча знаходзілася казацка-сялянскае паўстанне пад кіраўніцтвам Севярына Налівайкі. Галоўны герой твора Стахор, або проста Стах, сын Савы Мітковіча, – фізічна і духоўна моцная асоба. Для ўзвелічэння героя, што змагаецца за праўду і сацыяльнае разняволенне людзей на пачатку XVII ст., аўтар выкарыстаў прыём стылізацыі пад летапіс. Манах Інакенцій распавядае пра мінулае, падкрэслівае выключнасць народнага абаронцы ад самага нараджэння. Стах быў равеснікам сына Івана Жахлівага Дзмітрыя; па сюжэце твора нават сустракаўся з ім ва Углічы, куды Стахор трапіў разам з бацькам, які ратаваў сваё жыццё пасля расправы над жорсткім панам Уладзіславам. Блізкія да царскага двара людзі хацелі замяніць Стахора на памерлага царэвіча Дзмітрыя. Пасля падаўлення казацкага руху Налівайкі Стахор змог падняць народ, узначаліў паўстанне ў Магілёве і амаль на чатыры гады фактычна ператварыў горад у рэспубліку. Стах Мітковіч – рэальная гістарычная асоба – у аповесці паэтызаваўся як мужны змагар за народную волю.

Некаторыя прэзаікі імкнуліся ўзнавіць паасобныя моманты з жыцця вядомых дзеячаў культуры. Так, Барыс Мікуліч у 1947 г. на аснове ўспамінаў Змітрака Бядулі напісаў аповесць «Развітанне» пра Максіма Багдановіча. У творы ўваскараліся рэаліі перыяду Першай сусветнай вайны, калі Мінск стаў прыфрантавым горадам, а смяротна хворы Багдановіч шэсць месяцаў правёў на радзіме. Б. Мікуліч адмовіўся ад традыцыйнай трактоўкі асобы знакамітага творцы як Максіма-кніжніка. Яго галоўны герой – чалавек, што любіць блукаць па горадзе, назіраць за людзьмі і прыродай, каб больш даведацца пра Беларусь. Максім прадчувае свой блізкі зыход з жыцця, але спадзяецца на шчаслівае будучае народа. Пісьменнік асучасніў класіка, зрабіў яго прыхільнікам бальшавіцкіх ідэй.

Мікола Садковіч сумесна з Яўгенам Львовым напрыканцы Вялікай Айчыннай вайны пачалі працу над раманам «Георгій Скарына» (1951). Сюжэтаўтваральным элементам у творы стала біяграфія Францыска Скарыны: аўтары паказалі гады юнацтва асветніка ў Полацку, падарожжа ў Кракаў і вучобу ў Кракаўскім універсітэце, уплыў прафесара Глагоўскага і Мікалая Каперніка на фарміраванне светапогляду Скарыны, жыццё ў Італіі і Празе, узаемаадносіны з гусітамі, прыхільнікамі Марціна Лютэра, друкарскую дзейнасць у Празе і Вільні. Твор нельга назваць белетрызаванай біяграфіяй, бо аўтары рамана спрабавалі перадаць дух гістарычнага часу, адлюстроўвалі асветніка на фоне эпохі (нацыянальна-вызваленчая барацьба на тэрыторыі ў ВКЛ,

мяцеж Міхайлы Глінскага, процістаянне праваслаўя і каталіцызму, дзейнасць праваслаўных брацтваў). Асоба Скарыны ідэалізавалася. Францыск Скарына, які паслядоўна на працягу рамана называецца Георгіем, прадставаў увасабленнем мудрасці, адданага служэння роднаму краю, неадольнай прагі да пашырэння асветы як сродку паляпшэння жыцця простага люду.

У 1956 г. выйшла ў свет аповесць Зінаіды Бандарынай «Ой, рана на Івана» пра дзіцячыя і юнацкія гады Янкі Купалы. Твор грунтаваўся на выкарыстанні біяграфічных фактаў, сацыялагічных схем і рамантычнай трактоўкі лёсу выдатнага пісьменніка. З. Бандарына дастаткова падрабязна расказвала пра пакутніцкі лёс сям'і Луцэвічаў як тыповых прадстаўнікоў малаземельных беларусаў канца XIX – пачатку XX ст., пра бытавыя выпрабаванні, што загартавалі характар Янкі Купалы. Пісьменніца падкрэсліла ўздзеянне падзей 1905 г. на станаўленне грамадзянскай і мастакоўскай пазіцыі маладога паэта. 1905 г. Бандарына, у адпаведнасці з агульнапрынятымі тады ідэалагічнымі ўяўленнямі, паказала як «год вялікай, магутнай навалы», у час якой «Янка лавіў кожны рэвалюцыйны водгук» [8, с. 158], а таму напісаў верш «Мужык», што ўбачыў свет на старонках газеты «Северо-Западный край» 15 мая таго ж года. Разам з тым З. Бандарына звярнула ўвагу на Купалава сяброўства з Уладзімірам Самойлам (пра гэту асобу не часта згадвалі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе – Г.Н.), якое спрыяла станаўленню маладога таленту.

Заклучэнне. Спецыфіка ўвасаблення гісторыі ў 1920–1950-х гг. прадвызначалася наступствамі рэвалюцый 1917 г. і грамадзянскай вайны, распаўсюджаным у грамадстве меркаваннем, што мінулае ў аксіялагічным плане для грамадства менш значнае за сучаснасць і будучыню. Гэта скіравала ўвагу празаікаў найперш на адлюстраванне сацыяльных канфліктаў. Пісьменнікі стварылі мастацкія біяграфіі вядомых культурна-гістарычных дзеячаў (апавесці «Францішак Скарына» С. Хурсіка, «Развітанне» Б. Мікуліча пра Максіма Багдановіча, раман «Георгій Скарына» М. Садковіча і Я. Львова, аповесць «Ой, рана на Івана» З. Бандарынай пра Янку Купалу). Падзеі Вялікай Айчыннай вайны паўплывалі на актывізацыю распрацоўкі гістарычнай праблематыкі ў беларускай прозе: над творам пра мангола-татарскае нашэсце працаваў Я. Дыла, пра вайну 1812 г. – Б. Мікуліч, пра народныя паўстанні, нацыянальна-вызваленчую барацьбу XVII ст. – М. Садковіч, які акцэнтаваў класавыя супярэчнасці. Мастацкая інтэрпрэтацыя гісторыі пад уздзеяннем пазалітаратурных фактараў суправаджалася сацыялагічнай рэдукцыяй у трактоўцы пісьменнікамі асоб і падзей айчыннага мінулага, аднак нязменным заставалася ўяўленне пра гісторыю як пра крыніцу чалавечага вопыту. Характэрная рыса колькасна нешматлікай прозы пра мінулае 1950-х гг. – сцвярджанне светлай будучыні, рамантызацыя і ідэалізацыя характару дзеячаў беларускай культуры, імкненне прадставіць іх сацыяльна актыўнымі людзьмі.

Літаратура

1. Гарэцкі, М. Бітва на Уле : апавяданне / М. Гарэцкі // Шляхам гадоў : гіст.-літ. зб. / уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск, 1994. – С. 217–219.
2. Хурсік, С. Францішак Скарына : аповесць / С. Хурсік // Надзвінне : літ.-маст. альманах Полацкай філіі ўсебеларус. аб'яднання паэтаў і пісьменнікаў «Маладняк». – 1926. – С. 11–43.
3. Адамовіч, А. Беларускае літаратурна-мастацкае згуртаванне «Узвышша» / А. Адамовіч ; падрыхт. тэксту С. Шупы // Шляхам гадоў : гіст.-літ. зб. ; редкал. : Г. Кісялеў [і інш.] ; уклад. У. Мархель. – 1993. – Вып. 3. – С. 158–206.
4. Каваленка, В.А. Пошукі і здзяйсненні. Творчасць Змітрака Бядулі / В.А. Каваленка. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1963. – 211 с.
5. Дыла, Я. Творы / Я. Дыла ; прадм. А. Мальдзіса. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 351 с.
6. Лаўшук, С.С. З плеяды палымяных патрыётаў : жыццёвы і творчы шлях Язэпа Дылы / С.С. Лаўшук // Род. слова. – 2005. – № 3. – С. 3–5.
7. Мікуліч, Б. Адвечнае : аповесць / Б. Мікуліч // Палымя. – 1972. – № 8. – С. 89–192.
8. Бандарына, З. Ой, рана на Івана : аповесць / З. Бандарына. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 160 с.

Ценности в социокультурных исследованиях

С.В. НИКОЛАЕНКО

Статья посвящена пониманию категории «ценность» в различных гуманитарных науках. Дается краткий исторический обзор изучения человеческих ценностей, анализируется современное состояние аксиологии, ее цели и задачи. Подчеркивается важная роль изучения основных ценностей в социальной и духовной жизни и их роль в социокультурном развитии обучающихся учреждений образования.

Ключевые слова: категория ценности, аксиология, социология, индивидуальное развитие, язык и культура, ценностные ориентации.

The article is devoted to the understanding of the category of «value» in various humanities. A brief historical review of the study of human values is given, the current status of axiology, its goals and objectives are defined. The important role of the study of the fundamental values of a social and spiritual human life and their role in the socio-cultural development of students of educational establishments is emphasized.

Keywords: category of values, axiology, sociology, personal development, language and culture, axiological orientation.

Социокультурное развитие обучающихся в учреждениях образования всех видов и типов Республики Беларусь предполагает их знакомство с основополагающими ценностями человеческого общества: с экономическими – благосостояние, бизнес; политическими – демократия, свобода, равенство, закон, независимость печати, независимость суда и др.; социальными – любовь к Р(р)одине и своему краю, образование, безопасность, гражданское общество, общественное признание, активная деятельная жизнь, карьера; духовными – гуманизм, патриотизм, традиция, добродетельность, соборность, красота и др. Не вызывает дискуссии на протяжении уже достаточно долгого периода тот факт, что на всех этапах, особенно в школе, главными для изучения ценностями были и остаются, безусловно, последние из отмеченных нами выше, а именно, социальные и духовные.

Субъект (в нашем случае обучающийся на второй и третьей ступени получения общего среднего образования) имеет некие сформированный или находящиеся на стадии формирования свои смысловые критерии, которые в разной степени осознаются им как ценностные ориентации. Такой процесс можно отнести к социализации, т. е. полноценному на следующих стадиях своего физического и духовного развития вхождению в различные отношения, закрепленные в том или ином обществе. Но самое главное в этом процессе не только приобретение опыта, но и умение этих базовых ценностей стать личным и общественным достоянием. И цитата вождя мирового пролетариата В.И. Ульянова (Ленина) из его статьи «Партийная организация и партийная литература» – «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [1, с. 104] – оказывается вполне актуальной, потому что оппозиция *личное – общественное* в аксиологической системе является одной из значимых, имеющей множество примеров в языке, литературе, культуре, общественной жизни каждого народа. В систему таких средств относятся разработанные научные теории, массмедиа с их влиянием на социальную жизнь и каждого индивидуума, и группы людей, и семантические значения слов, имеющих фиксацию в языковом поле, и т. п. На наш взгляд, в школе этому просто необходимо целенаправленно уделять внимание, особенно на уроках словесности, когда при помощи учителя со специально отобранным им материалом социокультурное развитие становится частью учебно-воспитательного процесса по формированию личности, способной адекватно встраиваться в социальную жизнь белорусского общества, осознавать его приоритеты, становиться гражданином и патриотом.

Философская, социологическая, культурологическая, лингводидактическая наука уже давно основополагающим понятием своей методологии определила категорию ценности. На этом основании и возникла аксиология как наука о ценностях, которая на современном этапе оформилась как самостоятельная теоретическая дисциплина. Термин «аксиология» был введен в 1902 г. французским философом П. Лапи [2, с. 62]. В разных исторических эпохах развития человеческой мысли в центре были общественные дискуссии о том, какие ценности должны превалировать, считать ли представления предков за основу, можно ли воспитывать, опираясь на те или иные категории, и т. д. Так, например, размышления о добре и зле, красоте можно обнаружить уже в античной философии. Яркие представители этой эпохи Сократ и Платон пытаются отвечать на вопросы о происхождении блага и отношении к справедливости, которая так или иначе с ним связана, их волнует и характер самих ценностей, в каком соотношении абсолютности и относительности они находятся. Религиозность в эпоху Средневековья обусловила в ценностном сознании первичность следующих духовных: Вера, Надежда, Любовь. Эпоха Возрождения со своим гуманистическим подходом ко всему определяет главенство Личности как ценности с набором совершенно необходимых, по мнению гуманистов, для нее характеристик, а именно: права и достоинства, различные блага и под. Новые формулировки и акценты расставляет XVII в., когда общественное сознание рассматривает в качестве ценностей Волю и Свободу, внутреннюю раскрепощенность (Б. Спиноза), а также предлагается классификация ценностей на объективные и субъективные (Т. Гоббс). Немецкий философ И. Кант утверждал, что идеи Бога, свободы и бессмертия с точки зрения разума недоказуемы, однако являются предпосылками нравственности. Сама же ценность долга в его этике занимает центральное место. Важным наследием И. Канта стало сужение понятия ценности и разделение их в зависимости от целей и характера на абсолютные и относительные. Нами отмечалось, что ценности являются предметом исследования не только философии. При социологическом подходе к категории ценности, они понимаются как общезначимые, разделяемые обществом цели и средства их достижения [3]. Для социологии важно изучить и определить, какое место занимают и какую роль играют ценности в системе социальной регуляции того или иного общества, выявить их специфику по сравнению с другими социорегулятивными механизмами. Не менее важным для социологии представляется изучение ценностей в отдельных сферах жизнедеятельности общества – экономике, политике, культуре, образовании и т. д. Важнейший аспект социологического анализа – это проблемы социально-исторической детерминации. Чем обусловлено доминирование тех или иных ценностей, почему происходит их смена, какими социальными процессами обусловлена «переоценка ценностей», переживаемая время от времени любым обществом? Найти ответы на эти вопросы призвана социология [4, с. 11]. Культурология рассматривает ценности как результат человеческой деятельности, ее внутреннего содержания, которое определяет стремление человека воссоздать всю реальность через самого себя [5, с. 5]. Свою нишу проблема ценностей заняла в культурологическом познании. Чем больше предлагается определенная культура, тем толкование «проникновение духа в социум и природу» [6] демонстрирует воплощение идеалов, переживаемое людьми, в жизнь. Мы разделяем такое понимание культуры, при котором она позиционируется как совокупность всех ценностей, созданных человечеством. Такой подход позволяет нам выбирать ценности в качестве объекта культурологического анализа. В психологических исследованиях все ценности укладываются в несколько понятийных центров. Один из них объединяет желаемые идеальные понятия смысла жизни, свободы, безопасности. В другой входят такие ценности, которые предположительно эмоционально формируют представления о поведении, каком-либо действии (последовательный, терпимый, воспитанный и т. п.). Выражая определенные качества личности, ценностная ориентация в то же время является и средством реализации определенных общественных целей [7].

Конец XX в. стал расцветом новых направлений в лингвистике: прагмалингвистика, лингвокультурология, концептуальная лингвистика и т. д. В этот ряд мы отнесем и еще одну отрасль в науке о языке – лингвоаксиологию, где объектом исследований стали ценности. В лингвистике распространена точка зрения о том, что в каждой культуре имеется своя система

убеждений, ценностей и норм взаимодействия, разделяемая представителями соответствующей культуры [8, с. 37]. Важно также отметить, что изучение ценностей с позиций лингвистики непосредственно связано с понятием языковой личности. В.И. Карасик справедливо подчеркивает, что «языковая личность как предмет лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [9]. Это свидетельствует об интеграционных аспектах личности (в том числе и языковой), дефиницию которой предложил Т. Шибутани: «...это организация ценностей» [10, с. 353]. В лингвистических исследованиях наблюдаются разнообразные определения понятия «ценность». Так, Н.Ф. Алефиренко под ценностями понимает не материальные или духовные объекты, а модусные (культурно значимые) отношения человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами [11, с. 160]. В работе другого исследователя ценности – это цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие нормы его поведения [12, с. 60]. А.Н. Усачева дает следующее определение ценностей: «Ценности – исторически сложившиеся обобщенные представления людей о типах своего поведения, возникшие в результате оценочно-деятельностного отношения к миру, образующие ценностную картину мира, закрепленную в сознании представителей отдельного этноса и зафиксированную в языке этого этноса» [13, с. 26]. В последнее время все чаще появляются монографические исследования, посвященные языковому изучению ценностей. Некоторые диссертационные исследования посвящены лингвистическому изучению отдельных ценностей – «состояние здоровья», «закон», «свобода», «самоуважение». Лингвокультурология систему общекультурных ценностей рассматривает сквозь призму языкового преломления. Для нашего исследования важно отметить взаимозависимость предлагаемой каждой культурой системы ценностей. Такой путь поиска предлагают большое количество ученых-лингвокультурологов. В.В. Кортава, например, определяет культуру как систему ценностей [14, с. 7]. В.А. Маслова утверждает, что «культура – это совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, т. е. система ценностей – это одна из важнейших сторон культуры» [15]. Г.П. Выжлецов заявляет о том, что именно «культура определяется степенью осуществления ценностей» [6, с. 65].

Педагогическая аксиология к вопросу о системе образовательных ценностей подходит, базируясь на гуманистических традициях дидактики. Педагоги прошлого и настоящего человека, а точнее, личность ребенка рассматривают с позиции самооценности, а все образование – как осуществление ценностных подходов к образованию на основе признания ценности самого образования. Предметом педагогической аксиологии является формирование ценностного сознания, ценностного отношения, ценностного поведения личности.

Подводя итоги, можно констатировать, что в настоящее время ведутся активные научные исследования ценностей на основе различного материала, разрабатываются их методики, выявляются критерии отбора ценностей, подлежащих изучению. Из приведенных наблюдений можно сделать вывод о том, что определения ценностей и подход к их исследованию зависят от целей и задач исследования, от отраслей науки, в рамках которой оно проводится. Мы в нашей работе понимаем ценности как цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие его поведение. А в учебном процессе на уроках русского языка как раз и необходимо формировать эмоционально-концептуальную сферу школьника на основе осознания ценностных национальных и общемировых реалий, ценностных отношений ученика к миру.

Литература

1. Ленин, В.И. Партийная организация и партийная литература / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Издательство Политической литературы, 1968. – Т. 2. – С. 99–105.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – М. : Мысль, 2000–2001. – 2-е изд., испр. и допол. – М. : Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 62–65.

3. Пермякова, Т.М. Формирование дискурса межкультурной коммуникации / Т.М. Пермякова // Весник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 1–12.
4. Рыбцова, Л.Л. Динамика ценностных ориентаций женщин в реформируемой России : гендерный подход : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Л.Л. Рыбцова ; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 1998. – 44 с. – Библиогр. :42–44 с.
5. Чапля, Т.В. Ценностные аспекты информационного взаимодействия в духовной сфере : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Т.В. Чапля. – Новосибирск, 1998. – 15 с.
6. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – СПб. : СПбГУ, 1996. – 148 с.
7. Битуева, А.В. Особенности структурного строения ценностных ориентаций [Электронный ресурс] / А.В. Битуева // CREDO NEW Теоретический журнал. – Режим доступа : <http://credonew.ru/content/view/184/25/>. – Дата доступа : 12.05.2015.
8. Гришаева, Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 336 с.
9. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.
10. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М. : Наука, 1969. – 534 с.
11. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Академия, 2002. – 392 с.
12. Бабаева, Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Е.В. Бабаева. – Волгоград, 2004. – 438 с.
13. Усачева, А.Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: дис. .... канд. филол. наук : 10.02.00 / А.Н. Усачева. – Волгоград, 2002. – 137 с.
14. Кортава, В.В. К вопросу о ценностной детерминации сознания / В.В. Кортава. – Тбилиси : Мецниереба, 1987. – 61,[3] с.
15. Маслова, В.А. Лингвокультурология : Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 183 с.

Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова

Поступила в редакцию 10.06.2015

УДК 821.111.852.

Эстетика творчества украинской поэтессы Оксаны Забужко

Л.Н. САВЕЛЕНКО

Исследуется поэтическое творчество известной украинской поэтессы эпохи постмодернизма Оксаны Стефановны Забужко с точки зрения эстетических средств выразительности. Анализируются наиболее употребительные художественные тропы, используемые в лирике поэтессы, их роль и функции в создании образов персонажей. Рассмотрены способы реализации в художественных целях разнообразных заимствований (интертекстов), которые автор использует с совершенно новой окраской в своих произведениях.

Ключевые слова: художественный текст, троп, метафора, эпитет, сравнение, фразеологизм, интертекст.

Poetry of the famous Ukrainian postmodern poetess Oksana Stefanovna Zabuzhko is investigated from the point of view of the aesthetic means of expression. The most commonly used artistic trails used in the lyric of the poetess; their role and function in the creation of images of characters are analyzed. Methods of implementation of different borrowings (intertexts) are considered. The author uses them with completely new color in his works.

Keywords: feature text, trope, metaphor, epithet, comparison, idiom, intertext.

Одной из самых ярких личностей украинского постмодернизма является Оксана Стефановна Забужко – известная в Украине и за ее пределами писательница, поэтесса, литературовед, журналист и философ. Поэтическое творчество Оксаны Забужко составляют такие собрания стихотворений, как «Майский иней» (1985), «Дирижер последней свечи» (1990), «Автостоп» (1994), «Kingdom of Fallen Statues» (1996), «Новый закон Архимеда. Избранные стихи 1980–1998» (2000) и «Вторая попытка: избранное» (2005). Ее поэзия – это качественно новое явление в украинской литературе: она глубоко медитативная, пронизана внутренним, глубинным, нередко астральным светом, это попытка найти тайну жизни, объединить два мира – реальный и потусторонний.

Поэтому неудивительно, что творчество Оксаны Забужко стало объектом исследований в работах многих украинских ученых – Н. Зборовская, Л. Таран, В. Скуративский, И. Стешин, Т. Тебешевская-Качак, С. Филоненко, Ю. Шерех и др. Особое внимание исследователи уделяют анализу интимной поэзии автора как совершенной формы вербализации подсознательных импульсов женщины, которая все время стремится к свободе, но в тоже время охотно сковывает себя узами любви.

Произведениям писательницы присущ особый «женский взгляд», о котором известный славист-языковед и историк украинской литературы Ю. Шерех (Ю. Шевельов) писал: «Оксана Забужко говорит о вещах, о которых до сих пор в украинском искусстве так не говорилось, часто так откровенно, в таких подробностях, что дух захватывает, падают все завесы, и сладко, и страшно становится, и невольно думается – Боже великий, можно ли так непринужденно, так просто о самом себе (потому что в лирике везде о себе), о своем теле и душе публично говорить, можно ли выносить такие вещи на толпу» [1, с. 181].

Кроме того, поэзия Оксаны Забужко отображает индивидуальное видение философской и культуротворческой роли человека в обществе, его ценности и места в духовном развитии нации.

Лирика Оксаны Забужко в эстетическом плане насыщена многими художественными средствами, которые указывают на тонкий языковой вкус поэтессы. Она выражает культурно-эстетические поиски в общеукраинской поэтической парадигме, на что указывают образы, символы, мощная экспрессия, самобытный язык (на синтаксическом, лексическом, фразеологическом и морфологическом уровнях). Поэтесса «любит поиграть со словом», бросив его в неожиданный контекст, провести неожиданную аналогию, иногда нарушая все правила грамматики украинского языка.

Первое, на что следует обратить внимание в текстах писательницы – это употребление эпитетов. Благодаря их особой функции текст приобретает новое значение или смысловой оттенок.

Индивидуально-авторские эпитеты раскрывают семантические оттенки слов, особенно это заметно из насыщенного употребления сложных эпитетных конструкций: «крики застуджено-строгі» [2, с. 12], «північно-непрокині лиця» [2, с. 20], «зойкнуто-впущене слово» [2, с. 51], «Правічно-дорожній, із житнім духом порох» [3, с. 18], «набрякле світло мерехтючо-плинне» [3, с. 31], «ім'я кленово-гіркувате» [3, с. 50] «безіменно-пропаще людство» [4, с. 10], «нестерто-яскрава, пронизлива сила» [4, с. 56], «ренесансно-красиві, пронизливооки подруги» [4, с. 77], «половинно-прихований зріст» [4, с. 77], «руки гіллясто-нервові» [4, с. 91], «жіночо-принишкле місто» [4, с. 113] «на-вушко-голки-змружена бійниця» [4, с. 72], «на-волю-відпущені душі» [4, с. 77] и др.

Для точной передачи цвета и оттенка О. Забужко употребляет сложные эпитеты, которые формирует из колористического компонента и компонента для обозначения определенного признака: «темно-вогка птиця» [2, с. 20], «і шкіра робиться лускато-сірувата» [2, с. 36], «м'ясно-червоний огонь» [2, с. 42], «сіро-слизна запона» [2, с. 42], «темно-гранатова сукня» [2, с. 43], «день роз'яріло-зелений» [3, с. 12], «місяць оранжево-лисий» [3, с. 60]. Также она применяет тавтологический прием: «чоренна чорнота» [2, с. 76].

Поэтесса тонко рисует новые эпитеты, которые подчеркивают характерные черты, определяющие качества предметов и явлений, обогащают поэтический язык новым эмоциональным смыслом, добавляют к тексту определенной живописности, насыщенности: «і спечна ясність огортає мозок...» [2, с. 56], «А щоки крила паморозь голчаста» [2, с. 76], «щастя безмисне і н'яне» [2, с. 83], «сиром'ятний туман» [2, с. 91], «рубіновий вечір» [3, с. 11], «залізний вітер» [3, с. 30], «вітер смаглодужий» [3, с. 34] «сонце чубате й русе» [3, с. 37], «дощострунний осінній рояль» [3, с. 60] «душа, заяложена на рубцях» [4, с. 30].

Для предоставления словам дополнительных значений автор широко применяет эпитеты-приложения, что повышает художественную образность произведения: «Тільки блискавка-профіль – / Як в берег огорожений ніж...» [2, с. 20], «примхи-обиди зманіженої дитини» [2, с. 45], «Золотаве сонце-жук» [3, с. 30] «бронзові планети-картоплини» [3, с. 30] «тепле ім'я-звірятко» [3, с. 50], «Думка-жабка збиває масло в тягучім коктейлі жаргонів» [4, с. 41].

Достаточно богатая поэтическая речь Оксаны Забужко на сравнения различного типа, в частности стоит выделить сравнения-антонимы: «А готика різка – як вдих і видих...» [2, с. 20], «Думай про мене усім своїм мертвим життям, / вдихом і видихом, кожним серцевим ударом» [4, с. 68], и сравнения с использованием творительного падежа:

«І варивом темним бурмоче клекочучи кров,
І в пучки вступає морозом сила відьмацька.
Скороченням часу тріпоче ужалена плоть,
Виштовхує гавкотом з горла “шаленство і
галас”...» [2, с. 11].

Поэтесса при создании образа дополняет один троп другим. Так, метафора осложняется сравнением или символическим пониманием слова, или же, наоборот, в состав сравнение может входить метафора [5]. Например, очень ярко воспроизводит автор свою боль в поэзии, глубину которой раскрывают удачно подобранные тропы: «А біль, що то вибухнув корчем у тілі тіснім, / Знов мене вирвав звідтіть, де усмішкам – / спиватись / Праглося з уст» [2, с. 83], «І хай з нутра тобі димить / Сліпучий біль тисячосвітний – / Надсадний крик триває мить, / Прицільна ж точність слів – довічна.» [4, с. 89].

Наблюдается также частое использования фразеологизмов в составе поэзии, которые придают речи живость и образность: «Наше діло, знаєте, не песенкі – / пахне сіркою.» [2, с. 26], «Лиш ти ні пари не пророниш з губ, / Мов їх мроз навіки забужавив.» [2, с. 71], «То ж, в нагороду, / просіть на хліб і воду» [4, с. 88], употребление которых свидетельствует об изысканном эстетическом вкусе О. Забужко к художественно совершенному выражению.

Автор удачно использует стилистические приемы, которые в составе поэтического контекста дополняют образные слова различными оттенками, например, параномазия: «...прости своїх учнів і мучнів...» [2, с. 27], или же повтор:

*«Наполовину
воздати ближньому
І на всю решту –
воздати собі.
Наполовину
вершити справи,
Наполовину
перелюб і шлюб,
Наполовину –
казати правду,
Сховавши решту в куточках губ.
Наполовину –
на півкотушки –
Троцити посуд з п'яних очей,
Наполовину
вивернуть душу,
Себе притримавши за плече...»* [4, с. 25].

Частое использование ярких и экспрессивных художественных троп усиливает психологизм произведений, позволяет актуализировать читательские чувства, которые возникают при осознании поэзии.

Для творчества О. Забужко характерны замаскированные намеки на известные сюжеты предыдущих произведений украинской и мировой литературы, в частности ее герои заимствованы из поэзии Тараса Шевченко: «*А мати-сиротина / римується із тином.*» [6, с. 25]. Поэтесса по-своему интерпретирует шевченковский образ пленной Рогнеды: «*Я ховаю під сукню ножа / У чеканні цієї ночі, / Я звільнюся, коханий, / поклич мене, любий, поклич.*» [7, с. 38].

Также Оксана Забужко часто ссылается на творчество Леси Украинки: «*Можє, я і не жінка. / Агамемнон надходить, / і довшать тині із запахом п'їми і поту.*» [2, с. 68]. Стоит отметить, что образ Кассандры в поэме-монологе «Клітемнестра» является одним из определяющих в творчестве автора, где ведущей чертой образа женщины является стремление к самореализации в процессе осмысления человеческого бытия [8]. Она построена на античной мифе (трилогия Эсхила «Орестея») и драматической поэме Леси Украинки «Кассандра». Это можно увидеть в самом начале поэмы, прочитав эпиграф: «*...Ти, правда, і не жінка.*» Поэтесса по-новому трактует классический сюжет – перемещает второстепенную героиню на первый план, и от ее имени разворачиваются события.

Можно наблюдать также заимствования и из религиозных текстов: «*Благословенна єси між жонами, й плід твого / лона благословен*» [2, с. 63].

Однако наибольшее количество интертекстов составляют фольклорные вырезки (особенно с украинских народных песен): «*Подивися, дівчинонько, / який я моторний!*» [2, с. 26], «*Із-за гори кам'яної голуби літають, / Не зазнала розкошоньки, вже літа минають.*» [4, с. 26], «*Та не так тая дівчина, / Як те білес личенько.*» [4, с. 114]. Активное использование фольклорного материала свидетельствует о глубоком знании традиций своего народа, которые в творчестве поэтессы отображены на сюжетно-композиционном, образном и языковом уровнях [9]. Употребление народнопоэтического слова влияет также на целостное восприятие произведения: «Опыт вертикального контекста позволяет, во-первых, определить апперцепционную роль традиционно-фольклорного элемента (тематической, структурно-композиционной организации) в развертывании индивидуально-авторского текста; во-вторых, проследить новаторские коллизии тематически композиционной организации индивидуально-авторского текста; наконец – понять ассоциативно-психологический характер развития соответствующей текстовой структуры на уровне восприятия» [10, с. 247].

Таким образом, лирика Оксаны Забужко свидетельствуют, что ее творчество многогранное, ей присуща своеобразная поэтика и языковая эстетика. В поэзии запечатлены образы многих культур, но больше всего украинской, откуда автор черпает свое поэтическое богатство. Грамматический строй ее произведений расширяет горизонты современных тенденций в эмоционально-эстетической лексикологии, морфологии и синтаксисе украинского языка.

Литература

1. Шерех Ю. Позиція відкритої літературної свідомості / Ю. Шерех // Знак нескінченності: Збірка поезій. – К. : Факт, 2002. – 228 с.
2. Забужко, О.С. Автостоп: Поезії / О.С. Забужко ; передм. Ю. Шереха. – К. : Укр.письменник, 1994. – 95 с.
3. Забужко, О.С. Травневий іній: поезії. / О.С. Забужко – К. : Молодь, 1985. – 64 с.
4. Забужко, О.С. Диригент останньої свічки: поезії / О.С. Забужко. – К. : Рад. письменник, 1990. – 143 с.
5. Кожевникова, Н.А. Метафора в поетическом тексте / Н.А Кожевникова // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 145–165.
6. Забужко, О.С. Вибране листування на тлі доби: 1992–2002 : з додатками, творами, коментарями, причинками до біографії та іншими документами / О.С Забужко, Ю. Шевельов. – К. : Висока полиця, ВД Факт, 2011. – 504 с.
7. Забужко, О.С. Друга спроба: вибране / О.С.Забужко. – 2-е вид. виправл. і доповн. – К. : Факт, 2009. – 432 с.
8. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи / Б.А. Ларин ; вступ. ст. А.В. Федорова. – Л. : Худ. лит. 1973. – 288 с.
9. Мойсієнко, А.К. Слово в аперцепційній системі поетичного тексту. Декодування Шевченкового вірша : монографія / А.К. Мойсієнко. – К. : Сталь, 2006. – 304 с.
10. Могильний, А. Соціальний аналіз молоді поезії вісімдесятників / А. Могильний // Слово і час. – 1995. – № 2. – С. 49–53.

Метод устной истории и литературные эксперименты

Н.А. СИВАКОВА

Рассматриваются особенности метода устной истории, использование которого может составить основу произведений различных жанров: от исследовательских работ по истории и социологии до эстетических экспериментов в рамках документальной литературы. Научная новизна полученных результатов состоит в выявлении специфики и функциональных возможностей устной истории в формировании жанра «новой документалистики».

Ключевые слова: документальная литература, жанр, авторская концепция, событие, устная история.

The peculiarities of the method of oral history are considered. Use of this method can form the basis for works of different genres: from research works on the history and sociology to aesthetic experimentation within nonfiction. Scientific novelty of the results achieved is to identify the specific features and functionality of oral history in the formation of the genre of the «new documentary».

Keyword: documentary literature, genre, author's conception, event, oral history.

Литература XX в., пережившего жестокие войны, революции, мощные социальные и политические взрывы, рельефно выражает эти катастрофические процессы разнообразными фактами своего бытования, выбирая новаторские способы и формы для своего воплощения. В XX в. наблюдается также мощный всплеск интереса к устной истории, когда тысячи историков-профессионалов, вооружённые диктофонами, начали собирать и издавать воспоминания самых разных людей. История драматичной эпохи, зафиксированная в цифрах и датах преимущественно в одной плоскостной проекции, неожиданно развернулась в пространстве и обрела возможность быть рассмотренной с разных точек зрения. Она оказалась полифоничной: зазвучали, причём далеко не всегда в унисон, многие голоса. Рост интереса к устной истории вполне закономерен, поскольку данный тип фиксации исторической памяти позволяет сбалансировать непосредственное восприятие событий и их интерпретацию исторической наукой. По мнению И.О. Дементьева, устная история – это новый метод, освоенный профессионалами, для которого «характерно не только изменение объекта историописания (смещение интереса от жизни элиты в сторону повседневной жизни “простых людей”), но и смена субъекта историографии. Теперь право писать историю, монополизированное некогда профессионалами, перешло к более широкому кругу лиц» [1, с. 96]. Увеличение круга лиц, участвующих в процессе создания истории, повлекло за собой расширение возможностей устной истории, которая из сферы научных интересов постепенно переместилась в область эстетических экспериментов. Так, появление особого жанра в документальной литературе, который С. Алексиевич квалифицирует как «роман голосов», во многом обусловлено возможностью фиксации услышанной информации, которую «обрабатывает» чуткое ухо автора. В результате многократных прослушиваний отбирается материал, представляющий наиболее острые жизненные ситуации и важные внутренние открытия, которыми поделились с автором его собеседники. Жанр, представленный в творчестве С. Алексиевич циклом «Голоса Утопии», развивающийся с подвижными жанровыми признаками. Тем не менее, в качестве критериев, позволяющих охарактеризовать его специфику, можно выделить следующие: единство авторской концепции, наличие идеи-образа сверхсобытия, интегрирующее многоголосие в единое повествование, стилевая целостность собственно авторского текста, а также присутствие комплексов мотивов, способствующих упорядочению сложной полифонической структуры. Формальные особенности данного жанра: степень обработанности воспроизводимых голосов и особая методика их записи – нуждаются в уточнении, поскольку и ориентация на прямую речь, и интервью могут составить платформу для различных эстетических экспериментов в области документальной литературы. Основная цель нашего исследования – подтвердить специфику жанра, который мы вслед за А. Адамовичем именуем «новая документалистика», посредством сравнительного анализа с другими текстами, воспроизводящими устную речь и созданными с помощью метода устной истории.

Анализ многочисленных проектов, основу которых составляет фиксация воспоминаний людей – носителей уникального опыта, подводит нас к заключению, что метод устной истории может быть положен в основу написания произведений различных жанров. В рамках исследовательской работы Исторической мастерской в Минске было издано много пособий и сборников, посвященных разным аспектам Холокоста и партизанской борьбы, а также осмыслению оккупации на территории Беларуси в целом. Так, учебное пособие «Спасённая жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто» (2010) презентует устную историю как новый дидактический метод для усвоения истории Второй мировой войны на уроках в школе. А в сборнике материалов «Известная “Неизвестная”» (2007) устная история используется как метод получения достоверной информации и восстановления исторической справедливости.

Проекты с использованием методики устной истории широко распространены в социальных науках, исследующих механизмы формирования и функционирования различных сообществ людей. Так, книга «Односельчане: народная повесть» (2006) основана на материалах интервью с первыми переселенцами в Калининградскую область и встреч с сельскими жителями – непосредственными свидетелями событий 1930-х – начала 1990-х гг. Их глазами показаны голод 1930 и 1946 гг., Великая Отечественная война, становление Калининградской области. Максимально сохранен индивидуальный стиль каждого рассказчика, вплоть до особенностей его интонации и фонетической огласовки слов. Записанные рассказы разбиты на главы, в пределах которых они объединяются вокруг тематических центров, образуя четкую мотивную структуру. Как правило, заглавие выполняет функцию тематического указателя: «О самом страшном» – «Мифы русской Пруссии» – «Меню 1946 года» – «Как работали» – «О хороших людях» и т. д. Л.В. Сыроватко – автор данного академического проекта – обозначает себя как составитель и отмечает совместные усилия многих людей, в результате которых появилась эта книга. В предисловии указывается цель осуществленного проекта: «Связь поколений и участие молодых в собирании и фиксировании уникального и, увы, часто исчезающего бесследно человеческого, семейного наследия» [1, с. 3]. Результат совместной работы получает жанровое определение «народная повесть», что подтверждается фактом принципиальной незавершенности и возможностью участия в дальнейшем развитии сюжета каждого желающего: «пережитое нашим народом – неисчерпаемо и в страдании, и в счастье. И если читатель захочет продолжить сделанное нами и дополнить повествование своими страницами, то это будет лучшей оценкой проделанной работы» [1, с. 3]. Надо отметить, что немногие проекты по устной истории получают свое логическое завершение и издаются отдельной книгой. В большинстве случаев историки ставят перед собой задачу собрать материал для будущего его использования другими исследователями, что способствует, по их мнению, большей объективности и достоверности проводимой работы.

Особый интерес представляют произведения, авторы которых ориентированы на воспроизведение устной, бытовой, разговорной речи, которая при этом является неавторской. Устная речь сама по себе обладает «ореолом достоверности», направлена на максимальное сближение с реальностью, однако её внедрение и функционирование в произведении осуществляется по законам речи письменной. Мастерство авторов подобных произведений проявляется не в отборе и монтаже «готовых высказываний», а в отображении «разорванности» посредством воспроизводимой устной речи изначально целостной модели действительности. В качестве примеров можно привести весьма разные и по эстетическим установкам, и по формальной организации книги «Народ на войне» С. Федорченко, «Прямая речь. Словарный запас современного человека» А. Новосельцева, «Говорит» Линор Горалик.

Как известно, книга С. Федорченко «Народ на войне» после своего появления в 1917 г. вызвала самые восторженные отклики современников. В немалой степени успех этой книги был обусловлен тем, что автор объявила ее собранием строго документальных записей тех «солдатских бесед», которые ей довелось услышать во время войны. В первом издании книга представляла собой коллекцию лаконичных рассказов и размышлений русских солдат о войне, расположенных в довольно случайном порядке. Впоследствии композиция каждой из трёх книг «Народ на войне», «Революция», «Гражданская война» приобретёт четкую организацию. Пока книги воспринимались как документ, как простые стенографические записи подслу-

шанных бесед, они высоко ценились. Критики подчеркивали высокое художественное качество книг, называли «драгоценным памятником нашей эпохи», «подлинной правдой о войне, о русском народе», «энциклопедией народной души» [2, с. 4]. Однако после того как С. Федорченко, возмущенная отношением к книге «Народ на войне» как к сырому, необработанному материалу, пригодному для дальнейшего использования другими авторами, намеренно отказывается от своего прежнего заявления и называет свою книгу художественным произведением, она была публично объявлена «мистификатором» и «фальсификатором»: «Записи были восторженно приняты. Но фольклористка сдуру позавидовала материалу и убила его, заявив, что это она сама сочинила» – писал Д. Бедный, возглавивший обвинение [2, с. 13]. Желание убедить читателей в правдивости своего повествования и выдать собственное творчество за документ имело и для автора, и для книги неприятные последствия: спланированное и хорошо организованное забвение.

Необычные по своей форме, книги С. Федорченко представляют интерес для исследования: созданные на основе живых впечатлений от услышанного и увиденного, они передают посредством словесного разноречия внутренние переживания и устремления русского народа в переломные исторические моменты. Авторское мастерство, по словам самой С. Федорченко, заключается в способности перевоплощения в своих героев: «Вероятно, всякий писатель имеет свою особенность. Я обладаю особенностью вживаться в тысячи, если сильно задета и напряжена воля» [2, с. 21]. В результате обнаруживается основная творческая установка – максимально точно передать многоголосие окружающего мира, используя при этом собственную уникальную память и умение «вживаться в тысячи». Авторская концепция события, необходимая в «новом жанре», обеспечивающая единство текстуальной организации, замещается в книге «Народ на войне» строгой композиционной организацией, выполняющей функцию каркаса, на котором держится столь разнообразное в стилевом отношении повествование.

Однако присутствие единой авторской концепции не является достаточным критерием для включения произведения в систему «нового жанра». Например, книга А. Новосельцева «Прямая речь. Словарный запас современного человека» по этому признаку обнаруживает внешнее сходство с произведениями нового документального жанра, но как на уровне предмета изображения (устная речь), так и на уровне способа воспроизведения (память) демонстрирует существенные отличия от них. Автор устанавливает четкие временные и пространственные границы: в конце текста фиксирует время написания (2 января – 21 февраля 2011), в предисловии задаёт пространственные координаты: «За полвека жизнь сводила меня с разными людьми – и в России и за далекими её рубежами. Но о них, о тех, кто за рубежами, разговор особый. Я же не стану пересекать границы Отечества, а пройдусь мысленно по тропинкам памяти, вспомнив рассказы разных людей, встреченных мною от высоких кабинетов до закопченных избышек, от сибирских изб до хат южной России» [3]. Книга напоминает путевые записи, только сделанные не в процессе передвижения, а несколько позже, когда оформилось целостное восприятие путешествия.

В книге А. Новосельцева отсутствует традиционное деление на главы, она состоит из «встреч», случившихся в разных местах: у соседа за столом, на выгоне, в поезде «Москва – Барнаул», на Дону, в гостях у дядьки на хуторе, в городе, в метро и т. д. Автор объясняет выбор героев, делая акцент на их речи, через которую проявляется характер: «Набранные ровным типографским шрифтом слова, будь они сказаны образованным столичным человеком или простым деревенским мужиком – все они на раскрытой случайно странице выглядят одинаково. Мне же, переведя прямую речь простых людей в черные типографские строчки, хочется показать, что и их словами, и их судьбами сегодня наполнена Россия, многими неизвестная, почти преданная забвению» [3]. Для того чтобы передать содержание встреч и бесед, автор описывает внешнее событие. В результате создаётся фрагментарная цепочка событий, которая формирует единый мир. Вся изображенная действительность преломляется в авторском сознании, отдельные события сосуществуют в едином пространстве авторского миропонимания, благодаря чему текст воспринимается как целостный и завершённый. Однако заявленные самим автором целевые установки: записать по памяти и передать «речи и судьбы» своих героев – не позволяют нам отнести данное произведение к жанру «новой документалистики».

Еще один способ авторского присутствия в тексте, составленном из фрагментов живой речи, представлен в книгах Линор Горалик. Текст, опубликованный «Новом мире» в 2006 г., носит значимое название – «Говорит». На самом деле он продолжает дописываться в Интернет-блогах автора, на сайте, в других текстах. Автор постоянно находится в процессе создания текста, представляющего собой поток прямой речи. Говорящих много и они очень разные – мужчины и женщины (но больше женщины: жена, любовница, дочь, мать, подруга, старуха, палач, жертва и т. п.), и у каждого голоса своя реплика, развернутая или предельно краткая, которая является, по сути, микроновеллой, состоящей иногда из одного предложения: «...жена пришла, а кошка пахнет чужими духами» [4, с. 127], а иногда из двух: «...а Судный день, между прочим, уже был, но этого никто не заметил. Просто с этого дня у одних все пошло хорошо, а у других плохо» [4, с. 132].

Основная форма повествования монолог, в котором иногда ощущается присутствие собеседника. Дистанция между автором и его героями практически отсутствует, и в голос автора начинают вплетаться чужие голоса, претендующие на свою собственную жизнь в пределах авторского сознания. Текст распадается на множество голосов, ни один из которых нельзя назвать главным, поскольку важен контрапункт – взаимное эхо, которое поддерживает целостность воспроизводимой реальности. Привычное к контрапункту ухо автора умеет молчаливо отсеивать, устранять нестройные помехи. Несмотря на то, что сама Горалик неоднократно говорила о своём интересе к конкретным деталям бытия, к «оптике повседневности», смысл воспроизводимых ситуаций в её текстах не застывает в одной форме, не замкнут на индивидуальную трактовку событий, а значит, открыт влиянию эпического взгляда на мир. Контуры реальности, пропущенные через сознание автора, весьма знакомы читателю, который узнаёт себя в этих рассказах. Процесс эстетической идентификации, по мнению В.И. Тюпы, основывается на «феномене узнавания себя – в универсуме и универсума – в себе», и составляет основу целостности художественного произведения.

Иногда между текстами, созданными на основе речи услышанной или подслушанной, и текстами, имитирующими прямую речь, провести границу очень сложно. В случае с Горалик ответ на вопрос: «Придумываете или подслушиваете?» можно найти в интервью самого автора: «Мне повезло находиться в том кругу, где за людьми можно просто записывать то, что они говорят, и больше ничего не делать. Я вообще очень много слушаю и люблю это вплоть до того, что периодически сажусь в московском метро на Кольцевую и катаюсь по ней, чтобы слушать. ...В большинстве случаев записываю, сильно переиначив. Какие-то вещи – совершенно чистое вранье и бессовестные выдумки» [5]. Данные утверждения не согласуются с принципами документально-образного обобщения действительности, тем более что сам автор характеризует свои произведения как «художественную прозу в формате прямой речи».

Таким образом, использование метода интервью и ориентация на воспроизведение устной речи в произведении не может считаться достаточным основанием для его включения в систему документального искусства. Документальные тексты, сконструированные на основе чужих голосов, которые мы рассматриваем в рамках «нового жанра», характеризуются также особыми принципами композиционной организации. Созданные на основе монтажа, они, тем не менее, представляют единый авторский текст – звучащие в них голоса иногда противоречивы, но не разноречивы в стилевом отношении. Данная особенность стилевой организации произведений «новой документалистики» соответствует представлениям В.Е. Хализева, который считает, что «литературное произведение правомерно охарактеризовать как особого рода обращенный к читателю монолог автора. Он являет собой своеобразное надречевое образование – как бы «сверхмонолог», компонентами которого служат высказывания действующих лиц, повествователей и рассказчиков» [6, с. 276]. Рассмотренные нами тексты, воспроизводящие устную речь, её интонационные и смысловые нюансы, в основном состоят из рассказов-эпизодов, нанизанных друг на друга. Подобные эпизоды в указанных произведениях не повторяются в отличие от произведений, написанных в жанре «новой документалистики», в которых используется принцип повторяемости определенной ситуации и связанного с ней внутреннего открытия.

Литература

1. Односельчане: народная повесть / Центр «Молодёжь за свободу слова». – Калининград : РГУ им. И. Канта, 2006. – 104 с.
2. Трифонов, Н. Несправедливо забытая книга / Н. Трифонов // Народ на войне / С. Федорченко. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 3–23.
3. Новосельцев, А. Прямая речь. Словарный запас современного человека [Электронный ресурс] / А. Новосельцев // Русское воскресение. Православное обозрение. – 2011. – Режим доступа : <http://www.voskres.ru/literature/library/novoseltsev.htm>. – Дата доступа : 11. 08.2013.
4. Горалик, Л. Говорит / Л. Горалик // Новый мир. – 2006. – № 6. – С. 125–139.
5. Горалик, Л. Фея полуслова : интервью Ю. Володарский [Электронный ресурс] // – 2011. – Режим доступа : <http://focus.ua/culture/187242/>. – Дата доступа : 02.06.2011.
6. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2000. – 398 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 16.05.2015

Правомерность введения текстов формул изобретений (патентов) в юридический дискурс

А.С. ТРОФИМОВА, Т.И. БОРИСЕНКО, М.Н. НЕВРЕВА

Проводится сравнительный анализ синтаксических, стилистических, лексических и статистических особенностей в текстах двух жанров языка права – формул изобретений (патентов) и судебного-процессуальных документов, чтобы обосновать с точки зрения лингвистики правомерность введения в юридический дискурс жанра формул изобретений (патентов). В соответствии с выполненным анализом представлены доказательства того, лингвистические характеристики обоих жанров в большинстве своем совпадают, что дает возможность считать тексты жанра патентов частью юридического дискурса.

Ключевые слова: юридический дискурс, параллельные конструкции, стратификационный слой, условные обозначения.

The paper is devoted to the comparative analysis of syntactic, stylistic, lexical and statistical peculiarities of the texts of two genres included in the language of law – patents and judicial documents, in order to prove the validity of patent genre introduction in judicial discourse from the linguistic viewpoint. As a result of the described analysis the coincidence of the majority of linguistic characteristics of both genres is proved that is why the texts of patents can be considered as a part of judicial discourse.

Keywords: judicial discourse, parallel constructions, stratification layer, legends.

Введение. В современной науке проблемы становления и интерпретации юридического дискурса исследуются одновременно как учеными-филологами [1]–[7], так и правоведами [8]–[11]. Если филологи подходят к исследованию юридического дискурса с лингвистических позиций, то правоведа рассматривают его как систему социально-правовой коммуникации, вся структура которой подчинена исключительно достижению наиболее эффективного правового общения [12, с. 96]. Поэтому язык права включает в себя все, что способствует реализации механизма правового регулирования с целью установления правовых отношений и устойчивого правопорядка. Юристы воспринимают его как междисциплинарный объект, который является сложным многомерным образованием [13, с. 168], поэтому с точки зрения лингвистики он может включать в себя элементы с противоречивыми характеристиками.

Несмотря на различия в целях, все исследователи считают, что юридический дискурс обслуживает важнейшую сферу человеческой деятельности, которая стоит в одном ряду с идеологией, политикой, искусством, наукой и т. п. Поэтому ни один вид коммуникации не рассматривался с таким пристальным вниманием и не подвергался такому всеобъемлющему анализу, как правовой дискурс. В связи с этим представляется, что номенклатура и позиции всех его элементов уже достаточно определены. Однако статус некоторых составляющих в его системе вызывает споры в среде лингвистов. Это касается, прежде всего, статуса таких юридических документов, как формулы изобретений (патентов), которые и будут рассматриваться в данной статье как предмет исследования.

Формулы изобретений (патенты) вошли в список юридических документов. Патент с правильно составленной формулой изобретения является надежной защитой для патентообладателя, с одной стороны, а с другой, защищает промышленность от неправомерных притязаний патентообладателя. С правовой точки зрения их введение в юридическую документацию вполне обосновано, поскольку они удостоверяют право на монопольное использование изобретения, т. е. патентная информация содержит важную правовую и экономическую информацию о правах патентовладельцев.

Однако лингвистические особенности позволяют некоторым ученым рассматривать формулы изобретений как разновидность научно-технического [14], [15], или научно-делового [16], или официально-делового стиля [17, с. 170]. Такое понимание формул изобретений объясняется некоторым сходством текстов научного и официально-делового дискурса.

Это сходство заключается, прежде всего, в насыщенности технической терминологией как научного стиля, так и делового. Обоим стилям свойственны сложные предложения, причастные, инфинитивные и герундиальные обороты, преобладание имени над глаголом и т. п.

Однако техническая терминология не дает основания делать вывод о принадлежности формул изобретений конкретно к научно-техническому дискурсу, так как патенты могут выдаваться не только на изобретения в области техники, но и на новые штаммы микроорганизмов, на вещества, полученные химическим путем, на способы изготовления выкройки одежды и т. п.

Все перечисленные аргументы приводят к необходимости проведения отдельного исследования текстов жанра формул изобретений (патентов). Поэтому целью данной статьи является обоснование с точки зрения лингвистики правомерности внесения текстов формул изобретений (патентов) в среду юридического дискурса. Для этого был проведен сравнительный анализ между стилистическими, синтаксическими и количественными особенностями этого вида текстов и аналогичными особенностями текстов жанра судебно-процессуальной документации. Введение в процесс анализа статистических (количественных) методов исследования помогло более четко и аргументированно дифференцировать или интегрировать рассматриваемые объекты речи.

Материалом для исследования послужили тексты патентов США: United States Patent and Trademark Office (An Agency of the Department of Commerce); Judgements of the Administrative Tribunal of the International Labour Organization.

Результаты анализа особенностей текстов формул изобретений (патентов).

1. Тексты формул изобретений характеризуются строгой унификацией формы и содержания. Здесь юридическая функция документа требует синтаксического своеобразие для оформления текстов этого жанра.

2. Формула изобретения – это своеобразное клише с высокой степенью внутрителиевой нормативности, которая проявляется в твердом отборе языковых средств [14], [15]. Клишированность представлена в текстах такими лексическими единицами, как *said*, *comprising*, *including*, *having*. Было подсчитано, что слово *comprising*, являющееся лексической скрепой в тексте, употребляется 274 раза на 50 тыс. словоупотреблений, причем в сочетании со словами *the steps of* зарегистрирована его правосторонняя валентность с герундием (в 50 случаях); вне сочетания с этими словами – с существительными или именными атрибутивными конструкциями (224 раза). Например: *...comprising the steps of providing a planar substrate...; ... comprising a printed circuit board ...; comprising a hybrid integrated circuit unit ...*

3. Одной из существенных особенностей формул изобретений является стремление к точности и сжатости выражения текстового материала при емкости формы [17, с. 170]. Так, в структурно сжатой формуле могут функционировать сразу несколько придаточных предложений, т.к. минимальное количество признаков обеспечивает автору изобретения более широкую охрану его прав [14]. Точность и лаконичность выражается причастными, инфинитивными и герундиальными оборотами. Например: *An X-ray target of the rotatable type adopted for mounting on a rotor and including: a body having a first surface portion made of X-ray emissive material and a second surface portion made of a heat emissive material comprised of at least ninety-five percent by weight hafnium compound being at least one of the members from the group consisting of hafnium boride, hafnium oxide and hafnium aluminide (United States Patent, 4327305)*. Такие предложения нельзя преобразовать в самостоятельные, т. к. это исказило бы первоначальный смысл изобретения и поставило бы под угрозу его новизну [14].

4. Все информационное поле текстов формул изобретений четко разделено на пункты и пронумеровано, поскольку для этих текстов характерно явление ретроспекции, т. е. обращение к предыдущей, уже ранее представленной информации. Для выражения ретроспекции, т.е. для ссылки на первый и предыдущий пункты, для соблюдения связи между всеми частями текста употребляется слово *said* (вышеупомянутый), которое имеет очень высокую частоту употребления (2018 раз на 50 тыс. словоупотреблений) и не имеет синонимов, что характерно для всего языка права.

5. Особенностью текстов формул изобретений является употребление условных и буквенных обозначений, аббревиатур: АКУ (accumulator), PSD (phase shifting device), ТРА (memory), МСА (clutter phase).

6. Анализ лексем текстов формул изобретений показал, что высокая книжная лексика не характерна для них.

7. С точки зрения лексических значений практически весь корпус лексем в документах этого жанра можно разделить на два стратификационных слоя: общеупотребительную и профессиональную лексику. Наблюдается следующее распределение общеупотребительной и профессиональной лексики в текстах формул изобретений – 66,3 % (например, *claim, corresponding, connect, determination*) и 33,7 % (например, *switch, delay, range, accumulator*), соответственно.

Результаты анализа текстов судебно-процессуальных документов.

1. Судебно-процессуальные документы отличает строгий композиционный рисунок. Преамбула представляет собой традиционный стандарт-клише, состоящий из четырех пунктов, выраженных параллельными конструкциями, связанными лексической скрепой *considering: Considering the complaint filed against ... Considering article ..., Paragraph ... Having examined the written evidence ... Considering that the materials, facts of the case are as follows ...*

В преамбуле причастные обороты употребляются не из стремления изложить материал логично и последовательно, как в текстах формул изобретений, а для того, чтобы подчеркнуть строгость, официальность, значимость излагаемого. Например, решение суда (*decision*) представляет собой стандарт с постоянным лексическим наполнением: *For the above reasons ... In witness of this judgement by ... President, Vice-President, and the Right Honourable ... Judge, the above mentioned here hereunto subscribed their signature as well as myself ... Registrar of the Tribunal ... Delivered in public sitting in Geneva on 3 ...* Такой способ изложения относится к рассуждению.

2. Основная текстовая часть документа, следующая за преамбулой, дается в форме повествования, и представляет собой изложение фактов, причем каждый из них начинается с нового абзаца, обозначенного латинскими буквами А, В, С, D и т. д.

В соответствии с классификацией [18, с. 5], абзацы в этом виде юридических документов можно рассматривать с учетом отношения ко всему тексту как аналитические (последовательно развивающие аспекты основной идеи), транзитивные (развивающие тему) и заключительные. Поэтому здесь абзацы вряд ли можно считать помогающими выборочно рассматривать тот или иной пункт. Это привело бы к неясности изложения фактов и неубедительности аргументации. Абзацное членение, сочетающееся с нумерацией, подчеркивает важность и необходимость рассмотрения каждого из перечисленных элементов [19, с. 76] для большей убедительности общего содержания.

3. Оба вида изложения – как повествование, так и рассуждение – служат одним из средств для обеспечения перлюкотива, т. е. фактора воздействия, убеждения. Приведем пример повествовательной манеры изложения, о чем говорит употребление глаголов в прошедшем времени, дополнительных предложений, прямой порядок слов: *She volunteered her services. By her account she wrote two letters to that effect from London, one on the 12 February and the other on 6 March 2000. On 11 April FAO answered that she was unlikely to be appointed and that successful candidates from outside commuting distance of Rome would be given local status (Judgements of the Administrative Tribunal, № 485, p. 61).* Пример рассуждения: *If these words stood by themselves the complaint's argument might well be preferred to the FAO's, but they must be interpreted in the context in the Staff Rules. There are two reasons why the FAO's view is preferable. First, it is based on Staff Rule 302.405, which states that all professional and higher category staff are internationally recruited and on Appendix A to Staff Rules, which describes as «internationally recruited» the non-local staff in the General Service Category. (Judgements of the Administrative Tribunal of the International Labour Organization, № 484, p. 6).*

В судебно-процессуальных документах перлюкотив обеспечивается присущим им строгостью и приподнятостью тона, которая выражается рядом языковых средств: юридическими стандартами (*to dismiss the case as unfounded, the agreement runs, there is no ambiguity about the text in points, Right Honourable*); латинскими терминами (*proprio motu, a contrario, poenalia sunt refringende, ex post facto, perse*); инверсией (*No offer was sent, nor did she make repayment ..., not only did she offer her services*); сослагательным наклонением (*should the Tribunal held that*); эмфазой (*it was the policy of the Organisation to treat a promotion*).

4. В текстах судебно-процессуальных документов регулярно встречаются условные обозначения (они также составляют 1 %): provision 311.522, PS Posts, grade P.U. При исследовании преамбулы судебно-процессуальных текстов статистические вычисления показали, что на 113 словоупотреблений приходится 20 единиц условных обозначений (18 %) и 4 сокращения (3,5 %), что вызвано экстралингвистическими факторами, а именно – необходимостью назвать статью и параграф статьи, организацию. К примеру: Staff Rule 302.40102, Manual Provision 311.421. В текстах можно видеть и аббревиатуры (примерно 1% от всех слов текстовой выборки). Они вызваны не только необходимостью экономии места и времени, но и утвержденных узусом наименований организаций и учреждений: FAO, EPO, UNESCO, PAHO.

5. Высокая книжная лексика в текстах судебно-процессуальных документов не используется на всем текстовом пространстве, а, в основном, характерна для концовки документа. Приведем примеры: in witness of this judgment, Right Honourable Lord, the aforementioned, hereunto.

6. Основной чертой лексического состава судебно-процессуальных документов является наличие специальной лексики, что обусловлено юридическим характером документов. Специальная лексика составляет 13 % от общего количества всех слов. Примерами могут служить: claim fails, non-local status, Staff Regulation, Staff Rules, General Service category, complainant Personnel Division, the complainant's claim, judicial body, judgement. Однако содержание английского юридического дискурса передается не только единицами терминосистемы, но и смежными с ней языковыми средствами, которые в совокупности с терминами составляют язык права. Выбор средств определяется жанровыми и функциональными параметрами коммуникации в сфере права [5]. В судебно-процессуальных документах общеупотребительная лексика представлена 87 % словоупотреблений.

Выводы. Если сравнить пункты, относящиеся к жанру формул изобретений и жанру судебно-процессуальной коммуникации, то можно прийти к выводу, что существуют особенности, безусловно общие для обоих жанров юридического дискурса. К ним относятся: 1) строгое следование принятым критериям, предусмотренным при составлении правовых документов; 2) использование лексических скреп-клише при соединении параллельных конструкций; 3) наличие в текстах условных обозначений и аббревиатур; 4) функционирование как общеупотребительной, так и специальной лексики.

Наряду с ними существуют особенности, частично совпадающие в текстах обоих жанров или совпадающие полностью, но используемые для различных целей: 1) отсутствие произвольности при создании документа, но сама форма документа отличается в текстах разных жанров; 2) весь текст формул изобретений и судебно-процессуальных документов четко разделен на пункты; но, если в формулах изобретений это делается с целью ретроспекции, то в судебно-процессуальном жанре – для указания на важность каждой подробности текста и обязательную необходимость тщательного ее рассмотрения; 3) использование причастных оборотов – в текстах формул изобретений для логичного и последовательного изложения материала, в текстах судебно-процессуальных документов, чтобы подчеркнуть официальность и значимость излагаемого; 4) высокая книжная лексика не встречается в обоих видах документов, но в жанре судебно-процессуальной коммуникации она используется частично, в конце документа.

И, наконец, особенности, характерные исключительно для каждого рассматриваемого типа документов и отличающие их: 1) стремление в текстах формул изобретений (патентов) к точности, сжатости и лаконичности выражения текстового материала при емкости формы, что достигается причастными, инфинитивными и герундиальными оборотами; 2) наличие в судебно-процессуальных документах перлюкотива, т. е. фактора воздействия, убеждения, характерного исключительно для текстов этого жанра и который воплощен в приподнятости тона и выражается целым рядом языковых средств.

Исследование двух жанров языка права, различных как по своему функциональному назначению, так и по содержанию, показало, что в большинстве своем особенности текстов оказались одинаковыми или частично похожими, и только две характеристики совершенно отличали их друг от друга, что представляется вполне естественным, учитывая разницу в целях использования.

Вывод, к которому можно прийти на основании всего вышеизложенного, будет следующим: с позиций лингвистики, т. е. по используемым в них лексическим, синтаксическим, стилевым и статистическим средствам тексты формул изобретений вполне правомерно введены в общий правовой дискурс.

Литература

1. Авакова, О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии : дис. .... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.В. Авакова ; Министерство образования РФ. – М., 2006. – 208 с.
2. Бондарева, Н.А. Прикладные аспекты моделирования терминологии (на материале терминосистем уголовного права в русском и английском языках) : дис. .... канд. филол. наук : 10.02.21 / Н.А. Бондарева ; Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2003. – 213 с.
3. Иконникова, В.А. Особенности семантики английских юридических терминов в текстах международного контактного права : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.А. Иконникова ; Московский гос. пед. ун-т. – М., 2005. – 193 с.
4. Крапивкина, О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.А. Крапивкина ; Иркутский гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2011. – 22 с.
5. Пыж, А.М. Функционально-прагматические и дискурсивные аспекты использования английской юридической терминологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.М. Пыж ; Самарский гос ун-т. – Самара, 2005. – 184 с.
6. Рыженкова, Т.В. Специфика процесса транслерминологизации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения) : автореф. дис. .... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т.В. Рыженкова ; Саратовская гос. Академия права. – Волгоград, 2001. – 22 с.
7. Agaragimov, D.B., Goltsova, T.A. Etymology of legal terms in the English language [Electronic resource] / D.B. Agaragimov, T.A. Goltsova. – Mode of access : <http://www.scienceforum.ru/2014/pdf/2051.pdf>. – Date of access : 17.01.2015.
8. Векленко, П.В. Системность и ситуативность правового дискурса: западноевропейская и русская традиции исследования / П.В. Векленко // Философия права: сб.ст. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2009. – № 1. – С. 18–21.
9. Губаева, Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. – М. : Инфра-М, Норма, 2014. – 160 с.
10. Соболева, А.К. Топическая юриспруденция. Аргументация и толкование в праве / А.К.Соболева. – М. : «Добросвет», 2001. – 225 с.
11. Чукин, С.Г. Философско-правовой дискурс и его роль в идентификации современного общества / С.Г. Чукин // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры. – СПб., 1998. – С. 181–182.
12. Храмцова, Н.Г. Реализация нормативно-коммуникативной функции правового дискурса как фактор формирования коммуникативной компетентности студентов-юристов / Н.Г. Храмцова // Образование и наука. – 2006. – № 1. – С. 94–99.
13. Храмцова, Н.Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации / Н.Г. Храмцова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – Вып. 1. – С. 167–173.
14. Федосюк, М.Ю. Синтаксические особенности научно-технических рефератов и формул изобретений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.Ю. Федосюк. – Москва, 1977. – 22 с.
15. Яшинский Г.И. Структурно-синтаксическая характеристика единиц патента как типа текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.И. Яшинский. – Москва, 1978. – 22 с.
16. Пумпянский, А.Л. Функциональный стиль научной и технической литературы / А.Л. Пумпянский // Вопр. Языкознания. – 1977. – № 2. – С. 87–97.
17. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка: учебник / М.П. Брандес. – М. : Высшая школа, 1983. – 270 с.
18. Ляховицкая, Л.М. Межфразовая связь и семантика слов с отрицанием в текстах разных стилей: лекции / Л.М. Ляховицкая. – Киев : Вища школа, 1974. – 32 с.
19. Рахманин, Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л.В. Рахманин. – М. : Изд-во: «Флинта, Наука», 2012. – 256 с.

УДК 398.3:398.322(=161.3)

Жывёльны свет і асабістае жыццё чалавека ў прыкметах і павер'ях каляндарнай абраднасці беларусаў

К.Л. ХАЗАНАВА

Разглядаюцца прыкметы і павер'і традыцыйнага народнага календара беларусаў адносна асабістага жыцця чалавека і жывёльнага свету. Народная свядомасць за стагоддзі выпрацавала слухныя рэкамендацыі аб паводзінах чалавека адпаведна кліматычным умовам і адметнасцям акаляючага асяроддзя. Прыкметы аб лёсе, шлюбе, сямейных адносінах выяўляюць імкненне чалавека наладзіць сваё жыццё і стварыць шчаслівую сям'ю.

Ключавыя словы: прыкмета, павер'е, каляндарная абраднасць, свята, прысвятак, абрад, традыцыя.

The signs and beliefs of the Byelorussian traditional national calendar regarding personal life and fauna are considered. National consciousness over the centuries developed reasonable recommendations about human behavior according to the climatic conditions and peculiarities of the environment. The signs of destiny, marriage, family relationships reveal the human desire to establish private life and create a happy family.

Keywords: sign, belief, calendar ceremonialism, feast, Holy day, rite, tradition.

У беларускай каляндарнай абраднасці беларусаў са старажытнасці адлюстравалася гісторыя духоўнай і матэрыяльнай культуры народа. Прыкметы і павер'і далучаюцца да малых жанраў беларускай вусна-паэтычнай творчасці, а таксама з'яўляюцца неад'емнай часткай каляндарна-абрадавай лексікі беларусаў, што абумоўлівае мэтазгоднасць этналінгвістычнага звароту да ўказаных моўных адзінак.

Першы клопат людзей спрадвеку быў аб ураджаі. Людзі назіралі, што, калі і якім чынам лепш зрабіць, каб дасягнуць большага ўраджаю, а гэта паўплывала на якасць жыцця. Вынікі назіранняў народ занатаваў у шматлікіх і разнастайных прыкметах і павер'ях, звязаных з календаром. Лексіка-тэматычная група прыкмет і павер'яў, звязаных з прагназаваннем надвор'я і, адпаведна, будучага ўраджаю выяўляецца самай колькаснай пры семантычнай дыферэнцыяцыі ўказаных адзінак. Аднак разам з клопатам аб надвор'і і ўраджаі прыкметы каляндарнай абраднасці беларусаў, як і ўвогуле, усходніх славян, захоўваюць адлюстраванне турботы аб жывёльным свеце, а таксама аб асабістым лёсе чалавека.

Мэта артыкула – даследаваць лексіка-семантычную разнастайнасць і структурныя адметнасці выяўленых у беларускай каляндарнай абраднасці прыкмет і павер'яў пра асабістае жыццё чалавека і жывёльны свет,

У артыкуле выкарыстаны матэрыял дыялекталагічнага архіва лінгвістычнай лабараторыі кафедры беларускай мовы ўстанова адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны» з указаннем лакалізацыі і захаваннем асаблівасцей мясцовага вымаўлення.

Прыкметы, звязаныя з клопатам і турботамі пра свойскіх жывёл і птушак, якія ў частых выпадках станавіліся сапраўднымі кармільцамі людзей, у беларускай каляндарна-абрадавай лексіцы даволі пашыраныя і распаўсюджаныя.

Дзень Апанаса – 31 студзеня – называецца *Апанасся* (*Апанас, Апанасій*). У Беларусі Апанас лічыўся абаронцам жывёлы ад марозу, а яго дзень – гусіным святам. У народным календары маюцца звязаныя са свойскімі птушкамі назвы *Гусінае свята, Гусеўнік* [1, с. 26]. Лічылася: *калі засталася палавіна корму для жывёлы, то яна выжыве да вясны* [1, с. 26].

На каталіцкае *Блажавешчанне* (25 сакавіка), для якога ўжываюцца назвы *Дабравешчанне* і *Звеставанне*, існаваў звычай «выпускаць з клетак птушак, якія прыспешаць прыход цёплай пары. На Дабравешчанне, вераць людзі, буслы мусяць вярнуцца на радзіму з паўднёвых краёў. Калі гэтага не здарыцца – чакайце да 7 красавіка, тады Блажавешчанне будуць адзначаць праваслаўныя хрысціяне» [2]. Пра гэта народная прымаўка кажа: *Да Блажавешчання зіму не лай і сані трымай* [2].

У прыкметах клопат пра свойскіх жывёл спалучаецца з увагай да паводзін рыб і пчол. На Святкі асабліва ўважлівыя былі пчалары: *Калі на першую Каляду «пульга» (мяцеліца), то пчолы будуць раіцца пад Міколу, калі «пульга» пад Васільеўскую Каляду, то каля Пятра, а калі пад Хрышчэнскую Каляду, то перад Іллёй* [1, с. 23].

На Благавешчанне за надвор'ем сачылі рыбаловы: *Калі на Звеставанне пойдзе дожджык – год будзе грыбны, а рыбаловы спадзяюцца на ўдалую лоўлю рыбы* [4].

Народныя традыцыя заўважае дзень прылёту гракоў 17 сакавіка. Адпаведная і назва прысвятка – *Герасім Гракоўнік*. Паводзіны птушак у гэты дзень паказваюць будучую вясну: *Гракі сядзяць ужо ў гнёздах – на дружную вясну, калі лётаюць бязмэтна або і зусім іх не відаць у аселіцы – вясна будзе павольная, часцей – позняя* [1, с. 41].

Шматлікія прыкметы наконт жывых істот захаваў беларускі народны каляндар адносна *Аляксея Веснавога*, або *Цёплага* (30 сакавіка): *На Аляксея вол павінен з лужы напіцца; Бусько [бусел] кажа: «На Лэксія хоць заб'юся, а з'яўлюся; На Аляксея лёд такі слабы, што яго і рыба хвостом разаб'е»* [1, с. 43]; *На Аляксея шчука лёд б'е* (г. Ветка, перасяленцы з в. Залужжа, Гомельская вобл.); *Аляксея сеці садзіць, лодкі смаліць, рыбу коліць; На Цёплага Аляксея рыба ідзе на нераст, карова на верас, а бортнік на хвою* [1, с. 43].

Пра свойскіх жывёл людзі не забывалі ў вялікія святы. У *Вербную нядзелю* асвячонымі галінкамі вярбы абавязкова «білі» кароў, на што захаваліся прыкметы: *На Вербнае васкрысёне ходзяць з вярбой. Вербачку пасвячаюць, а тады гэту вербачку, як карову калісь выганяюць, то карову вербачкай шлёпаюць, для прыплоду* (в. Пакалюбічы, Гомельскі р-н, Гомельская вобл.); *У Вербнае васкрысёне ездзяць у царкву і вербу свецяць, а патам – трэба палажыць іх за ікону і няхай ляжаць, а вясной імі можна карову ў поля выганяць* (в. Пыхань, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.); *Скаціну б'юць вадзічкай. Як атпраўліш ў поле карову, кладзеш яечка пат калітку. Яечка клалі для таго, каб карова пераступіла праз яго і была штоп поўненькая як яечка* (в. Старое Сяло, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.).

На *Пакроў*, па звестках этнографу, у расійскіх вёсках «беларускія перасяленцы зрывалі рабіну і вешалі на іконы, каб на будучы год у гаспадарцы вадзіўся скот» [3].

Значную па колькасці групу прыкмет каляндарнай абраднасці беларусаў складаюць выразы, накіраваныя на прадказанне асабістага лёсу чалавека. Выдзяляюцца імкненні юнакоў і дзяўчат арыентавацца і нейкім чынам уплываць на будучае вяселле, шлюб і сямейнае жыццё.

На Аляксея Веснавога не ткалі, перад сном дзяўчаты гадалі пра будучае замужжа. *«Святы Олэксію, я на Тобі лён сію. Дай, Божэ, знаты, з кім буду ў пары стаяты»* [1, с. 43].

Прадказанні замужжа адбываюцца на *Троіцу*: *На замужжэ зываюць выночкі з полёвых красок, загадваюць жыланія і вышаюць выночкі на бырозку. Чы звязваюць дзве малыя бырозкі чубамы, загадашы жыланія. Колы прод тыждынь бырозкі ны розвяжутся, то дівчына, якая прыходыць іх развязваты, выйдзе до наступныя Тройцы замуж* (в. Ляхавічы, Іванаўскі р-н, Брэсцкая вобл.).

Назіранне за вянкамі адбываюцца на *Купалле*: *На Купалу вянкi пускалі. Чый вянок наплыве – тая замуж сора пойдзе, а ў каторай вянок затануў – тая замуж не выйдзе і забалее сільна* (в. Меркулавічы, Чачэрскі р-н, Гомельская вобл.).

Неабходна прыгадаць групу прыкмет і павер'яў беларускага народнага календара, якія прадугледжваюць паводзіны асобы ў некаторыя асабліва значныя дні года. Усім вядома, што ў вялікія святы нельга выконваць любыя работы па гаспадарцы. І ў *Вербную нядзелю*, і на *Каляды*, і, бясспрэчна, у *Вялікдзень*. І, канешне, у *Благавешчанне*, калі *птушка гнязда не ўе, а дзяўчына касу не пляце*.

Забараняецца выконваць пэўныя работы ў некаторыя прысвяткі. *Варвара – 17 снежня* – лічыцца жаночым святам: *Нэльзя шыты, ткаты, прасты кудэлю, ну і всі работы нэльзя робыты. Кажуть люды, хто на Варвару будэ робыты, у того всю зыму работа нэ будэ робытыса* (в. Ляхавічы, Іванаўскі р-н, Брэсцкая вобл.).

У іншыя дні прыкметы забараняюць асобныя дзеянні. На *праваслаўнае свята Галавасек* (11 верасня) нельга рэзаць і сячы: *Не рэзалі качаноў і баршча не варылі. Иван не верыў у Бога. Яму галаву адсяклі. Качана ніхто не рэжа* (в. Хальч, Ветка.); *На Галавасек не крышуць качана* (в. Хальч, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.).

Народны каляндар мае традыцыйныя правілы паводзін у іншыя дні. У Вербную нядзелю пасвечаную ў царкве вярбу клалі ў хаце на кут, білі ёй і гаварылі: *Не я б'ю верба б'е будзь багаты як зямля, і сільны як мядзведзь – эта шоб багаты быў і крэпкі, а патам за ікону пакладзеш і няхай ляжыць, дубчыкі тыя* (в. Раманавічы, Гомельскі раён, Гомельская вобл.); *Ездзяць у царкву і вербу свецяць, а патам етымі дубчыкамі, нада родных, друзей пабіць той вярбой, палажыць іх за ікону і няхай ляжаць* (в. Пыхань, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.). Народная свядомасць прапануе адметныя тлумачэнні абраду: *А вярба таго, што, калі Ісус ішоў па зямле, людзі яго прыветставалі і пад ногі кідалі етыя веткі* (в. Пыхань, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.).

У чацвер на перадвельікодным тыдні абавязковая ўборка хаты. Нездарма дзень называецца *Чысты чацвер*: *Чысты чацверг – шоб усё чыста было к Пасцы* (в. Раманавічы, Гомельскі р-н, Гомельская вобл.); *Трэба, шоб хата была прыбраная, нада памыць усё, памяняць усё* (в. Пакалюбічы, Гомельскі р-н, Гомельская вобл.). У гаворках Беларусі захаваліся адметныя абрады і звязаныя з імі прыкметы паводле гэтага дня: *Чацвярговая соль – соль перапальваюць у печы, у чацвёр. Яна становіцца карычневая. І эту соль, калі хто захварэе, ядзяць* (в. Пакалюбічы, Гомельскі р-н, Гомельская вобл.); *Мыюцца, пака сонца не ўзашло, трэба памыцца, каб быць здаровым, шоб не было ніякіх балячак* (в. Пакалюбічы, Гомельскі р-н, Гомельская вобл.); *Эта дома нада прыбіраць, мыць усё, а патам і самім мыцца, каб грахі з сябе за весь год змыць. Нада да чацвярга прыбраць усё, а астальныя дні, да Паскі, ужо нада стравы на стол гатовіць* (в. Пыхань, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.). Часам азначэнне *чысты* набывае ўвесь тыдзень перад Вялікднем: *Чыстая нядзеля (Белая нядзеля) – усё беляць прыбіраюць, сціраюць* (в. Раманавічы, Гомельскі р-н, Гомельская вобл.).

Адпавядаюць каляндарным датам і святам іншыя правілы паводзін людзей. Улетку купацца ў вадаёмах дазвалялася толькі пасля *Пераплаўнай серады*: *Пераплаўная серада – серада на чацвёртым тыдні пасля Вялікадня. Бог пераплывае рэчку. Пасля яе можна купацца* (в. Хальч, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.).

Асаблівым абрадам на Беларусі былі траецкія кусты: *«Куста» раньшэй водылы. Спывалы пісні, всі ждалы, колы він прыйдэ в іх двір. Бо шчыталоса, шчо колы куст прыходыць на двір, то прыносяць богаты ўрожай. Куста водять од хаты до хаты. У нас шчыталоса, шчо тыі лысточкы і голынкы, якіі булы на кусту, допомагають од всіх хвороб. Нужно было тількі постіты взяты іх, колы куста розпронуть* (в. Ляхавічы, Іванаўскі р-н, Брэсцкая вобл.).

Заканчэнне купальнага сезону народны каляндар прызначыў на *Ілью* (2 жніўня): *Послі Іллі нільзя купацца* (г. Ветка, перасяленцы з в. Залужжа, Гомельска вобл.); *Прыдзе Ілля, купацца нельзя* (в. Хальч, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.).

Жнівень ва ўсходнеславянскіх каляндарных традыцыях адзначаецца трыма *Спасамі*: мядовым, яблычным і арэхавым. У беларускай каляндарнай абраднасці больш пашыраныя Мядовы Спас і Яблычны Спас. Перш з іх – 14 жніўня – *Макавей*: *Макавей-загавей, женічыны, у котрых дзеці ўміралі маленькія, не должны яблоко есць* (г. Ветка, перасяленцы з в. Барталамееўка, Гомельская вобл.). Падобныя меркаванні існуюць ва Украіне адносна Другога Спаса. Да гэтага дня не ўжывалі яблыкаў жанчыны, у якіх памерлі дзеці, бо, паводле падання, «в цей день мати Божа роздає діткам на тому світі золоті яблука, а ті, чії батьки порушили обітницю, стоять збоку і плачуть, на що мати Божа відповідає: "Твоє яблуко свиня з'їла"» [5]. Увогуле, Яблычны Спас, натуральна, мае з гэтай садавіной больш моцныя сувязі. У традыцыях усходніх славян не ўжываць яблыкаў да гэтага дня. Беларусы лічылі, што ў выпадку парушэння забароны будуць паміраць дзеці [6, с. 114]. Па ўкраінскіх традыцыях, «правовірні селяни до цього дня не їли садовини, бо це вважалось гріхом» [7]. У. Даль фіксаваў, што «да Другога Спаса не ядуць ніякіх пладоў, акрамя агуркоў» [8, с. 287]. Затое на сам Яблычны Спас – 19 жніўня – яблыкі і пірагі з іх становяцца традыцыйнай стравой: *Пірагі з яблак пяклі* (г. Добруш, Гомельская вобл.). Абавязкова трэба схадзіць у царкву пасвяціць яблыкі і мёд: *Падчас яблачнага спасу свяціць яблыкі ў цэркаў насілі* (г. Добруш, Гомельская вобл.); *У яблачны спас і мёд свяцілі* (г. Добруш, Гомельская вобл.). Частаванне яблыкамі ў гэты дзень мусіла спрыяць ураджаю садавіны: *Повернувшись з церкви, родина, звичайно,*

врочисто сідала за стіл і розговлялася: їли яблука з медом і запивали виноградным або яблуневим вином, – «щоб садовина родила» [7]. З гэтай прычыны, «на другі Спас і жабрак яблычка з’есць» [8, с. 287].

Адзначаныя ў традыцыйным народным календары беларусаў прыкметы і павер’і адносна асабістага жыцця чалавека і жывёльнага свету выяўляюць спрадвечнае гарманічнае ўзаемадзеянне чалавека і прыроды, арыентаванасць людзей на прыродныя з’явы. Народная свядомасць за стагоддзі выпрацавала слухныя рэкамендацыі аб паводзінах чалавека адпаведна з кліматычнымі ўмовамі. Большая частка даследаваных выказаў абаянаецца на адметнасці прыроднага асяроддзя Беларусі. Прыкметы аб лёсе, шлюбe, сямейных адносінах выяўляюць імкненне чалавека наладзіць сваё жыццё, стварыць шчаслівую сям’ю і мець дзетак. Па структурных адметнасцях прааналізаваныя выразы выяўляюць разнастайнасць. Як правіла, гэта – складаназалежныя сказы з даданымі ўмовы ці мэты. Сустрэкаюцца рыфмаваныя выразы. Трываласць захавання разгледжаных моўных адзінак сведчыць аб замацаванні ў сённяшняй народнай свядомасці некаторых духоўных заветаў продкаў.

Літаратура

1. Беларускі народны каляндар / аўтар-ўклад. Алесь Лозка. – Мінск : Полымя, 1993. – 117 с.
2. Корбут, Віктар. Сёння ў каталікоў Звеставанне [Электронны рэсурс] / В. Корбут. – Рэжым доступа : <http://news.tut.by>. – Дата доступа : 23.02.2015.
3. Фурсова, Е.Ф. Календарныя абряды [Электронны рэсурс] / Е.Ф. Фурсова. – Рэжым доступа : <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>. – Дата доступа : 20.01.2013.
4. Коваль, У.І. Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У.І. Коваль. – Гомель : Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.
5. Народні свята [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.sviato.in.ua>. – Дата доступу : 29.09.2011.
6. Фальклорна-этнаграфічная і літаратурная спадчына Рэчыцкага раёна / аўт. уклад. І.Ф. Штэйнер, В.С. Новак. – Мінск : ЛМФ «Нёман», 2002. – 383 с.
7. Воропай, Олекса. Звычай нашого народу: Етнографічний нарис / О. Воропай. – Мюнхен : Українське видавництво, 1958. – 310 с.
8. Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М. : Русский язык, 1980. – Т. 4 : Р–Я. – 683 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 25.02.2015

Юрка Гаўрук – перакладчык санетаў Шэкспіра

І.А. ХОРСУН

Артыкул прысвечаны Юрке Гаўруку і яго перакладам санетаў Уільяма Шэкспіра. Аўтар паступова раскрывае творчую індывідуальнасць выдатнага паэта-перакладчыка праз аналіз перакладаў паасобных санетаў аднаго з самых таямнічых і самых геніяльных асоб сусветнай літаратуры і гісторыі, якім быў Уільям Шэкспір.

Ключавыя словы: мастацкі пераклад, літаральны праязічны пераклад, няроднасныя мовы, паэтычныя асаблівасці, рыфма, мастацкі сродак.

The article is devoted to Yurka Gauruk and his translations of Shakespeare's sonnets. The author gradually reveals the individuality of the great poet and translator (Yu. Gauruk) through his translations of several sonnets created by William Shakespeare, one of the most enigmatic and genial people in the world literature and history.

Keywords: literary translation, literal prose translation, unrelated languages, poetic peculiarities, rhyme, linguistic means.

*«Ёсць паэты, з якімі можна дзяліцца радасцю і
горам, паэты светлага розуму і чыстага сэрца»
Ю. Гаўрук*

Станаўленне нацыянальнай беларускай школы мастацкага перакладу адбылося ў XX ст. Сярод тых, хто стаяў ля яе вытокаў, варта ў першую чаргу назваць імя таленавітага паэта, крытыка, майстра перакладу Юрыя Гаўрука, пра што сведчаць шматлікія згадкі ягоных паслядоўнікаў. Так, Язэп Семяжон артыкул, прысвечаны памяці першапраходцы, так і называе «Урокі настаўніка». Ніл Гілевіч назваў артыкул пра Ю. Гаўрука «Інтэлігент брусаўскай школы». «Быў чалавекам вельмі светлай душы...», так напісаў пра пісьменніка і перакладчыка Юрыя Паўлавіча Гаўрука народны паэт Беларусі. Добрыя згадкі пра ягоную дзейнасць пакінуў А. Ліс і С. Дубавец. І гэта невыпадкова, бо менавіта Юрка Гаўрук стаўся аўтарам першай беларускай кнігі паэтычных перакладаў «Кветкі з чужых палёў». Ён надзвычай многа працаваў над перакладамі. А. Ліс неяк кінуў яму заўвагу: «Юры Паўлавіч, Вы мала гуляеце, адпачываеце. “Няма калі”. “Не хачу застацца пустышкай”», – адказаў Ю. Гаўрук. С. Дубавец высока цаніў пераклады Ю. Гаўрука, адзначаючы, што дзякуючы даробку Юрыя Гаўрука наша культура стала дарослай і роўнай паміж іншымі. І ўявіць яе без яго альбо замяніць яго некім іншым немагчыма [1].

Для таго, каб Юрка Гаўрук стаўся сапраўдным заснавальнікам беларускай школы мастацкага перакладу, былі ўсе падставы. Па сутнасці, яго жыццё было падпарадкавана гэтаму.

Як сведчыць сам Юрыя Паўлавіч Гаўрук, ён атрымаў досыць сур'ёзную адукацыю яшчэ ў Слуцкай гімназіі, падчас навучання ў якой у яго абудзілася выключная цікавасць да сусветнай літаратуры [2, с. 228–230]. Ён ужо тады лічыў, што трэба Беларусь, беларускую культуру далучаць да еўрапейскай, бо не можа нацыянальная культура ў цэлым, і літаратура ў прыватнасці, падняцца, калі будзе адарваная ад еўрапейскай, сусветнай культуры. Вось чаму ў дваццаць тры гады выдаў першую анталогію еўрапейскай паэзіі.

Юрыя Паўлавіч Гаўрук быў выхаванцам Вышэйшага літаратурна-мастацкага інстытута ў Маскве, які потым называўся імем Брусава. З вялікай удзячнасцю Ю. Гаўрук успамінаў выкладчыкаў В. Брусава, М. Цяўлоўскага, В. Пераверзева, Ю. Сакалова. Засталіся ўспаміны аўтара пра асобу Валерыя Брусава, ягоныя лекцыі і экзамен, які здаваў беларускі хлопец выдатнаму паэту і тэарэтыку літаратуры [2, с. 231]. Якраз у гэты час пазнаёміўся і пасябраваў з беларусамі, якія там навучаліся – паэтамі М. Чаротам і У. Дубоўкам.

Творчую дзейнасць Юрка Гаўрук пачаў са збірання і вывучэння беларускага фальклору. Яшчэ ў час навучання ў Маскве Юрыя на канікулах у 1924 г. запісаў на Слуцчыне больш за 1000 народных песень [2, с. 231]. Менавіта ў гэты час, паводле ягонага прызнання, ён адчуў сапраўдную паэзію фальклора і адметнасць роднай мовы.

Пасля завяршэння Інстытута ён працуе ў Беларускай селскагаспадарчай акадэміі ў Горках, а затым у Магілёўскім педагагічным інстытуце дацэнтам кафедры літаратуры, дзе чытаў курс зарубежнай літаратуры і літаратуры народаў СССР [2, с. 232–233].

У дзяржаўным архіве Магілёўскай вобласці захоўваецца асабістая справа дацэнта Ю.П. Гаўрука. З яе бачна, што Юры Паўлавіч добра валодаў некалькімі мовамі, меў шэраг друкаваных і рукапісных работ.

Менавіта ў гэты час і адбылося спалучэнне, арганічнае і плённае, Юркі Гаўрука паэта і перакладчыка. Дастаткова згадаць, што ў 1925 годзе адразу пасля заснавання ён ўдзельнічае ў рабоце горацкага літаратурнага гуртка аршанскай філіі «Маладняка». А ў 1926 г. у выдавецтве «Маладняк» убачыла свет і першая кніга пісьменніка – зборнік нарысаў «Вясковыя рыскі» [Там жа].

Але ж найбольш яскрава талент Ю. Гаўрука раскрыўся ў галіне мастацкага перакладу, пра што ён не аднойчы згадае. У гэты перыяд Юрка Гаўрук і вырашае прышчапіць найлепшыя дасягненні сусветнай паэзіі на беларускую глебу. Невыпадкава ў 1925 г. з’явілася адна з першых яго публікацый – пераклад верша Г. Гейнэ «Ткачы».

Юрка Гаўрук – перакладчык і паэт, які найлепшым чынам перастварыў па-беларуску творы класікаў сусветнай літаратуры, пачынаючы ад Шэкспіра. На працягу ўсёй сваёй творчай дзейнасці Ю. Гаўрук працаваў над перакладамі твораў пераважна заходнееўрапейскай літаратуры. Гэтаму спрыяла і дасканаласць валодання замежнымі мовамі.

Юры Гаўрук з’яўляецца аўтарам першай у Беларусі кнігі паэтычных перакладаў «Кветкі з чужых палёў» (Мн.: Маладняк, 1928). У зборнік увайшлі пераклады з англійскай твораў Дж.Г. Байрана, П.Б. Шэлі, А. Тэнісана, Г. Лангфэла, У. Уітмэна, з нямецкай – Ф. Шылера, Г. Гейнэ, Т. Кёрнэра, з французскай – В. Гюго, Ш. Леконта дэ Ліля, Ш. Бадлера, П. Верлена, А. Тэр’е, з італьянскай – Ф. Петраркі, Дж. Кардучы, А. Нэгры, з польскай – А. Міцкевіча, У. Бранеўскага. Як пісаў сам аўтар: «Гэта быў пачатак, спроба даць нешта нахшталт маленькай анталогіі зарубежнай паэзіі на беларускай мове» [3, с. 5].

У сваёй аўтабіяграфіі пісьменнік адзначае: «Не ведаю, як для каго, а для мяне мастацкі пераклад – творчасць у самым высокім значэнні гэтага слова. Хочацца, каб па-беларуску кожны аўтар, якога перакладаеш, гучаў як найлепш, нічога не траціў і заставаўся самім сабой» [2, с. 232]. І гэта сапраўды так: пераклады Ю. Гаўрука вызначаюцца надзвычай тонкім густам і высокім прафесійным майстэрствам.

У 1925 г. Юры Паўлавіч пераклаў на беларускую мову камедыю У. Шэкспіра «Сон у летнюю ноч». Прэм’ера спектакля была ў Маскве, а потым у Віцебску, куды пераехалі выпускнікі-студыйцы, заснаваўшы 2-гі беларускі тэатр (тэатр імя Якуба Коласа) [2, с. 232]. З гэтага часу вялікі англійскі паэт стаў для Юркі Гаўрука сапраўдным ідэалам.

«Шэкспір! Сумленне часу, мудрасць веку! – Паклон табе, жывому чалавеку.» [4, с. 76] – так Юрка Гаўрук быў уражаны творчасцю вялікага англійскага паэта. Шэсць санетаў ён пераклаў на беларускую мову, два з якіх (Q23 і 65) пераклікаюцца з перакладамі Я. Семязона.

Нельга не згадзіцца з разважаннямі Ю. Гаўрука, які так тлумачыць сваё захапленне Шэкспірам: «Мы любім і вывучаем Шэкспіра, ён блізкі і родны нам таму, што творчасць яго – гэта няспынная пошукі праўды, гэта праяўленне глыбокай веры ў розум чалавека, у тое, што сілы добра рана ці позна абавязкова возьмуць верх над сіламі зла». Праз санеты Шэкспіра мы пазнаем законы прыроды, прычыны жыццёвых з’яў, законы грамадскіх узаемаадносін, натуру чалавека ва ўсёй яе складанасці і яго вострым зрокам заўважаем шмат такога, што здзіўляе нас і цяпер праз чатырыста год [2, с. 24–27].

Надзвычай істотнымі для станаўлення нацыянальнай школы перакладу з’яўляюцца і тэарэтычныя разважанні Юркі Гаўрука аб сутнасці і спецыфіцы перакладу з не блізкароднасных моў.

Ю. Гаўрук піша, што «ўдалы пераклад – гэта не перайманне, а твор жывы, шмат у чым самастойны. Не замяняючы арыгінала, ён як бы стаіць побач з ім, можа з некаторымі стратамі, але і па-свойму добры» [3, с. 4].

Да гэтага хочацца дадаць, што ёсць такое меркаванне – паэтычныя творы класікаў нельга перакласці, бо яны шмат страчваюць ад перакладу. Можа гэта і так. Але калі за гэта бярэцца майстар сваёй справы – Юрка Гаўрук, вершы не губляюць сваёй мілагучнасці і

прывабнасці. Прыкладам гэтага можа служыць пераклад санета 65 У. Шэкспіра. Перакладчык спрабуе выратаваць асноўны вобраз хрупкай прыгажосці, які малюе ў *мядовым подыхе сонечнага лета*, ад Часу (Смерці), які накладвае свой адбітак на ўсё жывое.

*O, how shall **summer's honey breath** hold out
Against the wreckful siege of **battering days**,
When rocks impregnable are not so stout,
Nor gates of steel so strong, but **Time decays**? [5, с. 73]*

*Ці ж можа вытырмаць асаду дзён
Мядовы подых сонечнага лета?
Скрозь – разбурэнне. **Смерць збірае плён,**
Блукаючы ў вобразе шкілета [3, с. 7–8].*

У. Шэкспір прапануе шукаць вечнае каханне ў сваіх рукапісах (*That in black ink my love may still shine bright*), так і Ю. Гаўрук сцвярджае клічным сказам, што «ёсць вечнае на свеце!», і гэта вечнае – любоў.

*Г ўсё ж кажу: ёсць вечнае на свеце!
Сваю любоў я выяўляю ў санеце [3, с. 8].*

*O, none, unless this miracle have might,
That in black ink my love may still shine bright [5, с. 73].*

Заўважым, што Ю. Гаўрук не ўжывае ў сваім варыянце перакладу мадальны дзеяслоў *may (might)*, які надае дадатковае значэнне сумлення. А наадварот, клічным сказам адказвае на чатыры пытанні, якія трывожаць англійскага паэта.

Вядома, што Юрыя Паўлавіча ў гэты час вельмі прыцягвала паэзія Шэкспіра. Таму наш творца перакладае п'есу «Гамлет», «Атэла», «Кароль Лір», «Антоній і Клеопатра», «Сон у летнюю ноч», асобныя санеты. Як лічаць літаратуразнаўцы, Ю. Гаўруку, які займаўся гэтымі перакладамі на працягу ўсяго жыцця, удалося паказаць Шэкспіра ва ўсёй яго шматграннасці і складанасці [6, с. 107–111].

Пераклады Юркі Гаўрука цікавыя з пункту гледжання перадачы мастацкіх вобразаў, матываў, ідэі і арыгінальнасці твора. Акрамя таго, ён сам быў паэтам, а гэта значыць, што яму блізкая паэтычнасць і меладычнасць вершаваных твораў.

Аналізуючы беларускія пераклады твораў У. Шэкспіра, варта ўлічваць і форму арыгінала – санет. Беларускія перакладчыкі захавалі класічную форму дадзенага паэтычнага жанра – 14 радкоў.

Выбраныя санеты аб'ядноўваюць 2 асноўныя тэмы – каханне і мастацтва. Тэмы, якім прысвечана большасць мастацкіх твораў, існуючых у кожнай літаратуры. Ю. Гаўрук спыніў сваю ўвагу на гэтых санетах, таму што перакладчык павінен зразумець аўтарскае ўспрыманне жыцця і адчуўшы яго стыль, усімі даступнымі яму сродкамі выявіць тое лепшае, што закладзена ў твор [3, с. 5].

Вобраз каханай, любай, які прысутнічае ў санетах Шэкспіра, з'яўляецца адным з цэнтральных у санетным цыкле.

Так, у санеце 87 любая паўстае не той, якую сніў аўтар.

*Я ў летуценнях радаваўся многа,
Я сніў цябе – і вось няма нічога [3, с. 8–9].*

*Thus have I had thee, as a dream doth flatter,
In sleep a king, but waking no such matter [5, с. 95].*

Для каханай аўтар паўстае *цяжарам*, яна *незадаволеная*, ён нават гатовы аддаць *вялікі дар* [каханне] [падкрэслена мною. – I. X.].

Іранічна ставіцца аўтар у гэтым санеце да сваёй любай.

*Бывай, бывай! Ты надта дарагая
І надта ўжо сабою даражыш... [3, с. 8–9].*

*Farewell! thou art too dear for my possessing
And like enough thou know'st thy estimate... [5, с. 95].*

*Незадаволена, памылка, дык чаго ж ты?
Бяры сабе назад вялікі дар [3, с. 8–9].*

*So thy great gift, upon misprision growing,
Comes home again, on better judgment making [5, с. 95].*

Санет 89 раскрывае аблічча каханай, якая не адказвае ўзаемнасцю герою, і адначасова аўтара, гатовага прыняць адмову:

*Скажы, няхай пакрышыць сэрца боль,
Што тут мая віна, мая загана,
Што недарэчны я перад табой –
Прыму твай доказ дужа паслухмяна [3, с. 9].*

Замок санета (дысціх), у якім і згадваецца адказ – барацьба з самім сабою, самааналіз, неўспрыманне сябе нялюбага сваёй каханай:

*Пачну з сабою за цябе змагацца:
З табе нялюбым не жадаю знацца [3, с. 9].*

Наступны санет 90 таксама прысвечаны каханню і ўвогуле пачуццям, якія аўтар падзяляе са сваёй любай.

*Твая бяда з маёй бядою прыйдуць,
Як верныя сябры... [3, с. 9].*

Пакуты, расколатыя на драбніцы, няхай шчымяць і рвуць грудзі [3, с. 9].

109-ы санет завяршае шэраг санетаў, выбраных Ю. Гаўруком для перакладу. Ён зноў прысвечаны каханай і аўтар неўпэўнены, ці прыме яго каханая. «*Мяне ты прымеш?*» – дапытваецца ён. Але ў адным ён шчыра ўпэўнены – у сваім пачуцці да яе.

*...Адно я знаю:
Як сонца яснае, цябе кахаю [3, с. 10].*

*For nothing this wide universe I call,
Save thou, my rose; in it thou art my all [5, с. 117].*

Шматгадовая апрацоўка вобразна-выяўленчай сістэмы паэтыкі Шэкспіра сродкамі беларускай мовы стала асновай для беларускага ўспрымання спадчыны Шэкспіра.

Літаратура

1. Дубавец, С. Гаўрук і Шэкспір [Электронны ресурс] / С. Дубавец. – 2014. – Режим доступа : <http://www.svaboda.org/content/transcript/797234.html>. – Дата доступа : 10.10.2014.
2. Гаўрук, Ю. Ступень адказнасці: Літ.-крытыч. артыкул, эсэ. – Мн. : Маст. літ., 1986. – 237 с.
3. Гаўрук, Ю. Агні ў прасторах. Выбраныя пераклады / Ю. Гаўрук. – Мн. : Маст. літ., 1975. – 274 с.
4. Гаўрук, Ю. Узвіхраны ветразь: Вершы. Паэма. Пераклады / Ю. Гаўрук. – Мн. : Маст. літ., 1990. – 328 с.
5. Shakespeare, W. The Sonnets: Poems of Love / W. Shakespeare. – NY : St. Martin's Press, 1980. – 160 p.
6. Ліўшыц, У. Раскопкі вакол Горацкага Парнаса / У. Ліўшыц // Быў чалавекам вельмі светлай душы. – Горкі, 2001. – 237 с.

Влияние степени абстракции на выбор методологической основы изучения концепта

Т.Е. ХРАБАН

Рассмотрена классификация концептов по степени абстракции. Обосновано применение метода многофакторной идентификации, фреймового подхода, психолингвистических методов и приемов в зависимости от степени абстракции концептов.

Ключевые слова: концепт, фрейм, гештальт, абстракция, концептология, психолингвистика.

The classification of concepts according to the degree of abstraction is given. It justifies the use of the method of multi-factor identification, frame method, psycholinguistic methods and techniques depending on the degree of abstraction of concepts.

Keywords: concept, frame, gestalt, abstraction, conceptology, psycholinguistics.

В последние десятилетия в лингвистике были разработаны новые методы и приемы изучения концептов, что вызвано потребностью углубленного изучения способов репрезентации концептов в условиях прогрессирующего межкультурного диалога. Они учитывают передовые постулаты современной науки, ее положительный опыт, а также позволяют прогнозировать дальнейшее развитие семантики лексических средств и вербализации психических процессов.

В концептологии на основе общефилософской методологии сформировалась система исследовательских принципов и способов анализа собственного объекта, которая является методологией этой научной отрасли. Известная украинская ученая Е. Селиванова отмечает, что специфика каждой из методологий в языкознании «отражается на рассмотрении проблем соотношения языка и сознания, системности языка, онтологической и гносеологической природы языкового знака, языковых изменений, языковой вариативности, связи языка и общества, языка и вещания (речевой деятельности), интерактивного взаимодействия в процессе коммуникации, синергетической природы языка, текста и дискурса» [1, с. 14].

В исследованиях, проведенных представителями отечественных и зарубежных концептологических школ, существуют некоторые различия в использовании методов и приемах исследования концептов. В качестве основания существующих классификаций предлагаются самые разнообразные параметры. Концепты могут быть разделены по степени абстракции. Классификация концептов как единиц различной степени абстракции присутствует в работах Н. Болдырева, З. Поповой и И. Стернина, В. Карасика. Согласно данной классификации, концепты являются универсалиями духовной культуры и относятся до абстракций высшего уровня. На самом низшем уровне расположены концептуализации природных и артефактных объектов. При выборе методов и подходов для исследования концептов следует учитывать степень абстракции изучаемых концептов. К абстракциям высшего уровня относятся гештальты.

Российская ученая И. Куприева определяет гештальт как «сложную организованную систему, которая благодаря своему стабильному инвариантному каркасу обеспечивает единую концептуальную базу для объединения лексики психических процессов. Атракция системы гештальта соответствующих лексических средств происходит в результате естественного отбора на основании способности лексем системно и/или функционально актуализировать следующие идентификаторы гештальта: субъективность, спонтанную активность, чувственную недостижимость и предметность» [2, с. 9].

Поскольку человек чаще мыслит ассоциациями, ориентируясь на жизненный опыт, стереотипы, мифологические представления, то глубина гештальтов относительно языка проявляется в когнитивной метафоре. Так, на поверхностно-языковом уровне один и тот же гештальт может реализоваться как разные концепты, и только специальные изыскания могут ус-

тановить их единство. Например, гештальт *зло* продуцирует на языковом уровне высказывание, как «Зло – это просто отсутствие Бога. Оно похоже на темноту и холод – слово, созданное человеком чтобы описать отсутствие Бога. Бог не создавал зла. Зло – это не вера или любовь, которые существуют как свет и тепло. Зло – это результат отсутствия в сердце человека Божественной любви. Это вроде холода, который наступает, когда нет тепла, или вроде темноты, которая наступает, когда нет света» [3].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что метод многофакторной идентификации наиболее плодотворный при исследовании гештальтов.

Так, например, ученая О. Егорова в своем диссертационном исследовании «Нравственно-оценочные категории “добро” и “зло” в лингвокогнитивном аспекте: на материале русского и английского языков» выделяет несколько аспектов, представленных в гештальтах добро / зло: религиозно-философский, морально-нравственный, субъективно-психологический и прагматический [4, с. 6–7]. Исследуя гештальты *good / evil* в произведениях англоязычных писателей, нами были выделены религиозно-философский, морально-нравственный, информационно-прагматический и символический аспекты. При этом лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими религиозно-философский аспект являются: God, Lord, the Almighty, Saint, sacrifice, love, spirit, soul, divine entity; репрезентантами гештальта *evil*: Devil, Satan, Armagedon, Prince of Darkness, crucifixion, corruption, Demon, bale, monster, vampire, witch, werewolf, body, impurity, perversity, defect, diabol.

Лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими морально-нравственный аспект являются: vitur, kindness, magnanimity, integrity, morality, probity, purity, rectitude, righteousness, benevolence, goodness, uprightness, honesty, sincerity, justice; репрезентантами гештальта *evil* являются: badness, foulness, immorality, wickedness, dissoluteness, viciousness, corruption.

Лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими информационно-прагматический аспект являются: charity, compassion, help; репрезентантами гештальта *evil* являются: Holocaust, bullying, rape, theft, terrorism, looting, atrocities, horrors, the Rwandan genocide, terrorist attack, killing, fear, dread, dismay, pillage, cruelty, brutality, crime, offence, violation, assassination, torture, agony, manslaughter, massacre, flame, conflagration, war.

Лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими символический аспект являются: Christ, tank; репрезентантами гештальта *evil* являются: Hitler, Stalin, Mao, corrosive gas, drooling beast, Radical Islamists, zealot, Saddam, Nazis, Al-Qaeda.

Таким образом, метод многофакторной идентификации позволяет проанализировать единый сложный концепт-впечатление, гештальт по своей структуре. Данный метод отражает динамическую природу концепта, который содержит сгусток образов, впечатлений и смыслов.

Фреймовый подход представляется одним из наиболее перспективных методов когнитивного исследования соотношения семантического пространства языка и структур знания, стоящих за определенными лексическими единицами, а также позволяет провести наиболее объективный и полный анализ отдельных лексем при исследовании абстракций среднего уровня.

В. Денисова выделяет следующие основные признаки фреймово-слотовой модели:

«1) обязательное наличие семантической сферы (в терминах теории регулярной многозначности), к которой относятся охватываемые моделью лексемы в первичном значении; 2) образная область, к которой относятся охватываемые моделью лексемы в переносном значении; 3) образ, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью языковых единиц; 4) типовые для конкретной модели динамические сценарии и схемы, отражающие наиболее характерные для данной понятийной сферы последовательности развития событий; 5) относящиеся к данной модели слоты, каждый из которых понимается как фрагмент социальной / профессиональной / наивной языковой картины мира индивида, структурирующие соответствующую концептуальную сферу и включающие определенную часть фрейма, некий аспект его конкретизации» [5, с. 6–7].

Для примера рассмотрим фреймово-слотовую модель исследования концепта *war* как абстракции среднего уровня.

В произведениях английских и американских писателей конца XX – начала XXI ст. концепт представляет собой достаточно объемную организацию слотов. Наиболее широко в

вышеуказанных произведениях представлены следующие слоты: работа, ненависть, враг, соратник, ранение, смерть, величие (нравственный аспект), грязь (материальное явление), разрушение, страх. Следует упомянуть точечные концепты, которые также являются вербализаторами концепта *war*, но представлены уже: армия, оружие, атака, победа/поражение, командир, позор, агрессия.

Фреймово-слотовая модель представляется нам наиболее продуктивной при анализе вербальной репрезентации образа и объективации субъектно-модальной оценки какого-либо фрагмента действительности. Слоты концентрируются вокруг некоторого обобщенного обыденного понятия *war*, в результате чего создается определенный смысловой контекст. В своем единстве разновидности образной репрезентации (сенсорно-перцептивная образность, знаково-символическая интерпретация первичных образов) представляют собой ассоциативно-деривационную сущность фрейма. Таким образом, используемые на его основе языковые знаки становятся его образными единицами. Они несут не только необходимую информацию, но и выражают необозримый спектр человеческих эмоций.

При исследовании абстракций низшего уровня характерно использование психолингвистических методов и приемов, которые характеризуются выходом на уровень собственно когнитивных процессов, связанных с особенностями репрезентации знаний, стоящих за словом в сознании человека, и выделение когнитивной модели – интеллектуального механизма, определяющего алгоритм формирования структуры субъективного значения и соотношение субъективного и объективного в значении слова как единице индивидуального сознания.

В психолингвистике акцент смещен на экспериментальное изучение психологической структуры значения, отраженной системой ассоциативных связей, на выявление системности всех знаний, передаваемых культурой через психологическое значение.

Особенно широко при изучении абстракций низшего уровня используется метод ассоциативного эксперимента и метод субъективных дефиниций (рецептивный эксперимент). Эти методы опираются на представление о процессе формирования психологической структуры значения. Российская ученая И. Бубнова отмечает, что вследствие понимания психологической структуры значения как единицы сознания в отличие от системного значения, иерархия комплексов признаков может выстраиваться на совершенно других основаниях: «В таком подходе заключено весьма существенное прагматическое содержание: он позволяет представить субъективное значение как неделимое единство, состоящее, с одной стороны, из стабильных, культурно значимых, конвенционально закрепленных компонентов, а с другой – элементов динамических, обусловленных внутренней историей развития человека. В этом случае существует возможность, сопоставляя два типа значения – значение, зафиксированное в словарях, и значение как единицу индивидуального сознания – между собой, выявить характер соотношения объективного и субъективного в составе структуры субъективного значения, а также динамику слова не только в сознании отдельного носителя языка, но и в языке в целом» [6, с. 17].

В контексте с вышесказанным У. Трофимова отмечает, что при описании и систематизировании исследуемого пространства языка мы сталкиваемся с различными процессами, которые могут быть классифицированы по указанию на отношение к норме: кодифицированная и интуитивная: «Кодифицированная семантизация – закрепленная в словаре с установкой на норму, соответственно единственность. Интуитивная семантизация – наблюдаемая в коммуникативном процессе или полученная экспериментальным способом – набор семантических признаков и стратегий, находящихся в отношении жесткой или свободной корреляции. В настоящее время мы только можем предполагать наличие определенных закономерностей в процессах интуитивной семантизации» [7, с. 36–37].

Анализируя особенности семантизации тематически связанных слов в психолингвистическом эксперименте, ученая отмечает, что испытуемым не свойственно строить классификации, основанные исключительно на родо-видовом принципе. Участники эксперимента в процессах категоризации (объединения предметов и подведения их под единый класс) используют различные стратегии, причем самоотчеты не всегда адекватно описывают выделяемую группу. Это свидетельствует о том, что для индивида характерно стремление к прагматической классификации окружающего мира, различие в процессах категоризации заключается не в переходе от одной стратегии к другой, а способности к владению различными стратегиями.

Таким образом, структура концепта во время психолингвистического эксперимента может быть описана через такие понятия, как «аттрактор», рассматриваемый как «имя» концепта, или его перцептивный образ, ядро, притягивающее множество элементов обширной ассоциативной сети индивида, и «параметры порядка», выступающие в качестве ментальных опор, организующих разнородные ассоциативные элементы вокруг ядра концепта [8].

Например, при проведении нами ассоциативного эксперимента концепт «женщина в интернет-коммуникации» в языковом сознании англоязычных респондентов приобрел такой вид:

Ядро: an adult female, human being.

Близкая периферия: student (9), data (9), expert (7), business (6), occupation (6), advice (5), information (4), communication (4), travel (4), use (4), custom (4).

Дальняя периферия: studies (3), analyze (3), reservation (3), to make an order (3), real (3), contemporary (3), sociable (2), skilful (2), easy to talk (1), executive (2), place of work (2), employ (2), discussion (2), talk (2), review (2), habit (2), addiction (2), practice (1), ease (2), convenience (2).

Крайняя периферия: whim (1), lecturer freak (1), profit (1), income (1), offer (1), attempt (1), try (1), suggestion (1), profession (1), reader (1), learning (1), fancy (1), affable (1), agreeable (1), consideration (1), debate (1), lookup (1), check (1), finding (1), searching (1), quest (1), seeking (1), retrieval (1), to process (1), to collect (1), fun (1), rest (1) [9, с. 176].

Несмотря на особенности при выборе методов и подходов при изучении концептов, следует отметить необходимость комплексного подхода, который включает: общефилософский подход, способствующий пониманию онтологии объекта; антропоцентрический подход, помогающий выявить «человеческий фактор» в языке; системный подход, позволяющий рассматривать смысловую сферу, репрезентирующую изучаемые концепты в целостности составляющих ее элементов. Это дает возможность наиболее адекватно и полно сформулировать обобщенную дефиницию значения.

Литература

1. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: напрями і проблеми: Підручник. / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К., 2008. – 712 с.
2. Куприева И. Механизмы вербализации ментальных структур лексемами со значением «психические процессы» в англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И.А. Куприева. – Белгород, 2014. – 42 с.
3. Академия живого бизнеса. Метафора [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.akademiki.biz/forum/lofiversion/index.php/t10.html>. – Дата доступа : 15.02.2015.
4. Егорова, О.А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О.А. Егорова. – Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 2005 – 25 с.
5. Денисова, В.В. «Фреймово-слотовая модель как отражение динамики образа» [Электронный ресурс]. / В.В. Денисова. – Режим доступа : tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=12. – Дата доступа : 17.02.2015.
6. Бубнова, И. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.19 / И. Бубнова. – М, 2008. – 51 с.
7. Трофимова, У.М. О некоторых особенностях семантизаций тематически связанных слов в психолингвистическом эксперименте / У.М. Трофимова // Вопросы филологии: Научный журнал. – 2005. – № 1. – С. 33–40.
8. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. – 1988. – № 1. – С. 108–140.
9. Храбан, Т.Е. Ассоциативный эксперимент как средство выявления национальной специфики гендерного концепта «женщина в интернет-коммуникации» в сознании носителей современного русского и английского языков / Т.Е. Храбан // Современные научные направления: от прикладных исследований до инноваций : сб. докл. IV междунар. Форума молодых ученых, 17–20 марта 2014 г. – Часть 7. – Казахстан, Усть-Каменогорск, 2014. – С. 173–178.

УДК 811.161.3'367.335.2:398.91

Беларускія парэміі са структурай складаназалежнага сказа

Н.П. ЦІМАШЭНКА

Выяўлены парэмічныя канструкцыі са структурай складаназалежнага сказа. Разгледжаны семантыка-сінтаксічныя адносінныя паміж прэдыкатыўнымі часткамі гэтых сінтаксічных адзінак.

Ключавыя словы: семантыка, сінтаксіс, парэмія, сказ, галоўная частка, даданая частка.

The paremic constructions with the structure of the complex sentence are discovered. Semantic and syntactical relations between predicative parts of these syntactical units are considered.

Keywords: semantics, syntax, paremia, sentence, principal clause, subordinate clause.

Вусная народная творчасць – важнейшая частка духоўнай культуры народа. Яшчэ задоўга да таго, калі мастацкае слова было зафіксавана ў помніках пісьменнасці, народ выяўляў свае настроі і думы ў песнях, казках, паданнях, якія былі першымі праявамі яго мастацкай творчасці. Яны на працягу многіх гадоў і стагоддзяў свайго бытавання перадаваліся, становіліся сапраўднымі творами мастацтва. Не з’яўляюцца выключэннем і беларускія прыказкі і прымаўкі, у якіх адлюстраваліся ўсе важнейшыя асаблівасці народнага жыцця з самых далёкіх часоў: сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць, любоў да Радзімы, сяброўства і вернасць, сям’я і каханне, здароўе, сіла, хвароба і інш. Зараз цяжка вызначыць, з якога перыяду чалавечай гісторыі пачынаецца гэтая разнавіднасць народнай мудрасці. Відавочна, старажытныя прыказкі і прымаўкі, звязаныя з усведамленнем чалавекам свайго месца ў навакольным асяроддзі, перадаваліся з пакалення ў пакаленне. Беларускія парэміі былі і застаюцца энцыклапедыяй народнага жыцця. Мы не знойдзем такога ўчастка побыту, узаемаадносін паміж людзьмі і прыродным асяроддзем, якія не знайшлі адлюстравання ў народнай мудрасці.

Беларускія прыказкі і прымаўкі маюць структуру сказа. У дадзеным артыкуле намі будуць прааналізаваны беларускія парэмічныя канструкцыі, якія суадносяцца са складаназалежнымі сказами (разгледжана больш за 1000 такіх сінтаксічных пабудоў).

У лінгвістычнай навуковай літаратуры складаназалежны сказ разумецца як складаны сказ, у якім пры дапамозе падпарадкавальных злучнікаў або злучальных слоў аб’ядноўваюцца сінтаксічна нераўнапраўныя прэдыкатыўныя часткі. Складаназалежны сказ складаецца з дзвюх нераўнапраўных прэдыкатыўных частак, у якіх адна частка паясняе другую і сінтаксічна ёй падпарадкоўваецца. Фармальным паказчыкам гэтай залежнасці выступаюць падпарадкавальныя злучнікі і злучальныя словы. У структуры беларускіх прыказак і прымавак, што адпавядаюць складаназалежным сказам, даданая частка можа знаходзіцца пасля галоўнай (*Былі такія рокі, што паны браліся ў бокі* [1, с. 61]; *Там добрая рада, дзе шчырая парода* [1, с. 94]), перад галоўнай (*Дзе адзін пануе, там сто гаруе* [1, с. 62]; *Чыя сіла, таго і праўда* [1, с. 77]; *Хто мову і веру мяняў, той не то сябе – і суседа прадаваў* [1, с. 84]; *Дзе быць, там трэба рабіць* [1, с. 101]) і ў сярэдзіне галоўнай часткі (*Там, дзе згода, заўсёды добрая прыгода* [1, с. 94]; *Гаспадынь, што з голаду паміраюць, пад прыпечкам хаваюць* [1, с. 166]).

Паміж галоўнай і даданай часткамі могуць выражацца розныя віды семантыка-сінтаксічных адносін. Яны абумоўлены зместам галоўнай часткі і перш за ўсё тым, які член галоўнай часткі паясняецца і якімі моўнымі сродкамі ажыццяўляецца гэта паясненне. У залежнасці ад гэтага паміж галоўнай і даданай часткамі існуюць наступныя віды семантыка-сінтаксічных адносін: суб’ектныя, працэсуальныя (прэдыкатыўныя), аб’ектныя, атрыбутыўныя (азначальныя) і розныя віды акалічнасных адносін. У складаназалежных парэмічных канструкцыях прадстаўлены наступныя тыпы даданых частак:

1. Даданая дзейнікавая частка, якая служыць для выражэння суб’ектных адносін. Яна кампенсуе адсутны дзейнік у галоўнай частцы або раскрывае канкрэтны змест дзейніка галоўнай часткі, выражанага ўказальным займеннікам (*той, тая* і г. д.) або азначальным займеннікам

(*кожны, усякі, усе і г. д.*). Даданая дзейнікаявая частка звязваецца з галоўнай пры дапамозе злучнікаў і злучальных слоў *хто, што, як і інш.*: *Не той піва п'е, хто варыць* [1, с. 68]; *Той мае, хто ў руках трымае* [1, с. 71]; *Добра, як сусед блізка і пералаз нізка* [1, с. 89]; *Хто мае, той не дбае* [1, с. 120]; *У каго баляць косці, той не думае ў гасці* [1, с. 173]; *Не кожны (той) спіць, хто храпе* [1, с. 223]; *Пазычае, хто свайго не мае* [1, с. 229]. Даданая дзейнікаявая частка з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

2. Даданая выказнікаявая частка, якая служыць для выражэння працэсуальных адносін. Яна канкрэтызуе значэнне выказніка галоўнай часткі, выражанага займеннікамі *такі, гэтакі, той* у форме Н. склону, зрэдку Тв. склону. Даданая выказнікаявая частка аб'ядноўваецца з галоўнай пры дапамозе, як правіла, злучальных слоў *хто, што, які і інш.*: *З якім спазнаешся, такім станешся* [1, с. 90]; *Які госьць, такое і частаванне* [1, с. 96]; *Якая птушка, такое і гняздзечка* [1, с. 148]; *Які куст, такі і адростак* [1, с. 148]; *Які Хомка, такая яго і жонка* [1, с. 148]; *Абед на абед – не тое, што кій на кій* [1, с. 165].

3. Даданая азначальная частка, што характарызуе прадмет ці прымету прадмета, пра які паведамляецца ў галоўнай частцы. Сам прадмет абазначаны назоўнікам, а яго прымета – указальным займеннікам (*той, такі, гэтакі*). Для сувязі даданай азначальнай часткі з галоўнай ужываюцца, як правіла, злучальныя словы *што, які і інш.*: *Тым панам рукі паадсыхалі, што ад сябе гарнулі* [1, с. 71]; *Благая тая птушка, што свайго гнязда не пільнуецца* [1, с. 81]; *Адсохне хай тая рука, што на бацьку падымаецца* [1, с. 127]; *Злавілі плотку, што не лезе ў лодку* [1, с. 206]; *Няма такога дрэва, каб на яго птушка не сядала* [1, с. 229].

4. Даданая дапаўняльная частка, якая канкрэтызуе дапаўненне галоўнай часткі, выражанае ўказальным займеннікам (*той, тая, тое, тыя*) ці азначальным займеннікам (*кожны, усякі, усе, усё*); выконвае ролю дапаўнення ў адносінах да выказніка галоўнай часткі. Даданая дапаўняльная частка звязваецца з галоўнай пры дапамозе злучнікаў і злучальных слоў *хто, што, як, ці, каторы і інш.*: *Народ таго заве героем, хто б'е фашыстаў смертным боем* [1, с. 56]; *Што нам сулілі, тое самі з'елі* [1, с. 57]; *Каторы конь цягне, таго і паганяюць* [1, с. 66]; *Што маю, тым прымаю* [1, с. 95]; *Пытаецца люты, ці добра абуты* [1, с. 114]; *Хай багачы дзівяцца, чым беднага дзеці жывяцца* [1, с. 125]; *Вазьмі, Даніла, што нам няміла* [1, с. 279]. Даданая дапаўняльная частка з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

5. Даданая частка спосабу дзеяння, што паказвае, якім чынам або якім спосабам ажыццяўляецца тое, пра што паведамляецца ў галоўнай частцы. Яна раскрывае змест акалічнасці спосабу дзеяння, якая выражана прыслоўем *так* у галоўнай частцы. Радзей адносіцца да дзеяслова-выказніка галоўнай часткі. Асноўнымі сродкамі сувязі выступаюць злучнікі і злучальныя словы *як, як бы і інш.*: *Як ты мне, так я табе* [1, с. 96]; *Як будзем рабіць, так і будзе радзіць* [1, с. 121]; *Як маем, так ужываем* [1, с. 176].

6. Даданая частка месца, якая служыць для выражэння прасторавых адносін з галоўнай часткай. Даданая частка змяшчае ўказанне на месца ці прастору, дзе адбываецца або знаходзіцца тое, пра што паведамляецца ў галоўнай частцы. Яна кампенсуе акалічнасць месца пры выказніку ў галоўнай частцы або паясняе ці ўдакладняе змест такой акалічнасці, якая выражана прыслоўямі тыпу *тут, там, туды, адтуль і г. д.* Для сувязі прэдыкатыўных частак ужываюцца злучальныя словы *дзе, куды, адкуль, дакуль і інш.*: *Дзе адзін пануе, там сто гаруе* [1, с. 62]; *Там добра, дзе нас няма* [1, с. 83]; *Куды людзі, туды і я* [1, с. 86]; *Адкуль прыйшоў, туды і пайшоў* [1, с. 190]; *Адкуль дым, адтуль і полымя* [1, с. 190]. Даданая частка месца з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

7. Даданая частка часу, якая служыць для выражэння часавых адносін з галоўнай часткай. Даданая частка паказвае на час ажыццяўлення таго, пра што паведамляецца ў галоўнай частцы. Яна кампенсуе акалічнасць часу пры выказніку ў галоўнай частцы або раскрывае змест такой акалічнасці ў галоўнай частцы, якая выражана суадноснымі словамі (прыслоўямі) *тады, заўсёды, датуль*. Для сувязі прэдыкатыўных частак ужываюцца злучнікі *калі, як, пакуль, ледзь і інш.*: *Тады багатыя рады, калі ў бедных пайшлі звады* [1, с. 71]; *Пакуль з багатага пух, то з беднага дух* [1, с. 69]; *Гуляй, дзяцінка, пакуль добрая гадзінка* [1, с. 78]; *Калі вясной запяе ўдод, сей боб* [1, с. 104]; *Тады сена касі, як косіцца* [1, с. 117]; *Датуль нявестка была міла, пакуль бруд з хаты насіла* [1, с. 130]; *Тады дзеўка стала пышна,*

як замуж выйшла [1, с. 143]; Як матка памерла, дык бацька аслеп [1, с. 148]; Як сіраце жаніцца, ноч кароткая [1, с. 149]. Даданая частка часу з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

8. Даданая частка прычыны, якая служыць для выражэння прычынных адносін з галоўнай часткай. Даданая частка кампенсуе акалічнасць прычыны пры выказніку ў галоўнай частцы або раскрывае змест такой акалічнасці ў галоўнай частцы, якая выражана ўказальнымі займеннікамі або прыслоўямі. Для сувязі прэдыкатыўных частак ужываюцца злучнікі *бо, таму што* і інш.: *Багаты абы-што хапае, бо свайго ліку не мае* [1, с. 59]; *Добра багатаму красці, бо ёсць да чаго прыкласці* [1, с. 63]; *Не косіць Федзька, бо ў торбе рэдзька* [1, с. 170]; *Не вастры зубоў, бо есці не будзеш* [1, с. 284].

9. Даданая частка мэты, якая служыць для выражэння мэтавых адносін з галоўнай часткай. Даданая частка раскрывае мэту або прызначэнне таго, пра што паведамляецца ў галоўнай частцы. Для сувязі прэдыкатыўных частак ужываюцца злучнікі *каб, для таго каб, з тым каб* і інш.: *Каб бачыць ворага спіну, бі яго ў лоб* [1, с. 79]; *Прыглядай гасцей, каб хадзілі часцей* [1, с. 93]; *Трэба ўлетку назбіраць, каб узімку было што жаваць* [1, с. 117]; *Хлеб сцякла, каб яна з двара ўцякла* [1, с. 276]; *Рука руку мае, каб абедзве чыстыя былі* [1, с. 315].

10. Даданая частка ўмовы, якая служыць для выражэння ўмоўных адносін з галоўнай часткай. Даданая частка паказвае, пры якіх абставінах адбываецца або можа адбывацца дзеянне, названае ў галоўнай частцы. Даданая частка ўмовы звязваецца з галоўнай пры дапамозе злучнікаў *калі, каб, як* і інш.: *І свіння гаспадыня, калі мукі скрыня* [1, с. 64]; *Калі худ, то ў кут* [1, с. 65]; *Калі з'елі кароўку, то з'ежце і вяроўку* [1, с. 75]; *Калі ў школе з матчынай гаворкі пасмяецца, то на старасці ад маткі адрачэцца* [1, с. 82]; *Чаму ж не выпіць, калі чарка поўная* [1, с. 95]; *Як добрая сваякроў, то добрая і нявестка* [1, с. 148]; *Забіла б і баба лося, каб ёй удалося* [1, с. 297].

11. Даданая частка ўступкі, якая служыць для выражэння ўступальных адносін з галоўнай часткай. У гэтым выпадку змест даданай часткі супярэчыць фактам, з'явам або падзеям, пра якія паведамляецца ў галоўнай. Гэтыя з'явы і падзеі існуюць, адбываюцца нібы насуперак таму, пра што гаворыцца ў даданай частцы. Даданая ўступальная частка звязваецца з галоўнай пры дапамозе злучнікаў *хоць, хай (няхай), нягледзячы на тое што*, а таксама злучальных слоў *дзе, куды, як, хто, што* ў спалучэнні з часціцай *ні*: *Хоць грошай ні гроша, затое слава хароша* [1, с. 72]; *Хоць я не багаты, а з гасцей рады* [1, с. 95]; *Вясна красна, хоць галадна* [1, с. 99]; *Хоць рукі чорныя, але работа белая* [1, с. 119]; *Вада вадю, колькі яе ні вары* [1, с. 194]; *Колькі ні хавай, а ўсё роўна босага пахаваюць* [1, с. 282].

12. Даданая параўнальная частка, якая служыць для выражэння параўнальных адносін з галоўнай часткай. Даданая параўнальная звязваецца з галоўнай часткай пры дапамозе злучнікаў *як, нібы, што, чым, як быццам* і інш.: *Гандляваць лягчэй у краме, чым касіць у пана* [1, с. 61]; *Лепей з ваўком у лесе стрэцца, як на панскай печы грэцца* [1, с. 66]; *На пазычаным хлебе касіць – што на лечаным кані ў дарогу ехаць* [1, с. 67]; *Лепей у сваіх людзях з голаду паміраць, чым у чужых людзях золата збіраць* [1, с. 82]; *На чужыне чужы да чужога, як у лесе сляпы да сляпога* [1, с. 142]; *Ад добрага цяжэй адвыкаць, як да добрага прывыкаць* [1, с. 190]; *З дурным сварыцца, як з вадю біцца* [1, с. 268]; *Віляе, як сабака хвостом* [1, с. 309]. Даданая параўнальная частка з'яўляецца прадуктыўным тыпам ў структуры беларускіх парэмій.

Такім чынам, складаназалежныя сказы з рознымі відамі даданых частак шырока прадстаўлены сярод прыказак і прымавак. Асабліва частотнымі (прадуктыўнымі) з'яўляюцца наступныя даданыя часткі: дзейнікаявая, дапаўняльная, даданыя месца, часу, параўнання. Менш распаўсюджана ўжыванне даданых выказнікавых, азначальных, мэтавых, умоўных, уступальных. Адзінкавымі прыкладамі прадстаўлены парэмічныя канструкцыі з даданымі часткамі прычыны і спосабу дзеяння. Астатнія тыпы даданых частак (меры і ступені, выніковая, далучальная) не выяўлены намі ў структуры беларускіх парэмій, якія суадносяцца са складаназалежнымі сказами.

Неабходна адзначыць, што сярод беларускіх прыказак і прымавак сустракаюцца такія складаназалежныя канструкцыі, дзе даданая частка, акрамя свайго асноўнага значэння, мае дадатковае семантычнае адценне: *Не можна і брату верыць, калі зямлю мерыць* [1, с. 68]

(даданая часу з адценнем умовы); *Ніхто не знае, як купец купляе* [1, с. 68] (даданая дапаўняльная з адценнем спосабу дзеяння); *І госць рад, калі сам гаспадар дасць прыклад* [1, с. 90] (даданая дапаўняльная з адценнямі часу і ўмовы); *Кладучыся спаць, падумай, як устаць* [1, с. 106] (даданая дапаўняльная з адценнем спосабу дзеяння); *Мілая тая дарожка, кудую я да мамы хадзіла* [1, с. 136] (даданая азначальная з адценнем месца); *Усё забудзеш, калі хлеба не здабудзеш* [1, с. 173] (даданая ўмовы з адценнем часу); *Быў час, калі дзеўкі любілі і нас* [1, с. 295] (даданая азначальная з адценнем часу). Наяўнасць дадатковых семантычных адценняў тлумачыцца ўжываннем адпаведных сродкаў сувязі і семантыкай сказа ў цэлым.

У складаназалежных сказах могуць аб'ядноўвацца тры і больш прэдыкатыўныя часткі, паміж якімі выражаюцца розныя віды семантыка-сінтаксічных адносін. Складаназалежныя сказы з некалькімі даданымі ў адпаведнасці з іх структурай і ўзаемаадносінамі паміж часткамі падзяляюцца на дзве групы: складаназалежныя сказы з сузалежным падпарадкаваннем і складаназалежныя сказы з паслядоўным падпарадкаваннем. Пры сузалежным падпарадкаванні кожная даданая частка непасрэдна залежыць ад адной галоўнай. Такого тыпу сінтаксічныя канструкцыі шырока прадстаўлены сярод беларускіх парэмій: *Не гаспадыня, што на ніўцы краскі, а пад акном крапіва* [1, с. 110]; *Рабі не тады, калі хочаш, а калі можаш* [1, с. 114]; *Не тое багацце, што цесць з цешчаю далі, а што маладыя самі нажывалі* [1, с. 138]; *Там добрая дзея, дзе два арэ, а трэці сее* [1, с. 143]; *Хоць кульгавы, хоць насаты, але хітры і багаты* [1, с. 146]; *Вялікае дзіва, што карова чорная, а малако сівае* [1, с. 182]; *Кожны ведае, калі выбіраецца, а не ведае, калі вернецца* [1, с. 212]. У складаназалежных сказах з паслядоўным падпарадкаваннем некалькіх даданых частак кожная наступная частка падпарадкавана сваёй папярэдняй. Такім чынам, кожная даданая частка, за выключэннем апошняй, з'яўляецца і галоўнай у адносінах да наступнай: *Хто аддае ніўцы, што яна родзіць, той да суседа па хлеб не ходзіць* [1, с. 119]; *Калі скажуць, што ты п'яны, то кладзіся спаць* [1, с. 159]; *Каб ведаў, дзе навалішся, то саломкі падаслаў бы* [1, с. 208]; *Каб ведаў, дзе навалішся, то абышоў бы* [1, с. 209]. Акрамя таго, намі выяўлены адзінкавыя парэмічныя канструкцыя, якія суадносяцца са складаназалежнымі сказамі са змешаным падпарадкаваннем, калі сузалежнае і паслядоўнае падпарадкаванне прадстаўлены адначасова: *Еж, пакуль рот свеж, бо як памрэш, і колам не ўваб'еш* [1, с. 167].

Пунктуацыйнае афармленне беларускіх парэмічных канструкцый са структурай складаназалежнага сказа адпавядае правілам пастаноўкі знакаў прыпынку ў складаназалежным сказе. У большасці выпадкаў прэдыкатыўныя часткі раздзяляюцца паміж сабой коскай: *І кошка бліноў напачэ, калі сала сцяцэ* [1, с. 64]; *Як дойме ліха, прарэжуцца зубы* [1, с. 74]; *У каго дзеці, у таго ічасце* [1, с. 144]. Аднак выяўлены выпадкі пастаноўкі працяжніка паміж часткамі складаназалежных парэмічных канструкцый: *Калі «кацюшы» песні зальюцца – шматкі ад фашыстаў застаюцца* [1, с. 55]. Гэта тлумачыцца размяшчэннем даданай часткі перад галоўнай і суправаджэннем узмоцненай інтанацыяй. У адзінкавых выпадках пастаноўка працяжніка паміж часткамі складаназалежнага сказа не адпавядае правілам беларускай пунктуацыі: *З'ехаў на чужыну – як зваліўся ў дамавіну* [1, с. 81]; *Колас ад коласа – што не чуваць чалавечага голаса* [1, с. 106].

З вышэйадзначанага відаць, што структура беларускай парэміі шырока прадстаўлена складаназалежнымі сінтаксічнымі канструкцыямі, разнастайнымі па сваёй будове і семантыцы. Такім чынам, прыказкі і прымаўкі беларускага народа даюць багаты матэрыял для даследавання не толькі лексічнай сістэмы, але сінтаксічных асаблівасцей мовы беларусаў.

Літаратура

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – Мн. : Бел. навука, 2004. – 494 с.

УДК 821.161.3 – 31* А. Бароўскі: 2

Дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек» у аповесці А. Бароўскага «Замалі мой грэх»

С.Б. ЦЫБАКОВА

Прадметам даследавання з’ўляецца хрысціянская дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек», увасобленая ў вобразе гераіні аповесці А. Бароўскага «Замалі мой грэх» Евы Прынцовай, у гісторыі яе граху, раскаяння і ўнутранага адраджэння, а таксама ў такіх найважнейшых адзінках матыўнай структуры твора, як грэхападзенне і пакаянне, свавольства і пакора. Дадзеная дыхатамія разглядаецца і ўжываецца ў аналізе твора з мэтай выяўлення яго духоўнай канцэпцыі, асаблівасцей мастацкага асэнсавання сучасным беларускім аўтарам біблейскага аксіялагічнага коду.

Ключавыя словы: дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек», біблейскі, хрысціянскі, матыўная структура, міфалагема, грэхападзенне, духоўная канцэпцыя твора.

The subject of the analysis is the Christian «Old Man – New Man» dichotomy, represented in the image of the character of A. Barousky’s story «Prey for Forgiveness of My Sin», Eve Printsova by name, in the history of her sin, her repenting and internal rebirth as well as in the most important components of the motive structure of the work such as a Fall from grace and confession, self-will and obedience. This dichotomy is considered and taken into account in the analysis of the literary work so as to find the spiritual conception of the story as well as to understand the way the modern Belorussian author interprets the biblical axiological code.

Keywords: «Old Man – New Man» dichotomy, biblical, Christian, structure of the motive, mythologeme of the Fall of man, spiritual conception of the work.

Аповесць А. Бароўскага «Замалі мой грэх» напісана пад уздзеяннем на духоўную свядомасць аўтара ідэй і ўяўленняў, выражаных у Бібліі, якая, на яго думку, «ўтрымлівае ў сабе вучэнне рэлігійнага парадку, богашчырую ісціну, але і чалавечыя веды, і ўся наша разумовая дзейнасць знаходзіць у ёй страву багацця невычэрпнага» [1, с. 723]. Матыўная структура твора вызначаецца перавагай сукупнасці біблейскіх матываў, найбольшае функцыянальнае падабенства з якімі прасочваецца ў матыўнай прасторы рамана-фантазмагоры А. Бароўскага «Дамова на спакусу». Міфапаэтычны план ідэйна-мастацкага зместу аповесці ўключае ў сябе міфалагемы грэхападзення і выгнання з раю і вызначаецца біблейскай канцэпцыяй чалавека, а таксама хрысціянскай антрапалогіяй і псіхалогіяй.

Дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек» узыходзіць да новазапаветных павучальных тэкстаў – саборных лістоў апостала Паўла, дзе тлумачыцца вучэнне Ісуса Хрыста. Ліст да Эфесаў апостала Паўла ўключае наступныя радкі: «Дык адкіньце ранейшыя звычкі старога чалавека, які прападае ў аблудных пажадлівасцях, а аднавіцеся духам розуму вашага і апраніцеся ў новага чалавека, створанага Богам у справядлівасці і святасці праўды» (Эф. 4, 22–24) [2, с. 1035]. Багаслоў-місіянер Праваслаўнай Царквы Феафан Пустэльнік заўважае: «Апостал Павел то зло, которое пришло к нам чрез падение, именуется человеком ветхим или греховным» [3, с. 351]. Тлумачэнню антытэтычных паняццяў «стары чалавек – новы чалавек» надаецца асаблівае значэнне ў сучасных даследаваннях па праваслаўнай псіхалогіі. Так, В. Каржэўскі адзначае: «Если душой ветхого человека является *самоугодие*, формирующее энергетическую структуру его греховного тела, *тела греха* – страсти, то душой нового человека будет являться *самоотвержение*, которое, в свою очередь, способно формировать энергетическую структуру его праведного тела, *тела правды* – добродетели» [4, с. 597].

Хрысціянская дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек» вылучаецца ў мастацкім свеце аповесці ў якасці метафізічнай формулы адлюстраванага ў ёй ператварэння души адной з галоўных гераінь, якая праз шчырае пакаянне і прыняцце хрысціянскага вучэння, пераадолела сваю жаночую крыўду і шматгадовую сардэчную злоснасць. Вобразна кажучы, яна памерла як «дачка Евы» і нарадзілася ў іншай, духоўнай і бясстраснай якасці як «новы чалавек».

Пакаянне стала пераломным момантам ў жыцці гераіні, якая некалі выбрала самасуд, адзіна правільны ў яе разуменні сродак варочання сваёй знішчанай гвалтаўнікамі чалавечай і жаночкай годнасці. Выкарыстоўваючы ўласную прыгажосць, Ева помсціла як крыўдзіцелям, так і тым «сынам Адама», якія не мелі ніякага дачынення да яе трагедыі. Тым самым Прынцова, безумоўна, грашыла і супраць самой сябе, супраць «вобразу Божага» ў чалавеку. «І, мусіць, я не Ева-Прынцэса, а тая грахоўная Ева... Ave Eva? – калі чытаць наадварот... Ave–Eva! Смешна гучыць, праўда? Толькі я, мусіць, не тая Ева, якая сустракалася з Богам. Я ж сустрэлася з д’яблам, і сама д’яблам стала...», – прызнаецца гераіня аповесці Адаму Мяжэвічу [5, с. 99].

Прыгожая грэшніца, адлюстраваная ў творы, суадносіцца аўтарам з вобразам біблейскай прамаці чалавецтва, а таксама з Марыяй Магдалінай, якую ў хрысціянскай традыцыі падчас называюць «другой Евай» [6, с. 102]. Евангельскі жаночы вобраз поруч з жонкай першага чалавека Адама – гэта, паводле меркавання С. Хоскінс, «увасабленне старога, як свет, уяўлення аб роўнасці паміж жаночай прыгажосцю, сексуальнасцю і грахам» [6, с. 26]. Ева, якая парушыла забарону Бога, а потым спакусіла Адама, – універсальны вобраз-сімвал жаночкай існасці. Невыпадкова, што біблеізм «Ева» («Евіна дачка») тлумачыцца як «жанчына наогул, са ўсімі ўласцівымі ёй якасцямі, у першую чаргу – цікаўнасцю» [7, с. 126]. У граху Евы, якая паддалася спакусе, у адпаведнасці з Кнігай кніг, – прычына пакут усіх жанчын пасля выгнання прабацькоў з раю.

А. Бароўскі надзяляе гераіню аповесці рысамі першай грэшніцы, нягледзячы на тое, што гісторыя Евы Прынцовай па сваім падзейным напаўненні зусім не нагадвае змест біблейскага міфа аб першародным граху. Своеасабліваць духоўнай канцэпцыі твора заключаецца ў зацвярджэнні аўтарам сваёй веры ў біблейскае сведчанне адносна слабасці чалавека перад спакусай. Антрапалагічныя ўяўленні, перададзеныя ў Бібліі, выконваюць першарадную ролю ў стварэнні пісьменнікам мастацкага свету аповесці. І менавіта Кніга Роду (Кніга Быцця) як зачын біблейскага Тэксту з’яўляецца для А. Бароўскага найважнейшай крыніцай, дзе найбольш дакладна адлюстравана архетыпічная сутнасць жанчыны. Так, у аснову аўтарскіх разважанняў з часткі аповесці пад назвай «Прынцэса» пакладзена ў поўнай ступені відавочная аналогія паміж Евай Прынцовай і біблейскай першай жанчынай: «А яна – усяго толькі безабароннае зайчанё... І не дадзена ёй права ўладарыць, падпарадкоўваць усё сабе. Бо Бог даў жанчыне толькі адну магчымасць – падпарадкоўвацца. І тое, мусіць, пачалося яшчэ з тае даўняе біблейскай пары, калі Ева парушыла завет Бога. Калі Ён прасіў, каб яна і Адам не падыходзілі да забароненага дрэва ў раі і не каштавалі з яго пладоў...

Яна не падышла б, о не, ніколі ў жыцці не наблізілася б, да яго, ды той, нябачны і настойлівы нашаптаў ёй тыя салодкія словы, – і яна паверыла ім, здалася, амаль не змагаючыся, у палон...» [5, с. 69–70].

На слабасці і безабароннасці як спрадвечных і ўстойлівых якасцях «Евіных дачок» («Адамава рабро») аўтар засяроджвае ўвагу, калі перадае стан ўнутранага раздваення закаханай Прынцэсы. Словы Голаса-дарадчыка, якія чуе дзяўчына, спрабуючы разабрацца ў сваіх супрацьлеглых пачуццях, – гэта алюзія на радкі з Кнігі Роду (Кнігі Быцця), дзе адлюстравана спакушэнне Евы ў раі: «“А як узняцца мне над зямлёй, над самой сабой, адарвацца ад цяжару і неразумення, узляцець на вяршыні зразумеласці і ўсведамлення свайго прызначэння?..”

“Гэтаму, на жаль, я навучыць не магу. Бо мы не ў Эдэме, і няма таго забароненага дрэва Спазнання самога сябе... І я не Змей-Спакушальнік, які хоча збіць цябе з той дарогі, якую прадвызначыў табе Вышні. Я – голас тваёй душы, голас тваёй добрай палавіны...”» [5, с. 75].

Генетычная сувязь персанажаў аповесці з першабацькамі прасочваецца на антрапанімічным узроўні міфапэтычнага плана мастацкай паэтыкі твора. Прынцова і Мяжэвіч – носьбіты імёнаў роданачальнікаў чалавецтва і адпаведна іх граху. Як нашчадкі выгнаннікаў з райскага саду яны, згодна з біблейскім аповедам, асуджаныя на пакуты і не могуць быць шчаслівымі. «Няйначай, д’ябал умяшаўся ў нашае быццё, падсеў у наш карабель, які меў магутныя ветразі...», – лічыць Мяжэвіч [5, с. 98]. Раз’яднанне герояў – вынік, у першую чаргу, іх няздольнасці абараніць сваё каханне ад небяспекі і зла, часткай якога яны з’яўляюцца таксама. У пакутах Евы Адам бачыць і асабістую віну: «Не надаў

значэння сустрэчы, адсунуў некуды надалей тыя шчаслівыя імгненні, што ім паслаў Бог, спаслаўшыся на неадкладныя клопаты. ... І Еву адпрэчыў ад сябе, – на здзек яе кінуў, безабаронную, слабую, даверлівую, нявобразную ў жорсткіх вятрах жыцця... Сам вінаваты ва ўсім...» [5, с. 98]. Праз гады Адам Мяжэвіч імкнецца дапамагчы Еве, але ў сваіх адносінах да яе ён больш кіруецца праўдай закона, а не вучэннем аб хрысціянскай любові. Мяжэвіч-пракурор паўстае як нашчадак «старога Адама», яго боль пераважна выклікаюць не пакуты і д'яблава зло, якое апанавала душу Евы, а брыдкі вонкавы выгляд калісці прыгожай жанчыны: «Мяжэвіч з жахам і са шкадаваннем глядзеў на яе, не могучы ніяк уцяміць, зразумець, – яна, Прынцэса, прыгажуня Прынцэса, у якую ён, як і іншыя, закахаўся, – з венерычным захворваннем?! Ён жа лічыў яе незямной, Афрадзітай, багіняй кахання, а яна...» [5, с. 95].

Ева Прынцова выбірае шлях помсты-самасуду, які ледзь не завяршаецца самагубствам, найцяжэйшым грахам, у адпаведнасці з хрысціянскай рэлігіяй. Замыканне ў самой сабе, адмаўленне спагады і дапамогі, амаль абсалютная канцэнтрацыя на пачуцці крыўды – вынікі ганарлівасці і свавольства, г. зн. тых рысаў, якія ўласцівыя «старому чалавеку» і з'яўляюцца галоўнымі негатыўнымі якасцямі «Евінай дачкі», прыгажуні Прынцовай. Яе мянушка «Прынцэса» з хрысціянскага пункту гледжання набывае ў кантэксце твора канататыўны сэнс, падкрэсліваючы не толькі цялесную прыгажонасць, але і ўласцівае жаночкай сутнасці «Евінай дачкі» свавольства. У думках, пачуццях, учынках Прынцовай як «старога чалавека» А. Бароўскім адлюстравана «псіхалогія крыўды» [8, с. 84]. Гераіня аповесці на ўласным жыццёвым вопыце пераконваецца ў самагубнасці шляху помсты.

«Вока за вока, знявага за знявагу...» [5, с. 99], – заўважае Ева ў дыялогу з Адамам, які, у сваю чаргу, упэўнены, што Стары Запавет «дзеінічаў тады, тысяча год назад, калі не было суду і права...» [5, с. 99]. «Сёння ўсё вызначае закон. Усім кіруе закон...», – лічыць пракурор [5, с. 99]. Старазапаветная формула помсты, перададзеная праз словы з Кнігі Выхаду, пастаўлена А. Бароўскім у якасці аднаго з эпіграфаў да тэксту твора: «Вока за вока, зуб за зуб, руку за руку, нагу за нагу, апёк за апёк, рану за рану, сіняк за сіняк...» [5, с. 62]. Эпіграфічная функцыя дадзенага ўрыўка з біблейскіх радкоў, дзе сцвярджаецца прынцып адплаты крыўдзіцелям, заключаецца ва ўзмацненні антынамічнасці паміж іх сэнсам і тымі найважнейшымі хрысціянскімі каштоўнасцямі і цнотамі, якія складаюць духоўную канцэпцыю аповесці: прабачэння крыўды, незласлівасці, міласэрнасці, непраціўлення Божай волі, веры, надзеі, любові да Бога і да бліжніх. Таму менавіта маральнаму імператыву «*Не забівай...*» [5, с. 62], вылучанаму пісьменнікам таксама з Кнігі Выхаду, адводзіцца роля яшчэ аднаго эпіграфа, паколькі праз яго словы сцвярджаецца галоўны духоўны закон для ўсяго чалавецтва.

Пачуцці і паводзіны, якія не сумяшчаюцца з чалавечай годнасцю, з вобразам Божым у чалавеку, нявечаць цела і душу Евы. Аднаўленне парушанай «блуднай дачкой» [9, с. 143] сувязі з Богам пачынаецца праз яе раскаянне ў грахах. Таму адной з галоўных рысаў матыўнай структуры аповесці з'яўляецца наяўнасць у ёй матыва, які ўзыходзіць да евангельскай прыпавесці пра блуднага сына, дзе, згодна з меркаваннем І.А. Глухава адносна грэшніка, паказана, як яго «суб'ектыўны негатыўны стан пагаршаецца аб'ектыўным – да ўнутранага стану душэўнай азмрочанасці даваюцца згрызоты знешнія» [10, с. 379–380].

Гераіня твора атаясамлівае сябе з евангельскай Марыяй Магдалінай, грэшніцай, якая пасля раскаяння ў грахах, стала паслядоўніцай Ісуса Хрыста: «Я ў царкву пайду, пакаюся, як Магдаліна, перад Богам. Бог, як і ёй, даруе мой грэх...» [5, с. 100]. Унутраныя рысы «новага чалавека», «Адроджанай жанчыны» [5, с. 150], якой Ева-манахія лічыць сябе, бачачы галоўную мэту свайго астатняга жыцця ў душэўным ачышчэнні і вызваленні ад грахоў, адлюстраваныя на старонках яе спавядальнага ліста, адрасаванага Адаму Мяжэвічу: «Я знайшла сваё месца. Я сярод братоў і сясцёр, і нашу толькі чорнае адзенне. Я цяпер – манашка, ці – манахія. Тут буду замольваць свае грахі, тут буду трымаць апошні выдых перад Богам. І больш я ўжо нікому не перадам гора. Ты ўжо ніколі не ўзбудзіш справу па маім злачынстве, бо яго не будзе...» [5, с. 151]. Дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек» з'яўляецца асноваўтваральным прынцыпам споведзі гераіні: «Калі-небудзь, не сёння і не заўтра, а праз сотні гадоў, зайдзі, калі ласка, у Пятра-Паўлаўскі сабор, туды, дзе я ўпершыню

спавядалася перад Богам. І пастаў дзве свечкі. Адну – за памерлую Прынцэсу, за спачын, а другую – за здароўе Адроджанай жанчыны – Евы. Тая, ранейшая, памерла, а новая нарадзілася» [5, с. 150].

Такім чынам, біблейскі аксіялагічны духоўны код – галоўная крыніца міфапэтычнага плана ідэйна-мастацкага зместу аповесці А. Бароўскага «Замалі мой грэх». Дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек», якая ўзыходзіць да Новага Запавета, вылучаецца ў слоўнай тканіне твора, вызначае асаблівасці яго матыўнай структуры і духоўнай канцэпцыі, сканцэнтраванай у адлюстраванай аўтарам пераарыентацыі свядомасці гераіні. Маючы тыпалагічнае падабенства з біблейскімі вобразамі першай жанчыны-грэшніцы Евы і Марыі Магдаліны, Ева Прынцова паўстае як «блудная дачка» [9, с. 143]. Хрысціянская дыхатамія «стары чалавек – новы чалавек», увасобленая ў гісторыі граху, пакаяння і ўнутранага адраджэння гераіні, уяўляе сабой адзін з магчымых варыянтаў рэалізацыі ўніверсальнага трансгістарычнага сюжэта-міфа ў творах мастацкай літаратуры, які бярэ пачатак у евангельскай прыпавесці пра блуднага сына.

Літаратура

1. Бароўскі, А.М. Дамова на спакусу / А.М. Бароўскі // Воляй абраны. Дамова на спакусу : Раманы. – Гомель : ОАО «Полеспечать», 2012. – С. 33–735.
2. Біблія. Кнігі Святога Пісання Старога і Новага Запаветаў / рэд. Н. Назарава. – Мінск : Біблейскае таварыства ў Рэспубліцы Беларусь, 2012. – 1120 с.
3. Затворник Феофан, святитель. Православие и наука. Руководственная книга изречений и поучений / Феофан Затворник, святитель / сост.: игумен Феофан (Крюков). – М. : Даниловский благовестник, 2009. – 680 с.
4. Коржевский, В. свящ. Пропедевтика аскетики: компендиум по православной святоотеческой психологии / В. Коржевский. – М. : Центр Информационных Технологий Информатики и Информации, 2004. – 648 с.
5. Бароўскі, А.М. Замалі мой грэх / А.М. Бароўскі // Аповесці. Аповяданні. Нарысы. – Гомель : ОАО «Полеспечать», 2012. – С. 6–152.
6. Хоскинс, С. Мария Магдалина: Важнейшие исторические факты / С. Хоскинс ; пер. с англ. М. Жуковой. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 605, [3] с.
7. Николаюк, Н.Г. Библийское слово в нашей речи. Словарь-справочник / Н.Г. Николаюк. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб. : Библиополис, 2012. – 384 с.
8. Шаховской, Иоанн, архиепископ. Психология обиды / Иоанн (Шаховской) // Ценность и личность. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – С. 84–86.
9. Радь, Э.А. История «блудного сына» в русской литературе : модификации архетипического сюжета в движении эпох : монография / Э.А. Радь. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 276 с.
10. Глухаў, І.А. Прусаўскія катэхізіс / І.А. Глухаў ; пер. з рускай мовы В.В. Ждановіч. – СПб. : Таварыства памяці ігуменні Таісіі, 2013. – 520 с.

Инвариантные и переменные характеристики научной дискуссии

О.Н. ЧАЛОВА

Рассматривается определение общих и отличительных черт двух разновидностей устной научной дискуссии (на защите диссертации и научном семинаре) с целью выявления универсальных и специфических характеристик научного диалога. Проведенный коммуникативно-прагматический анализ позволяет прийти к выводу о том, что рассматриваемые разновидности научного общения имеют больше сходств (структурных, прагматических и собственно языковых), чем различий. Такое заключение свидетельствует в пользу универсальной организации научной диалогической коммуникации.

Ключевые слова: научная дискуссия, научный диалог, общие черты, отличительные характеристики, структура научного диалога, прагматика научного диалога, языковое воплощение научного диалога.

The article is aimed at defining common and different features of two types of scientific discussions (at a defense of a thesis and at a scientific seminar) to single out universal and specific characteristics of scientific dialogues. Our communicative analysis shows that the common features of the two kinds of scientific communication dominate over their peculiarities, which proves universal nature of scientific verbal interaction.

Keywords: scientific discussion, scientific dialogue, common features, peculiarities, structure of scientific dialogues, pragmatics of scientific dialogues, language of scientific dialogues.

В рамках настоящей статьи под *устной научной дискуссией (УНД)* понимается вербальное взаимодействие ученых на научном форуме с целью доказательства состоятельности одной точки зрения и неправомочности существования другой.

Конечно, УНД неоднократно становилась объектом лингвистического анализа ([1]–[5] и др.). Однако основное внимание исследователей сосредоточивается, как правило, на дискуссии определенного формата (обычно на диалоге ученых на научной конференции). В то же время конкретных решений требуют вопросы, касающиеся выявления общих и отличительных черт разных видов дискуссий, что может позволить увидеть новые грани и глубину лингвопрагматического разнообразия изучаемого феномена.

В связи со сказанным *цель* данной работы состоит в установлении языковых, структурных и семантико-прагматических корреляций между двумя разновидностями УНД и, соответственно, в установлении инвариантных (обязательных, неизменных) и переменных (факкультативных) черт научного диалога.

Весьма любопытным в этом смысле является сопоставление прямо противоположных (с точки зрения ритуализованности) дискуссий, а именно УНД на защите диссертации и УНД на научном семинаре.

Дискуссия *на научном семинаре* представляет собой относительно свободный и равноставный диалог: так, на этапе рефлексии любой участник общения, независимо от того, является он докладчиком или нет, может взять слово и высказаться по соответствующему поводу (пример такого речевого взаимодействия – заседания Московского методологического кружка).

В отличие от коллективного обсуждения научной проблемы на научном семинаре, максимально ритуализованный научный диалог на *защите диссертации* на соискание ученой степени кандидата наук характеризуется более строгим распределением коммуникативных ролей: как известно, на этапе дискуссии докладчику (соискателю) отводится исключительно роль аргументатора, защищающего свою научную позицию.

По нашим наблюдениям, различия в статусных характеристиках участников и обстоятельствах общения, обнаруживаемые между свободной и жестко регламентированной УНД, обуславливают коммуникативные нюансы (особенности) каждого из этих видов дискуссии, которые (особенности) и станут объектом нашего дальнейшего анализа.

1. Структурные различия. В структурном отношении любой диалог, в том числе и научный, представляет собой последовательность стимулирующих и ответных реплик.

Под стимулирующими репликами традиционно понимаются речевые действия, ориентированные на то, чтобы побудить собеседника взять слово. В научном диалоге к таким репликам целесообразно относить *вопросы* и *реплики-несогласия*, так как и те и другие способны вызывать и реально вызывают вербальную реакцию со стороны адресата.

Тот факт, что вопросы направлены на получение от адресата ответного речевого действия и, таким образом, являются эффективным средством вовлечения коммуникантов в диалог, в лингвистике считается общепризнанным и доказательств не требует.

Что же касается реплик-несогласий (критических замечаний, возражений, выражений сомнения и под.), то в устной научной дискуссии они сближаются по своим функциям с вопросами, так как косвенно побуждают собеседника высказаться по соответствующему поводу, и поэтому могут быть квалифицированы в качестве реплик-стимулов. Например:

Оппонент: *Небольшое уточнение к вашей реплике. На мой взгляд, **нельзя отождествлять результативность и эффективность воспитательной деятельности.***

Аргументатор: *Я не говорила об отождествлении. Я строго развожу эти понятия. <...>*

Как видно из примера, хотя основная коммуникативная задача реплики оппонента сводится не к запросу сведений, а к выражению несогласия с позицией отождествления двух близких понятий (*нельзя отождествлять результативность и эффективность*), адресат считает необходимым вербально отреагировать на замечание собеседника и уточнить свою позицию (*Я не говорила об отождествлении. Я строго развожу эти понятия*).

В качестве ответных реплик в настоящей работе рассматриваются речевые действия, в той или степени удовлетворяющие информационные потребности собеседника. В устной научной дискуссии ответы могут быть информативными (полностью предоставляющими запрашиваемые сведения), частично информативными (*Это достаточно сложный вопрос, и я сейчас отвечу на него лишь **частично.** <...>*) и неинформативными (*У меня пока нет никаких ассоциаций по этому поводу*).

Стимулирующие и ответные реплики постоянно сменяют друг друга, причем в изучаемом виде коммуникации эта смена может быть либо а) нормальной, то есть не нарушающей естественный ход диалога (общение в этом случае строится как последовательность элементарных циклов: вопрос – ответ, критическое замечание – уточнение своей позиции), либо б) непредсказуемой, при которой прогнозировать очередную реплику в цепи диалога невозможно: партнеры по общению «сваливают речевую инициативу» [6, с. 213] друг на друга, вопрос сменяется очередным вопросом, а несогласие – ответной критикой; кроме того, при подобном коммуникативном взаимодействии имеют место случаи проявления нетолерантного отношения к позиции оппонента, проявляющегося, например, в отстранении собеседника от речевой инициативы: *Мне казалось, Вы обещали не вмешиваться. Я дам Вам слово позже.* Запрещение высказаться может происходить и в более резкой форме – за счет перебивания, например:

(1): *Ты говоришь о перепредметизации. Ты говоришь о рамке философии...*

(2): (Перебивает.) *Я говорю о разных рамках. Кем они себя видели: ударниками педагогического труда или?.. Я всегда задавал вопрос: это психологические исследования для педагогики или педагогические исследования для психологии?*

Понятно, что непредсказуемая смена реплик, сопровождаемая элементами некооперативного речевого поведения, свойственна прежде всего свободной, не жестко регламентированной дискуссии на научном семинаре, в то время как УНД на защите диссертации характеризуется, как правило, нормальной сменой речевых ролей, при которой за вопросом следует предоставление запрашиваемой информации, а за критикой – пояснение собственной точки зрения.

Это, однако, не означает, что во время строго ритуализованной дискуссии появление очередной реплики всегда предсказуемо. Согласно результатам нашего исследования, даже во время УНД на защите диссертации «адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдать или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или перейти в наступление» [7, с. 661]. Так, в следующем примере аргументатор (соискатель), отстаивающий свою научную позицию, реагирует на информационный запрос оппонента не ожидаемым предоставлением сведений, а очередным вопросом:

ЧЛЕН СОВЕТА: *Я все-таки хочу четко представить себе: в чем суть Вашей модели? Как удалось Вам повысить оценку информативности признаков? Вы представляете новый способ оценки информативности. Принципиально новый, отличный от способа Шеннона или кого угодно. В чем все-таки суть?*

ДИССЕРТАНТ: *Вы имеете в виду модели количества информации или математические модели оценки признаков?*

ЧЛЕН УЧЕНОГО СОВЕТА: *Нет, физически, на конкретном Вашем примере. То есть физическая ситуация и пример реализации Вашей модели.*

Как видно, в связи с необходимостью адекватно интерпретировать суть вопроса оппонента диссертант вместо предполагаемого информативного ответа реагирует на реплику члена совета уточняющим вопросом (*Вы имеете в виду модели количества информации или математические модели оценки признаков?*).

Подытоживая сказанное, подчеркнем следующее: хотя развитие УНД на защите диссертации может иметь непредвиденный характер, случаи нарушения естественного хода диалога являются более частотными и менее кооперативными во время свободной дискуссии на научном семинаре. Тем не менее, даже в не жестко регламентированной УНД нарушения принципа вежливости как одного из фундаментальных качеств научного общения являются немногочисленными, так как такое речевое поведение не соответствует нормам и правилам институциональной коммуникации.

2. *Прагматические и языковые различия.* С точки зрения прагматической организации научный диалог на защите диссертации и дискуссия на научном семинаре «устроены» примерно одинаково. Основные сходства между изучаемыми разновидностями УНД проявляются в трех моментах:

- в определенной лексической реализации (насыщенность терминами и абстрактной лексикой);
- в интеррогативном характере, что предполагает активное функционирование большого числа разнообразных типов вопросов;
- в ярко выраженном оценочном характере, подразумевающим широкую представленность негативнооценочных высказываний, основное назначение которых сводится к выражению критики.

Несмотря на явные прагматические сходства, между УНД на защите диссертации и УНД на научном семинаре обнаруживаются и некоторые отличительные черты, наиболее значимыми из которых представляются следующие: дейктические отличия, аксиологические отличия, экспрессологические отличия.

Дейктические отличия между двумя видами дискуссий проявляются в использовании разных способов указания на лицо.

Так, если во время максимально ритуализованной дискуссии для обращения к собеседнику применяется дейксис второго лица множественного числа (*Скажите, пожалуйста, как бы Вы сформулировали кратко Ваш вклад в теорию языка?*), то на научном семинаре в этой функции свободно употребляется местоимение второго лица единственного числа (*Когда ты говоришь: «лежит в основе», «является кодом», – что скрыто за этими метафорами?*).

Более того, если в первом случае аргументатор (соискатель) использует дейксис первого лица множественного числа с целью указания на самого себя (*Спасибо за вопрос. Мы бы охарактеризовали данный процесс как авторскую стратегию в определенной сфере общения, которую автор может реализовать при помощи ряда частных приемов.*), то во второй – нормой является применение личных местоимений и глаголов первого лица единственного числа (*Укажи мне действительность, в которой ты движешься. – Я сейчас рискнул бы сказать, что двигаюсь к действительности методологии.*).

Таким образом, если в строго ритуализованном научном диалоге на защите диссертации дейктическая составляющая ограничивается употреблением определенных местоимений и глаголов, то в максимальной свободной, не жестко регламентированной дискуссии на научном семинаре дейксис не замыкается в конкретных формах, а отличаются большим разнообразием.

Аксиологический потенциал дискуссии как на защите диссертации, так и на научном семинаре заключается в широком использовании различных групп негативнооценочных речевых действий (критических замечаний, выражений несогласия, сомнения, негативного отношения

и под. относительно научных взглядов оппонента), которые представляют собой своего рода «двигатель» научного дискурса: они задают то «минимальное "напряжение" между адресантом и адресатом, наличие которого необходимо для возникновения речевого взаимодействия» [8, с. 182], и являются, таким образом, главным средством активизации научного общения.

Основные различия между изучаемыми видами дискуссии заключаются, прежде всего, в том, что негативнооценочные речевые действия в УНД на научном семинаре имеют более частотное употребление, чем в научной дискуссии на защите диссертации.

Интересными в этом смысле представляются диалоги, участники которых попеременно занимают ведущую полемическую позицию, например:

(1): *Я не понял. Вы сказали, что эта идея была и до Щедровицкого.*

(2): *Нет, я отвечала на другой вопрос. Эта идея как раз новая.*

(3): *Новая идея, которую другой человек использовал без ссылок...*

(4): *Существует огромное количество таких блуждающих идей. Если посмотреть, что вошло в систему разного образования, то оказывается, многое. Но отдельными кусочками и не помнящее родства.*

В приведенном диалогическом фрагменте обнаруживаются несколько полемических реплик (возражений), мгновенно сменяющих друг друга (реплики 2, 3 и 4).

Такие полемические «блоки» являются характерной чертой семинаров, в то время как на защите диссертации за критическим замечанием, касающимся позиции аргументатора (соискателя) и обычно сформулированным согласно принципам конструктивного диалога (сотрудничества, взаимопонимания, уважения позиции оппонента [9, с. 183]), обычно следует мотивировка защищаемой точки зрения, что можно наблюдать в следующем примере: (1): *Вы говорите о регуляции цитокинином транскрипции хлоропластных генов. Не кажется ли вам правильнее говорить о влиянии гормона на транскрипцию, или, как сказано в одном из ваших выводов, – об участии гормона в процессе регуляции? – (2): Конечно, как это часто бывает, в наших экспериментах мы разработали специальную биологическую систему, обнаружили действие цитокина на транскрипцию и перенос, эти данные на реальные процессы, проходящие в растении, говорим о регуляции транскрипции. <...>*

Свободная УНД отличается от строго регламентированной не только более широкой представленностью негативноокрашенных речевых действий. Дело в том, что негативная оценка, обнаруживаемая в свободной УНД, имеет также и более экспрессивное языковое воплощение, что придает дискуссии на научном семинаре особый колорит, выделяет ее из ряда других разновидностей научного диалога и, таким образом, составляет его специфику.

Пример 1: *С твоим самоопределением все понятно.*

Пример 2: *Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной и, в какой-то мере, для 20 века смешной и некультурной.*

Пример 3: (1): *Готовя доклад, я не решал никаких проблем и даже не пытался проблематизировать. Я решал задачу. Я решал эту задачу, и, видимо, я плохо ее написал и плохо выступал... – (2): Ужасно. – (3): Спасибо за комплимент. Но я настаиваю на том, что если рассматривать, был ли создан комплекс специальных методологических дисциплин, надо сказать, что да. <...>*

Как демонстрируют приведенные примеры, выражение критики на научном семинаре может характеризоваться подчеркнутой конфликтностью, наличием традиционных вербальных атрибутов обыденно-разговорного дискурса, использованием стилистически сниженных эмоционально окрашенных языковых средств, быть не просто эксплицитным, а откровенно резким. Это означает, что УНД на научном семинаре не замыкается в особых формах речи: ей свойственны не только языковые средства, органически входящие в построение научного диалога, но и некоторые другие лингвистические маркеры, не являющиеся необходимой частью вербальной составляющей диалогической научной коммуникации. Это в очередной раз доказывает, что научные тексты и диалоги не являются «бледными и бесстрастными фотографиями действительности» [10, с. 17], а имеют богатый прагматический потенциал.

Таким образом, проведенный коммуникативно-прагматический сравнительный анализ УНД на защите диссертации и УНД на научном семинаре позволяет прийти к следующим выводам.

1. Между двумя рассматриваемыми видами дискуссий обнаруживается больше сходств, чем различий. К основным сходствам (универсальным/инвариантным чертам УНД) относятся а) определенные модели структурной организации (вопрос–ответ, несогласие–защита сво-

ей позиции и др.); б) конкретный набор функциональных типов реплик (широкая представленность интеррогативных, негативнооценочных и максимально информативных речевых действий); в) соответствие таким качествам научной речи, как ясность, точность, четкость, логичность; г) определенная языковая реализация, в частности лексическая (насыщенность терминами и абстрактной лексикой).

2. Несмотря на наличие общих черт, между свободной и строго ритуализованной дискуссиями обнаруживаются и некоторые различия, составляющие специфику каждого из анализируемых разновидностей научного диалога.

К специфическим характеристикам УНД на защите диссертации принадлежат а) структурная однородность и упрощенность (доминирование двухкомпонентных диалогических единств, строящихся по модели «запрос сведений – предоставление сведений»), б) высокая прогнозируемость коммуникативного типа вербальной реакции, в) строгое соблюдение принципов толерантного общения, проявляющееся, в том числе, в использовании имплицитной критики.

К особенностям УНД на научном семинаре целесообразно причислять а) усложненные модели структурной организации (наличие многокомпонентных диалогических единств, что обусловлено, в частности, непредсказуемым появлением отдельных коммуникативных типов реплик), б) ярко выраженный полемический характер, в) периодическое нарушение принципов вежливого общения (перебивания речевого партнера); г) экспрессивная языковая реализация (например, за счет возможного использования стилистически сниженных эмоционально окрашенных языковых средств при выражении критики).

3. Обнаруженные различия являются немногочисленными и носят частный характер, что не позволяет рассматривать научный диалог на защите диссертации и диалог на научном семинаре в качестве отдельных жанров научного общения, а дает основание трактовать их в качестве разновидностей одного и того же жанрового феномена – устной научной дискуссии.

Литература

1. Иванов, Л.Ю. Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Ю. Иванов. – М., 1992. – 292 л.
2. Маслова, Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л.Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
3. Славгородская, Л.В. Некоторые синтаксические особенности языка научной дискуссии / Л.В. Славгородская // Особенности стиля научного изложения : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; под ред. Е.С. Троянская. – М. : Наука, 1976. – С. 116–124.
4. Соловьева, Н.В. Толерантность в научной дискуссии : лингвостилистический аспект : на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Соловьева. – Пермь, 2007. – 244 л.
5. Троянская, Е.С. Культура научной дискуссии в социально-психологическом и лингвистическом аспектах / Е.С. Троянская // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т ; под ред. О.И. Богуславской. – Пермь, 1990. – С. 15–26.
6. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 4-е изд. – М. : УРСС, 2006. – 288 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
8. Юдина, Т.В. Политическая дискуссия как разновидность диалогической речи / Т.В. Юдина // Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; под ред. М.Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1991. – С. 182–186.
9. Соловьева, Н.В. Научный дискурс как жанр в форме коллекции / Н.В. Соловьева // Стиль. – 2008. – № 8. – С. 131–136.
10. Наер, В.Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) / В.Л. Наер // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; под ред. М.Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1985. – С. 14–27.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 271 .2-284 : 008-027. 541 (476)

Беларусь с точки зрения теории локальных цивилизаций: интерпретация современной Русской православной церкви

В.А. ОДИНОЧЕНКО

Рассматривается трактовка белорусской культуры с точки зрения теории локальных цивилизаций. Основное внимание уделяется анализу религиозного фактора в культуре. Русская православная церковь считает, что Беларусь является частью православной цивилизации. Беларусь рассматривается как поликонфессиональное государство, в котором необходимо укреплять диалог между приверженцами различных религий.

Ключевые слова: локальные цивилизации, культурно-исторические типы, православная цивилизация, поликонфессиональность, межрелигиозный диалог.

Interpretation of Belarusian culture from the point of view of the theory of local civilizations is considered. The author focuses on the analysis of the religious factor in the culture. Russian Orthodox Church believes that Belarus is a part of the Orthodox civilization. Belarus is regarded as a multi-religious state, in which it is necessary to strengthen the dialogue between adherents of different religions.

Keywords: local civilizations, cultural and historical types, Orthodox civilization, existence of many religions, interreligious dialogue.

Несмотря на некоторую громоздкость и абстрактность названия, речь в статье будет идти о достаточно актуальной проблеме: какое место занимает Беларусь в мире с точки зрения теории локальных цивилизаций и как это трактуется в современной РПЦ.

Теория локальных цивилизаций является в настоящее время одной из наиболее часто применяемых при объяснении специфики тех процессов, которые происходят в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности. На наш взгляд, она может послужить одной из отправных точек для интерпретации нашей ситуации. В разработку данной теории внесли свой вклад такие известные авторы, как Н. Данилевский, М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, А. Тойнби, И. Валлерстайн и С. Хантингтон.

Ее основное положение сводится к следующему: не существует общечеловеческой истории, она осуществляется в рамках конкретных локальных цивилизаций. Положительным следствием применения теории локальных цивилизаций является отказ от так называемого «культурного империализма», когда вершиной развития человечества объявляется европейская цивилизация. Особенно актуальным противостояние подобным установкам сделалось в XX в., когда было осознано культурное многообразие мира и необходимость учитывать традиционные ценности того или иного народа при планировании пути его дальнейшего развития.

Следует подчеркнуть, что создателем теории локальных цивилизаций является русский мыслитель, биолог по образованию, Н.Я. Данилевский (1822–1885). В своей книге «Россия и Европа» (1869) он сформулировал ее основное положение: «до сих пор развитие человечества шло не иначе как через посредство самобытных культурно-исторических типов, соответствующих великим племенам... оно иначе идти и не может» [1, с. 112–113]; Европа, по мнению Данилевского, является одним из десяти культурно-исторических типов или цивилизаций, а именно – романо-германской. Россия не принадлежит к Европе и входит в самобытный славянский культурно-исторический тип. Данилевский исходил из того, что каждая цивилизация имеет свои собственные начала, которые не могут быть заимствованы другими цивилизациями.

Таким образом, Н. Данилевский считал, что Россия представляет собой особое культурное образование. Следует отметить, что сама проблема «особого пути» России возникла в

XIX в. Как правило, духовной основой, которая обеспечивает специфику России и на которой должно быть построено ее развитие, считалось православие. Именно из этих положений исходит и современная Русская православная церковь.

Православие в настоящее время является самой многочисленной конфессией в Беларуси. Принятый в 2002 г. Закон о свободе совести и религиозных организациях, как записано в его Преамбуле, исходит из «признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [2, с. 4]. Также следует учитывать, что православная церковь в Беларуси не является самостоятельной. Это часть Русской православной церкви. С 1989 г. она имеет статус экзархата.

Поэтому для нас интересно рассмотреть трактовку Русской православной церковью белорусской культуры с точки зрения теории локальных цивилизаций.

Безусловно, что данная теория не выражена в учении и Русской православной церкви в развернутой, рационально обоснованной форме. Тем не менее, ее положения активно используются в выступлениях руководителей церкви, а также в официальных документах. Мы в своем анализе будем на них опираться. Также нами будет рассмотрена сама обоснованность применения теории локальных цивилизаций к трактовке современной Беларуси.

Следует отметить, что само использование теории локальных цивилизаций для объяснения процессов в современном обществе исторически обусловлено и связано с распадом в конце прошлого века Советского Союза и образованием на его месте ряда самостоятельных государств. Каждое из них пошло по своему пути развития. Поэтому резко возрос интерес к культурной специфике того или иного народа.

С теорией локальных цивилизаций плохо согласуется характер христианства как мировой религии, которая обращена ко всем людям, независимо от их культурной и национальной специфики. В Русской православной церкви осознают это и исходят из того, что «Вселенский характер Церкви, однако, не означает того, чтобы христиане не имели права на национальную самобытность, национальное самовыражение. Напротив, Церковь соединяет в себе вселенское начало с национальным» [3].

Как известно, православие организационно не является единым, в настоящее время существуют 15 автокефальных православных церквей, каждая из которых является частью национальной культуры: «Культурные отличия отдельных народов находят свое выражение в литургическом и ином церковном творчестве, в особенностях христианского жизнеустройства. Все это создает национальную христианскую культуру» [3].

В общественной мысли Беларуси распространена концепция промежуточного характера нашей культуры. Она была сформирована в начале XX в. и ее основное положение сводится к тому, что Беларусь находится между Россией и Европой, представляет собой «мост» между ними.

Против такой трактовки резко выступает руководитель Русской православной церкви Патриарх Кирилл. Беларусь, по его мнению, является частью православной цивилизации: «Беларусь – это никакой не мост, никакой не шлюз... Православная страна Белоруссия, в которой живут люди других религий, других конфессий, оставаясь православной, одновременно несет на себе печать самой западной части Святой Руси, пограничной зоны. Она соприкасается с другими мирами и другими цивилизациями» [4, с. 108].

В Русской православной церкви исходят из наличия особой православной цивилизации, которая «объединяет не только православных верующих со всего мира, но и все те народы, чья идентичность сложилась под влиянием православной духовности. Эта цивилизация включает в себя страны, где Православная Церковь является господствующей: Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Румынию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Македонию, Грецию, Кипр. В нее входят также православные верующие, проживающие в других странах мира и в диаспоре» [5, с. 395].

Параллельно с этим выстраивается концепция Святой Руси: «Белая Русь – единая, органическая часть Святой Руси, исторической Руси, наследие святого равноапостольного и великого князя Владимира, к которому мы все принадлежим через преемство сохранившееся и сохраняемое Православной Церковью» [4, с. 70].

Культура в Русской православной церкви определяется через духовность. И в этом заключается специфика данного подхода. Заметим, что Н. Данилевский стоял на биологизаторских позициях и рассматривал разнообразие культур по аналогии с разнообразием растительного мира. Если же исходить из того, что в основе различных культур лежат различные типы духовности, то такой подход требует серьезного и развернутого обоснования.

Сам термин «духовность» нуждается в интерпретации, необходимо указать, что такое духовность, и с какими способами поведения она соотносится. Утверждение о том, что «дух белорусского народа за столетия пребывания в православной вере укоренился в истинном почитании Бога и обрел незыблемые основы своей национальной самобытности в Евангельских заповедях» [4, с. 81], необходимо, на наш взгляд, соотнести с данными социологических исследований, показывающих характер религиозности жителей Беларуси.

Специфика истории нашей станы видится в том, что «Белая Русь всегда занимала особое место в истории восточной православной цивилизации. Она была как бы крайним западным форпостом этой цивилизации, лицом к лицу соприкасаясь с другими культурами, другими мирами. И не всегда это соприкосновение было мирным» [4, с. 85].

Согласно трактовке, принятой в Русской православной церкви, в настоящее время на передний план вышло противостояние между западной цивилизацией, построенной на либеральных принципах, и остальным миром: «Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI в. – это противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности – с другой» [6].

Утверждается, что «на смену соперничеству идеологий идет новое и трудновращаемое соперничество: глобализм и универсализм как выражение принципа всеобщего против консерватизма и традиционализма, как выражения принципа единичного и отдельного» [7].

Опасность распространения ценностей западной культуры патриарх Кирилл видит в том, что они созданы по либеральным стандартам и не отвечают традиционным православным ценностям. После того, как усилились контакты России с Европой, эти ценности стали интенсивно распространяться в странах с православной культурой. Ставится вопрос: «Что будет означать для этих стран в плане сохранения их духовной, культурной и религиозной идентичности жизнь в соответствии с чуждыми для них этическими и ценностными стандартами?» [7].

Таким образом, Русская православная церковь исходит из того, что существуют различные цивилизации, специфика которых определяется той или иной религией, европейская цивилизация построена на принципах либерализма. Как пишет митрополит Илларион (в настоящее время – председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата): «помимо политических полюсов имеются еще и цивилизационные полюса, напряжение между которыми не только сохраняется, но и с каждым днем возрастает... Все это создает предпосылки для того «конфликта цивилизаций», о котором столько говорят и пишут в наши дни» [5, с. 248–249].

В этой связи можно вспомнить, что одна из самых известных современных конфронтационных моделей взаимоотношения между цивилизациями принадлежит американскому политологу Сэмюэлу Хантингтону (1927–2008). Изложена она в его книге «Столкновение цивилизаций» (1996). Хантингтон исходит из того, что после окончания холодной войны изменился мир, однако возможность конфликтов в нем не исчезла. На смену идеологическому противостоянию между социализмом и капитализмом придет противостояние между различными культурами. В этом новом мире «наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [8, с. 24].

При этом следует отметить, что Хантингтон считал, что конфликты порождаются экспансионистской природой западной культуры, которая стремится насадить свои ценности по всему миру. Он подчеркивал, необходимость для Запада осознать, что его культура является уникальной, а не универсальной, и поэтому отказаться от ее бездумного насаждения. Также Хантингтон считал, что культуру определяют язык и религия. Он писал: «Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие» [8, с. 244].

В Русской православной церкви также исходят из того, что конфликт между цивилизациями порожден экспансией европейских ценностей, однако считают его неизбежным «только в том случае, если только одна цивилизационная модель будет признанной имеющей право на существование» [5, с. 249]. Поэтому необходимо бороться за установление равноправных взаимоотношений между культурами: «Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ» [3].

Следует учитывать, что подобный подход обусловлен исторически. Отказ от атеистической политики, проводимой в Советском Союзе, был проинтерпретирован РПЦ как возвращение к традиционным ценностям. Соответственно, основной акцент в ней делается на сохранение традиции и подчеркивание ее специфики.

На наш взгляд, применимость теории локальных цивилизаций к объяснению современного состояния белорусского общества, а также места Беларуси в мире имеет ограниченный характер. Дело в том, что в этой теории акцент делается на различии между культурами и на проблемах во взаимоотношениях между ними. А поскольку основу культуры видят в религии, то именно из различий в ней выводят причину разницы между культурами. Наше общество имеет поликонфессиональный характер, и его интерпретация при помощи теории локальных цивилизаций может привести к разделению по религиозному признаку.

На 1 января 2015 г. в Беларуси было зарегистрировано следующее число религиозных общин различных направлений:

Наименование конфессии	
Православная церковь	1643
Старообрядческая церковь	33
Римско-католическая церковь	491
Католики латинского обряда	1
Греко-католическая церковь	15
Реформатская церковь	1
Лютеранская церковь	27
Евангельские христиане баптисты	288
Иоганская церковь	1
Новоапостольская церковь	21
Пресвитерианская церковь	1
Христиане веры евангельской	522
Христиане полного Евангелия	59
Христиане веры апостольской	10
Церковь Христова	5
Мессианские общины	2
Адвентисты седьмого дня	73
Свидетели Иеговы	27
Мормоны	4
Иудейская религия	38
Прогрессивный иудаизм	14
Мусульманская религия	25
Бахаи	5
Кришнаиты	6
Армянская апостольская церковь	2
Всего	3314

Таким образом, мы видим, что в Беларуси существуют много религиозных направлений, и ни одно из них не является преобладающим. Беларусь всегда была поликонфессиональной, и для нее характерна религиозная толерантность. Поэтому нам следует исходить из необходимости налаживания диалога между представителями различных религиозных направлений, действующих на территории нашей страны.

В то же время актуальной для Беларуси остается проблема сохранения своей культурной специфики. В процессе глобализации, которая интенсивно разворачивается в современном мире, выделяются несколько направлений: экономическая, политическая и культурная. И если две первые – это объективная характеристика мировых процессов, и унификация в них имеет положительное значение, сближает страны, содействует их развитию и взаимопониманию между ними, то культурная глобализация, как показывает мировой опыт, должна сопровождаться усилиями по сохранению специфики того или иного народа.

Поэтому в области культуры акцент должен быть сделан на сохранении национальной специфики и уже на этой основе – налаживанию диалога с другими культурами.

Из тех же позиций исходит и Русская православная церковь. Патриарх Кирилл – «последовательный сторонник идеи «диалога цивилизаций», направленной на создание многополярного мира, в котором каждый народ и каждая религиозная традиция должны занять подобающее им место. Православная цивилизация должна участвовать в диалоге и с западной, и с исламской цивилизациями» [5, с. 396].

Мы можем выделить два аспекта межконфессионального диалога. Во-первых, внешний. Беларусь постепенно включается в мировые процессы, и эта тенденция в дальнейшем будет усиливаться. Поэтому сейчас для нас актуальна высказанная в 1934 г. А. Тойнби мысль: «в наш век главным в сознании общества является осмысление себя как части более широкого универсума, тогда как особенностью самосознания прошлого века было притязание считать себя, свое общество замкнутым универсумом» [9, с. 20].

Второй, внутренний аспект, является, на наш взгляд, гораздо более важным. Нам необходимо наладить религиозную жизнь внутри страны и создать пространство межрелигиозного диалога. При этом следует учитывать, что различие между религиями не всегда ведет к культурным противоречиям. Как пример приведем современную Германию. Протестанты составляют в ней 45 % населения, католики – 37 % [10, с. 44], однако это одна страна с одной культурой.

В заключение отметим, что всякая теория, является одной из возможных интерпретаций реальности. Она задает определенный ракурс видения проблемы и, соответственно, путей ее решения. Теория локальных цивилизаций – лишь один из способов объяснения многообразия мировой культуры.

Литература

1. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 574 с.
2. О свободе вести и религиозных организациях: Закон Республики Беларусь, 6 ноября 2002 г. // Нац.реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002 г. – № 123. – 2/886.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – 2011. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>. – Дата доступа : 31.03.2015.
4. Сила нации – в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилл / сост. А.В. Велько. – Минск : Белорусская Православная церковь, 2009. – 400 с.
5. Илларион (Алфеев) Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание / Архиепископ Волоколамский Илларион (Алфеев). – М. : Эксмо, 2009. – 560 с.
6. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл Норма веры как норма жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ng.ru/ideas/2000-02-16/8_norma.html. – Дата доступа : 31.03.2015.
7. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл Обстоятельства нового времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ng.ru/specfile/2000-12-15/14_obstoyatelstva.html. – Дата доступа : 31.03.2015.
8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
9. Тойнби, А.Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
10. Страны мира: современный справочник / Сост. : Т.В. Горячкина, И.Г. Ярич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Дом Славянской книги, 2010. – 639 с.

Концепция устойчивого развития в контексте историософии

Н.О. СИРОТКО

Начало XX в. ознаменовалось концепцией распада идеи единства человечества. Стало утверждаться, что существует множество не сводимых друг к другу сообществ человечества, которые называются цивилизациями или культурами. В данном понимании историософия стала ограничиваться исследованиями исторического процесса отдельных цивилизаций или отслеживать междцивилизационные закономерности исторического процесса. В конце XX в. наряду с существующими концепциями цивилизационного плюрализма (например, С. Хантингтона) появилось направление нового рассмотрения исторического процесса в отношении идеи общечеловеческого единства.

Ключевые слова: философия истории, прогресс, человечество, цивилизация, культура, устойчивое развитие.

The beginning of XX century was marked by the collapse of the concept of the unity of mankind. It was argued that there were many not reducible to each other communities of mankind, called civilizations or cultures. In this sense historiosophy became restricted to research the historical process of individual civilizations, or track patterns between civilizations of the historical process. At the end of the XX century along with the existing concept of civilizational pluralism (eg Samuel Huntington) the direction of new look of the historical process on the idea of human unity emerged.

Keywords: philosophy of history, progress, humanity, civilization, culture, sustainable development.

В эпоху Просвещения появилось и получило распространение концептуальное понятие цивилизации. Оно означало состояние освобождения людей от природы, уровень знаний о мире и моральное обоснование отношений между людьми, являлось критерием прогресса – материального и духовного развития человека. Цивилизация – это эффект многолетней прогрессивной деятельности человека по отношению к миру природы и миру социальному.

Принимая неравномерность развития разных человеческих сообществ, эпоха Просвещения предполагала, что существует единая дорога цивилизационного прогресса для всего человечества. Основанием для этого был еще картезианский тезис о единой рациональности рода человеческого и основанная на нем идея общечеловеческого единства.

В данном контексте важное место занимает понимание субъекта исторического процесса, сформулированное Кондорсе. В его понимании самым общим субъектом исторического процесса является общечеловеческая цивилизация, которая постепенно в историческом развитии совершенствуется в отношении технического овладения природой. Данное совершенствование рода человеческого получило название прогресса – направленного развития, о степени продвижения которого свидетельствует критерий аккумулированного человечеством, находящегося на данном этапе развития, знания о мире. Во введении к известному произведению «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе формулирует цель своего исследования, которое должно показать «путем рассуждения и фактами, что не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей; что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеют своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой» [1, с. 36]. В данном контексте Кондорсе пишет, что в исторической перспективе «народы, которые, то достигая новых успехов, то вновь погружаясь в невежество, то оставаясь на середине этих двух альтернатив, то исчезая с лица земли под мечом завоевателей, смешиваясь с победителями или попадая в рабство, то, наконец, просвещаясь под влиянием более культурного народа и передавая приобретенные знания другим нациям, – образуют неразрывную цепь между началом исторического периода и веком, в котором мы живем» [1, с. 40]. По мнению Кондорсе, исключительно человечество в целом является создателем и потребителем знания, именно человечество является главным предметом всякой историософской рефлексии.

Парадигма цивилизационного прогресса, разработанная Кондорсе, значительно дополнена немецкой классической философией, которая присоединила к идее познавательного прогресса моральную оценку. Этот процесс особенно заметен в мысли Канта и Фихте. Таким образом, был определен субъект исторического процесса. Им являлось все человечество, независимо от степени цивилизационного развития.

С конца XIX и в начале XX вв. происходит подрыв исторического оптимизма с его идеей прогресса во главе. В результате был подвергнут пересмотру целый ряд прогрессистских тезисов: однонаправленность и длительность исторического процесса и, прежде всего, идея человечества как единственного субъекта исторического развития. В данный период появились концепции, акцентирующие иррациональность человеческих поступков (Дильтей, Ницше, Бергсон), тем самым подрывающие значение линейности развития, сводящие познание к культурным и историческим детерминантам (Вебер, Мангейм). В целом данные концепции мирились непосредственно с идеей исторического прогресса. Таким образом, было ликвидировано понимание цивилизации как единой социальной общности, развивающейся от рождения человека до состояния всеобщего совершенства.

Начиная с первых десятилетий прошлого века убеждение о несводимости отдельных человеческих общностей в одну общечеловеческую цивилизацию стало повсеместно признанным. Доминирующей стала уверенность в существовании в исторической перспективе множества цивилизаций. В данном понимании каждая из цивилизаций развивается по собственной исторической схеме. Истоки другого мировосприятия общественного человека можно найти еще в XIX в. в теории культурно-исторических типов Данилевского. К наиболее известным теориям в данной сфере следует отнести «морфологию мировой истории» О. Шпенглера, постижение истории А. Тойнби, а также концепцию цивилизационного распада человечества С. Хантингтона.

Для Шпенглера, создавшего «морфологию мировой истории», основным субъектом истории является культура. Под ней автор подразумевает автономную общественную целостность, являющуюся выражением души определенной группы человечества. Результат такого понимания – плюралистический образ социальной реальности как спектакля множества мощных культур, чеканящих на своем материале – человечестве – собственную форму и имеющих каждая собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, волнение, чувствование, собственную смерть [2]. На этом основании автор «Заката Европы» пишет о «мире как истории», что речь идет не о том, чем являются отдельные исторические факты сами по себе, а что означают, о чем говорят они своим появлением.

В этих рассуждениях исчезает понятие «человечества», оно становится лишь ипостасью. В этом смысле Шпенглер пишет, что человечество не существует исторически, подразумевая здесь существование в истории лишь отдельных человеческих общностей – культур, или цивилизаций. Цивилизации (культуры) трактуются как автономные социальные общности, неподдающиеся проникновению идей и создающие в сознании членов каждой цивилизации систему идей и ценностей, абсолютно не понятную для представителей других культур [2, с. 18].

В деле цивилизационного плюрализма аналогичную позицию занимает А. Тойнби, утверждающий в «Постижении истории», что всемирную историю можно понять лишь при помощи категории цивилизации. Говоря о цивилизации, автор имеет в виду наименьшую единицу исторических исследований, добираясь до которой, он пытается понять историю собственной страны [3, с. 24]. Таким образом, цивилизация является главным субъектом истории и все без исключения исторические исследования должны на нее опираться. Одновременно Тойнби представляет антинатуралистические, антишпенглеровские убеждения по отношению к цивилизации. Он считает, что история отдельных цивилизаций несопоставима с другими, что в каждом отдельном случае история цивилизации неповторима [3, с. 24].

Известным современным сторонником концепции множества цивилизаций является С. Хантингтон. Он утверждает, что «человеческая история – это история цивилизаций» [4, с. 46]. В данном понимании цивилизация трактуется как наибольшая единица человеческой истории, как широчайшая культурная общность. Она представляет собой наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации. Поэтому, проводя исто-

рические, социологические или политологические исследования, следует постоянно иметь перед глазами определенную цивилизацию. «Цивилизации хотя и смертны, но живут они очень долго; они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций. ... Жизнь цивилизации является самой долгой историей из всех» [4, с. 52].

В последние десятилетия прошлого века философы подошли к идее, что парадигмы цивилизационного плюрализма недостаточно для понимания событий окружающего мира. Стали очевидны в полной степени явления, которые поставили под знак вопроса современную проблему выживания не столько отдельных цивилизаций, сколько всего рода человеческого. Перенаселение, сокращение природных ресурсов, экологические угрозы, опасность ядерного конфликта, структурная безработица стали важнейшими симптомами новой, кризисной социально-экономико-политической ситуации. Выражением такой опции стали алармистские доклады Римского Клуба. Одновременно, с другой стороны, эти явления высветили новое качество современного мира – начала глобализованной постиндустриальной цивилизации, составными элементами которой являются народы, государства или культуры. Утверждалось, что человечество находится в фазе перехода в новый период своей истории. Элвин Тоффлер в «Третьей волне» отмечает: «то, что происходит сегодня, – это глобальная революция, дискретный прыжок с точки зрения истории» [5, с. 37].

Первоначально, в 70–80-х гг. прошлого века идею устойчивого развития связывали с повсеместно осознаваемым экологическим кризисом как результатом чрезмерного использования окружающей среды индустриальной экономикой. Начиная с Саммита Земли в Рио-де-Жанейро (1992), идея устойчивого развития начала охватывать систему общественной жизни, становилась проектом общечеловеческой программы развития. Выразительно свидетельствует об этом пункт 1 преамбулы Декларации Рио, что именно «человек находится в центре интересов в процессе устойчивого развития» [6]. Также речь об этом идет в одной из первых статей принятой десятью годами позже Йоханнесбургской Декларации: «Принимая во внимание, что перед человечеством назрела необходимость выбора дороги, совместно заявляем, что примем решительные усилия, чтобы позитивно отреагировать на необходимость выработки четкого практического плана развития людей» [7]. План предусматривал смену прежнего направления развития человечества, угрожающего выживанию если не настоящего, то следующих поколений. Предложенным выходом стала философия устойчивого развития, то есть программа всестороннего образа человеческого будущего, основанная на социально-экономическом развитии. Этот проект был задуман в двух направлениях: как немедленное противодействие угрозам человеческого существования на Земле, а также как перспектива новой глобальной стратегии развития человека.

В обоих случаях основным элементом данных действий не должны быть государства или отдельные цивилизации, а целостно понимаемое человечество. «Обращаясь к нашему наследию, мы действуем для будущего, – гласит призыв Йоханнесбургской Декларации, – обязуемся, что будем действовать вместе, так как нас объединяет совместно принятое решение сохранения нашей планеты, способствовать развитию человечества и достигнуть успеха и мира» [7]. Данный фрагмент выразительно отсылает нас к категории всего человечества, объединенного беспокойством о качестве современной жизни и совместно создаваемом будущем; одновременно оно является основным субъектом исторического развития. Таким образом, концепция устойчивого развития отвергает парадигму цивилизационного плюрализма. Различение человечества по цивилизациям в исторической перспективе перестает иметь значение.

В понимании философии устойчивого развития история, имеющая кризисный характер (очевидный в последние годы), в целом рассматривается в категориях общечеловеческого прогресса, в чем проявляется сходство с концепциями эпохи Просвещения. Философия устойчивого развития критически оценивает предшествующее направление исторического развития человечества, не только с позиций отмеченного познавательного и технологического прогресса, но и с позиций радикального противопоставления общества миру природы. Особенное значение в данном процессе имел конец XX в. В этот период перед лицом угроз для дальнейшего существования человечество было подвергнуто пересмотру действующее направление развития цивилизации и сформированы инструменты, позволяющие избежать ее возможного раз-

рушения. Результатом этого является концепция устойчивого развития, представляющая собой свод принципов, создающих новую проэкологическую «устойчивую цивилизацию».

Принятие человечества в качестве главного субъекта исторического процесса посредством идеи устойчивого развития не означает простой адаптации концепции эпохи Просвещения. Верно, что оба конструкта основаны на постулатах о рациональности человека и его творческой активности, но по-разному воспринимают их охват.

В прогрессе эпохи Просвещения человеческий разум означал степень овладения и эксплуатации природы. Технические возможности, в наибольшей мере использующие природные ресурсы, свидетельствовали об уровне цивилизационного развития. Они определяли также цель развития человеческого сообщества – достижение уровня индустриального общества, максимально пользующегося окружающей средой и полностью удовлетворяющего все потребности людей.

На основании философии устойчивого развития рациональность человека проявляется в восприятии общества в коэкзистенции с природным миром, в осознании того, что расточительное использование природных богатств негативно отражается на качестве жизни человека. В цивилизационном развитии следует принимать во внимание человеческие нужды и ценности, а также возможности их удовлетворения и реализации при минимальном давлении на окружающую среду. Идея устойчивого развития в этом смысле определяется экологическим отношением, которое дополняется социальными принципами (например, борьба с бедностью, справедливое распределение доходов, пацифизм), которые свидетельствуют о ее аксиологическом измерении.

Таким образом, историософия устойчивого развития имеет оптимистический характер. Совместными усилиями возможно достичь распространения повсеместно экологического сознания как дороги спасения общечеловеческой цивилизации. В данном понимании философия истории, следующая из идеи устойчивого развития, находится в оппозиции к другим современным направлениям историософии. В частности, в отношении концепции С. Хантингтона, представляющего совсем иное видение современного мира, состоящего из множества враждебных цивилизаций. Также и к перспективе «конца истории» Ф. Фукуямы, в соответствии с которой процесс исторического развития человечества уже закончен. Для историософии, существующей в концепции устойчивого развития, лишь сейчас открывается начало новой триумфальной эпохи единого человечества.

Литература

1. Кондорсе, Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсе ; пер. И.А. Шапиро. – 3-е рус. изд. под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова ; Гос. публ. ист. б-ка России. – Москва : ГПИБ России, 2010. – 230 с.
2. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер ; пер. с нем. – Минск : Харвест; Москва; Назрань : АСТ, 2000. – 1373 с.
3. Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории : сборник / А.Дж. Тойнби ; пер. с англ. – Москва : Прогресс. Культура ; СПб. : Ювента, 1996. – 478 с.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – Москва : АСТ, 2003. – 603 с.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. – Москва : АСТ, 2004. – 781 с.
6. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml. – Дата доступа : 18.11.2014.
7. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2002. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml. – Дата доступа : 21.10.2014.

УДК 316.7:32:005.591.6

Политическая культура современного общества и инновационное развитие

В.К. СТЕПАНИЮК

Исследуется инновационное развитие социально-политической сферы. Обращается внимание на то, что инновационное развитие и модернизация общества невозможны без совокупности специально подготовленных политических решений, облеченных в форму закона. Анализируются направления современной инновационной политики. Формирование новой политической культуры рассматривается в качестве приоритетной задачи государств, стремящихся реализовать инновационный проект.

Ключевые слова: инновационное развитие, нелинейная среда, политическая культура, политический процесс, синергетическая парадигма, социальная система.

The innovative development of socio-political sphere is investigated. The innovative development and modernization of society is impossible without a set of specially developed political decisions in the form of law. The trends of modern innovation policy are analyzed as well. Formation of a new political culture is seen as a priority goal for states seeking to implement innovative projects.

Keywords: innovative development, nonlinear medium, political culture, political process, synergistic paradigm, social system.

В начале XXI в. формирование стратегии развития различных стран мира исходит из их геополитических и геоэкономических интересов, которые состоят в обеспечении национальной безопасности, функционировании и создании условий для выхода экономик стран из глобального финансово-экономического кризиса, подъема на новый уровень, а также повышения международного престижа страны.

Одним из возможных путей преодоления современного кризиса сегодня рассматривается инновационное развитие общества. В большинстве работ, посвященных инновационному развитию, акцент делается на инновации в сфере бизнеса и экономики, а социально-политическая сфера рассматривается лишь с позиции создания и реализации программ поддержки и продвижения этих инноваций. Однако в последнее время все чаще высказывается точка зрения, согласно которой без реальных институциональных изменений общественно-политической сферы окажутся неудачными и усилия по развитию и продвижению инноваций в научно-технической сфере, в сфере бизнеса и т. д. Поэтому развитие инноваций в социально-политической сфере, под которыми следует понимать, прежде всего, грамотные и хорошо подготовленные реформы, необходимо как для создания благоприятных условий для развития инноваций в бизнесе, так и для развития самого государства и гражданского общества.

Чтобы провести общество или его отдельные подсистемы и институты между такими онтологическими константами, как «устойчивость» и «изменчивость», «целостность» и «раздробленность», «порядок» и «хаос», «преемственность» и «обновление», крайне важно соблюсти должную меру социальных преобразований. В поисках меры инновационных изменений целесообразно идти от оценок и ожиданий людей.

Успех и даже сама возможность инновации во многом определяются состоянием и особенностями общества, прежде всего – его культурой, и в особенности – культурой политической, свойственными ей институтами, процессами и механизмами политической жизни.

Успешное развитие современного общества предполагает не только формирование устойчивых социальных институтов гражданского общества, государства, но и обеспечение эффективных процессов, процедур их деятельности. Это выводит на первый план проблему культурных ресурсов и барьеров, соответственно способствующих или препятствующих инновационному развитию. С другой стороны, сам процесс инновационного развития, возникновения, распространения и укоренения инноваций также требует серьезного анализа и осмысления.

Общество есть живая динамическая система, поддерживающая свое существование внебиологическими средствами, то есть механизмами культуры. Система может быть функциональной, если наличествует совокупность взаимосвязанных элементов, придающая ей качественную определенность. Как бы ни модифицировался социальный организм, но постоянными спутниками всемирной истории остаются организация, управление и власть. В них выражается топология социальной жизни.

Организация есть такая совокупность явлений, в которой свойства последних проявляются последовательно как функции сохранения и развития этой совокупности. Организация отражает такой всеобщий аспект бытия как упорядоченность, поскольку для нормального функционирования системы требуется хотя бы минимум порядка. Тем более это значимо для социальной реальности.

Средством же организации системы, то есть преодоления в ней энтропийных процессов, является управление. Общество является самоорганизующейся и самоуправляемой системой. Управление есть процесс направленных изменений взаимодействующих элементов системы путем передачи содержательной информации по каналам связи, благодаря чему поддерживается и усиливается функциональный характер свойств этих элементов. Как особый вид поведения, управление неразрывно связано с существованием общества, являясь его атрибутивным свойством. Управленческая деятельность есть информационно направленная активность в целях самоподдержания или даже повышения уровня организации общества. Одним из инструментов управления социальными процессами является власть. Посредством власти в обществе устанавливаются и воспроизводятся политические отношения.

В единстве этих трех составляющих – организации, управления, власти – возможно нормальное функционирование социальной системы. И любая ломка социума, будь то революция или радикальная реформа, лишь видоизменяет характер организации, управления и власти, но не может их отменить. В такие периоды кажется, что наступил хаос.

Однако, с позиции синергетики развитие идет именно через неустойчивость. Ряд ученых склоняются к тому, что сегодня должна быть востребована синергетическая парадигма государственного управления. В рамках синергетического подхода предлагаются новые представления о закономерностях возникновения и развития инноваций. По мнению А.Ю. Сунгурова, синергетика – это прежде всего инструмент для понимания процессов в нелинейных средах, к которым относятся и социум, и политическая сфера. «Востребованная обществом инновация всегда связана с взаимодействием процессов в социальной, политической и иных средах, а потому тесно связана и с понятием интерфейса, реализующим переход «элементов новой реальности» между средами... интерфейс порождает качественно новые свойства или эффекты, отличные от свойств ассоциированных с ним поверхностей» [1, с. 15].

Один из важных выводов современной синергетики – это тесная взаимозависимость системы и окружающей ее среды. Система определяется средой и одновременно создает свою среду, которая оказывает обратное влияние на систему. Устойчивость системы определяется неспособностью к управлению путем принуждения всех ее элементов функционировать в заранее заданном режиме. Такой способ управления эффективен лишь в экстремальных ситуациях и может обеспечить устойчивость системы ценой значительных издержек, негативно сказывающихся на возможности саморазвития. Рано или поздно наступает предел внешнему принуждению, за которым искусственная устойчивость системы нарушается, приводя к хаосу, дисфункциональности ее элементов, дезинтеграции.

Уровень стабильности общества можно проанализировать при помощи определенных предельно-критических показателей его развития, выстраивая их в систему. Правильное установление количественных и качественных характеристик этих показателей позволяет выработать методику, с помощью которой можно предотвращать переход общества к нестабильным состояниям. Успешное развитие социальной системы предполагает наличие ряда эффективно работающих взаимосвязанных подсистем. В качестве основных структурообразующих подсистем чаще всего выделяются экономическое развитие, политическое управление и интеллектуальное обеспечение. Каждая из подсистем имеет жизненно важные элементы, выход которых из режима нормального функционирования может привести их в состоя-

ние повышенной неустойчивости, слабой предсказуемости и управляемости. Любая социальная система имеет по каждому жизненно важному параметру свою энтропическую границу, переход за которую обозначает гибель рассматриваемой системы как единого целого. Приближение показателей развития основных подсистем к предельно-критическим величинам означает, что общество находится в состоянии кризиса и для сохранения системы необходимы реформы. «Происходящие в больших социальных системах изменения многообразны, контролировать все переменные этих процессов невозможно. Поэтому отслеживаются предельно-критические величины основных показателей развития общества. Предельно-критические величины свидетельствуют о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций» [2, с. 35].

В условиях возрастающей неопределенности общество стремится найти опору в сфере науки или по крайней мере обосновать с ее помощью выбор того или иного конкретного пути развития. Как утверждает В.Г. Горохов, именно политика должна воплощать нормативные идеи, но при этом она должна быть связана с научными основаниями. Наука берет на себя сегодня то, что делала ранее политика, а современная политика, например, в области проблем климата, вообще не может без науки даже сформулировать свои проблемы. Таким образом, наука становится сегодня средством и одновременно важным компонентом современной политики.

«Современное общество и развитые государства не могут существовать без нововведений, поэтому инновационная политика становится одной из важнейших составных частей научно-технической и социально-экономической политики. На этом пути общество подстерегают многочисленные опасности. Как известно, новое – это хорошо забытое старое. Однако отрыв от прошлого, стремление к обновлению становится нормой жизни и создает иллюзию ускоряющегося прогресса. Эта иллюзия, однако, рушится под воздействием сопутствующих всяким инновациям не только позитивных, но и негативных последствий, которые часто невозможно предусмотреть или минимизировать. Но современное общество вынуждено стимулировать нововведения, а государственная инновационная политика принимать решения о поддержке или не поддержке конкретных инновационных проектов в условиях полной или частичной неопределенности и отсутствия или недостатка знаний о неизбежно сопутствующих им негативных последствиях. Поэтому соответствующие правительственные органы экономически развитых стран вынуждены выдавать задания на научные исследования, которые смогли бы хотя бы в общих чертах прояснить возникающие проблемы. Эти исследования последствий научно-технического развития носят особый характер, служат определенным, заранее сформулированным, целям и имеют нестандартную структуру и особенности функционирования» [3, с. 83].

Каждый этап общественного развития формирует структуру и способы обеспечения стабильности властных институтов, механизмы их реагирования на трансформации в социокультурной сфере общества. При этом каждая политическая система стремится не только сохранить свою целостность и системные признаки, но и направлена на создание условий, определяющих динамичность ее развития. В обществе, переживающем системные трансформации, происходят качественные преобразования базовых институтов, неизбежными последствиями которых выступают изменения в социальной и культурной сферах.

Анализируя динамику политических процессов переходного периода, российский исследователь С.В. Володенков выделяет следующие моменты:

- во-первых, переходные процессы – это естественное, закономерное явление общественной жизни, отражающее процесс развития;
- во-вторых, переходные процессы связаны не только и не столько с линейным, плавным ростом, соседством старого и нового, с постепенным вытеснением изначальных характеристик по мере набора нового качества, сколько с отрицанием сложившихся ранее структур и связей, количественных параметров и элементов системы, выражающемся в потере устойчивости;
- в-третьих, потеря системной устойчивости в условиях переходного периода всегда сопровождается снижением степени управляемости;

– в-четвертых, любая социальная система, будучи открытой, нелинейной и неравновесной, при своем развитии проходит переходные этапы нестабильности, и успешный опыт применения тех или иных подходов к становлению новой системы общественных отношений не может гарантировать устойчивое функционирование такой общественно-политической системы в дальнейшем;

– в-пятых, степень равновесия в общественно-политических системах определяется темпами и направленностью перемен (при невысоких темпах и синхронности изменений равновесие внутри системы остается прочным, и, напротив, быстрая несинхронная модификация элементов при разнонаправленности происходящих в них процессов может сделать нестабильность системы перманентной) [4, с. 36–38].

Таким образом, реализация инноваций в политической сфере в целом и формирование новых политических институтов, в частности, сопряжены с неравномерной циклической динамикой общественного развития. Разрыв между институциональной и социокультурной составляющими политической трансформации, обусловленный доминированием неформальных отношений над формальными регуляторами, задает параметры инновационно-реформаторского потенциала общества. Готовность населения принять политические нововведения зависит поэтому от соизмеримости средовых и процедурных факторов политической трансформации. При этом состояние среды политического реформирования является критерием формирования и функционирования новых политических институтов.

По мнению Г.Л. Тульчинского, ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода.

Стремление к безопасности лежит в основе образования любой общности. За этим стремлением стоят угрозы физическому существованию, страх перед неопределенностью окружающего мира. Это значение безопасности достаточно часто и широко используется в политике. Речь идет не только о необходимости обеспечения внешней и внутренней безопасности – от военной и экономической до информационной и продовольственной. Консолидация общества реализуется легче перед лицом реальной или выдуманной опасности, чем на позитивной, конструктивной основе.

Однако как только образуется некая общность, сразу же возникает еще одно стремление, связанное с проблемами признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, а вместе с ними и конфликты. Разрешение этих конфликтов, проблем связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза – справедливости. Стремление к справедливости порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы и формы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций. Общество, основанное на воспроизводстве традиции, может обходиться реализацией безопасности и справедливости. Но если общество заинтересовано в развитии и творчестве, оно принимает еще одну базовую ценность – свободу, связанную с возможностями самореализации.

Существование и развитие конкретного социума осуществляются в пространстве, задаваемом на ценностной и институциональной основах, реализуя конкретный, специфический баланс соответствующих векторов. Ценностные установки формируют реализующие их институты – неформальные и формальные. К первым относятся обычаи, традиции, собственно и образующие культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Неформальные институты образуют основу формализованных представлений о справедливости, которые выражаются в праве. Наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство. Институты реализуют не только представления о нормах, правилах, но и социальный контроль за их осуществлением, санкции по отношению к нарушениям и нарушителям.

Культура обеспечивает идентичность, формирование доверия, возникающего между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Однако относительно развитому социуму, особенно состоящему из представителей разных этносов, конфессий, спланивающего доверия недостаточно. Необходимо доверие институциональное. Главная задача права и государства состоит именно в задании такой общей для носителей разной культурной идентичности институциональной рамки, общих для всех пра-

вил жизни. Они задают гражданское самосознание, идентичность «Мы», преимущество рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность, консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании [5, с. 64–83].

Заявка на реализацию инновационного проекта является, прежде всего, политическим выбором руководства тех стран, которые стремятся принять реальное участие в международной конкуренции, стать региональным или глобальным лидером. Долгое время считалось, что монополией на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь те страны, которые придерживаются либерально-демократического курса в политике и рыночных приоритетов в экономике. При этом признавалась только линейная версия исторического прогресса, базирующегося, прежде всего, на идеях передового политического, технологического, экономического развития. Соответственно все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо считались «вторичными», либо отвергались в принципе. Поэтому за «незападными» странами и народами признавалось лишь право на догоняющее развитие.

Однако глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. поставил под сомнение и универсальность либеральных рыночных основ современного Запада, и базовые принципы капитализма (такие, как свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр.). Свои инновационные практики предлагают страны «третьего мира». Характерным примером является Китай, который, совершив инновационный рывок в конце XX в., в настоящий момент по военно-политической и экономической мощи уже опередил Евросоюз. Для некоторых стран инновационная модернизация становится ныне залогом выживания и успеха в региональной конкурентной среде. Например, это относится к Южной Корее и Сингапуру.

В этих условиях белорусское государство настойчиво ищет свое место в глобализирующемся мире. Республика Беларусь, став суверенным государством, разработав стратегию устойчивого развития, провозгласив многовекторность внешней политики, по мнению многих авторов, имеет большой интеллектуальный потенциал. В Беларуси формируется гражданское общество. Основную роль в этом процессе играет государство, поскольку именно оно определяет политику защиты национальных интересов, решает вопросы гарантии прав граждан, разрабатывает программу по развитию в стране инновационной экономики.

Литература

1. Сунгуров, А.Ю. Инновации в социуме и политике / А.Ю. Сунгуров // Философские науки. – 2013. – № 3. – С. 5–20.
2. Васильева, И.Л. Применение метатеоретических принципов в проективном исследовании общества / И.Л. Васильева // Системная трансформация общества: инновации и традиции. Сборник научных трудов. – 2012. – Выпуск 9. – С. 34–38.
3. Горохов, В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика / В.Г. Горохов // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 80–96.
4. Володенков, С.В. Модели динамики политических процессов в условиях переходного периода / С.В. Володенков // Вестник Московского Университета. – 1999. – № 6. Сер. 12. Политические науки. – С. 36–38.
5. Тульчинский, Г.Л. Медиация как социокультурная категория / Г.Л. Тульчинский // Философские науки. – 2014. – № 3. – С. 64–83.

Технический редактор: *И.В. Близнец*. Корректоры: *Д.Д. Павловец, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 01.07.2015. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 100 экз. Заказ № 474
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.